

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ



JOURNAL OF ANCIENT HISTORY



2 (257)

Апрель–Май–Июнь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН в 1937 г.

Редакционный совет

член-корр. РАН *М.Б. Пиотровский* (председатель),
акад. АН Азербайджана *И.Г. Алиев*,
д.и.н. *В.К. Афанасьева*, д.и.н. *А.О. Большаков*, д. филол. н. *А.К. Гаврилов*,
акад. РАН *Т.В. Гамкрелидзе*, д.и.н. *А.А. Губаев*, акад. РАН *В.В. Иванов*,
член-корр. РАН *Н.Н. Казанский*, д.и.н. *В.И. Кузицин* (зам. председателя),
член-корр. НАН Украины *С.Д. Крыжицкий*,
д. филол. н. *В.А. Лившиц*, акад. АН Таджикистана *Б.А. Литвинский*,
д.и.н. *И.Л. Маяк*, д.и.н. *Н.Я. Мерперт*,
акад. РАН *В.И. Молодин*, член-корр. РАН *Р.М. Мунчаев*,
акад. АН Узбекистана *Г.А. Пугаченкова*, д. филол. н. *А.А. Россиус*,
д.и.н. *И.С. Свенцицкая*,
акад. РАН *И.М. Стеблин-Каменский*, д.и.н. *И.С. Чичуров*

Редакционная коллегия

Г.М. Бонгард-Левин (главный редактор)

А.Ю. Алексеев, *Е.В. Антонова*, *Д.Е. Афиногенов*, *Л.С. Баюн*, *А.А. Вигасин*,
В.А. Головина (зам. главного редактора),
М.А. Дандамаев (зам. главного редактора), *М.М. Дандамаева*, *А.И. Иванчик*,
С.Г. Карпюк (зам. главного редактора), *Г.А. Кошеленко*,
В.И. Кузицин, *Ю.Н. Литвиненко* (зам. главного редактора), *Е.В. Ляпустина*,
Л.П. Маринович, *А.И. Павловская*, *А.В. Подосинов*,
С.Ю. Сапрыкин (ответственный секретарь), *А.В. Седов*, *А.Л. Смышляев*,
М.К. Трофимова, *В.И. Уколова*, *Н.А. Фролова*, *Э.Д. Фролов*, *Г.П. Чистяков*
Заведующая редакцией *И.К. Малькова*

Editorial Board

G. Bongard-Levin (Editor-in-Chief),

D. Afinogenov, *A. Alekseev*, *Ye. Antonova*, *L. Bayun*, *G. Chistyakov*, *M. Dandamayev*,
M. Dandamayeva, *N. Frolova*, *E. Frolov*, *V. Golovina*, *A. Ivantchik*, *S. Karpyuk*,
G. Koshelenko, *V. Kuzishchin*, *Ye. Lyapustina*, *Yu. Litvinenko*, *L. Marinovich*,
A. Pavlovskaya, *A. Podosinov*, *S. Saprykin*, *A. Sedov*, *A. Smyshlyaev*, *M. Trofimova*,
V. Ukolova, *A. Vigin*

Head of the Editorial Office *I. Malkova*

Т. В. Корниенко

КУЛЬТОВОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО ЮЖНОЙ МЕСОПОТАМИИ В УБЕЙДСКИЙ ПЕРИОД

(По материалам Эреду и Урук)

Убейдская культура (далее убейд) предшествует началу собственно шумерской цивилизации, становлению древнейших городов и государственных образований Месопотамии. Базовые элементы шумерской цивилизации, судя по разным категориям материальных свидетельств, формировались уже в рамках убейдской традиции. Поэтому ту эпоху иногда называют «протошумерской». В отличие от всех предшествовавших культур Двуречья убейд охватил всю территорию Месопотамии, распространяясь первоначально из южных областей (между Эреду и Уруком) на север.

Хронологические и региональные различия убейда продолжают сейчас уточняться. Но основными источниками по данной проблематике остаются материалы давних раскопок Эреду на юге и Тепе-Гавры на севере Месопотамии. Для выделения этапов рассматриваемой культуры широко признанной является схема из четырех фаз, подробно разработанная Дж. Отс, взявшей за основу стратиграфическую последовательность убейдских слоев Эреду:

I. *Убейд 1 / Эреду* – уровни XIX–XV – конец VI тысячелетия до н.э.

II. *Убейд 2 / Хаджи-Мухаммед* – уровни XIV–XII – начало V тысячелетия до н.э.

III. *Убейд 3 / убейд* – уровни XII–VIII – середина V тысячелетия до н.э.

IV. *Убейд 4 / поздний убейд* – Уровни VII–VI – конец V – первая половина IV тысячелетия до н.э. (?) (для севера – IV тысячелетие до н.э.).

«Классический убейд», по-видимому, сформировался к последней трети V тысячелетия до н.э. на основе культурных традиций первых поселенцев Южного Двуречья (памятники типа Эреду – Хаджи-Мухаммед) с привнесением из северных областей технологии выращивания злаковых и некоторых других новшеств¹. В дальнейшем наблюдается численный рост и экспансия носителей убейдской культуры в северном направлении, что в целом оказало сильное влияние на развитие северной области региона, в частности привело к исчезновению халафской культуры.

Таким образом, впервые в месопотамской истории на севере и на юге Двуречья распространяется единая культурная традиция. И если в предшествующие эпохи центр культурного развития находился в северных районах Месопотамии и в прилегающих к ним горных и предгорных территориях (Загрос, Синджар), то теперь историческая ситуация меняется. С начала IV тысячелетия до н.э. тон все больше задают южные области, где сначала убейдская, а потом урукская

¹ Oates J. Ur and Eridu, the Prehistory // Iraq. 1960. XXII. P. 32–50; Oates D. and J. The Rise of Civilization. Oxf., 1976. P. 122.

культуры определяют наиболее прогрессивные и яркие направления развития общества.

Весьма остро в настоящее время проявляется тенденция неоднозначного подхода к вопросам, связанным с изучением ранних этапов развития культовой архитектуры Двуречья. Так, отдельные представители французской школы во многом отвергают устоявшиеся в данной области исследования выводы, предлагая новый взгляд на прочтение известных памятников. В частности, О. Оранш, приводя ряд доводов, склонен отрицать значение «протохрамов» для казалось бы признанных таковыми построек Эреду в слоях XVII–XV (период убейд 1–2)². Более того, он призывает всех археологов Ближнего Востока в целях осторожности и достоверности при рассмотрении архитектуры убейдского и урукского времени использовать термин «престижное строение», не предусматривающий точного определения функций особых сооружений, пока новые открытия не прояснят картины. Признавая, что в ту эпоху действительно существовали здания, отчетливо выделяющиеся из общего поселенческого контекста, ученый говорит об их вероятной полифункциональности и считает, что «престижные строения» явились непосредственными предшественниками как дворцов, так и храмов Двуречья. Исходя из несомненной важности и слабой изученности проблемы, О. Оранш выступает с призывом к своим коллегам – археологам-ближневосточникам – обратить особое внимание на рассмотрение вопросов «предыстории» дворцово-храмового строительства в древней Месопотамии³.

Другой французский исследователь, Ж.-Д. Форэ, считает, что храмы возникают только в сложных обществах Двуречья на стадиях Урук и Раннединастической, полагая при этом, что большинство месопотамских сооружений указанного периода, рассматриваемых обычно как храмы (в том числе в Уруке и в районе Диялы), таковыми не являлись по причине своих больших размеров. По его мнению, основанному лишь на теоретических рассуждениях, храм должен был представлять в ту эпоху здание средних размеров, изолированное от остальной части города и недоступное для широких масс⁴.

В изучении убейдского этапа, на наш взгляд, весьма важным является то, что на материалах этой культуры можно проследить истоки многих последующих достижений шумерской цивилизации. В частности, большинством специалистов отмечалось, что остатки храмовой архитектуры, исследованные на нескольких многослойных памятниках Двуречья, свидетельствуют о непрерывном развитии

² *Aurenche O.* A l'origine du temple et du palais dans les civilisations de la Mésopotamie ancienne // *Ktema: Civilisations de l'Orient, de Grèce et de Rome Antiques*. Strasbourg, 1982. 7. P. 239, 247.

³ *Ibid.* P. 253–257.

⁴ *Forest J.D.* Les premiers temples de Mésopotamie (4e et 3e millénaires). Oxf., 1999. P. 1–3. Между тем получившие в последнее время широкую известность исследования памятников докерамического неолита на территории Северной Сирии, и особенно в Юго-Восточной Турции, дают весьма выразительные сведения о функционировании уже в тот период общественных зданий специально культового назначения. Эти постройки по многим своим характеристикам выдерживают известные критерии выявления храмовых сооружений. Прослеживаются истоки и соответствующие этапы в формировании общих принципов возведения подобных строений на ранненеолитических поселениях PPNA и PPNB времени в Северной Месопотамии. Подробнее см. *Корниенко Т.В.* «Храмы» Северной Месопотамии в эпоху докерамического неолита // ВДИ. 2002. № 2; *она же.* Символическое оформление построек и сооружения общественного назначения раннего докерамического неолита (эпоха PPNA) Северной Месопотамии // ВДИ. 2004. № 2.

одной и той же религиозной традиции с убейдского периода вплоть до шумерских времен⁵.

Наиболее выразительные свидетельства, отражающие такую преемственность, представлены уникальной последовательностью слоев Эреду (телль Абу-Шахрайн) – города-символа начала шумерской истории. Девятнадцать слоев сго, ступень за ступенью, отражают развитие «нуклеарной» области убейдской, а позже и шумерской культуры начиная с VI тысячелетия до н.э. Комплекс этих археологических материалов опубликован в специальной монографии⁶ и при сопоставлении с имеющимися данными других памятников Двуречья предоставляет редкостную возможность непосредственно проследить эволюцию строительства общественных культовых зданий древней Месопотамии от раннеубейдской эпохи до шумерского времени.

Цель настоящей работы – подробно рассмотреть доступные свидетельства неординарного строительства древнейших южномесопотамских центров убейдской культуры – Эреду и Урука, несомненно, оказавших значительное влияние на складывание общеубейдской, а позже и шумерской традиции возведения культовых сооружений. Этот анализ позволит уточнить вопрос о первоначальной функциональной принадлежности данных конструкций, выявить общие и особенные черты в оформлении неординарных строений Эреду и Урука убейдского времени, проследить ранние этапы складывания традиции сакрального строительства в предшумерскую эпоху.

Итак, раскопки городища Абу-Шахрайн были начаты в 1947 г. Ф. Сафаром и С. Ллойдом по заданию Иракского департамента древностей. Из сообщений клинописных текстов известно, что Эреду являлся одним из наиболее почитаемых и священных городов Месопотамии. Сами шумеры считали его древнейшим своим поселением. Здесь находилась земная резиденция бога Энки – повелителя несущих плодородие пресных вод, одного из главных божеств шумерского пантеона.

В настоящее время Эреду представляет собой хаотическое скопление низких искусственных холмов и песчаных дюн. В западной части телля (квадрат F-6/7) возвышаются остатки величественного зиккурата – ступенчатой башни из сырцового кирпича, сооруженной, как указывают кирпичи с клинописными посвящениями, царями III династии Ура в конце III тысячелетия до н.э. Самая высокая точка руин зиккурата на момент начала раскопок – 9.5 м, размеры постройки – 61.8 × 46.5 м. По своей форме и размерам он близко сопоставим с зиккуратом Ур-Намму в Уре⁷.

Верхний храм зиккурата располагался на много раз надстраивавшейся и укреплявшейся платформе, которая включала в себя остатки предшествовавших культовых строений, возводившихся, согласно религиозной шумерской традиции, на одном и том же месте в течение многих столетий, вероятно, начиная со времен основания Эреду. Определено, что в этой последовательности храмы I–V функционировали в раннединастическую и урукскую эпоху. Обнаруженные же

⁵ Oates. Ur and Eridu... P. 44–46; Schmidt J. Zwei Tempel der Obēd-Zeit in Uruk // Baghader Mitteilungen. B., 1974. 7. S. 186–187; Oates D. and J. The Rise... P. 130–133; Safar F., Ali Mustafa M., Lloyd S. (далее – Safar et al.) Eridu. Baghdad, 1981. P. 111–114; История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 1. Месопотамия / Под ред. И.М. Дьяконова. М., 1983. С. 78; Гуляев В.И. В стране первых цивилизаций. М., 1999. С. 97 и др.

⁶ Safar et al. Eridu.

⁷ Ibid. P. 60–65.

под ними сооружения датируются периодом убейд 4–1. Стоит отметить, что убейдские слои Эреду исследовались не только под зиккуратом, но и в жилых районах поселения (Hut Sounding). Здесь, как и в Hut Sounding убейдского времени Ура, Эль-Убейда и Хаджи-Мухаммеда, были обнаружены лишь остатки тростниковых хижин и фрагментарные свидетельства нерегулярных прямоугольных построек из сырцового кирпича⁸.

Самые ранние свидетельства человеческого пребывания в Абу-Шахрайне выявлены на глубине 11.70 м (уровень XIX). Слой чистого песка, на котором поселение было основано, нарушен следами жизнедеятельности первопоселенцев (ямы, керамика, остатки тростника и др.). Приблизительно на 30 см выше (уровень XVIII) в зондаже под зиккуратом открыто четыре древнейших стены Абу-Шахрайна (рис. 1 а). Они располагались параллельно, с промежутком в 50 см друг от друга и были построены из аккуратно сделанных (без использования форм) глиняных кирпичей (ломтей глины), размер которых определен приблизительно $50 \times 25 \times 6$ см. Максимальная длина этих стен 3 м, сохранившаяся высота 16 см.

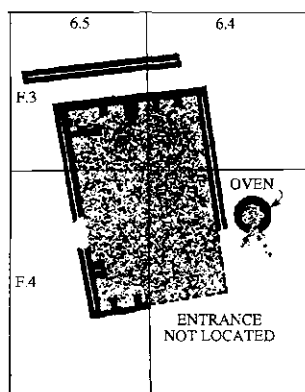
По мнению авторов раскопок, данная конструкция, установленная на песке, могла служить для обеспечения устойчивости последующему сооружению. Непосредственно над ней в уровне XVII выявлены остатки плохо сохранившейся квадратной однокомнатной постройки со стороной 2.8 м (рис. 1 а), стены которой были возведены из кирпичей, подобных вышеописанным. По толщине эти стены соответствовали размеру короткой стороны одного кирпича. Они не несли следов покрытия обмазкой. Вход, очевидно, находился ближе к северному углу здания, в той секции, которая оказалась полностью разрушена. Примечательно, что в центральной части помещения данного сооружения был обнаружен маленький квадратный пьедестал, сделанный из того же типа кирпичей, сохранившийся на высоту 20 см. В центре юго-западной и северо-западной стены присутствуют выступы размером в полкирпича, по мнению авторов раскопок, возможно, служившие для поддержки балочных перекрытий потолка. С внешней стороны от здания рядом с его южным углом выявлены остатки округлого в плане очажного сооружения ($d = 1.30$ м). Обрывающиеся стены еще одной постройки встречены в этом зондаже с северо-западной стороны от рассмотренного строения⁹.

Все последующие сооружения начиная с XVI уровня, раскопанные в шурфе под зиккуратом, исследователи памятника называют «протохрамами» или «храмами». Не нарушая традицию, сохраним это название и мы.

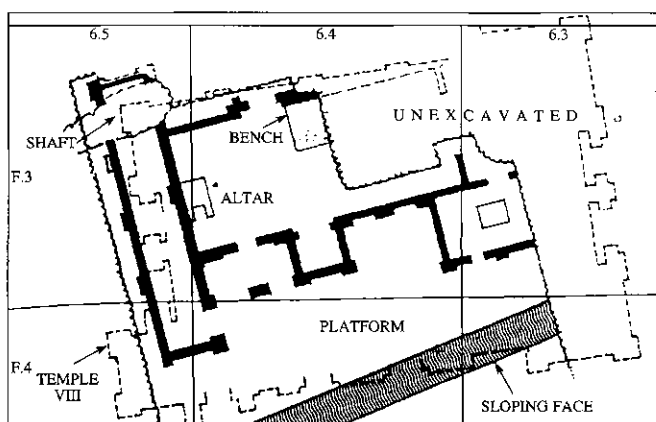
Итак, храм XVI уровня (рис. 1 б и рис. 2), остатки которого обнаружены на глубине 10.90 м, был построен непосредственно на руинах вышеописанного строения и по ряду характеристик может быть определен как более сложная реконструкция последнего. Толщина стен храма XVI тоже соответствовала ширине одного кирпича (тип *liben*), размеры которого достигали $32\text{--}54 \times 20 \times 6\text{--}7$ см. Внутренняя поверхность стен покрыта обмазкой. Основная часть помещения имела размеры 2.10×3.10 м. В северо-западной стене теперь находилась боль-

⁸ Кроме того, в Эреду к юго-западу от храмового комплекса, метрах в 50 от каменной стены, окружавшей его, выявлен могильник с приблизительно тысячей захоронениями позднеубейдского времени, из которых около 200 было раскопано (*Safar F. Eridu: A Preliminary Report on the Third Season's Excavations // Sumer. 1950. 6. P. 27, 29–31; Safar et al. Eridu; Ллойд С. Археология Месопотамии. М., 1984. С. 46, 49–50*).

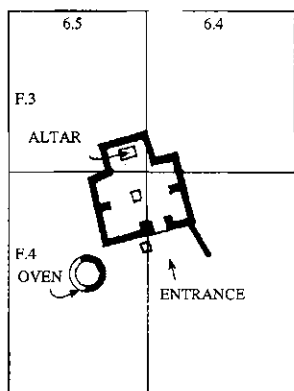
⁹ *Safar et al. Eridu. P. 86. Fig. 39.*



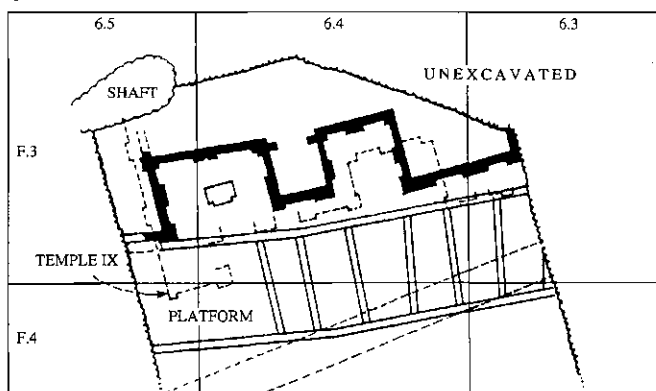
c TEMPLE FIFTEEN



f TEMPLE NINE

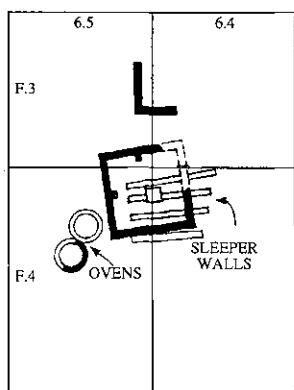


b TEMPLE SIXTEEN

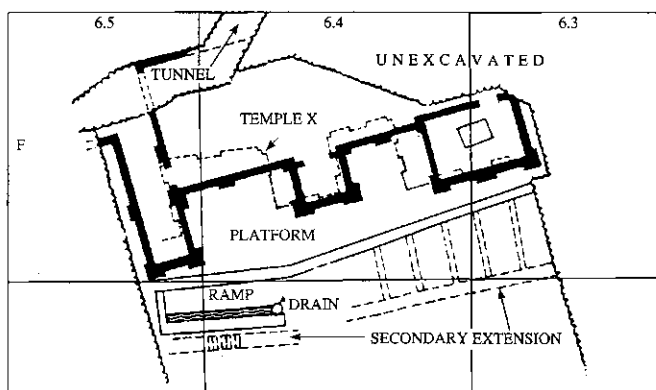


e TEMPLE TEN
scale 1 0 5 10 metres

TEMPLE SEVENTEEN



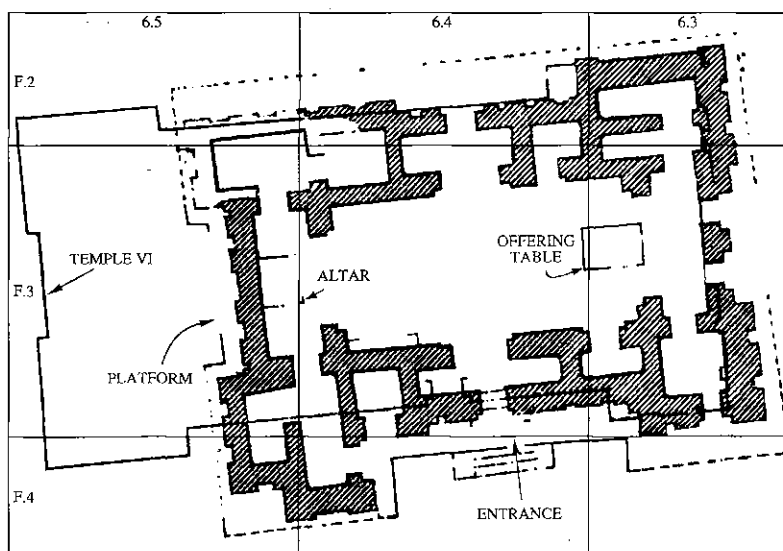
a



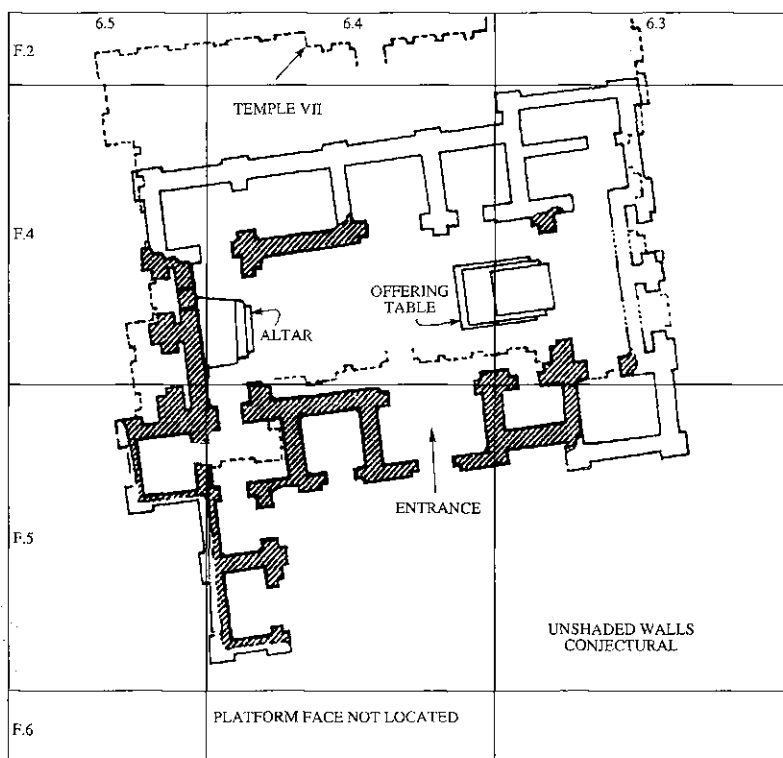
d

Рис. 1 а–h. Эреду. Планы храмов XVII–VII (по: *Safar et al. Eridu. Fig. 39*)

шая ниша. Ее ширина составляла 1.10 м, глубина – 1 м. Внутри этого отсека выявлено сложное из кирпичей прямоугольное возвышение (I), сохранившееся на высоту 24 см. Другое подобное возвышение (II) было открыто в центральной части основного помещения. В этом случае кирпичи несли следы огня, а вокруг



h



g

Рис. 1. Продолжение

возвышения зафиксировано значительное скопление пепла. Третье возвышение (III) выявлено уже за пределами постройки рядом с центральной секцией юго-восточной стены. Дверной проем зафиксирован в юго-восточной, противоположной от ниши стене с некоторым смещением на восток от ее центра. Вход

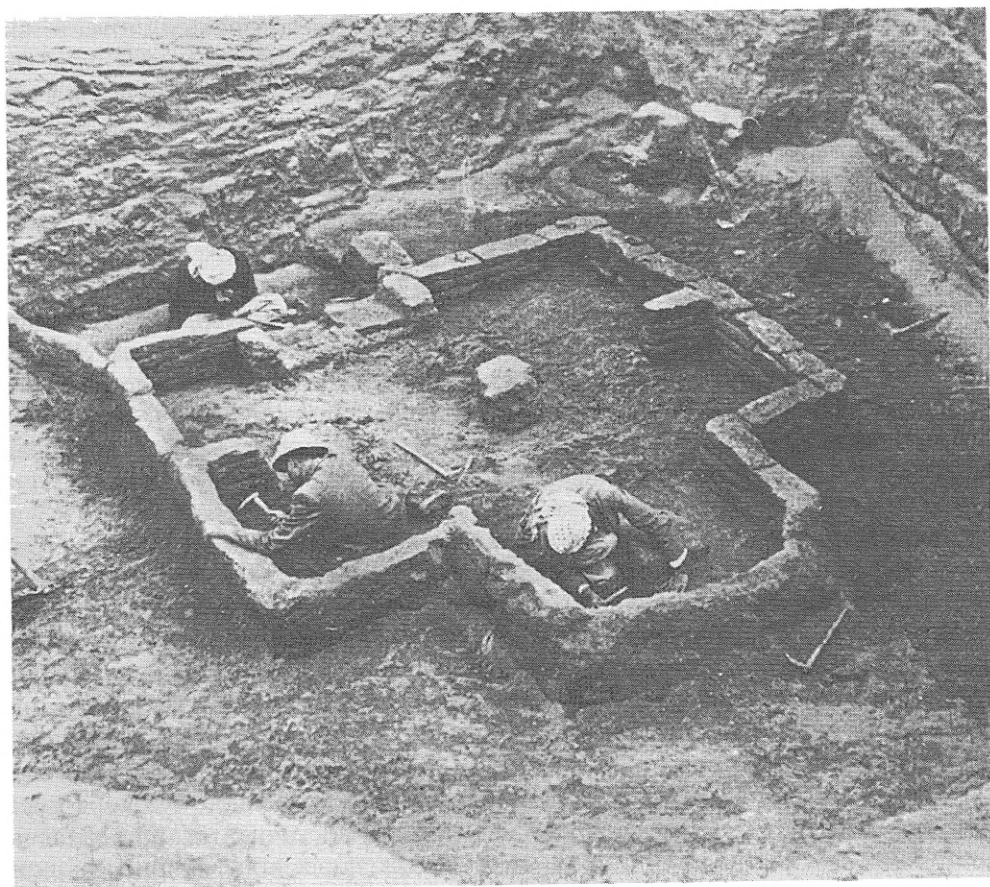


Рис. 2. Эреду. Момент раскопок храма XVI (по: *Safar et al. Eridu. Fig. 41*)

с двух сторон оформлен внутренними пилонами, одна из которых заметно толще другой. Похожие выступы (по ширине равные толщине одного кирпича, длина – около 40 см) также имелись в центральной части юго-западной и северо-восточной стены. Авторы раскопок «почти уверены в том, что эти пилоны должны были служить подпорками для устройства потолочного перекрытия»¹⁰. Однако не менее вероятно символическое предназначение выступов в качестве дополнительного оформления центрального возвышения, с которым они располагались точно на одной линии по ширине постройки. Перпендикулярно этой линии, пересекаясь с ней в месте нахождения центрального возвышения, по оси здания фиксируется еще одна отчетливо видимая на плане последовательность в расположении архитектурно выделенных объектов символического характера. По направлению с северо-запада на юго-восток здесь находятся: сама ниша, возвышение I, возвышение II, самая широкая пилония в помещении (слева от входа) и возвышение III. Такое скоординированное многокомпонентное устройство рассматриваемого сооружения показывает, что, несмотря на маленькие размеры и небольшую толщину его стен, план возведения

¹⁰ Ibid. P. 88.

данной постройки тщательно разрабатывался и был реализован в соответствии с особым функциональным предназначением здания.

Так же, как и в предшествовавшем уровне, с южной стороны от строения располагалось округлое в плане очажное сооружение ($d = 1.30$ м). От восточного угла здания был прослежен обрывающийся фрагмент тонкой стены. Авторы раскопок сообщают, что уровень XVI зондажа под зиккуратом был чрезвычайно насыщен фрагментами расписной керамики и некоторыми другими интересными объектами, особенно в районе входа в постройку¹¹.

Идентификация последующего сильно разрушенного здания (уровень XV) в качестве храма, по замечанию Ф. Сафара, основана в значительной степени на том факте, что оно, очевидно, было построено, чтобы заменить храм XVI. От основания данной постройки сохранились две полные и две фрагментарные стены. Внутренние размеры прямоугольного помещения составляют 7.30×8.40 м. С северо-западной стороны в 50 см от строения открыта пятая стена, параллельная одной из коротких стен комнаты и сопоставимая с ней по длине (рис. 1 с). Необычным оказался тип кирпича этого сооружения. Имея размеры $40 \times 14 \times 8$ см, кирпичи были изготовлены вручную и на своей поверхности сохранили следы, как правило, пяти углублений, сделанных пальцами правой руки. Возможно, вмятины помогали достичь лучшего эффекта при скреплении кирпичей между собой известковым раствором¹². Но вполне вероятен иной, посвятельный смысл этих знаков, специально оставленных на глине. Ведь известно, что в последующие периоды «письменной» истории Двуречья существовала традиция при сооружении и реконструкции культовых строений оставлять на кирпичах посвятельные надписи.

Не менее интересными являются конструктивные особенности стен рассматриваемой постройки. Противоположные северо-восточная и юго-западная длинные стены состояли из двух близко расположенных, но не соприкасающихся друг с другом линий кирпичей. Тогда как короткие северо-западная и юго-восточная стены были одинарными, построенными в толщину одного кирпича и с внутренней стороны имели пилястры. Параллельная северо-западной стороне помещения, рядом находящаяся с внешней стороны от строения стена, тоже двойная по конструкции, возможно, относилась к тому же зданию. Дверной проем, судя по всему, был расположен на разрушенном участке юго-западной стены постройки. Западный угол помещения со стороны короткой стены выделен в отдельную камеру. С северо-восточной стороны от здания открыто очажное сооружение, по форме и размеру похожее на те, что функционировали в предшествовавших уровнях.

Руины храма XV впоследствии были утрамбованы и включены в платформу, построенную из сырцовых кирпичей, для обеспечения месторасположения новому зданию этой последовательности, удовлетворительной сохранности следов которого, однако, обнаружено не было. Тем не менее в отчетах сама платформа получила название храма XIV.

Два следующих уровня XIII и XII не дали никаких свидетельств существования построек в пределах участка зондирования. По мнению авторов раскопок, в это время храмы, вероятно, сооружались на некотором расстоянии северо-западнее от исследованного места¹³. С нашей же точки зрения, данная лакуна в

¹¹ Ibid. P. 88. Fig. 40–41.

¹² Ibid. P. 88–90.

¹³ Ibid. P. 90.

последовательности расположения культовых построек, а также появление после нее нового усовершенствованного типа храмовых сооружений одновременно с изменением общей планировки поселения, наводит на мысль о временном перерыве в заселении Эреду между периодами Эреду – Хаджи-Мухаммед и убейд 3–4.

В последующих уровнях XI–VI мы встречаемся с новым типом культовых строений позднеубейдской эпохи, несомненно, имеющим много общих признаков с храмами урукского времени, но также сохранившим ряд важных особенностей специфичного оформления помещений, известных по уже рассмотренным свидетельствам «протохрамов» из уровней XVII–XV Эреду.

Остатки храма XI впервые дают достоверную информацию о преднамеренном строительстве культового здания на специально сооруженной для этого платформе. Руины предшествовавших строений, к тому времени уже занесенные песком, были включены в прямоугольную в плане конструкцию стен, выполненных из сырцового кирпича, а внутреннее заполнение щебнем и глиной доведено до нужного уровня. Только юго-восточная часть храмового сооружения попала в границы шурфа (рис. 1 *d*), тем не менее удалось получить некоторые интересные сведения об этой монументальной структуре. Заранее спланированное с конкретными целями строительство платформы подтверждено открытием с раскопанной стороны пандуса, поднимавшегося от уровня поверхности земли на высоту платформы (1 м). Этот подъем с внешней стороны был укреплен парапетом (толщина 35 см). Установленная длина пандуса – 4.50 м, ширина – 1.20 м. Кроме того, на внешней стороне конструкции имелся узкий канал для отведения дождевой воды в небольшую округлую сточную яму (похожее устройство в платформе известно по данным так называемого Раскрашенного храма Укаира). Платформа храма в Эреду XI уровня еще раз перестраивалась с использованием вышеописанных строительных приемов при ее заполнении и с некоторым расширением общей площади. Остатки вторичной структуры сохранились значительно хуже. Тем не менее имеются свидетельства того, что во время расширения платформы пандус был устранен и на его месте сооружена парадная лестница из глиняных кирпичей.

Здание, возведенное на платформе в XI уровне, явилось первым в ряду тех, фасады которых были украшены регулярно сменяющими друг друга декоративными выступами и нишами. Стены храма сложены из длинных кирпичей размером приблизительно $52 \times 27 \times 7$ см. Сохранившаяся высота стен – 85 см, толщина соответствовала ширине одного кирпича. План постройки также впервые в рассматриваемой последовательности храмов можно с уверенностью определить как трехчастный. Реконструированные размеры центральной комнаты – 4.50×12.60 м. С юго-восточной стороны были исследованы три неодинаковые по своим параметрам примыкавшие к ней помещения. Одно из них представляло собой коридор, проходивший с юга и соединявшийся с залом дверным проемом. На каком-то этапе существования постройки этот дверной проем был заблокирован. В восточном углу строения находилось самое большое из трех исследованных примыкавших к залу помещений, которое тоже напрямую с ним сообщалось. В центральной части этой комнаты открыто сооруженное из кирпичей прямоугольное возвышение (сохранившаяся высота 15 см), на поверхности которого обнаружены следы огня, вокруг выявлены скопления золы. Это возвышение напоминает похожие конструкции из предшествовавших «протохрамов» и определяется авторами раскопок в качестве стола для жертвоприно-

шений. Третье помещение, находившееся между двумя вышеописанными, было также непосредственно связано с центральным залом широким дверным проемом и представляло собой маленькую квадратную комнату со стороной 1.70 м. Никаких объектов специфического назначения в здании обнаружено не было¹⁴.

Следующая по времени структура уровня X является реконструкцией храма XI с небольшими изменениями в плане и размерах (рис. 1 *e*). В этот период с последовательным увеличением масштабов дважды перестраивалась платформа, включившая в свое основание руины храма XI. Стены самого здания максимально сохранились на высоту 45 см. Средние размеры кирпича $47 \times 25 \times 6.5$ см. Судя по всему, с южной стороны снова существовал коридор, хотя данная часть постройки особенно сильно пострадала от разрушения. Более уверенно реконструируется функционирование двух других комнат, примыкавших с юго-восточной стороны к центральному залу, которые очень похожи на сопоставимые с ними помещения нижележащего уровня. Только теперь в большом (восточном) отсеке никаких свидетельств нахождения стола для жертвоприношений выявлено не было. В то же время необычной формы подиум (без следов огня) располагался с внешней стороны от здания в пространстве на платформе, образованном выступающей частью южного коридора и центральным из примыкающих с юго-восточной стороны к залу помещением. Назначение подиума остается неясным, но, очевидно, оно было связано с характером самого здания. Большая часть монументального сооружения уровня X осталась за границами зондажа¹⁵.

Руины храма IX, напротив, исследованы почти полностью (рис. 1 *f*), что дало возможность лучше представить общий план здания. Точные размеры центрального помещения составили 10×4.10 м. В центральной части к юго-западной стене зала примыкало довольно крупное фрагментарно сохранившееся построенное из кирпичей возвышение (максимальная высота 40 см), которое интерпретируется исследователями памятника исходя из общего контекста раскопок в качестве алтаря. В противоположном конце комнаты по главной оси помещения находился широкий дверной проем. Юго-восточная часть постройки показывает свой обычный план из трех помещений. Как и прежде, с южной стороны от зала (позади алтаря) проходил коридор. Однако теперь данный отсек на юго-востоке имел широкий выход на платформу, оформленный с двух сторон пилястрами. Юго-западный фасад здания, эффектно украшенный выступами, почти полностью прослежен на плане. В пространстве между этой частью здания и маленькой комнатой, одной из юго-восточных пристроек к залу, вместо предшествовавшего необычной формы подиума (уровень X) был обнаружен широкий столбообразный контрфорс. Вероятно, он был сооружен для того, чтобы закрывать/защищать располагавшийся точно за ним вход в алтарную часть центрального помещения храма. Напротив этого входа в противоположной длинной стене зала с небольшим смещением на север имелся еще один архитектурно оформленный дверной проем. Севернее него внутри основного помещения была исследована часть примыкающей к стене высокой кирпичной скамьи. Маленькая комната юго-восточной стороны здания полностью соответствовала своим прототипам из уровней XI–X, в то время как большая пристройка, примыкавшая к основному помещению с востока, имела теперь два дверных проема, которые связывали ее с залом и с открытым пространством платформы. Как и в уровне

¹⁴ Ibid. P. 94. Fig. 44.

¹⁵ Ibid. P. 94–96. Fig. 45.

XI, в центральной части этой пристройки располагался стол для жертвоприношений. Значительная трансформация в рассматриваемом уровне произошла с платформой. Размеры поддерживаемого ею здания несколько сократились, а ее открытая поверхность соответственно увеличилась и составляла около 3 м ширины в сторону от длинных стен постройки. Это обстоятельство, как и устройство нескольких дверных проемов, ведущих на платформу, свидетельствует о том, что часть церемоний, очевидно, теперь проводилась на открытой поверхности платформы. Ф. Сафар отмечает, что стены данного сооружения в большинстве случаев более массивные, чем у храмов X и XI¹⁶.

Остатки культовых сооружений следующих позднеубейдских слоев VIII–VI представляют логическое продолжение эволюции храмового строительства в рамках рассматриваемой последовательности сменявших друг друга зданий, раскопанных под зиккуратом III династии Ура в Эреду. Вместе с тем, как отмечают исследователи памятника, храмы VIII–VI построены более основательно, чем предшествовавшие сооружения, имеют довольно заметные изменения в плане и во многих отношениях сопоставимы уже с монументальными культовыми постройками урукского времени, такими, как зиккурат Ану в Варке и Раскрашенный храм в Укаире¹⁷.

Храм VIII (рис. 1 г) крупнее своих предшественников, с более массивными стенами. В среднем их ширина достигала 70 см. Значительная часть руин этого здания оказалась за пределами зондирования, но его план был отчасти реконструирован при использовании свидетельств подробнее исследованного похожего строения из уровня VII. Наиболее важным элементом постройки здесь, как и прежде, является прямоугольное протянувшееся с юго-запада на северо-восток основное помещение – святая святых. У центральной части его юго-западной стены снова обнаружен алтарь, на этот раз полностью сохранившийся (20 × 30 × 20 см), имевший спереди две узкие ступени. С двух сторон алтарь был эффектно оформлен двумя выступающими на 30 см из боковых стен помещения фигурными пилястрами, за которыми скрывались два противолежащих и идентичных друг другу дверных проема, ведущих в сопоставимые между собой по форме и размерам угловые пристройки. Подобный архитектурный прием повторяется в противоположном конце зала. Здесь по аналогии с храмом VII авторами раскопок реконструированы на плане боковые «двери-близнецы», также скрываемые от центральной части основного помещения двумя фигурными пилястрами. Они и соседняя с ними еще одна пара боковых пилястр с двух сторон обрамляли располагавшийся в центральной части зала стол для жертвоприношений (20 × 30 × 20 см), который, как и его предшественники из нижних уровней, был отмечен следами огня и окружен скоплениями золы. В центральной части здания на линии, перпендикулярной основной оси строения, находились два наиболее широких дверных проема. Один из них (юго-восточный), соответствующим образом оформленный, являлся парадным входом в постройку, проходившим через небольшое вспомогательное помещение. В южном углу зала между одной из фигурных пилястр и одним из выступов центрального входа низкая скамейка (или платформа) была пристроена к стене (ее длина – 50 см, высота – 10 см). С северо-западной и юго-восточной стороны к центральному залу примыкали небольшие по своим размерам и, очевидно, вспомогательные по функциям помещения. Две угловые камеры, входы в которые были защищены фигурными выступами, рас-

¹⁶ Ibid. P. 96–100. Fig. 46–48.

¹⁷ Ibid. P. 112; *Ллойд*. Ук. соч. С. 47, 52–59.

положенные с двух сторон и немного позади от алтарной части, вероятно, имели к ней непосредственное отношение. Это предположение в какой-то мере подтверждается обнаружением в одном из данных помещений сохранившегося полностью низкого сосуда с носиком (тип «черепахи»), чье наполнение состояло главным образом из рыбьих костей, остатки которых помимо этого были найдены в разрозненном виде и в других местах рассматриваемых помещений. Интересными представляются «ложные дверные проемы» – архитектурно оформленные ниши фасада, исследованные позади алтарной части храма VIII. В одном случае заблокированный здесь проход действительно был выявлен археологами. Кроме того, любопытная группа объектов обнаружена «погребенной» под специальной вымосткой у западного угла алтаря. Данные объекты представляли собой чрезвычайно хрупкие глиняные «гвозди» (длина 30–40 см), известные по материалам некоторых других убейдских поселений. Южная и северная (угловые) секции здания состояли из более чем одного вспомогательного помещения. Вход в южные камеры был доступен главным образом с террасы платформы, тогда как во все остальные вспомогательные помещения (не считая парадного входа в храм), иногда соединявшиеся дверными проемами между собой, попасть можно было только со стороны зала. С юго-западной стороны от постройки в границы исследовавшегося участка попал фасад платформы храма VIII. Открытая терраса простиралась на расстоянии приблизительно 1 м от стен здания. Высота платформы достигала около 90 см¹⁸.

Храм VII уровня (рис. 1 *h*) был по многим признакам похож на своего предшественника: стены имеют ту же толщину, размеры кирпичей одинаковые – $28 \times 23 \times 6$ см и $27 \times 21 \times 6$ см, планы зданий в основных чертах совпадают. Лишь некоторые характеристики, например, архитектурное оформление «ложных дверных проемов» позади алтаря, или полностью исчезают, или проявляются в остаточной форме. Платформа, высота которой составила 1.5 м, включала в себя стены храма VIII. Занимаемая платформой площадь, по крайней мере на исследованной территории, была значительно уменьшена и теперь соответствовала своими размерами и формой непосредственно границам стоящего на ней храма. Впервые в рассматриваемой последовательности возведения культовых зданий хорошо фиксируется существование парадной лестницы, ведущей с уровня земли к главному входу, располагавшемуся в храме VII, как и в предшествовавшем строении, в центральной части юго-восточной стороны фасада. Лестница состояла из восьми ступеней, причем три нижние, выходившие за пределы платформы, поддерживались по бокам специальными парапетами. Данные материалы являются первым археологически точно определенным случаем подобного оформления храмовых сооружений, которое становится типичным для Месопотамии в III тысячелетии до н.э. Дверной проем парадного входа оказался заблокирован кирпичной кладкой, которая, вероятно, была сооружена уже после того, как этот храм перестал функционировать. Месторасположения северо-восточного и северо-западного фасадов платформы выходили за пределы шурфа, соответственно нет никаких точных сведений относительно их размеров и формы. Наличие дверных проемов, выходивших на террасу платформы и с той, и с другой стороны, дает основание предположить, что здесь терраса могла быть шире, чем с раскопанных сторон сооружения. Находившееся слева от парадного входа одно из вспомогательных помещений южного угла храма VIII

¹⁸ Safar et al. Eridu. P. 100–103. Fig. 49–51.

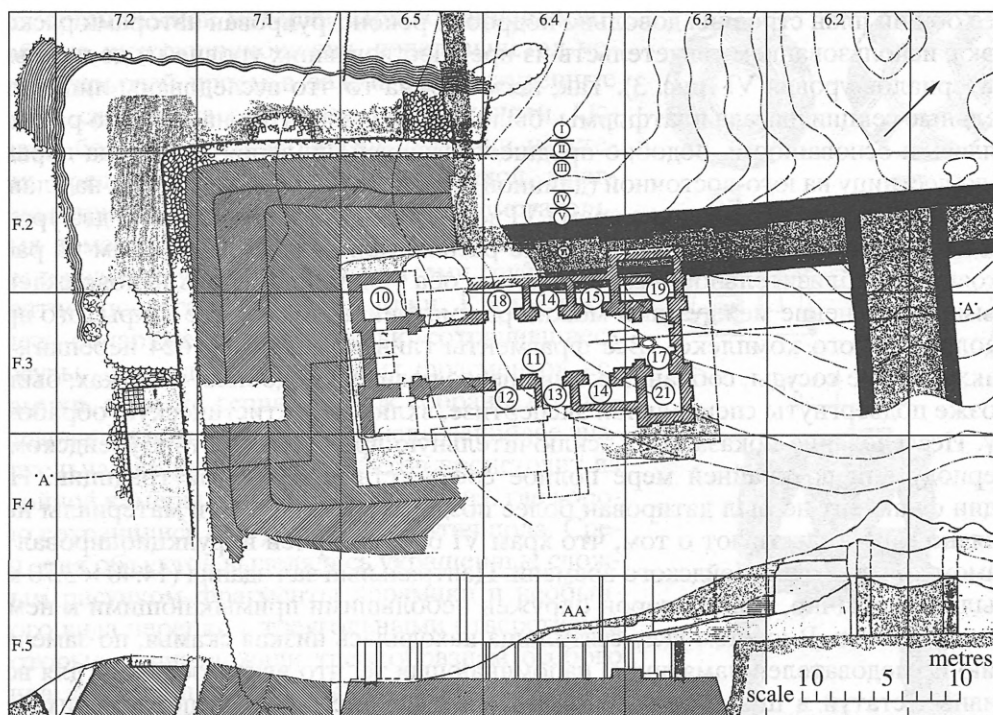


Рис. 3. Эреду. План храма VI (по: *Safar et al. Eridu. Fig. 10*)

исчезает в уровне VII. Однако подобно предшествующему зданию в храме VII выявлены два противоположных, скрытых еще более мощными фигурными пилястрами, дверных проема, ведущих в алтарную часть зала, которые, вероятно, были функционально с ней связаны. Ф. Сафар, предположил, что они могли использоваться для особых целей только служителями храма. Сохранены и два подобных прохода в противоположной части святилища. Все остальные характеристики устройства храма VII повторяют в общих чертах своих предшественников из уровня VIII. Высота алтаря теперь достигает 85 см, а стола для жертвоприношений – 60 см. В этом здании сохранились два уровня пола, представлявших собой утрамбованные глиняные покрытия на расстоянии 40 см одно над другим. На поверхности полов открыты значительные скопления остатков рыбных костей, убейдских сосудов, фрагменты каменной вазы, часть слива обрядового сосуда, выполненного в виде змеиной головы.

Перед очередной перестройкой верхний уровень стен храма VII был разрушен, при этом их нижняя часть оказалась сохранена в среднем на высоту 120 см над поверхностью земли. Заполнение между стенами и внешняя облицовка новой платформы состояли из более прочных по своему составу кирпичей, чем те, что использовались при строительстве храма VII. В связи с реконструкцией платформа была несколько расширена в юго-восточном и юго-западном направлениях. Разрушение холма, под которым находилось строение, на юго-востоке и древний туннель, оставшийся от «искателей сокровищ», на юго-западе в значительной степени уничтожили соответствующие секции сооружения. Лучшее всего оказалась исследованной северная часть постройки VI слоя. Тем не ме-

нее общий план строения довольно подробно реконструирован авторами раскопок с использованием свидетельств из предшествовавших уровней и доступных материалов уровня VI (рис. 3). Так, несмотря на то что исследованы лишь отдельные секции фасада платформы, было установлено, что она немного расширялась к основанию и, подобно предшествовавшей ей, вероятно, имела парадную лестницу на юго-восточной (длинной) стороне (контуры лестницы на плане показаны пунктиром). Здание храма VI во многих участках сохранило два уровня глиняного покрытия пола, которые располагались одно над другим на расстоянии приблизительно 20 см. Везде, где оба уровня оказались неповрежденными, заполнение между ними можно рассматривать в качестве закрытого археологического комплекса. Все фрагменты глиняной посуды (624 черепка), а также целые сосуды, собранные с нижнего уровня на подобных участках, были позже подвергнуты специальной экспертизе, включая статистическую обработку. Исследование показало их исключительную принадлежность к убейдскому периоду или по крайней мере полное соответствие убейдской традиции. Ни один фрагмент не был датирован более поздним временем. Эти материалы наглядно свидетельствуют о том, что храм VI был построен и функционировал в самом конце позднеубейдского времени. Центральный зал здания (14.40×3.70 м) был, как обычно, с двух сторон окружен небольшими примыкающими к нему помещениями. В южном углу святилища находилась низкая скамья, по замечанию исследователей памятника, напоминающая те, что использовались для вотивных статуй в шумерских храмах. Пара глубоких ниш, располагавшихся в центральной части северо-восточной (короткой) стены сооружения, является анахронизмом по отношению к дверям-близнецам храма VII. Возможно, такие же ниши находились в плохо сохранившейся юго-западной стене сооружения позади алтаря, расположение которого, как и прилегающих к алтарной части вспомогательных помещений, было определено гипотетически. На своем обычном месте обнаружен стол для жертвоприношений ($1.6 \text{ м} \times 90 \text{ см}$, высотой 65 см). Его покрытая толстым слоем гипса верхняя часть от огня стала темно-красного цвета и несла на себе значительные остатки пепла. Позади подиума в более низком уровне пола находился сооруженный из глины и также покрытый обмазкой овальный по форме бассейн (или контейнер). Авторы раскопок подчеркивают, что в данном случае, более чем когда-либо, имеются выразительные свидетельства функционирования подиума в качестве стола для жертвоприношений. Большое количество смешанных с пеплом рыбьих костей обнаружено с разных сторон вокруг этого объекта. В то же время значительный слой рыбьих костей, перемешанных с останками маленьких животных, был открыт по всему полу северо-восточной части святилища. Рыбьи кости также выявлены среди пепла на вершине самого подиума и в развалинах близкого расположенного «бассейна». Есть все основания рассматривать данный комплекс материалов как свидетельства совершавшихся жертвоприношений в доме/храме Энки — божественного покровителя Эреду. Так как ни разу полный скелет рыбы не был обнаружен, замечает Ф. Сафар, можно предположить, что этот продукт в ходе каких-то церемоний, происходящих в храме, съедался.

Факт, что подиум использовался в качестве особого места для жертвоприношений, наглядно подтверждают полученные в VI уровне материалы. Более того, рядом с подиумом находилось особое помещение (комната 14), которое, судя по всему, функционировало исключительно для сожжения приношений. Весь пол комнаты был покрыт спекшейся массой из пепла и других остатков сожже-

ния органической материи. При совершении подобного жертвоприношения, пепел вылетал через открытый проем в зал, и оштукатуренные стены святилища сохранили следы копоти. Остатки белой известняковой штукатурки на стенах, предварительно обмазанных глиной, выявлены при исследовании боковых вспомогательных помещений храма. Полы этих комнат были беспорядочно усыпаны фрагментами грубой, вероятно, посвященной керамики. Кроме того, здесь обнаружены и полностью сохранившиеся сосуды. Несколько интересных фрагментов керамики, а также серия бусинок собраны при исследовании помещения 12. Однако наиболее значительная коллекция артефактов происходит из двойной камеры северного угла здания, где хорошо сохранились оба уровня покрытия пола. Среди этих объектов выделялись украшенные сложным рисунком фрагменты керамики и необычного вида черепки с треугольными отверстиями, которые принадлежали трем образцам особого типа курильниц, сделанных в форме колокола (рис. 4 *a*, *b*). Их аналог известен по убейдским материалам восточного святилища северомесопотамского поселения Тепе-Гавра (рис. 4 *c*). Об особом предназначении двойной камеры северного угла в храме VI свидетельствует не только ее нестандартная конструкция, близкое расположение к подиуму, материалы заполнения, но также и то обстоятельство, что рядом с дверным проемом, ведущим в нее из центрального зала, обнаружен маленький, сделанный из глиняных кирпичей пьедестал. Каких-либо дополнительных данных в связи с этой конструкцией получено не было. Подробные исследования северо-восточной части постройки дают представление о том, что стены этого храма как с внутренней, так и с внешней стороны украшались пилястрами. От северо-западной внешней стены осталось достаточно свидетельств, чтобы определить, что в этой части здания не могло быть дверного проема. Главный вход, очевидно, проходил через комнату 13 в юго-восточной (длинной) стене постройки, местонахождение которой сопоставимо с расположением парадного входа в храме VII. Остается добавить, что после разрушения этого здания были проведены подготовительные работы для строительства нового храма над ним, который датируется уже урукским периодом, однако сооружался он приблизительно по тому же плану, что и рассмотренная конструкция уровня VI¹⁹.

Итак, раскопки под зиккуратом в Эреду представили свидетельства функционирования девяти последовательно сменявших друг друга неординарных строений от периода убейд 1 до этапа убейд 4, перекрытых на том же месте четырьмя более поздними храмами шумерского времени.

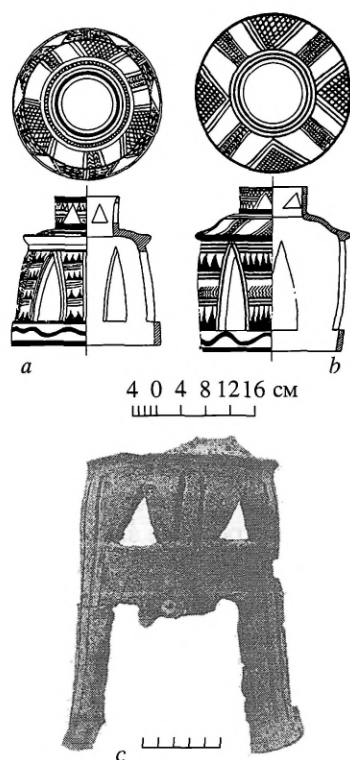


Рис. 4. Курильницы: *a*, *b* – из Эреду. Храм VI, комната 19 (по: *Safar et al. Eridu. P. 159*); *c* – из Тепе-Гавры. Уровень XIII. Восточное святилище, комната № 2 (по: *Tobler A.J. Excavations at Tepe Gawra. Vol. II. Philadelphia, 1950. Pl. XXVIII d*)

¹⁹ Ibid. P. 103–111. Fig. 52–55.

Можно отметить, что наиболее устойчивыми характеристиками культовых сооружений Эреду, проявившимися уже в «протохрамах» XVII–XV уровней, являются: возведение зданий прямоугольной планировки из одинаковых по форме и размерам сырцовых удлиненных кирпичей (типа *liben*) на искусственной возвышенности; преимущество в выборе места для строительства; ориентировка углов зданий по сторонам света; наличие пилястр, имевших, очевидно, не только конструктивное, но и символическое значение; сооружение специальных возвышений – алтарей, подиумов и/или столов для жертвоприношений, находившихся в определенных местах на центральной оси помещения и оформлявшихся с двух сторон стенными выступами (в одном случае особой нишей), что наиболее выразительно фиксируется материалами сохранившегося лучше других храма XVI.

Кроме того, рядом с древнейшими постройками рассматриваемой последовательности культовых зданий выявлены остатки округлых в плане похожих друг на друга очажных сооружений ($d = 1.30$ м), использование которых в качестве постоянных мест для жертвоприношений весьма вероятно²⁰.

Как уже отмечалось, на уровнях XIII–XII в границах шурфа свидетельства новых построек не зафиксированы. Было ли это связано с временным перерывом в заселении Эреду или же с тем, что в данных слоях культовые сооружения находились несколько в стороне от места раскопа, можно только предполагать. Однако возобновившаяся последовательность строительства храмов на этом участке не представляется явлением случайным, как считают некоторые исследователи, в частности обращавшийся к этому вопросу О. Оранш²¹.

Действительно, начиная с XI уровня в конструкциях культовых сооружений появляется много новых черт, общий план строений заметно усложняется. Но тот факт, что в IX уровне «неожиданно» возникает новый, уже хорошо сформировавшийся тип трехчастного планирования, как раз может объясняться существованием перед этим определенного периода архитектурной эволюции, который остался для нас неизвестным (не был прослежен раскопками в Эреду). Вместе с тем преимущество с более ранними постройками наглядно фиксируется сохранением всех вышеперечисленных особенностей «протохрамов» XVII–XV уровней в последующих зданиях. Судя по доступным материалам, эволюция устройства культовых сооружений происходила естественным путем от простых форм к более сложным, от небольших размеров конструкций к большим. В качестве основных характеристик храмовых построек XI–VI уровней Эреду, которые дополнили уже сложившийся комплекс черт ранних культовых зданий (уровни XVII–XV Эреду) и позже получают свое продолжение в шумерской культовой архитектуре, можно отметить следующие: возведение культовых зданий на специально сооруженной для этого особым способом платформе; так называемый трехчастный тип планирования: к боковым (длинным) сторонам значительно большего по площади центрального помещения примыкают вспомогательные пристройки; строгая симметрия в общей системе расположения конструктивных частей строения; украшение внешних, иногда внутренних, стен здания регулярно чередующимися выступами и нишами. Установлено, что в храмах XI–VI к главному входу, который находился в центральной части одной из длинных сторон здания, вела парадная лестница, что также со временем станет характерным элементом украшения фасадов шумерских культовых сооружений.

²⁰ Van Buren E.D. Places of Sacrifice («Opferstätten») // Iraq. 1952. XIV. P. 83–84.

²¹ Aurenche O. A l'origine du temple... P. 239.

Многочисленные остатки рыб, других видов приношений в храмовых постройках разных уровней, выразительные свидетельства ритуального сожжения жертв, в случае с керамикой – разбивания, соответствуют статусу и сфере влияния Энки – повелителя пресных вод, божественного покровителя Эреду.

В целом на основании рассмотренных данных из Ziggurat Sounding Абу-Шахрайна можно сделать вывод о культовом назначении неординарных убейдских сооружений, которые были обнаружены под руинами храмов урукского и Раннединастического периодов и показывают единую линию развития религиозной архитектурной традиции, продолжившуюся в храмах урукской эпохи.

Близкие параллели для рассмотренных сооружений культового характера Эреду известны из материалов храмового комплекса Куллаба в Уруке (современное название города – Варка), где несколько шурфов в районе Каменного здания (северо-западная часть зиккурата Ану) достигли позднеубейдских уровней. На данном участке открыты остатки двух последовательно функционировавших на одном и том же месте монументальных строений. Авторы раскопок интерпретируют их как храмы²².

Основание древнейшего из сооружений – храма 2 – оказалось полностью сохранившимся, так как оно было надежно «законсервировано» платформой более позднего здания. Однако сохранившаяся высота стен была настолько незначительна, что установить местонахождение дверных проемов археологам не удалось. Храм 2 был прямоугольным (14,5 × 18,5 м), трехчастного плана (центральный зал протянулся на всю длину здания) с симметрично расположенными боковыми помещениями по отношению к длинной оси строения (рис. 5, 2). В одной из угловых комнат (восточной) выявлены остатки лестницы. Массивные стены постройки с внешней стороны украшены регулярными пилястрами. В длину здание расположено по направлению северо-запад – юго-восток. Углы ориентированы по сторонам света. Эти характеристики близко сопоставимы с чертами высоких храмов зиккурата (рис. 6). Кроме того, по данным показателям храм 2 проявляет сходство с храмами VIII–VI Абу-Шахрайна (рис. 1 g–h). Как и в этих строениях, в храме 2 Урука наиболее важный в семантическом плане архитектурный объект находился на центральной оси основного помещения (в северо-западной части). Он представлял собой выложенное на полу глиняными кир-

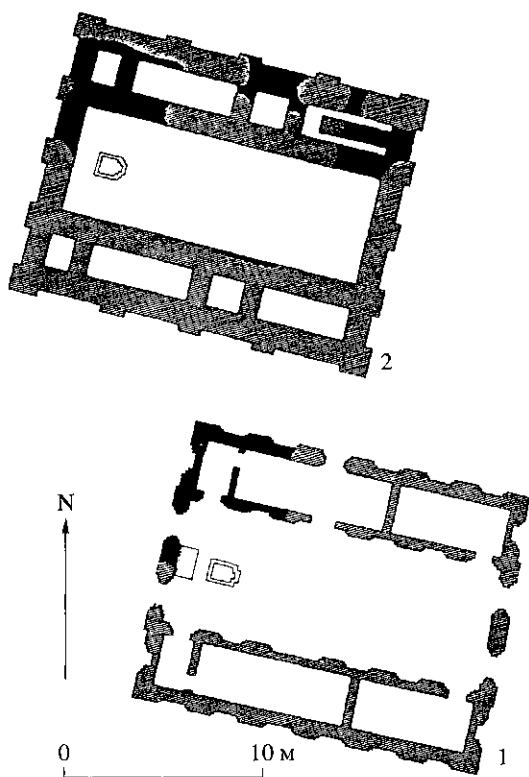


Рис. 5. Урук. Планы храмов 1 и 2 (по: *Roaf M. 'Ubaidd Houses and Temples // Sumer. 1984. 43. Fig. 3–4)*

²² *Schmidt. Zwei Tempel...*

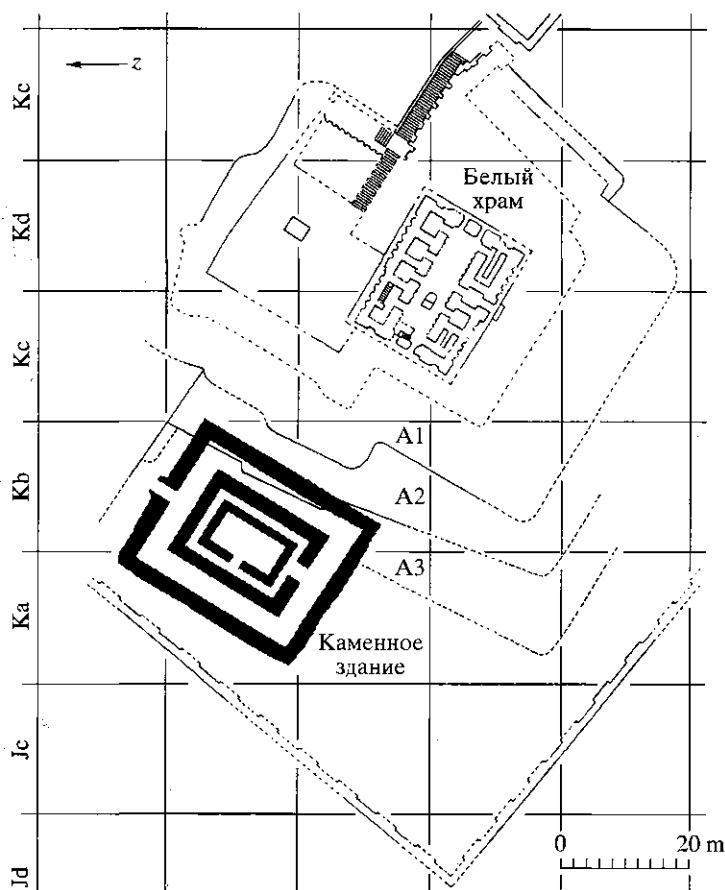


Рис. 6. Урук. План комплекса зиккурата Ану. Белый храм и Каменное здание (по: Forest. Les premiers temples... Fig. 35)

пичами очажное сооружение «антропоморфной» формы, поверхность которого была покрыта обмазкой²³. По мнению исследователей памятника, тонкий слой золы дает основание предполагать, что устройство использовалось не для сжигания жертв, а как место, где горел священный огонь²⁴.

Перед строительством нового здания стены старого снесли, участок расчистили, и на сохраненной основе храма 2 был возведен похожий по своим размерам и типу, но с существенными изменениями внешнего оформления, храм 1 (рис. 5, 1). Уровень платформы, на которой он был возведен, располагается несколько выше, чем уровень пола позднейшей постройки – Каменного здания. Соответственно те части, которые попали в зону Каменного здания, полностью разрушены. В храме 1 лучше всего представлен северо-западный сектор, где стены сохранились на высоту до 50 см.

Храм 1 в основном воспроизводит контуры предшествующего сооружения, при этом совершенствуется техника строительства и оформления. Здесь, как и в

²³ Очажные сооружения подобного типа известны также по культовым строениям Тепе-Гавры урукского времени.

²⁴ Schmidt. Zwei Tempel... S. 174–176. Abb. 1.

храме 2, строительный материал был представлен большими глиняными кирпичами, плоскими по форме. При сооружении храма 1 их укладывали в определенном порядке. Стены постройки теперь намного тоньше. Изящные двухступенчатые пилястры украшают не только внешний фасад здания, но и поверхность стен центрального зала. Ширина ниш между пилястрами – 130 см, глубина – 17 см. Украшение стен нишами и пилястрами начинается не прямо от их основания, а над цокольной зоной на высоте 40 см. На этом же уровне находится пол в помещениях храма 1.

Два слоя штукатурки покрывают стены сооружения. Первый слой – светло-серый – служил основой для последующего белого покрытия. То, что храм 1 подобно Белому храму и Каменному зданию зиккурата Ану, а также храмам позднееврейского времени Эреду был белого цвета, может говорить о символическом значении белого в качестве сакрального цвета.

Установленное строго симметричное расположение дверей в храме 1 снова соответствует конструкции Белого храма и храмов VIII–VI Абу-Шахрайна (ср. рис. 1 *g–h*, 5, 6). У центральной части северо-западной короткой стены зала находился прямоугольный постамент, первоначальная высота которого остается неизвестной. На некотором расстоянии от него, точно на месте своего предшественника из древнейшего храма, было построено новое очажное сооружение характерной «антропоморфной» формы. Ю. Шмидт отмечает, что эта преемственность в выборе места для зажигания священного огня указывает на большую значимость связанных с ним представлений и проводимых здесь ритуалов, на функционирование очага как центрального культового объекта в храме. Исследователь обращает внимание и на близкую связь между «огненным алтарем» и прямоугольным подиумом: оба сооружения находились в северо-западной части зала, на осевой линии здания и были покрыты, как и стены храма, белой обмазкой²⁵. Имеются серьезные основания рассматривать северо-западную часть центральных помещений храмов 1 и 2 в качестве святой святых этих культовых строений.

Весьма существенной конструктивной и семантической деталью является то, что оба исследованных еврейских храма в Уруке были возведены на специально построенных из глиняных кирпичей «сценopodobных возвышениях». С лучшей сохранившейся северо-западной стороны храма 2 ширина выходившего за границы фасада здания участка платформы составляла 3,2 м; у храма 1 – около 3 м. Высота платформы древнейшего культового строения – 1 м, последующего – 1,5 м. Интересно, что платформа нижнего сооружения использовалась строителями как нижний ярус для платформы верхнего. Таким образом, храм 1 стоял на двухступенчатом основании²⁶ и является на сегодняшний день наиболее древним примером из известных сооружений такого типа. В дальнейшем данная архитектурная традиция была продолжена и усовершенствована на территории Месопотамии при возведении зиккуратов в «исторические» периоды развития региона.

Из-за сильного разрушения значительных участков платформы местонахождение ведущей к храму лестницы непосредственно в ходе раскопок зафиксировано не было. Тем не менее, учитывая данные других памятников подобного типа; в том числе позднееврейских храмов Эреду, а также опираясь на имеющийся в нашем распоряжении план строения храма 1 (рис. 5, 1), можно с высокой до-

²⁵ Ibid. S. 176–179.

²⁶ Ibid. S. 179–180.

лей вероятности предположить, что парадная лестница находилась в центральной части северо-восточной (длинной) стороны платформы.

С внешней стороны платформа состояла из обожженных глиняных кирпичей нерегулярных размеров, в кладку которых было включено значительное количество фрагментов керамики и других небольших объектов²⁷. Возможно, эти находки представляют собой свидетельства жертвенных закладов, совершенных при возведении рассматриваемых сооружений.

В строительных уровнях, соответствующих времени функционирования храмов 2 и 1, на участках, к ним примыкающих, выявлены остатки специально оборудованных устройств в виде каналов, в определенный период обнесенных по краям оградами. Исходя из того, что данные устройства непосредственно были связаны с платформами храмов, содержали следы огня и золы, исследователи рассматривают их как места для жертвоприношений путем сжигания. Ю. Шмидт считает, что эти устройства находились как в материальной, так и в нематериальной зависимости от «огненного алтаря», располагавшегося в храме. К определенным праздникам священный огонь мог выноситься из здания для того, чтобы с края платформы поджигалось содержимое жертвенных канав²⁸.

Керамическая коллекция показывает, что культовые сооружения Урука являлись современниками храмов VII–VI в Эреду. К сожалению, вкопанный в убейдские слои памятника фундамент Каменного здания существенно нарушил стратиграфические связи между уровнями храмов 1 и 2, а также общую последовательность убейдских слоев на этом участке. Однако установлено, что храм 1 в дальнейшем, очевидно, перестраивался, а еще позднее остатки последовательно функционировавших здесь культовых сооружений были включены в террасу зиккурата Ану (рис. 6)²⁹.

Таким образом, исходя из имеющихся материалов, можно заключить, что в Варке, как и в Абу-Шахрайне, наблюдается преемственность религиозной архитектурной традиции не только в передаче основных характеристик от древнейших культовых построек к храмовым сооружениям более позднего времени, но и в выборе места для их возведения. Расположение в особом районе поселения, строительство платформы, «трехчастный» план сооружений, символическое украшение их стен пилястрами и нишами, наличие «алтарей» и подиума на центральной оси залов, специальных устройств для жертвоприношений путем сжигания, строгая симметрия храмов Урука, несомненно, показывают аналогичные черты синхронных им по времени функционирования храмов позднеубейдского периода в Эреду.

В дальнейшем с территориальным распространением убейдской культуры эти особенности будут восприняты в центральных и северных районах Двуречья. Не менее важно и то, что именно эти характеристики лягут в основу архитектурной традиции храмового строительства последующих периодов истории древней Месопотамии.

²⁷ Ibid. S. 180.

²⁸ Ibid.

²⁹ Ibid. S. 182; Oates J. Ubaid Mesopotamia Reconsidered // The Hilly Flanks and Beyond: Essays on the Prehistory of South Western Asia. Presented to R.J. Braidwood / Ed. T.C. Young et al. Chicago, 1983. P. 251; Oates D. Different Traditions in Mesopotamian Temple Architecture in the Fourth Millennium B.C. // Prehistoire de la Mesopotamie. P., 1987. P. 382.

CULT ARCHITECTURE OF SOUTH MESOPOTAMIA OF THE UBAID TIME

(*On the Material of Eridu and Uruk*)

T. V. Kornienko

The paper considers the early period of the development of cult architecture in South Mesopotamia. The main source explored is the excavation material from Abu Shahrein and Warka compared with contemporary monuments of Central and North Mesopotamia, as well as with monuments of earlier and later periods of Mesopotamian history.

Nineteen layers of Eridu demonstrate step-by-step development of the «nuclear» area first of Ubaid, and later of Sumerian culture from the VI mill. BC on. Both in Warka and in Abu Shahrein traditions of religious architecture are to be seen not only in the continuity of basic characteristics from the earliest cult buildings up to the later temples, but also in the choice of the building site. The location in a special part of the settlement, the platform, tripartite layout, symbolic pilasters and niches decorating the walls, alters and podium on the central axe of the rooms, special equipment for burning the sacrifices and strict symmetry of the temples in Uruk are explicitly analogous to the contemporary cult buildings of later Ubaid period in Eridu.

In the course of the subsequent spread of Ubaid culture these characteristic elements were accepted in central and northern parts of Mesopotamia. These very elements, remarkably, constituted the basis of architectural tradition of temple-building in later periods of ancient Mesopotamia.

В. В. Шувалов

МОРСКАЯ ПРОГРАММА ФЕМИСТОКЛА

География Греции создавала уникальные возможности для развития мореплавания и прямо подталкивала к нему народы, населявшие Эгеиду с древнейших времен. В условиях, когда сообщение между различными областями Греции затруднено горными цепями, наиболее доступным, быстрым и дешевым путем, соединявшим греческие государства, было море. Понятно, что налаживание морских коммуникаций и контроль над важнейшими из них могли принести ощутимые выгоды и во многом обеспечить решение внутренних проблем. Так что греки обратились к морскому делу с самого начала цивилизации и превзошли в этом отношении все остальные древние общества¹.

Морская политика занимала видное место в жизни многих полисов, но особенно больших успехов здесь смогли достигнуть Афины в V в. до н.э. Полностью сконцентрировав усилия на развитии морского дела, они за достаточно короткий срок сумели опередить всех в этой области.

Своеобразным итогом развития афинской морской политики стало строительство флота в 483 г. до н.э. по морской программе Фемистокла, без чего невозможно было бы создание в 478 г. I Афинского морского союза. Используя эту организацию в своих целях, афиняне к концу 40-х годов V в. превратились в самое могущественное государство Греции, почти полностью контролировавшее Восточное Средиземноморье. Господство на море предоставило Афинам также небывалые доселе возможности для интенсивного внутреннего развития.

Но всегда нужно помнить о том, что морское могущество Афин в V в. до н.э. было следствием деятельности одного из гениальнейших политиков древности – Фемистокла. В известной степени именно его морская политика стала центральным событием истории Афин классической эпохи, событием, которое задало вектор развития политики Афин, как внутренней, так и внешней. Учитывая это обстоятельство, которое не может не привлекать к себе самого пристального внимания, в настоящей статье мы намерены поставить в центр исследования главное дело Фемистокла – его морскую программу.

Традиционный взгляд на Фемистокла как на главу радикально-демократической группировки афинского общества², был подвергнут критике в 60-е годы XX в. Так, Ф. Фрост утверждает, что демократическую окраску придал Фемистоклу только Аристотель, характеристика которого была полностью усвоена Плутархом. По мнению американского исследователя, древний философ мо-

¹ Интерес ученого сообщества к теме «греки и море» в последнее время продолжает расти, см. *Griechland und das Meer. Beiträge eines Symposions in Frankfurt im Dezember 1996* / Hrsg. von E. Chrysos, D. Letsios, H.A. Richter, R. Stupperich. Möhnesee, 1999.

² См., например: *Лурье С.Я. История Греции* / Сост., автор. вступит. статьи Э.Д. Фролов. СПб., 1993. С. 249; *Lenardon R.J. The Saga of Themistocles*. L., 1978. P. 56–57.

дернизировал и упрощал политическую ситуацию начала V в., рассматривая ее сквозь призму своих умозрительных представлений о четком делении государственных деятелей на аристократов и демократов. Аргументация Ф. Фроста сводится в общем к следующему. До времени Аристотеля ни один источник не называет Фемистокла демократом, проводившим политику, направленную против господства аристократии. Сама связь преобладания флота в системе вооруженных сил с демократизацией общества стала очевидна только во второй половине V в. (ср. Ps.-Xen. Ath. pol. I. 2; Plut. Them. 19), поэтому лишь с этого времени может брать начало традиция изображения Фемистокла как демократа, чему способствовала также известная древним его антиспартанская позиция по многим вопросам³.

В этом же русле лежат рассуждения отечественного ученого И.Е. Сурикова. Он приходит к выводу о том, что содержанием внутриполитической жизни Афин раннеклассического периода была борьба за власть отдельных аристократических группировок, в которой идейные убеждения не играли решающей роли⁴. Нужно заметить, что такая точка зрения была высказана еще ранее в работе К.К. Зельина, который полагал, что нельзя искать в действиях аристократов какие-то принципиальные мотивы⁵. И.Е. Суриков, впрочем, признает, что определенное различие позиций у аристократических группировок все-таки имело место, иначе было бы бессмысленно само их существование. Такое различие он видит исключительно в сфере внешней политики. В этой связи И.Е. Суриков выделяет четыре основные группы в Афинах интересующего нас времени: во-первых, явно проперсидские «друзья тиранов»; во-вторых, настроенные умеренно персофильски Алкмеониды, занимавшие в то же время антиспартанскую позицию; в-третьих, антиперсидская, но проспартанская группа, возглавляемая Мильтиадом. Фемистокл представлял четвертую группировку, враждебную как персам, так и спартанцам. Ее позицию И.Е. Суриков определяет как «опору на собственные силы»⁶.

Подробный анализ всего спектра политической жизни Афин начала V в. увел бы нас в сторону от основной задачи исследования, поэтому мы остановимся лишь на политических предпочтениях Фемистокла. В самом деле, нам не известно ни об одной строго демократической реформе, инициатором которой он был. Данные античной традиции о Фемистокле заставляют нас признать, что вся его деятельность, пока он играл первую роль в государстве, была направлена только на то, чтобы сделать Афины безусловным лидером греческого мира, т.е. выходила за рамки борьбы за ту или иную форму государственного устройства общества. Поэтому и в самом деле, мы не можем рассматривать Фемистокла как политика, принципиально придерживающегося демократической ориентации в духе Эфиальта или Перикла. Нельзя назвать его также и олигархом. Скорее всего, как мы полагаем, для его мировоззрения не имела определяющего значения проблема выбора между той или иной альтернативой внутриполи-

³ Frost F.J. Themistocles' Place in Athenian Politics // CSCA. 1968. Vol. 1. P. 105–124.

⁴ Суриков И.Е. Политическая борьба в Афинах в начале V в. до н.э. и первые остракофории // ВДИ. 2001. № 2. С. 123–124.

⁵ Зельин К.К. Борьба политических группировок в Аттике в VI в. до н.э. М., 1964. С. 250.

⁶ Суриков И.Е. Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох: Род Алкмеонидов в политической жизни Афин VII–V вв. до н.э. М., 2000. С. 178; он же. Политическая борьба... С. 123–126.

тического развития Афин. Фемистокл стремился прежде всего сделать Афины гегемоном Греции⁷, не забывая и о своих личных амбициях.

Однако подчеркнем, что уже не одно столетие греки жили в условиях, когда значимость того или иного слоя граждан в жизни государства в значительной степени определялась тем местом, которое он занимал в системе вооруженных сил. Что касается экипажей военных кораблей, то они стали бы набираться в основном из фетов – беднейшего слоя афинского гражданства. Так что, вне всякого сомнения, и самому Фемистоклу, и его современникам было вполне очевидно, что преимущественная ориентация на море может привести к росту демократических тенденций в обществе. И Фемистокл, проводя в жизнь морскую программу, не мог не отдавать себе отчета в том, что она, по большому счету, имеет демократический характер. Но коль скоро, по его представлению, другого пути у Афин не было, то даже если он и не являлся убежденным демократом, ему пришлось бы стать им поневоле, тем более, что при реализации своих идей он сталкивался с оппозицией аристократии и вынужден был бороться как с отдельными ее представителями, так и, возможно, пытаться ослабить влияние самого этого слоя афинского общества в целом.

Таким образом, по нашему мнению, Фемистокл, начиная политическую карьеру, уже имел четкую программу, направленную на создание из Афин мощного государства, превосходящего все иные силы в регионе. Эту программу по праву можно назвать морской, так как инструментом для ее выполнения должен был стать сильнейший в Средиземноморье флот, который необходимо было построить. Поскольку было ясно, что реализация его идей, скорее всего, приведет к демократизации афинского общества, а значит, ему придется вести борьбу с оппозицией аристократии, Фемистокл мог стать центром притяжения антиаристократических сил, и в этом смысле его можно, хотя и с оговорками, высказанными нами выше, назвать все-таки лидером афинских демократов.

Появление Фемистокла с его идеей о трансформации Афин в морскую державу стало поистине спасением для Афинского государства. Здесь мы, вне всякого сомнения, сталкиваемся с общей проблемой влияния персонального фактора на исторический процесс. Попытка решить ее в данном контексте требует, чтобы в многообразной деятельности Фемистокла была выявлена суть, а с другой стороны, чтобы сама эта деятельность была поставлена в контекст исторических реалий раннеархаических Афин, что мы и намерены предпринять.

В 493 г. после подавления персами восстания ионийцев Афины окончательно лишились всех своих владений на севере и северо-востоке Эгейды (Herod. V. 1–2; 26; VI. 31–33; 41). То, к чему так долго, шаг за шагом, стремилось Афинское государство, – контроль над морским путем в Причерноморье – было утрачено. Это стало тем более страшным ударом, что данный торговый путь был уже необходимым сегментом аттической экономики. В этой ситуации тем, кто видел будущее Афин в качестве наиболее экономически развитого полиса, каковым они уже в значительной степени являлись, приходилось думать о том, каким об-

⁷ И для этого в понимании Фемистокла хороши были любые средства. Согласно античной традиции, после победы в Саламинском сражении он задумал поджечь эллинский флот, чтобы Афины остались единственной морской державой Греции (Cic. De offic. 3. 49; Plut. Them. 20). Этот эпизод ярко свидетельствует о том, насколько Фемистокл был поглощен своей идеей – он был готов буквально на все ради ее воплощения; именно она была целью его жизни, а не собственно утверждение демократических принципов в Афинах.

разом вернуть утраченные позиции. Подавление Ионийского восстания показало всю военную мощь Персидского государства. Так что надеяться на постепенную эволюцию морского дела стало далее невозможно. Рассчитывать на возвращение заморских владений можно было только при условии быстрого и качественного скачка в этом процессе. Нужно было создать такой флот, который станет неодолимой силой в Эгейде, тем более что уже реальной была угроза вторжения в саму Аттику, и на повестку дня вставал вопрос о способе защиты. В Афинах в этой связи начинали понимать необходимость уделять большее внимание морской политике, чем до сих пор. Именно поэтому тогда же, в 493 г., впервые на политическую сцену выступил Фемистокл со своей морской программой.

Итак, геополитическая ситуация в Восточном Средиземноморье в начале V в. сложилась таким образом, что у афинян оставался лишь один путь для сохранения перспектив развития своего государства как одного из ведущих в греческом мире. Этот путь – форсированное создание могущественного военного флота в кратчайший, по возможности, срок. Разумеется, в те времена это далеко не было так очевидно, как теперь, спустя тысячелетия. Этим и объясняется гениальность Фемистокла, который уже тогда ясно осознал, в чем именно лежит будущность Афин, и все силы своего таланта направил на превращение родного города в морскую державу.

В начале же классической эпохи в греческом обществе господствующим оставался традиционалистский взгляд на политику, в соответствии с которым было немыслимым разом порвать с привычным образом жизни и все силы государства посвятить морскому делу. Кроме того, строительство и содержание флота было чрезвычайно дорогим «удовольствием», так что если предаться ему всецело (а только в этом случае можно было всерьез рассчитывать на успех), то пришлось бы пренебречь всеми другими делами, заставив работать государственные финансы почти исключительно на флот, по крайней мере в первые годы. К тому же гарантий успеха никто дать не мог, а последствия перенесения центра тяжести политики на море одних пугали своей непредсказуемостью, а других – неизбежными переменами в социально-политической жизни не в лучшую для них сторону (об этом чуть позже). Кроме того, тогда еще не успели сказаться в полной мере все последствия перехода в руки персов афинских заморских владений.

Все эти обстоятельства привели к тому, что, хотя объективно ситуация складывалась в пользу Фемистокла, ему все же пришлось выдержать самую серьезную борьбу за реализацию своих идей. Она заняла по меньшей мере десять лет и была довольно тяжела и поначалу непредсказуема, однако ему помогли даже случайные события, сами по себе не способные оказать решающего значения на внутреннюю политику. Очевидно, уже тогда обозначился вектор развития Афинского государства, и деятельность Фемистокла объективно ускоряла движение Афин по этому пути.

Фемистокл родился в 524 г.⁸ в знатной, но не относившейся к высшей афинской аристократии семье (Her. Them. 1; Plut. Them. 1). По вполне разумному предположению Дж. Дэвиса, он принадлежал к младшей ветви рода Ликомидов, так как был демотом не Флии, где располагалось культовое святилище рода, а

⁸ В датировке событий, связанных с биографией Фемистокла, мы придерживаемся устоявшейся в науке хронологии Р. Ленардона (*Lenardon R.J. The Chronology of Themistokles Ostracism and Exile // Historia. 1959. Bd 98. Hf 1. S. 23–48*).

Фреария (Plut. Them. 1)⁹. К тому же его мать не была афинянкой (Nep. Them. 1; Plut. Them. 1; Athen. XIII. 37), что, впрочем, тогда большого значения иметь не могло.

На характере Фемистокла, безусловно, сказалось то, что он не был равным среди аристократов, определявших политическую жизнь Афин. Так случилось, что его более или менее близкие предки политикой не занимались. Дж. Дэвис совершенно справедливо замечает, что рассказ Плутарха (Them. 2) о том, что отец старался отвлечь молодого Фемистокла от общественной деятельности, означает, что в этой семье не было каких-либо традиций в этой области, и Фемистокл, в отсутствие такой преемственности, вынужден был самостоятельно искать пути для утверждения себя в качестве политика, опираясь исключительно на свой потенциал¹⁰.

Естественно, такое положение дел вызывало неизбежные трудности в начале его восхождения к политическим вершинам, но давало также и определенные преимущества. Личность Фемистокла была свободна от выработанных веками политических стереотипов и предпочтений, которые пришлось бы, конечно, с большим трудом преодолевать, будь он выходцем из, скажем, Алкмеонидов. У Фемистокла довольно рано, по крайней мере еще до того, как он впервые выступил в качестве общественного деятеля в 493 г., сформировалась собственная программа, которую он последовательно и настойчиво претворял в жизнь до тех пор, пока не был изгнан остракизмом в 474 г.¹¹

Начало его карьеры, скорее всего, было прямо связано с подавлением восстания ионийцев в 494 г., что, в свою очередь, влекло за собой угрозу безопасности самих Афин, бывших их союзниками. Потеря владений на северо-востоке Эгеиды теперь казалась почти неизбежной. В этой ситуации Фемистоклу впервые удалось убедить афинян в необходимости скорейшего принятия решительных мер по повышению боеспособности флота. Он был избран архонтом на 493 г. (Thuc. I. 93. 3; Dion. Hal. Antiq. VI. 34. 1)¹², как представляется, благодаря поддержке афинянами уже ставших известными идей Фемистокла. Едва ли можно согласиться с мнением И.Е. Сурикова о том, что поначалу Фемистокл примыкал к Алкмеонидам. Аргументы, к которым он прибегает, – в родном деме Фемистокла Фреарии находились родовые поместья Алкмеонидов, а его жена Архиппа происходила из дема Алопека (Plut. Them. 32), где располагалась главная резиденция Алкмеонидов¹³, – вряд ли могут быть признаны вполне убедительными. То, что Фемистокл сразу же приступил к выполнению морской программы, наводит на мысль о том, что с момента своего появления на политической сцене он неразрывно связывал свою деятельность с морем. Взгляды же Алкме-

⁹ Davies J.K. *Athenian Propertied Families 600–300 B.C.* Oxf., 1971. P. 212.

¹⁰ Ibid. P. 213. Not. 1. Ср. Суриков. Из истории... С. 178–179; он же. Политическая борьба... С. 126.

¹¹ О жизни Фемистокла после изгнания из Афин из новейших исследований см. Keaveney A. *The Life and Journey of Athenian Statesman Themistocles (524–460 B.C.?) as a Refugee in Persia.* Levinston–Queenston–Lampeter, 2003.

¹² Еще М.С. Кутюра убедительно доказал, что архонт 493 г. и есть наш Фемистокл (Персидские войны. СПб., 1858. С. 66–74), впрочем, время от времени эта ставшая традиционной датировка подвергается сомнению (Пельман Р. Очерк греческой истории и источниковедения / Пер. С.А. Князькова. СПб., 1910. С. 126; ср. Lenardon R.J. *The Archonship of Themistokles* // *Historia*. 1956. Bd 5. Hf 4. S. 401 ff.; *idem*. *The Saga of Themistocles*. P. 46.

¹³ Суриков И.Е. Из истории... С. 179; он же. Политическая борьба... С. 126.

онидов совершенно расходились с его идеями, с чем, кстати, согласен И.Е. Суриков (см. выше). Правильнее было бы, на наш взгляд, рассматривать Фемистокла как изначально самостоятельного политика.

Итак, будучи архонтом, в 493 г. Фемистокл начал работы по укреплению Пирея (Thuc. I. 93. 3; Paus. I. 1. 2)¹⁴. Афинским портом на южном побережье Аттики издавна был Фалер, так как именно в этом месте море ближе всего подходило к городу (Paus. I. 1. 2). Гавань была довольно мала (Diod. XI. 41. 2), но до поры до времени афиняне вполне довольствовались ее возможностями. Западнее был расположен Пирей. Хотя путь в него из Афин был длиннее, но этот полуостров обладал значительными преимуществами над Фалером. Он имел не одну, а три гавани, к тому же отвесные скалы прекрасно защищали глубоководные заливы. Очевидно, что только Пирей мог быть лучшей базой для флота, способной вместить в своих бухтах самое большое количество судов и обеспечить их надежную защиту от непогоды и неприятеля. Вероятно, еще Гипсий хотел устроить здесь главный афинский порт: во всяком случае, в 511 г., по свидетельству Аристотеля (Ath. pol. 19. 2), он начал укреплять одну из гаваней Пирея – Мунихию, намереваясь даже туда переселиться, но пока шли работы, потерял власть.

Фемистокл теперь вновь взялся за это дело, понимая, что большой флот, который он намеревался построить, нуждался в соответствующих гаванях – в Фалере и Прасии попросту не хватило бы места для создания нормальной инфраструктуры. Впрочем, едва начавшись, эти работы были скоро приостановлены. Завершить их Фемистокл смог лишь в 70-е годы (Thuc. I. 93. 3–6; Diod. XI. 41. 2–3; Plut. Them. 19)¹⁵.

М.С. Куторга и С.Я. Лурье считают, что в год своего архонства Фемистокл добился также постройки триер¹⁶, однако флот не мог быть построен так рано – все источники (Herod. VII. 144; Aristot. Ath. pol. 22. 7; Plut. Them. 4) говорят, что строительство триер началось лишь в 483 г. Тем не менее вполне разумным будет предположить, что вместе с идеей о переносе главной гавани в Пирей Фемистокл мог уже тогда начать серьезные разговоры о необходимости строительства большого флота из триер, для которого Пирей служил бы прекрасной гаванью. К сожалению, убедить в этом сограждан ему не удалось, и более того, весьма скоро даже его программа по укреплению Пирея была признана нецелесообразной, и все работы прекратились. С чем же была связана неудача, постигшая Фемистокла?

В это время сильнейшей группировкой в Афинах были Алкмеониды¹⁷. Скорее всего, представители этого древнего знатного рода приняли в штыки морскую программу, могущую стать основанием для прихода к власти в будущем

¹⁴ Ф. Фрост считает, что укрепление Пирея в 493 г. вовсе не обязательно связывать с деятельностью самого Фемистокла, но это мероприятие могло быть инициировано лидерами Совета после подавления Ионийского восстания (Frost F.J. Themistocles' Place in Athenian Politics. P. 115). Однако источники говорят о непосредственном отношении Фемистокла к строительству нового порта, относя его начало к 493 г. Вообще участие Фемистокла в данном предприятии кажется настолько органичным, что его можно было бы предположить даже при отсутствии прямых указаний об этом в источниках, учитывая последующий ход событий.

¹⁵ Еще в 480 г. главным афинским портом оставался Фалер (Herod. V. 85; VI. 116; Diod. XI. 41. 2).

¹⁶ Куторга. Персидские войны. С. 209; Лурье. История Греции. С. 253.

¹⁷ Суриков. Из истории... С. 179; он же. Политическая борьба... С. 126; Thomsen R. The Origin of Ostracism, Copenhagen, 1972. P. 129.

демократических элементов. Принимая также во внимание их стремление не осложнять отношений с персами (см. выше) и то, что чуть позже, в 80-е годы, к поражению этого рода в политической борьбе, вероятнее всего, приложил руку Фемистокл (об этом речь пойдет ниже), можно с большой долей вероятности предположить, что оппозиция Алкмеонидов стала одной из причин сворачивания Фемистоклом своей программы. Но, конечно, не единственной.

В 493 г., лишившись своих владений на Херсонесе Фракийском, в Афины прибыл Мильтиад (Herod. VI. 31–33; 41). Поскольку источники сохранили сведения о его ярко выраженных антиперсидских настроениях (Herod. IV. 137), в науке существует гипотеза о союзнических отношениях Фемистокла и Мильтиада, связанных общей целью – борьбой с Алкмеонидами¹⁸. Однако, как нам представляется, Мильтиад, так же, как и Алкмеониды, мог сыграть роковую роль в судьбе начатого строительства в Пирее. Плутарх сохранил свидетельство Стесимброта о том, что Фемистокл сумел провести морскую программу, добившись победы над Мильтиадом, который был против нее (Them. 4). Это сообщение на первый взгляд кажется анахронизмом, ведь известно, что Мильтиад умер еще в 489 г., за 6 лет до описываемых Плутархом событий (Herod. VI. 136; Nep. Milt. 7. 5–6). Тем не менее ряд соображений заставляет нас отнестись к нему со всей серьезностью. Во-первых, тот же Плутарх рассказывает о беспокойстве, которое вызвала у Фемистокла слава Мильтиада после победы в Марафонском сражении (Them. 3). Может быть, в этом отразилась не только личная зависть человека, но и сожаление политика о росте могущества своего соперника. На мысль о расхождении их убеждений наводит то, что спустя несколько лет противником Фемистокла станет сын Мильтиада Кимон (Plut. Them. 20; Cim. 5; 16), унаследовавший политические взгляды своего отца. Во-вторых, Стесимброт написал сочинение «О Фемистокле, Фукидиде и Перикле», современником которых был (Plut. Cim. 4; Athen. 13. 56), так что его свидетельство следует признать имеющим большую ценность. В этом вопросе мы полностью разделяем гипотезу Э. Грюина, считающего, что хронологическую путаницу в свой рассказ ввел сам Плутарх, который в контекст событий 483 г. включил свидетельство Стесимброта, относящееся к 493 г.¹⁹

Таким образом, можно предположить, что противодействие Мильтиада стало еще одной причиной неудачи Фемистокла, которую он потерпел в 493 г. Мильтиад, сам проводивший активную морскую политику (Herod. VI. 41; 104; 140; Diod. X. 19. 6; Nep. Milt. 1), не мог разойтись с Фемистоклом в этом вопросе. Корень их противоречий, вероятнее всего, лежал в том, что представитель одного из знатнейших греческих родов – Филаидов, прекрасно понимая к каким внутриполитическим изменениям может привести реализация идей Фемистокла, конечно, не желал таких перемен²⁰ (для него, в отличие от Фемистокла, этот вопрос имел, очевидно, определяющее значение). Разумеется, как в случае с Алкмеонидами, так и в этом, играло свою роль и личное соперничество борющихся за власть политиков.

¹⁸ Суриков. Из истории... С. 180; он же. Политическая борьба... С. 127; Robinson C.A. The Struggle for Power at Athens in the Early Fifth Century // AJPh. 1939. Vol. 60. № 2. P. 234–235; Lenardon. The Archonship of Themistokles. S. 411, 418. Ср. Labarbe J. La loi navale de Themistocle. P., 1957. P. 86. Not. 2.

¹⁹ Gruen E.S. Stesimbrotus on Miltiades and Themistocles // CSCA. 1970. Vol. 3. P. 91–98.

²⁰ Ср. Холмогоров В.И. Греко-персидские войны // Древняя Греция. М., 1956. С. 177; Gruen. Stesimbrotus... P. 97; Williams G.M.E. Athenian Politics 508/7–480 B.C.: A Reappraisal // Athenaeum. Vol. 60. Fasc. 3–4. 1982. P. 532.

К этим субъективным моментам прибавлялось еще одно очень важное объективное обстоятельство, которое мы уже отмечали, – чрезвычайная дороговизна предприятия, задуманного Фемистоклом. Можно предположить, что Фемистокл, избранный архонтом шокированным известием о разгроме ионийцев гражданами, сумел изыскать средства только на начало строительных работ в Пирее, намереваясь приступить к постройке триер чуть позже, когда в его распоряжении окажется необходимое количество денег. Но когда народ оправился от ужаса, когда была проведена соответствующая агитация противниками Фемистокла (которые, помимо прочего, надо думать, убедительно растолковали, на какие расходы вынуждено будет пойти государство и каждый гражданин лично, чтобы флот был построен), было решено отказаться от активных действий, но приступить к созданию такого гражданского ополчения, которое могло бы противодействовать персидскому войску и ограничиться сухопутной обороной Аттики в тесном союзе со спартанцами. В такой ситуации строительство нового порта оказалось попросту неактуальным.

Возможно, что Фемистокл не сдался без боя. Все в том же 493 г. была поставлена драма Фриниха «Взятис Милета», которая произвела такое большое впечатление на афинян, что они, будучи сильно расстроены напоминанием о печальных событиях, оштрафовали автора на 1000 драхм и запретили впредь ставить эту драму (Herod. VI. 21). Нам известно, что позже, в 477 г., Фемистокл был хорегом Фриниха (Plut. Them. 5). Учитывая это, многие исследователи считают, что Фемистокл, если и не был хорегом при постановке скандальной драмы, то вполне мог выступить инициатором такой постановки или по меньшей мере поддержать ее²¹. В самом деле, добившись первых успехов благодаря эмоциональному взрыву, Фемистокл, возможно, рассчитывал вернуть позиции, которые уже начал утрачивать, напомнив гражданам о персидской угрозе и вновь вызвав желание освободить поработанных соплеменников – ионийцев, опять надеясь добиться благоприятного для себя исхода, сыграв на чувствах людей; но попытка оказалась неудачной. Впрочем, нужно признать, что эта реконструкция событий, хотя и вполне правдоподобна, но основана только на косвенных данных и общих соображениях.

Фемистокл сражался вместе со своими согражданами в 490 г. при Марафоне (Plut. Arist. 5). Победа в этой битве сделала менее весомыми ряд его аргументов. Персы были разбиты благодаря традиционной греческой тактике в сухопутном бою, причем главная заслуга в этом принадлежала Мильтиаду – его оппоненту. Все были убеждены, что теперь персы оставят мысли о вторжении в Аттику. Фемистоклу приходилось доказывать, что главная борьба еще впереди (Plut. Them. 3). Впрочем, скоро стали поступать сведения о грандиозных приготовлениях Дария к новому походу (Herod. VII. 1 sqq.; 20; Thuc. I. 14. 3; Plat. Leg. III. 698 e; Diod. XI. 1–2). Но в ситуации, когда афиняне убедились в возможности одолеть персов на суше, трудно было внушить им мысль о необходимости перенесения войны на море, тем более, что противники морской программы из числа стоявших у власти в тот момент, конечно, вели контрпропаганду.

²¹ Лурье. История Греции. С. 249; Суриков. Из истории... С. 180; он же. Политическая борьба... С. 126–127; Forrest W.G. Themistokles and Argos // ClQ. 1960. Vol. 10. № 2. P. 235; Gruen. Stesimbrotus... P. 97. Противоположная точка зрения представлена в работах: Frost. Themistocles' Place in Athenian Politics. P. 116; Williams. Athenian Politics... P. 530. Not. 440; Labarbe J. La loi navale de Thémistocle. P. 86. Not. 1.

Однако на помощь Фемистоклу пришел случай – событие несоизмеримо меньшего масштаба, чем предстоящая война с персами, но тем не менее заставившее афинян вновь прислушаться к нему. В 489 г. умирает один из основных соперников Фемистокла – Мильтиад (Herod. VI. 136; Nep. Milt. 7. 5–6), а в следующем году начинается война с Эгиней.

Соперничество двух государств началось еще в VI в. (Herod. V. 85 sqq.) и, конечно, было связано с разногласиями в сфере морской политики, поскольку они разделены морем. Дело дошло до открытой конфронтации – эгинцы начали опустошать берега Аттики (Herod. V. 89), но вскоре, по-видимому, накал борьбы стих. Новый виток напряженности в отношениях двух государств был связан с тем, что Эгина признала власть персов. Афиняне всерьез стали опасаться, что остров может стать прекрасным плацдармом для персидской агрессии, и убедили Спарту оказать им содействие в нейтрализации этой угрозы. С этой целью спартанцы заставили эгинцев выдать им десять самых богатых и знатных граждан, которые в качестве заложников были отправлены в 491 г. в Афины (Herod. VI. 49–50; 73). Спустя два года эгинцы выступили в Спарте с ходатайством о возвращении заложников, которое было удовлетворено. Царь Леотихид лично отправился в Афины с требованием вернуть эгинских пленников, но получил отказ. Тогда эгинцы захватили афинский священный корабль и бросили в оковы всех знатных граждан, находившихся на нем (Herod. VI. 85–87). Началась война. Попытка афинян прийти на помощь поддерживавшей их партии, которая сумела захватить часть города, провалилась из-за недостатка боевых судов. Восстание было подавлено, и хотя афиняне потом добились ряда успехов в этой войне, но в конце концов небольшой аттический флот был разгромлен, четыре корабля были захвачены вместе с экипажем, и стратегическая инициатива перешла к Эгине (Herod. VI. 88–93; VII. 145).

Позволим себе высказать ряд соображений о том, почему этот, казалось бы, заурядный локальный конфликт, каких и ранее было много в истории Афин, возрос в глазах афинян до таких масштабов, что заставил их реформировать структуру своих вооруженных сил, отведя в ней военному флоту отныне первое место. Дело в том, что сложившееся положение можно было назвать близким к катастрофическому. Потеря причерноморских проливов практически свела на нет поставку понтийского хлеба. По всей видимости, афиняне вынуждены были переориентировать свои торговые пути в южном направлении, может быть, довольствуясь пока торговлей хлебом с Западом через посредничество Коринфа. Эгинцы теперь, скорее всего, перекрыли и этот путь. Перед взорами афинян, должно быть, все явственнее вырасталась угроза продовольственного кризиса. Без создания сильного флота нечего было и думать о победе. На решимости афинян принять, наконец, программу Фемистокла сказывалась и близость врага, и кажущаяся легкость победы над ним, в случае, разумеется, если триеры будут построены, и то, что потери, которые несли афиняне в результате неудач, постигших их в этой войне, сказывались очень быстро на каждом из жителей Аттики²². Всех этих факторов не доставало Фемистоклу ранее, когда он пытался убедить сограждан в необходимости наступательной, морской войны с Персидской державой.

²² О стремлении к независимости в снабжении города зерном как об одном из факторов, повлиявших на принятие афинянами морской программы Фемистокла, см. *Quéyrel A. Athènes. La cité archaïque et classique du VIII-e siècle à la fin du V-e siècle*. P. 2003. P. 86.

Вне всякого сомнения, с началом Эгинской войны Фемистокл усилил агитацию за строительство флота. Никаких данных о его деятельности в эти годы традиция не сохранила. Тем не менее можно высказать ряд предположений. В 487 г. была проведена реформа архонтата. На эту должность, прежде бывшую выборной, стали теперь избирать по жребию из числа намеченных предварительно демами пятисот кандидатов (Aristot. Ath. pol. 22. 5). Эта реформа была направлена против аристократических сегментов конституции Афин, значит, укладывалась в парадигму деятельности Фемистокла, поэтому не без оснований большинство ученых считает, что именно он был ее инициатором²³. К этим выводам мы могли бы прибавить еще одно соображение. Аристотель весьма красочно рассказывает о совместных действиях Фемистокла и Эфиальта, направленных на лишение ареопага реальной власти (Ath. pol. 25). Широко известно, что Эфиальт провел данную реформу в 462 г., когда Фемистокл давно уже находился вне Греции. Поэтому вся эта история является не более чем анекдотом, но, возможно, он возник не на пустом месте, ведь снижение авторитета архонтов ударяло и по ареопагу, поскольку из бывших архонтов он кооптировался. И если предположить, что преобразования 487 г. были делом рук Фемистокла, то представляется вполне вероятным, что в сознании древних падение могущества ареопага связывалось не только с тем, кто, собственно, это могущество уничтожил, т.е. с Эфиальтом, но и с его предшественником Фемистоклом, нанесшим первый удар по авторитету древнего органа власти. Отсюда и могла родиться легенда об их совместных действиях.

Итак, ослабив авторитет высшей государственной должности, которую сам Фемистокл вторично занять уже не мог и которую, очевидно, ранее широко использовали враги для его дискредитации, он повел решительную борьбу со своими противниками. В 487 г. остракизмом был изгнан Гиппарх, сын Харма, один из родственников Писистрата, в последующие годы – Алкмеониды Мегакл и Ксантипп, некоторые другие (Aristot. Ath. pol. 22. 4–6)²⁴. О причинах их изгнания никаких данных нет, но многие ученые связывают эту беспрецедентную серию остракофорий с борьбой вокруг программы Фемистокла, из которой последний вышел победителем. Кое-кто исключает из этого ряда Гиппарха, ведь он мог быть скомпрометирован появлением бывшего тирана Гиппия в персидском войске при Марафоне (Herod. VI. 107–108), и в его изгнании были заинтересованы почти все²⁵. Такое предположение весьма резонно – трудно представить, что

²³ Пельман. Очерк греческой истории... С. 126; Колобова К.М. Древний город Афины и его памятники. Л., 1961. С. 81–82; Строецкий В.М. Внутриполитическая борьба в Афинах в период Греко-персидских войн (Фемистокл и Аристид) // Социальная борьба и политическая идеология в античном мире. Л., 1989. С. 45; Robinson. The Struggle for Power... P. 237; Burn A.R. Persia and the Greeks. L., 1962. P. 284–285. Некоторые исследователи более осторожны: они думают, что здесь рискованы любые предположения, поскольку состояние наших источников не дает возможности утверждать что-либо об этом с полной уверенностью (Бузескул В.П. История афинской демократии. СПб., 1909. С. 104; Williams. Athenian Politics... P. 538–539. Последний, правда, замечает, что в принципе, подобного рода реформу вполне мог бы провести Фемистокл). Ю. Белох приписывает данное нововведение Аристиду (История Греции / Пер. М. Гершензона. Т. 1. М., 1905. С. 220).

²⁴ Суриков. Политическая борьба... С. 127–128.

²⁵ Пельман. Очерк греческой истории... С. 126; Лурье. История Греции. С. 258; Суриков. Из истории... С. 180–181; он же. Политическая борьба... С. 127–128; Robinson. The Struggle for Power... P. 236; Lenardon. The Archonship of Themistokles. S. 419; idem. The Saga of Themistocles. P. 47; Williams. Athenian Politics... P. 539.

Фемистокл оставался безучастным в той борьбе, которая вызвала этот ряд изгнаний. Более того, ряд острака этого времени, извлеченные из земли современными археологами, содержат имя Фемистокла²⁶, так что не приходится сомневаться в том, что он был одной из фигур в этой политической схватке. Уже в 483 г. Фемистокл станет единоличным лидером Афинского государства, поэтому мы с полным основанием можем присоединиться к мнению большинства исследователей о том, что остракизмы 80-х годов явились следствием разгрома Фемистоклом своих оппонентов в долгой и непростой борьбе.

Ее заключительным и самым сложным этапом стало противостояние с Аристидом. Источники сообщают о длительной и принципиальной борьбе этих двух выдающихся государственных деятелей (Herod. VIII. 79; Plut. Them. 3–5; Arist. 2–3; 7). Большую роль в ней имело личное соперничество за влияние на ход государственных дел, но, разумеется, было бы неправильно исключать и фундаментальные различия в их взглядах на будущее родного государства. В 70-е годы Аристид сыграет ключевую роль в организации I Афинского морского союза, а значит, он не был против усиления морского могущества Афин в принципе. Как уже давно предположили ученые, Аристид выступил против программы Фемистокла, так как понимал, что ее реализация приведет к усилению радикально-демократических тенденций в государстве, чего первый не желал принимать²⁷. Его же соперник, как уже отмечалось, вовсе не был против такого поворота событий.

За каждым из них стояли мощные политические группировки. Автору морской программы, вероятно, пришлось полностью использовать весь свой опыт борьбы, накопленный в предыдущие годы. Фемистокл проявил большую изобретательность в методах завоевания общественной поддержки, поскольку за короткое время, по словам Плутарха, «прозвище Справедливого, вначале доставлявшее Аристиду любовь афинян, позже обратилось в источник ненависти к нему, главным образом потому, что Фемистокл распространял слухи, будто Аристид, разбирая и решая все дела сам, упразднил суды и незаметно для сограждан сделался единовластным правителем...» (Arist. 7; пер. С.П. Маркиша). Конкуренты Фемистокла также не дремали. В 1937 г. в Афинах были найдены 191 острака с именем Фемистокла, причем они надписаны всего 14 почерками. Почти наверняка мы имеем здесь результат работы враждебной ему гетерии, подготовившей голоса для неграмотных или тех, кто уже определился с решением изгнать Фемистокла. Все эти черепки датируются концом 80-х годов V в.²⁸ Скорее всего, их можно связать с борьбой Фемистокла с Аристидом, в которой, как мы видим, Фемистокл вполне мог потерпеть поражение. И все же ситуация складывалась в его пользу, о чем мы уже говорили, и ему удалось одолеть своего самого грозного соперника – в 483 г. Аристид был изгнан остракизмом (Aristot. Ath. pol. 22. 7–8; Plut. Them. 11; Arist. 7).

Теперь, когда у Фемистокла не осталось соперников, способных оказать серьезное сопротивление его программе, можно было переходить к строительст-

²⁶ Frost. Themistocles' Place in Athenian Politics. P. 124; Lenardon. The Saga of Themistocles. P. 48–49.

²⁷ Белох. История Греции. С. 221; Пельман. Очерк греческой истории... С. 126; Холмогоров. Греко-персидские войны. С. 186.

²⁸ Broneer O. Excavation on the North Slope of the Akropolis, 1937 // Hesperia. 1938. Vol. 7. № 2. P. 228 ff.; Meiggs R., Lewis D.A. Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth Century B.C. Oxf., 1969. P. 40–47; Camp J. Mck. II, Buitron-Oliver D. Η ΓΕΝΝΗΣΗ ΤΗΣ ΔΗΜΟΚΡΑΤΙΑΣ. Κατάλογος ἐκθέσεως 9. 03–9. 05. 1993. Αθήνα, 1993. Σ. 56–58.

ву триер. Но нужно было решить еще одну проблему – найти деньги для постройки флота. И вновь на помощь Фемистоклу приходит случай. Были открыты рудники, которые сразу дали доход в 100 талантов. В античной традиции говорится, что деньги на строительство кораблей доставили Лаврийские рудники (Herod. VII. 144; Plut. Them. 4; Liban. Declam. 9. 38), и только Аристотель сообщает, что средства пришли от открытых в 483 г. залежей в Маронее (Ath. pol. 22. 7). Из всех наших источников рассказ Аристотеля о реализации морской программы самый подробный, поэтому едва ли можно противопоставлять его традиции, скорее он ее дополняет. Аристотель, по всей видимости, указывает точное местечко в Лаврионе, где была обнаружена новая жила²⁹.

Итак, большая часть необходимых для постройки кораблей средств, которые поначалу, возможно, предполагалось собрать с граждан, пришла совершенно неожиданно. Финансовая сторона вопроса была решена без серьезной нагрузки на бюджет афинян, и это явилось последним аргументом, который убедил их начать наконец строительство триер³⁰.

Решение о создании сильного флота было вызвано в первую очередь необходимостью добиться перевеса в войне с эгинцами, по крайней мере такова была официальная цель предприятия (Herod. VII. 144; Thuc. I. 14. 3; Plut. Them. 4; Polyae. I. 30. 6)³¹. Но Фемистокл смотрел гораздо дальше. По свидетельству Плутарха, он лишь использовал гнев граждан против Эгины для подготовки войны с Персией (Plut. Them. 4). Но и победа над персами не была пределом мечтаний Фемистокла. Когда корабли уже были построены, как передает тот же Плутарх, «понемного он начал увлекать граждан к морю, указывая им, что на суше они не в состоянии померяться силами даже с соседями, а при помощи сильного флота могут не только отразить варваров, но и властвовать над Элладой» (Them. 4; пер. С.И. Соболевского). Вот к чему на самом деле стремился Фемистокл, и доказательством слов Плутарха служит вся последующая деятельность создателя афинского флота.

Рассказ о том, каким образом была организована техническая сторона постройки кораблей, мы находим только у Аристотеля³², который сообщает, что в 483 г. афиняне получили прибыль в сто талантов от открытых рудников в Маронее. Фемистокл предложил дать эти деньги в долг ста богатейшим гражданам, по одному таланту каждому, и затем, если их расходование будет одобрено, долг простить, в противном же случае взыскать его. «Получив деньги на таких условиях, он распорядился (κελεύων) построить сто триер, причем каждый из этих ста человек строил одну. Это и были те триеры, на которых афиняне сражались при Саламине против варваров» (Ath. pol. 22. 7; пер. С.И. Радцига).

Р. Пельман считает, что это изложение «содержит в себе нечто совсем невероятное и анекдотическое в стиле Эфора...»³³. С такой точкой зрения невоз-

²⁹ Строецкий В.М. Морская программа Фемистокла и возникновение триерархии // Античный мир. Проблемы истории и культуры. СПб., 1998. С. 72; Lenardon. The Saga of Themistocles. P. 53–54. Ср. Labarbe. La loi navale de Thémistocle. P. 42.

³⁰ Трудно точно сказать, какое из событий – открытие новых рудников или ostracism Аристида – произошло раньше. Аристотель датирует их одним годом. Если первое предшествовало второму, то следует констатировать, что одолеть своего самого опасного противника Фемистоклу также помог случай.

³¹ Интересно, что против Эгины триеры Фемистокла так и не нашли применения (Herod. VII. 144).

³² Его почти дословно цитирует Полиэн (I. 30. 6).

³³ Пельман. Очерк греческой истории... С. 127.

можно согласиться. Конечно, трудно представить, что афиняне могли доверять, пусть даже и самому влиятельному на тот момент из своих лидеров, такую огромную сумму, совершенно не зная, на что она будет потрачена. С другой стороны, вряд ли можно ожидать, что богатые граждане, которых Фемистокл предполагал задействовать в данном деле, даже если он и посвятил их предварительно в свои планы, с легкостью согласились с такими условиями, которые не сулили им ничего, кроме беспокойства о том, как бы в итоге не лишиться весьма внушительной части своих средств. Разумеется, каждому было известно, на что пойдут эти 100 талантов, а что касается исполнителей решения народа, то здесь мы полностью согласны с мнением, высказанным еще В.П. Бузескулом: рассказ Аристотеля имеет под собой реальный факт, а именно, что постройка триер была возложена на наиболее состоятельных граждан в виде литургии, причем каждому было выделено на это по таланту, и в случае удовлетворительного исполнения корабль принимался, а в обратном случае требовалось вернуть деньги³⁴.

Таким образом, Фемистокл стал основателем института триерархии³⁵. По нашему мнению, это нововведение имело неоспоримые преимущества. Ведь существовавшая прежде система навкрарий (функции которой были в конце VI в. переданы демам, но суть ее от этого не изменилась), при которой за морское дело отвечали территориальные подразделения, не могла быть надежной базой для быстрого строительства самых современных судов. Чтобы флот был построен в максимально сжатые сроки, проще всего было назначить конкретных лиц, каждое из которых несло бы ответственность за доверенное лично ему дело.

В этой связи возникает вопрос, какими полномочиями обладал Фемистокл во время реализации своей программы. Об этом нам ничего не известно. Как полагают некоторые ученые, он, предлагая ее народу, вполне мог быть частным лицом, но мог и занимать какую-либо должность, например, быть членом Совета. По крайней мере, как бывший архонт, он был ареопагитом³⁶. Глагол *κελεύω*, который употребляет Аристотель, говоря об отношении Фемистокла к богатым гражданам, которые строили триеры, заставляет думать, что он имел право отдавать им подобные приказания. Может быть, он получил какие-то экстраординарные полномочия для руководства таким важным делом? Но известно также, что в дальнейшей афинской практике триерархии подчинялись стратегам (Aristot. Ath. pol. 61. 1), так что не лишено некоторых оснований и мнение В.М. Строгоцкого, утверждающего, что после победы над Аристидом Фемистокл стал стратегом-автократом³⁷.

По поводу количества построенных Фемистоклом триер в традиции существуют расхождения. Мы имеем две версии – Геродота и Аристотеля. Первый сообщает, что Фемистокл убедил афинян построить двести кораблей (VII. 144). Говоря о флоте афинян, задействованном в сражении при Артемисии в 480 г., Геродот указывает, что 20 судов они предоставили халкидянам, сами же выставили 127 кораблей, а позже подошли еще 53 (VIII. 1; 14), т.е. в сумме получается вновь двести. Чуть позже, при Саламине, афинский флот насчитывал 180 триер, но там присутствовали халкидяне с теми 20 судами, которые они получили от

³⁴ Бузескул. История... С. 104.

³⁵ Строгоцкий. Морская программа... С. 80.

³⁶ Lenardon. The Archonship of Themistokles. S. 408; Jordan B. The Athenian Navy in the Classical Period. Berkeley, 1975. P. 18.

³⁷ Строгоцкий. Внутриполитическая борьба... С. 49. Ср. Lenardon. The Saga of Themistocles. P. 55.

Афин (Herod. VIII. 44; 46). Наконец, рассказывая о совещании греческих военачальников накануне Саламинского сражения, Геродот приводит слова Фемистокла, который, между прочим, напоминает, что афиняне снарядили 200 кораблей (VIII. 61; ср. Plut. Them. 11). Мы должны исключить невнимательность Геродота к этому вопросу – несколько раз он на нем останавливается, и цифра 200 присутствует неизменно. Значит, он был твердо убежден в том, что итогом морской программы Фемистокла стало строительство 200 триер. Именно о таком числе кораблей говорит также Корнелий Непот (Them. 3. 2).

Другая цифра присутствует в приведенном нами выше пассаже Аристотеля. Он определяет ее в 100 триер (Ath. pol. 22. 7). Его версию передают Плутарх (Them. 4)³⁸ и Полиэн (I. 30. 6). Нам представляется, что рассказ Аристотеля о создании афинского флота отличается общим стремлением данного автора к конкретизации. Возможно, именно 100 кораблей и было решено построить в 483 г., когда была принята морская программа Фемистокла. Может быть, тогда считали, что их будет достаточно для победы над эгинцами. Но в связи с поступлением все новых и новых сведений о серьезнейшей подготовке персов к вторжению в Грецию, афиняне, руководимые Фемистоклом, сумели изыскать средства, вероятно, из тех же рудников на строительство дополнительного количества кораблей³⁹, уже имея в виду необходимость подготовки к новой войне. А поскольку это второе решение не было таким эпохальным, как первое, – оно скорее его дополняло, то Геродот не счел нужным о нем упомянуть, указав общее количество построенных Фемистоклом кораблей. Аристотеля же это последнее не интересовало – он больше занят проблемой организации процесса строительства. Рассказав же о нем весьма подробно, он перешел к другим вопросам, не сказав о том, что чуть позже были еще построены корабли.

Как бы то ни было, Геродот здесь заслуживает, конечно, большего доверия, чем любой другой писатель, поскольку он наиболее близок к описываемым событиям и поскольку он специально исследовал этот вопрос. Поэтому, на наш взгляд, следует принять цифру Геродота, отметив, что Аристотель, возможно, не противоречит ей, но, останавливаясь на интересующих его деталях, дает нам основание предполагать, что 200 триер было решено строить не сразу, на собрании во время обсуждения законопроекта Фемистокла, но такое количество боевых судов явилось общим итогом его деятельности в 483–480 гг. (ср. Herod. VIII. 144)⁴⁰.

Дополнительным аргументом, подтверждающим верность свидетельства Геродота о числе построенных в Афинах к 480 г. триер, служит знаменитый декрет Фемистокла, обнаруженный в 1959 г. в Трезене и опубликованный в следующем году М. Джеймсоном⁴¹. Ввиду особой важности затрагиваемых в этом документе сюжетов и существенных корректив, которые, принимая его в расчет⁴²,

³⁸ Впрочем, называя число аттических кораблей, находившихся у Саламина, он повторяет цифру Геродота – 180 (Plut. Them. 14). Особняком стоят свидетельства Исократ (IV. 90) и Диодора (IX. 12. 4). Первый говорит о 60, а второй – о 140 афинских кораблях.

³⁹ Нужно иметь в виду, что какое-то число триер Афины имели еще до 483 г.

⁴⁰ Эта цифра кажется убедительной Э. Подлецки и Р. Ленардону (Podlecki A.J. The Life of Themistocles. A Critical Survey of the Literary and Archaeological Evidence. Montreal–London, 1975. P. 201–202; Lenardon. The Saga of Themistocles. P. 54). Напротив, М. Эмит говорит о ста судах (Amit M. Athens and the Sea. A Study in Athenian Sea-Power. Bruxelles, 1965. P. 20–21).

⁴¹ Jameson M.H. A Decree of Themistokles from Troizen // Hesperia. 1960. Vol. 29. № 2. P. 198–223.

⁴² Что, надо сказать, делают далеко не все, но об этом речь впереди.

приходится вносить в традиционную трактовку событий 480 г., он сразу стал предметом пристального внимания ученых, породив обширную литературу.

Необходимо сразу оговориться, что мы имеем перед собой не подлинный текст постановления 480 г., но его копию. Нашедший и опубликовавший надпись М. Джеймсон по ряду эпиграфических и иных признаков датировал ее второй половиной IV в.⁴³ Однако при более внимательном изучении надписи, стало очевидно, что она была изготовлена в III в. – такой датировки теперь придерживаются все ученые⁴⁴. В этой связи закономерно возникает вопрос, аутентичен ли наш текст той псефисме, которая была принята афинянами в 480 г. Эта чрезвычайно сложная проблема разделила историков античности на два приблизительно равных лагеря. Одни убеждены в том, что Трезенский декрет в общем верно передает содержание подлинного декрета Фемистокла⁴⁵; другие полагают, что мы имеем дело с подделкой, сфабрикованной в Афинах во второй половине IV в., когда при подготовке войны с Филиппом Македонским некоторые политики пытались с помощью этой акции воскресить в памяти людей героические времена и придать им больше решимости в борьбе за свободу Эллады⁴⁶.

Декрет был известен в древности. Демосфен сообщает, что его читал в афинской экклесии Эсхин (XIX. 303; 311)⁴⁷. Аллюзии на него часто встречаются в античной литературе (Herod. VII. 144; Thuc. I. 18. 2; 74; Isocr. XV. 233; Demosth.

⁴³ Jameson. A Decree of Themistokles... P. 206; *idem*. How Themistocles Planned the Battle of Salamis // Scientific American. 1961. Vol. 204. № 3. P. 113; *idem*. Waiting for the Barbarian // Greece and Rome. 1961. Vol. 8. № 1. P. 17.

⁴⁴ Глаускина Л.М. Трезенская надпись с декретом Фемистокла // ВДИ. 1963. № 4. С. 37; Daux G. Chronique des fouilles 1959 // BCH. 1960. T. 84. № 2. P. 685–688; Berve H. Zur Themistokles-Inschrift von Troizen // Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. München, 1961. № 3. S. 3; Habicht C. Falsche Urkunden zur Geschichte Athens im Zeitalter der Perserkriege // Hermes. 1961. Bd 89. № 1. S. 1–3; Lewis D.W. Notes on the Decree of Themistocles // CIQ. 1961. Vol. 11. № 1. P. 61; Dow S. The Purported Decree of Themistokles: Stele and Inscription // AJA. 1962. Vol. 66. № 4. P. 355, 367–368; Meritt B.D. Greek Inscriptions // Hesperia. 1964. Vol 33. № 2. P. 176–177; *idem*. Greek Historical Studies // Lectures in Memory of Louise Taft Semple. Princeton, 1967. P. 121; Chambers M. The Significance of the Themistocles Decree // Philologus. Bd 111. Hf 3–4. 1967. S. 166 и др.

⁴⁵ Глаускина. Трезенская надпись... С. 45–51; Тревес П. Проблема политического равновесия в классической античности. М., 1970. С. 6; Jameson. A Decree of Themistokles... P. 204–205, 222–223; *idem*. Waiting for the Barbarian. P. 16–17; Berve. Zur Themistokles-Inschrift... S. 1–50; Lewis. Notes on the Decree of Themistocles. P. 61–66; Conomis. A Decree of Themistocles from Troezen (a Note) // Klio. 1962. Bd 40. S. 49–50; Treu M. Zur neuen Themistokles-Inschrift // Historia. 1963. Bd 12. Hf 1. S. 47–69; Meritt. Greek Historical Studies. P. 121; Morrison J.S., Williams R.T. Greek Oared Ships. Cambr., 1968. P. 122–123.

⁴⁶ Daux. Chronique des fouilles... 1959. P. 685–688; Moretti L. Nota al decreto di Temistocle trovato a Trezene // Rivista di Filologia e di Istruzione Classica. 1960. Vol. 38. № 4. P. 390–402; Amandry P. Themistocle: un Decret et un Portrait // Bulletin de la Faculté des Lettres de Strasbourg. 1961. T. 38. № 8. P. 413–435; Guarducci M. Nuove Osservazioni sul «Decreto di Temistocle» // Rivista di Filologia e di Istruzione Classica. 1961. Vol. 39. № 1. P. 48–78; Habicht. Falsche Urkunden... S. 1–35; Wüst F.R. A Decree of Themistokles from Troizen // Gymnasium. 1961. Bd 68. Hf 3–4. S. 233–239; Chambers M. The Authenticity of the Themistocles Decree // AHR. 1962. Vol. 67. № 2. P. 306–316; *idem*. The Significance of the Themistocles Decree. S. 157–169; Pritchett W.K. Herodotos and the Themistokles Decree // AJA. 1962. Vol. 66. № 1. P. 43–47; Hignett. C. Xerxes' invasion of Greece. Oxf., 1963. P. 459–462; Amit. Athens and the Sea... P. 21; Podlecki. The Life of Themistocles... P. 148–167; Lenardon. The Saga of Themistocles. P. 70–72.

⁴⁷ Именно Эскина некоторые из скептиков считают автором фальшивки (Moretti. Nota al decreto di Temistocle... P. 402; Habicht. Falsche Urkunden... S. 14, 26, 29–31).

(VII. 144; пер. Г.А. Стратановского). Приведенные нами в подлиннике фразы полностью соответствуют сткк. 2 и 17–18 декрета, принятом, судя по всему, как раз при описываемых Геродотом обстоятельствах.

В этой связи нам представляется весьма плодотворной попытка примирить между собой свидетельства Геродота и нашей надписи. Между возвращением греческого флота от Артемисия и прибытием персидской эскадры в Фалер прошло не намного больше недели (Herod. VIII. 23–25; 66). Трудно предположить, что за столь краткий срок афиняне могли провести такую масштабную акцию, как эвакуация всех жителей, частного и государственного имущества и т.д., если они не были заранее к этому подготовлены. Разумеется, афиняне до самого конца надеялись, что пойти на такую крайнюю меру им, может быть, и не придется. Поэтому они оставались в городе до того момента, когда стало очевидно, что спасти Аттику не удастся.

Итак, по всей видимости, еще до событий при Артемисии под воздействием дальновидного Фемистокла было принято принципиальное решение об эвакуации. Вероятно, что в заключительной несохранившейся части постановления говорилось о том, что о сроке вступления его в силу будет объявлено через глашатаев. О таком объявлении как раз и повествует Геродот, не выразившийся ясно о предварительном решении, желая, видимо, особо подчеркнуть то, что Спарта не оправдала надежд афинян⁵³.

Высказанные нами предположения могли бы выглядеть чистой спекуляцией, если бы мы не имели подтверждения им в античной традиции. Корнелий Непот (возможно, используя Эфора), пишет, что афиняне оставили свой город до Артемисия (Them. 2. 7–8). Это свидетельство уже прямо противоречит Геродоту, и принять его полностью нельзя, но возможно, что в его основе как раз и лежит информация, ставшая нам известной благодаря обнаруженному М. Джеймсоном документу, который мы, как уже, наверное, понятно, склонны считать аутентичной копией постановления 480 г.

Соответственно Трезенский декрет, как мы убеждены, является практически первоисточником по истории Греко-персидских войн, он дает нам ценные сведения в том числе о морской программе Фемистокла. Прежде всего, надпись полностью подтверждает данные Геродота о количестве афинских кораблей – незадолго до Артемисия их было 200 (ML, № 23, сткк. 12–14; 18–19; 31–33; 41–43).

Невозможно дать удовлетворительного объяснения предписанию создать 200 отрядов для триер, записав по 100 человек в каждый (сткк. 31–33)⁵⁴. Ведь известно, что экипаж афинской триеры при Саламине, равно как и в дальнейшем, состоял из 200 человек (Herod. VIII. 17). Может быть, речь здесь идет о минимальном количестве команды, которая обеспечивала возможность выхода триеры в море. Во всяком случае, такое явное противоречие всей имеющейся в наличии информации вряд ли имело бы смысл в составленном постфактум документе, что служит дополнительным аргументом в пользу подлинности декрета.

Надпись содержит очень ценные сведения о количестве афинской морской пехоты. Согласно постановлению, каждому кораблю придавалось по десять эпибатов и четыре лучника (сткк. 23–26). Именно такое число эпибатов было

⁵³ Cp. *Lazenby J.F. The Strategy of the Greeks in the Opening Campaign of the Persian War // Hermes. 1964. Bd 92. Hf 3. S. 264–284.*

⁵⁴ *Jameson M.H. A Revised Text of the Decree of Themistokles from Troizen // Hesperia. 1962. Vol. 31. № 3. P. 310–315; Meiggs, Lewis. Selection of Greek Historical Inscriptions... P. 51.*

характерно для афинского флота и в позднейшие времена (Thuc. III. 94–95). Некоторые ученые видят в этом доказательство подделки. По их мнению, ее изготовитель перенес на начало V в. обычную практику конца V–IV в., в то время как во времена персидской агрессии на кораблях находилось по меньшей мере по 40 пехотинцев (Herod. VI. 15)⁵⁵. Данная точка зрения совершенно неубедительна, поскольку отрицает возможность применения афинянами новой тактики морского боя уже в 480 г. Для обеспечения тактического превосходства в морском сражении необходимо было максимально облегчить триеру, чтобы добиться преимущества в быстроходности и маневренности. В конечном счете успех греческого флота (в своей основе афинского) в сражениях с персами был вызван тем, что афиняне смогли достичь превосходства по этим показателям (Herod. VIII. 42; Plut. Cim. 12), может быть, не в последнюю очередь, благодаря радикальному сокращению обычного числа пехотинцев на каждом корабле⁵⁶. В этом решении также, очевидно, сказался гений Фемистокла, и определенное им количество личного состава в отрядах морской пехоты стало традиционным благодаря максимальной эффективности боевого судна именно с такой численностью экипажа. Это стало очевидным после того, как афинский флот блестяще себя проявил в сражении при Саламине, победив в котором, он сделал проблему освобождения Греции вопросом времени. После же ухода персов из Эллады именно флот, созданный Фемистоклом, позволил Афинам стать во главе Делосской симмахии и со временем превратиться в морскую империю.

После победы над персами были сняты последние сомнения в необходимости для Афин обладания сильным флотом, но корабли сами по себе не являлись последней целью морской программы Фемистокла – она была очень хорошо продуманным комплексом мероприятий. Постройка кораблей и строительство порта для них были, хотя и важнейшими этапами ее осуществления, но далеко не единственными. Необходимо было создать сложную инфраструктуру, административную организацию управления флотом, чтобы добиться максимального эффекта от обладания таким большим количеством кораблей. Мы не знаем, какую роль во всем этом сыграл сам Фемистокл, но в высшей степени вероятно, что в годы борьбы за реализацию своих идей у него сложился стройный план организации морского дела в Афинах⁵⁷. Поэтому, говоря об афинском военном флоте V–IV вв., всегда нужно помнить о том, что, скорее всего, он стал таким, каким он нам известен, благодаря претворению афинянами в жизнь идей Фемистокла.

В заключение хотелось бы отметить: хотя морская программа Фемистокла стала важнейшим этапом афинской морской политики, но нельзя забывать и того, что Афины начали свой путь к будущему морскому могуществу уже давно, по крайней мере со времен Солона. Поэтому Фемистокла невозможно считать революционером-реформатором, направившим свое государство по какому-то совершенно новому пути – Афины шли по нему очень давно. Другое дело, что путь этот был не слишком явным и мало для кого очевидным, поскольку

⁵⁵ Amandry. Thémistocle... P. 421; Habicht. Falsche Urkunden... S. 5; Pritchett. Herodotos... P. 46.

⁵⁶ Плутарх передает, что при Саламине на корабле было по восемнадцати палубных воинов; из них четверо были стрелками (Them. 14). Это небольшое расхождение с текстом декрета не должно нас смущать. С одной стороны, Плутарх мог и ошибиться. С другой стороны, не исключено, что, учитывая опыт сражения при Артемисии, афиняне решили несколько увеличить количество эпибатов на своих судах.

⁵⁷ Cp. Jordan. The Athenian Navy... P. 20.

находился в своей начальной стадии. Историческая заслуга Фемистокла в том, что он ясно осознал те блага, которые дает Афинам море, понял, что именно там заключено будущее государства и направил все силы своего таланта на то, чтобы Афины вошли в это будущее, имея самую лучшую базу для развития государства и общества.

И хотя судьба Фемистокла сложилась трагично (в 474 г. он был изгнан остракизмом), но впоследствии у себя на родине он получил должную оценку и заслужил славу человека, который «осыпал отечество счастьем» (Xen. Memor. II. 6. 13). Фемистокла по праву можно назвать отцом I Афинского морского союза, поскольку флот, им построенный, обеспечил как создание, так и само существование этой организации.

THEMOSTOCLES' NAVAL BILL

V. V. Shuvalov

Beginning his political carrier, Themistocles had already conceived his programme aimed to make Athens the most powerful state of the region. This programme can justly be called naval, since its main instrument was the strongest navy in the Mediterranean (which was yet to be built).

Themistocles was far from being a convinced democrat, but his programme turned out to be deeply democratic. This was the main reason why it was opposed by the Alcmaeonids, Miltiades and Aristides. Their opposition, together with the expensiveness of triremes, was the main reason why Themistocles' struggle for his ideas took so much time. The circumstances that helped him to win were (1) the necessity to build a strong navy for the war against Aegina, which became especially sharp in the 480s, and (2) the opening of new mines in 483, which provided the necessary money.

Themistocles' naval programme was the most important step in Athenian sea policy. Its author realized the possibility (raised by Solon already) of transforming Athens into a sea power. This programme adopted, Athens immediately became the strongest sea power of Hellas, and thanks to this its might continued to grow in the following years.

Е. В. Сильвестрова

ИМПЕРАТОРСКИЙ РЕСКРИПТ В КОДЕКСЕ ФЕОДОСИЯ И КОДЕКСЕ ЮСТИНИАНА

Особенностью Кодекса Феодосия является несомненное количественное преобладание устанавливаемых в нем норм публичного права над нормами частного права¹. В историографии нет единого мнения о причине подобной структуры Кодекса. Хотя Кодекс в целом построен в соответствии с системой Вечного Эдикта, а точнее, по образцу таких классических римских юридических сочинений, как *дигесты*², разделы, посвященные публичному праву, являются, очевидно, отступлением от этой системы³. Высказывалось предположение, что Кодекс Феодосия рассматривался его составителями как дополнение к Грегорианову и Гермогенианову кодексам, в которых, по всей видимости, большее внимание уделялось регулированию частноправовых отношений⁴. Со-

¹ *Scherillo G. Il sistema del Codice Teodosiano // Studi in memoria di Aldo Albertoni. I. 1935. P. 515–516.* В Кодексе Феодосия книга I посвящена источникам права и высшим должностям в империи, книги II–V – различным аспектам частноправовых отношений; в книге VI устанавливаются нормы, регулирующие отправление отдельных должностей в управлении империей; книга VII посвящена проблемам «военного» права; в книге VIII в титулах с 1-го по 11-й рассматривается отправление низших должностей в империи, затем вновь регулируются отдельные проблемы частного права (дарение, «материнское» имущество, безбрачие и т.д.); книга IX устанавливает нормы уголовного права, книга X – права фиска; в книге XI в титулах 1–28 рассматриваются проблемы, связанные с налогами, в титулах 29–38 – апелляция; в книгах XII–XV содержатся нормы «муниципального» права, в книге XVI – церковного права.

² *Scherillo. Il sistema del Codice Teodosiano. P. 515–538.*

³ *Scherillo G. Teodosiano, Gregoriano, Ermogeniano // Studi in memoria di Umberto Rati. 1934. P. 249.*

⁴ *Ibid. P. 252–260.* Автор ссылается на конституцию 429 г., фрагмент которой приводится в Кодексе Феодосия (C.Th. I. 1. 5: *Ad similitudinem Gregoriani atque Hermogeniani codicis cunctas colligi constitutiones decernimus, quas Constantinus inclitus et post eum divi principes nosque tulimus, edictorum viribus aut sacra generalitate subnixas*). Однако в конституции не сказано, что Кодекс Феодосия является дополнением к указанным кодексам, но предписывается составить новый кодекс по образцу Грегорианова и Гермогенианова кодексов, что может означать скорее следование системе этих кодексов в организации законодательного материала в рамках отдельных книг и титулов. Кроме того, известно, что программа 429 г. претерпела изменения, и конституция 435 г., уточняющая первоначальный план 429 г., никаких упоминаний предшествующих кодексов не содержит (C.Th. I. 1. 6: *Omnes edictales generalesque constitutiones vel in certis provinciis seu locis valere aut proponi iussae, quas divus Constantinus posterioresque principes ac nos tulimus, indicibus rerum titulis distinguantur, ita ut non solum consulum dierumque supputatione, sed etiam ordine compositionis apparere possint novissimae* – «Все императорские конституции, опубликованные в форме эдикта или имеющие силу всеобщего закона, или применяемые, или опубликованные в определенных провинциях или местах, которые приняли божественный Константин и следовавшие за ним принцепсы, а также мы, – пусть будут распределены по названиям

гласно другой гипотезе, публично-правовые нормы Кодекса Феодосия дополнялись нормами частного права, содержащимися в сочинениях представителей юридической доктрины⁵.

В данной статье предлагается иная интерпретация особенностей систематики Кодекса Феодосия, основанная на исследовании характера императорских конституций, включенных в Кодекс, а также на анализе системы источников права начала V в. исходя из положений Кодекса Феодосия.

Как известно, в постклассическую эпоху значение основного источника права, наряду с юридической доктриной, приобретают конституции императоров⁶. В IV–VI вв. по-прежнему, как и в классическую эпоху, сохраняется деление императорских постановлений на эдикты, декреты⁷, мандаты и рескрипты⁸. До конца III в. среди форм императорского правотворчества преобладают именно рескрипты, которые в классическую эпоху играют в регулировании частноправовых отношений значительную роль, сопоставимую с консультациями юристов. Юристы трактуют рескрипты «как своего рода прецеденты, подобные по значению для развития права их собственным суждениям»⁹.

Согласно распространенному мнению, в постклассическую эпоху, начиная с времени правления Константина Великого, рескрипты теряют прежнее значение и постепенно вытесняются императорскими эдиктами¹⁰. Переход от рескриптов к эдиктам, послужившим основой постклассической концепции «*lex generalis*»¹¹, близкой современному понятию «закон», в сфере регулирования частноправовых отношений знаменует собой отказ со стороны императоров Поздней Римской империи от традиционных принципов казуистического изложения правовых норм и переход к «законодательному» праву.

Однако в последнее время в научной литературе традиционная концепция развития императорского правотворчества в постклассическую эпоху подверга-

юридических дел в разделы так, чтобы не только по указанию консулов и дней, но и по порядку расположения могли быть определены последние [по времени публикации]»). Наконец, поскольку полностью тексты Григорианова и Гермогенианова кодексов не сохранились, любая реконструкция их системы представляет собой только гипотезу. Критику предложенной Скерилло реконструкции см. *Archi G.G. Teodosio II e la sua codificazione*, Napoli, 1976. P. 120–146.

⁵ *Archi. Teodosio II e la sua codificazione*. P. 39–42, 81–87. См. также *De Robertis F.M. La 'grande lacuna' – per la materia privatistica – nel Codice Teodosiano // Atti dell'Accademia Romanistica Costantiniana*. XIV. Napoli, 2003. P. 261–264.

⁶ *Archi G.G. Il problema delle fonti del diritto nel sistema romano del IV e V secolo // Studi in onore di Giuseppe Grosso*. IV. Torino, 1971. P. 1–93; *Riccobono S. Lineamenti della storia delle fonti e del diritto romano*. Milano, 1949. P. 156.

⁷ В классическую эпоху декрет представлял собой судебное решение, обычно принимавшееся в ответ на апелляцию на решение суда низшей инстанции, но в IV–V вв. этот вид императорских конституций постепенно вытесняется рескриптом, и один из видов рескрипта становится формой судебного решения, принятого императором: *Gaudemet J. L'empereur, interprète du droit // Festschrift für Ernst Rabel*. II. Tübingen, 1954. P. 179–181; *Kussmaul P. Pragmaticum und Lex. Formen spätrömischer Gesetzgebung 408–457*. Göttingen, 1981. S. 27. Anm. 27.

⁸ *Kussmaul. Op. cit.* S. 13–14, 20, 45–46.

⁹ *Дождев Д.В. Римское частное право*. Изд. 2-е. М., 1999. С. 124–125, со ссылкой на D. 1. 4. 1. 2.

¹⁰ Там же. С. 125.

¹¹ *Bassanelli Sommariva G. La legge di Valentiniano III del 7 Novembre 426 // Labeo*. 1983. 29. P. 299.

ется сомнению. Некоторые исследователи полагают, что и после Диоклетиана императоры продолжают издавать рескрипты¹².

Важнейший юридический памятник постклассической эпохи – Кодекс Феодосия – содержит тексты, позволяющие предпринять попытку решения проблемы постклассических рескриптов. В состав этого первого официального кодекса императорских конституций Поздней Римской империи включены только эдикты¹³. Рескрипты¹⁴, таким образом, не являются непосредственным объектом систематизации правоустановительных актов в начале V в. Но следует ли на этом основании делать вывод, что рескрипты в постклассическую эпоху утратили значение источника права?

В самом Кодексе Феодосия есть ответ на этот вопрос. Прежде всего, в разделе, где рассматриваются проблемы формальных источников права, содержится титул, посвященный императорским рескриптам (C.Th. I. 2), в котором подтверждается нормативно-правовое значение рескриптов¹⁵, несмотря на некоторые ограничения сферы их применения.

Название титула «De diversis rescriptis» указывает на разнообразие формы и содержания постклассического рескрипта. В конституциях титула упоминаются *adnotationes* (записки императора, сделанные им на полях адресованного ему прошения – C.Th. I. 2. 1; ср. Nov. Val. 19 pr.) и *epistulae* (письма императора в ответ на прошения – C.Th. I. 2. 1). В зависимости от адресата можно выделить два вида рескриптов: император мог издать рескрипт в качестве консультации – в ответ на запрос чиновника (такой запрос получил наименование *relatio, suggestio, consultatio*); кроме того, в рескрипте могло содержаться милостивое пожалование императора в пользу отдельных частных лиц, городских общин или корпораций (обращения частных лиц или, во всяком случае, лиц, не выступавших в качестве государственных чиновников, назывались *preces, libelli, supplicationes*¹⁶). Хотя эти типы рескриптов существовали и в классический период, только в постклассическую эпоху они получили наименование: соответственно *rescriptum ad consultationem emissum* (C.Th. I. 2. 11) и *rescriptum ad precem emissum*¹⁷.

¹² *Corcoran S.* The Empire of the Tetrarchs. Imperial Pronouncements and Government. AD 284–324. Oxf., 1996. P. 42, 294; *De Marini Avonzo F.* Lezioni di storia del diritto romano. Padova, 1999. P. 289; *Mantovani D.* Il diritto da Augusto al Theodosianus // *Gabba E., Foraboschi D., Mantovani D.* Introduzione alla Storia di Roma. Milano, 1999. P. 514–518; *Palazzolo N.* Le modalità di trasmissione dei provvedimenti imperiali nelle province (II–III sec. D.C.) // *Iura*. 1977. 28. P. 87. Not. 160; *Simon D.* Konstantinisches Kaiserrecht. Studien anhand der Reskriptenpraxis und des Schenkungsrechts. Frankfurt am Main, 1977. S. 12–14; эту точку зрения частично разделяет *Maggio L.* Note critiche sui rescritti postclassici. 2. L'efficacia normativa dei rescritti *ad consultationes* e dei rescritti *ad preces emissa* // *Atti dell'Accademia Romanistica Costantiniana*. XIV. Napoli, 2003. P. 359–380.

¹³ См. в цитированных выше (прим. 4) программных конституциях Кодекса Феодосия: ...*cunctas colligi constitutiones decernimus, quas Constantinus inclitus et post eum divi principes nosque tulimus, edictorum viribus aut sacra generalitate subnixas...* (C.Th. I. 1. 5); *Omnes edictales generalesque constitutiones...* (C.Th. I. 1. 6). Однако и в самом Кодексе Феодосия есть, по всей видимости, несколько рескриптов: C.Th. II. 8. 22; XVI. 2. 22; XVI. 5. 28; XII. 1. 166. См. *Delmaire R.* Introduction // *Les lois religieuses des empereurs romains de Constantin à Théodose II* (312–438). Vol. I. Code Théodosien. Livre XVI. P., 2005. P. 20.

¹⁴ Мандаты, по всей видимости, не считались источником права в начале V в.: *Kussmaul.* Op. cit. S. 20. О декретах см. прим. 7.

¹⁵ C.Th. I. 2. 7: *Idem A. et Iulianus Caesar ad Taurum p.p. Multabuntur iudices, qui rescripta contempserint aut distulerint. Dat. III non. Iul. Mediolano, Constantio A. VIII et Iuliano Caes. cons.*

¹⁶ *Gaudemet.* L'empereur, interprète du droit. P. 178.

¹⁷ *Maggio.* Note critiche... 2. P. 360.

Кроме того, в постклассическую эпоху рескрипт мог оформлять судебное решение императора¹⁸. К императору мог обратиться и сам судья, и сторона судебного процесса, и такое обращение обозначалось в соответствии с внесудебными формами рескрипта – *consultatio, suggestio, relatio* или *preces, supplicatio*¹⁹.

Рассматриваемый титул С.Th. I. 2 свидетельствует, что рескрипты продолжали издаваться императорами IV – начала V в. Однако принципиально важным является не столько вопрос о существовании такого вида императорских конституций, как рескрипты, сколько об их юридической силе. Должны ли были постклассические рескрипты устанавливать только сингулярную норму²⁰, или же они могли содержать решение императора, которому придавалось нормативное значение прецедента?

По всей видимости, даже в постклассический период содержащееся в рескрипте решение, принятое императором в отношении отдельного случая, могло применяться по аналогии, *ad exemplum*, в соответствии с классической традицией. На это указывает конституция 398 г., которую принято интерпретировать как свидетельство о прекращении практики издания императорами рескриптов *ad exemplum*²¹:

C.Th. I. 2. 11: *Impp. Arcadius et Honorius AA. Eutychiano pp. Rescripta ad consultationem emissa vel emittenda, in futurum his tantum negotiis opitulentur, quibus effusa docebuntur. Et cetera. Dat. VIII id. Decemb. Constantinopoli Honorio A. III et Eutychiano cons*²².

«Западным» аналогом этой «восточной» конституции является постановление 426 г., воспроизведенное в Кодексе Юстиниана:

¹⁸ С.Th. I. 2. 5; 6; 8; 10. В классическую эпоху в подобном случае издавался декрет (см. выше, прим. 7). См. также *Gaudemet. L'empereur, interprète du droit*. P. 179–181; *Kussmaul. Op. cit.* S. 27. Anm. 27. Впрочем, Л. Маджо подвергает сомнению существование в постклассическую эпоху самостоятельного судебного процесса *per rescriptum*: *Maggio L. Note critiche sui rescritti postclassici*. 1. Il c.d. processo *per rescriptum* // SDHI. 1995. 61. P. 285.

¹⁹ *Gaudemet. L'empereur, interprète du droit*. P. 182–193.

²⁰ В классическую эпоху издавались рескрипты, посредством которых император мог даровать какую-либо милость или привилегию; действие подобных рескриптов ограничивалось только тем случаем, в отношении которого они были приняты: *Millar F. The Emperor in the Roman World (31 BC – AD 337)*. L., 1977. P. 240; *Honoré T. Emperors and Lawyers*. Oxf., 1994. P. 36. Такой рескрипт назывался «*constitutio personalis*» – D. 1. 4. 1. 2 (*Ulp.*): *...quaedam sunt personales nec ad exemplum trahuntur: nam quae princeps alicui ob merita indulisit vel si quam poenam intogavit vel si cui sine exemplo subvenit, personam non egreditur*. Несомненно, императоры постклассической эпохи продолжают принимать подобного рода рескрипты: С.Th. I. 2. 3; 4; 5; 8; 9.

²¹ Ряд исследователей полагает, что ограничение касалось только одного типа рескриптов – *ad consultationem emissa* (*De Francisci P. Osservazioni sulle condizioni della legislazione nei secoli IV e V // Scritti della facoltà giuridica di Roma in onore di A. Salandra*. Milano, 1928. P. 141–143; *Gaudemet. L'empereur, interprète du droit*. P. 191; *Kussmaul. Op. cit.* S. 24–25), тогда как другие исследователи распространяют запрет применения по аналогии на все виды рескриптов: *Archì. Teodosio II e la sua codificazione*. P. 95. Not. 85; *Bianchini M. Caso concreto e 'lex generalis'. Per lo studio della tecnica e della politica normative da Costantino a Teodosio II*. Milano, 1979. P. 17. Not. 7, 123; *Honoré T. Law in the Crisis of Empire. 379–455 AD. The Theodosian Dynasty and its Quaestors*. Oxf., 1998. P. 88, 211, 250. Not. 25.

²² «Императоры Аркадий и Гонорий Августы префекту претория Евтихиану. Действие рескриптов, которые изданы или будут изданы в ответ на запрос, в будущем да будет распространяться только на те дела, в отношении которых, как будет доказано, они приняты. И так далее. Принято в 8-й день до декабрьских ид в Константинополе в четвертое консульство Гонория Августа и в первое консульство Евтихиана».

C.J. I. 14. 2: Impp. Theodosius et Valentinianus AA. ad senatum. Quae ex relationibus vel suggestionibus iudicantium per consultationem in commune florentissimorum sacri nostri palatii procerum auditorium introducto negotio statuimus vel quibuslibet corporibus aut legatis aut provinciae vel civitati vel curiae donavimus, nec generalia iura sint, sed leges fiant his dumtaxat negotiis atque personis, pro quibus fuerint promulgata... D. VIII id. Nov. Ravennae Theodosio XII et Valentiniano II AA. cons²³.

«Восточная» конституция 398 г. служит доказательством того, что, во-первых, в Восточной части империи до 398 г. содержащееся в императорском рескрипте должностному лицу решение могло интерпретироваться как прецедент²⁴; во-вторых, что ограничение действия рескриптов касается только одного вида рескриптов – *rescriptum ad consultationem emissum*²⁵. В западной части империи действие рескриптов *ad consultationes emissae* было ограничено, соответственно, только с 426 г.²⁶

Таким образом, в IV в., в полном соответствии с классической традицией, в Поздней Римской империи продолжали издаваться рескрипты, имевшие нормативное значение прецедента и применявшиеся по аналогии. Нет никаких оснований полагать, что императоры постклассической эпохи отступили от классической традиции в отношении содержания рескриптов и стали посредством их регулировать в основном публичные, а не частные правоотношения²⁷. Отсутст-

²³ «Императоры Феодосий и Валентиниан Августы сенату (города Рима). То, что мы постановили на основании донсений или докладов судей в порядке ответа на запрос, представив дело на общий совет начальников канцелярий Нашего Священного дворца, имеющих достоинство “знатнейшие”, или даровали каким-либо сообществам, или посланникам, или провинции, или городу, или курии, не являются общеобязательными нормами, но имеют законную силу только по отношению к тем делам или лицам, относительно которых они приняты... Принято в 8-й день до ноябрьских ид в Равенне в двенадцатое консульство Феодосия и во второе консульство Валентиниана Августов».

²⁴ Аналогичное мнение см. *Maggio. Note critiche*... 2. P. 366–370.

²⁵ Некоторые исследователи полагают на основании косвенных свидетельств юридических памятников, а также эпиграфических источников, что решения императора, содержащиеся в рескриптах, адресованных частным лицам, и в постклассический период могли иметь значение прецедента, в продолжение классической традиции (см. прим. 12). Действительно, единственные конституции постклассического периода, содержащие прямой запрет применять по аналогии императорские рескрипты – C.Th. I. 2. 11 и C.J. I. 14. 2, не ограничивают действие *rescripta ad preces emissae*. Однако Л. Маджо полагает, что эти рескрипты перестали применяться по аналогии уже с 292 г. как следствие требования императора Диоклетиана ссылаться в суде только на подлинный экземпляр рескрипта, полученного от императора (C.J. I. 23. 3) (*Maggio. Note critiche*... 2. P. 373–380).

²⁶ О постановлении C.J. I. 14. 2 см. *Archi. Teodosio II e la sua codificazione*. P. 93; *Bassanelli Sommariva G. L'imperatore unico creatore ed interprete delle leggi e l'autonomia del giudice nel diritto giustiniano*. Milano, 1983. P. 50; *eadem. La legge di Valentiniano III del 7 novembre 426*. P. 289; *De Francisci. Osservazioni sulle condizioni*... P. 143–153; *Gaudemet. L'empereur, interprète du droit*. P. 191; *Kusmanul. Op. cit.* S. 23–27; *De Marini Avonzo F. La politica legislativa di Valentiniano III e Teodosio II*. Torino, 1975. P. 98; *Voci P. Note sull'efficacia delle costituzioni imperiali. II. Il V secolo* // *Idem. Studi di diritto romano. II*. Padova, 1985. P. 354.

Особенностью данного постановления является то, что в нем как сингулярная норма квалифицируется решение, принятое императором по какому-либо делу в ходе судебного разбирательства в качестве ответа на запрос должностного лица. Примечательно, что рескрипты *ad consultationem emissae* приравниваются к рескриптам, содержащим какое-либо пожалование частным лицам или сообществам, которые и в классический, и в постклассический периоды могли устанавливать только сингулярную правовую норму.

²⁷ Cp. *Simon. Op. cit.* S. 11–16; *Voci P. Note sull'efficacia delle costituzioni imperiali. I. Dal principato alla fine del IV secolo* // *Idem. Studi di diritto romano. II*. Padova, 1985. P. 309–311.

вие в Кодексе Феодосия императорских рескриптов (как, впрочем, и фрагментов сочинений представителей юридической доктрины) обусловило преобладание в нем норм публичного права.

Тем не менее нельзя отрицать, что на всем протяжении IV в. сфера действия рескриптов постоянно сужается. Кульминацией законодательной политики императоров по ограничению действия рескриптов следует считать конституции С.Th. I. 2. 11 и С.J. I. 14. 2²⁸.

Одним из направлений политики императоров IV – начала V в. по отношению к рескриптам было обеспечение подлинности текста этого вида императорских постановлений. Императорская канцелярия сталкивалась с такими злоупотреблениями, как фальсификация текста императорского рескрипта (С.J. I. 23. 3) или же искажение обстоятельств дела²⁹ в прошении, поданном императору (С.Th. I. 2. 6; 8; 9; С.J. I. 22. 1–5; I. 23. 7)³⁰.

Императоры устанавливали определенные требования к форме рескрипта, в случае соответствия которым рескрипт имел юридическую силу³¹. Однако более надежным источником права с точки зрения императорской канцелярии оставался императорский эдикт³², способ публикации которого³³ сам по себе предоставлял более высокие, чем рескрипт, гарантии подлинности нормативно-правового акта. Именно стремлением императорской власти гарантировать подлинность правоустановительного акта и правовой нормы в рамках законодательной политики по обеспечению определенности права обусловлено сужение сферы применения рескриптов в постклассическую эпоху³⁴.

²⁸ Последний текст представляет собой часть обширной конституции 426 г., изданной в Западной империи. Фрагменты этой конституции, в которой рассматривались проблемы систематизации источников права, а также вопросы наследственного права, воспроизводятся в Кодексах Феодосия и Юстиниана; С.Th. I. 4. 3 (знаменитый «закон о цитировании»); С.J. I. 14. 2–3; I. 19. 7; I. 22. 5; С.Th. IV. 1. 1; V. 1. 8; VIII. 13. 6; VIII. 18. 9–10; VIII. 19. 1; С.J. VI. 30. 18. Согласно реконструкции Моммзена, все эти фрагменты принадлежат одной конституции: Theodosiani libri XVI / Ed. Th. Mommsen et Paulus M. Meyer. Vol. I. I. Berolini, 1904. P. CCCI. К нему присоединяются: Seeck O. Regesten der Kaiser und Päpste für die Jahre 311 bis 476 n. Chr. Stuttgart, 1919. S. 352; De Marini Avonzo. La politica legislativa... P. 8; Gaudemet J. La formation du droit séculier et du droit de l'Église aux IV^e et IV^e siècles. P., 1979. P. 80; Honoré. Law in the Crisis of Empire. P. 250. Крюгер, напротив, полагал, что фрагменты относятся к двум конституциям, выпущенным в один и тот же день 7 ноября 426 г. в Равенне: Corpus iuris civilis. II. Codex Iustinianus / Rec. Paulus Krueger. Berolini, 1888. P. 506. Его мнение разделяет Bassanelli Sommariva. La legge di Valentiniano III del 7 Novembre 426. P. 285.

²⁹ Ложная информация об обстоятельствах дела заключалась либо в указании на несуществующие обстоятельства (obreptio), либо в искажении существующих обстоятельств (subreptio); De Francisci. Osservazioni sulle condizioni... P. 146.

³⁰ В целях предотвращения подобных нарушений императоры требовали от чиновников, отправлявших правосудие на местах, осуществлять проверку обстоятельств дела, изложенных в прошении, – С.Th. I. 2. 6; С.J. I. 22. 2; 4; 5; 7 – под угрозой наложения штрафа (С.Th. I. 2. 7; С.J. I. 22. 3; I. 14. 2) или отстранения от должности (С.J. I. 23. 7). Проситель, противоправно добившийся милости от императора, лишался полученных выгод (С.J. I. 22. 5; I. 14. 2), за некоторыми исключениями (С.J. I. 19. 7).

³¹ С.Th. I. 2. 1; С.J. I. 23. 4; 6. В этом контексте следует интерпретировать и постановление императора Диоклетина об императорских рескриптах частным лицам: С.J. I. 23. 3.

³² См. С.Th. I. 2. 2; 3; cp. De Francisci. Osservazioni sulle condizioni... P. 152–153.

³³ Voci P. Note sull'efficacia delle costituzioni imperiali. I. P. 289–290.

³⁴ Cp. De Francisci. Osservazioni sulle condizioni... P. 146–153; Gaudemet. L'empereur, interprète du droit. P. 190.

«Стихийное» вытеснение рескрипта эдиктом или разработанным на его основе «lex generalis», свойственное постклассической эпохе, было концептуально обосновано и логически завершено при императоре Юстиниане.

На специфическое положение рескрипта в систематике Юстинианова законодательства обратил внимание еще Ф. Де Висшер³⁵. Прежде всего, уже расположение титула, посвященного рескриптам, в Кодексе Юстиниана позволяет предположить, что рескрипт утратил значение источника права при Юстиниане. Если в Кодексе Феодосия титул «De diversis rescriptis» помещен в разделе, посвященном источникам права, то в Кодексе Юстиниана в разделе, посвященном формам действующего права (C.J. I. 14–17), титул о рескриптах отсутствует³⁶. Конституции, регулирующие вопросы, связанные с рескриптами, помещены юстиниановскими юристами в 23-й титул I книги Кодекса. Рескрипты рассматриваются в рамках раздела, содержащего установления о судопроизводстве³⁷. В самом титуле воспроизводятся фрагменты конституций императоров III–V вв. В этих постановлениях разбираются вопросы обеспечения подлинности императорского рескрипта (C.J. I. 23. 3; 4; 6) или же проблемы борьбы со злоупотреблениями со стороны просителей (C.J. I. 23. 5; 7).

Однако установить подлинное значение рескрипта в Юстиниановой системе источников права позволяют вводные конституции Кодекса, а также конституция императора Юстиниана 529 г., помещенная в титул «De legibus et constitutionibus principum et edictis» (C.J. I. 14. 12).

В Кодекс Юстиниана, согласно его вводным конституциям, были включены не только эдикты прежних императоров, но и изданные последними рескрипты (Наес. 2; Summa. 3). Все императорские постановления, помещенные в Кодекс Юстиниана, приобретают нормативное значение общеобязательной императорской конституции, «constitutio generalis» (Наес. 2; Summa. 3), утрачивая тем самым статус самостоятельного источника права.

Что касается рескриптов, издаваемых самим императором Юстинианом, то в конституции 529 г. устанавливается, что содержащий толкование правовой нормы рескрипт, принятый императором в ответ на консультацию в ходе судебного разбирательства, в ответ на прошение частного лица или каким-либо иным образом, наделяется официально-обязательной юридической силой:

Император Юстиниан Август Демосфену, префекту претория. Если императорское Величество изучит дело посредством судебного разбирательства и вынесет решение противоборствующим сторонам, пусть все сановники, находящиеся под нашей властью, знают, что это постановление имеет законную силу не только в отношении того случая, по поводу которого оно принято, но и относительно всех подобных случаев. 1. Ведь что может быть величественнее, что священнее, чем императорское величие? Или кто преисполнен столь большим высокомерием, что отвергает толкование со стороны императора, тогда как и знатоки древнего права дают ясное и понятное оп-

³⁵ De Visscher F. Les sources du droit selon le Code de Justinien // *Idem*. Nouvelles études de droit Romain public et privé. Milano, 1949. P. 353–370.

³⁶ C.J. I. 14: De legibus et constitutionibus principum et edictis; I. 15: De mandatis principum; I. 16: De senatus consultis; I. 17: De veteri iure enucleando et auctoritate iuris prudentium qui in Digestis referuntur; cp. далее: C.J. I. 18: De iuris et facti ignorantia; I. 19: De precibus imperatori offerendis et de quibus rebus supplicare liceat vel non...

³⁷ C.J. I. 21: Ut lite pendente vel post provocationem aut definitivam sententiam nulli liceat imperatori supplicare; I. 22: Si contra ius utilitatemve publicam vel per mendacium fuerit aliquid postulatam vel impetratum; I. 23: De diversis rescriptis et pragmaticis sanctionibus; I. 24: De statutis et imaginibus; I. 25: De his qui ad statuas confugiunt... См. De Visscher. Op. cit. P. 360–361.

ределение, что конституции, происходящие из императорского декрета, получают силу закона? 2. Когда же мы обнаружили, что и в постановлениях прежних императоров высказывается сомнение в случаях, когда в императорском постановлении содержится толкование закона, должно ли такого рода толкованию иметь законную силу, мы и потешились над их столь напрасной тщательностью и сочли необходимым ее исправить. 3. Мы выносим определение считать всякое императорское толкование законов как по отношению к прошениям, так и к судебным процессам, или сделанное каким-то иным образом, несомненно имеющим законную силу. Ведь если только одному императору позволено в настоящее время принимать постановления, то и подобает, чтобы только он один был достоин обладать правом их толкования. 4. Почему же тогда относительно вопроса из донесений высших сановников, если в процессе возникает какое-то сомнение, и они не считают себя компетентными для разрешения вопроса, он передается нам, и по какой причине наш слух открыт для сомнений сановников, происходящих из постановлений, если именно от нас не исходит толкование? Или кто может считаться правомочным в разрешении неясностей постановлений и разъяснении их для всех, если не тот, кому одному позволено быть законодателем? 5. После того как таким образом отвергнуты смешные сомнения подобного рода, только император да будет законно считаться как творцом, так и толкователем законов: при этом данное постановление ничего не отменяет в отношении законодателей древнего права, поскольку и им это позволило императорское величие. Принято в 3-й день до ноябрьских календ в консульство светлейшего Деция³⁸.

Казалось бы, Юстиниан восстанавливает нормативно-правовое значение рескрипта, который в соответствии с приведенной конституцией следует применять по аналогии. Однако анализ текста не позволяет сделать подобный вывод. Характерно словоупотребление этой конституции, согласно которой аутентичное толкование правовой нормы императором обладает общеобязательной юридической силой: *hoc esse legem non solum illi causae, pro qua producta est, sed omnibus similibus*.

В классическую эпоху в юридической литературе термин «lex» для обозначения обязательности решения, принятого императором, по отношению к анало-

³⁸ C.J. I. 14. 12: Imperator Iustinianus A. Demostheni pp. Si imperialis maiestas causam cognitionallyt examinaverit et partibus cominus constitutis sententiam dixerit, omnes omnino iudices, qui sub nostro imperio sunt, sciant hoc esse legem non solum illi causae, pro qua producta est, sed omnibus similibus. 1. Quid enim maius, quid sanctius imperiali est maiestate? vel quis tantae superbiae fastidio tumidus est, ut regalem sensum contemnat, cum et veteris iuris conditor constitutiones, quae ex imperiali decreto processerunt, legis vicem obtinere aperte dilucideque definiunt? 2. Cum igitur et hoc in veteribus legibus invenimus dubitatum, si imperialis sensus legem interpretatus est, an oporteat huiusmodi regiam interpretationem obtinere, eorum quidem vanam scrupulositatem tam risimus quam corrigendam esse censuimus. 3. Definimus autem omnem imperatoris legum interpretationem sive in precibus sive in iudiciis sive alio quocumque modo factam ratam et indubitatum haberi. si enim in praesenti leges condere soli imperatori concessum est, et leges interpretari solum dignum imperio esse oportet. 4. Cur autem ex suggestionibus procerum, si dubitatio in litibus oriatur et sese non esse idoneos vel sufficientes ad decisionem litis illi existiment, ad nos decurritur et quare ambiguitates iudicum, quas ex legibus oriri evenit, aures accipiunt nostrae, si non a nobis interpretatio mera procedit? vel quis legum aenigmata solvere et omnibus aperire idoneus esse videbitur nisi iis, cui soli legis latorem esse concessum est? 5. Explosis itaque huiusmodi ridiculosis ambiguitatibus tam conditor quam interpres legum solus imperator iuste existimabitur: nihil hac lege derogante veteris iuris conditoribus, quia et eis hoc maiestas imperialis permisit. Recitata septimo milliario urbis Constantinopolitanae in novo consistorio palatii Iustiniani. D. III k. Nov. Decio vc. cons. [a. 529].

Об этой конституции см. *Arché. Il problema delle fonti del diritto...* P. 1–93; *idem*. Interpretatio iuris – interpretatio legis – interpretatio legum // ZSS RA. 1980. 87. P. 5–7; 42–47; *Basanelli Sommariva*. L'imperatore unico creatore... P. 7–10; 82–83; *Gaudemet*. L'empereur, interprète du droit. P. 199–200; *De Francisci P*. Intorno alla massima «princeps legibus solutus est» // BIDR. 1925. 34. P. 331–332; *Kussmaul*. Op. cit. S. 12–13, 27–29.

гичным случаям не использовался. Напротив, использовался термин «exemplum»³⁹. Примечательно в этом смысле постановление императора Юстиниана, содержащееся во фрагменте конституции C.J. VII. 45. 13⁴⁰. Здесь противопоставление *leges* – *exempla* демонстрирует окончательный разрыв Юстиниана с классической традицией: император отказывается от концепции интерпретации рескриптов как своего рода прецедентов, исключая всякую возможность толкования (даже судебного) правовых норм, кроме аутентичного⁴¹.

Новая интерпретация рескрипта обосновывалась концепцией исключительности правомочий императора в сфере правотворчества и толкования норм права⁴². Впрочем, Юстиниан продолжал принимать рескрипты, содержащие какую-либо милость, пожалование частному лицу или корпорации. Однако такого рода рескрипты устанавливали только сингулярную норму и не могли применяться по аналогии⁴³.

³⁹ *Voci*. Note sull'efficacia delle costituzioni imperiali. I. P. 282–285.

⁴⁰ C.J. VII. 45. 13: Imperator Iustinianus A. Demostheni pp. Nemo iudex vel arbiter existimet neque consultationes, quas non rite iudicatas esse putaverit, sequendum, et multo magis sententias eminentissimorum praefectorum vel aliorum procerum (non enim, si quid non bene dirimatur, hoc et in aliorum iudicium vitium extendi oportet, cum non exemplis, sed legibus iudicandum est), nec si cognitionales sint amplissimae praefecturae vel alicuius maxime magistratus prolatae sententiae: sed omnes iudices nostros veritatem et legum et iustitiae sequi vestigia sancimus. D. III k. Nov. – «Император Юстиниан Август Демосфену, префекту претория. Пусть ни один судья или третейский судья не считает, что ему следует опираться на консультации по спорным вопросам, в отношении которых, по его мнению, не вынесено решение законным порядком, или тем более на решения высочайших префектов претория или других высших сановников (ведь не подобает, если по какому-либо делу не вынесено правильного решения, чтобы это решение стало основанием ошибки и других судей, поскольку следует выносить судебные решения не по примеру предыдущих решений, но на основании законов), или если после судебного разбирательства вынесены решения изобильнейшим префектом претория или каким-либо величайшим сановником: но мы предписываем, чтобы все судьи наши отыскивали правду, опираясь на доводы законов и справедливости. Принято в 3-й день до ноябрьских календ».

Некоторые исследователи считают этот фрагмент частью конституции C.J. I. 14. 12: *Archi*. Il problema delle fonti del diritto. P. 87. Not. 143; *Bassanelli Sommariva*. L'imperatore unico creatore... P. 9.

⁴¹ Отметим, что еще в Кодексе Феодосия рескрипты не обозначаются как *leges* или *constitutiones generales*: в то время как 1-й титул I книги Кодекса назван «О конституциях принципсов и эдиктах», титул, посвященный рескриптам, получил наименование «О различных рескриптах» (C.Th. I. 2). В названии титула термины *leges* или *constitutiones* не употребляется, в самом титуле по отношению к рескриптам указанные термины не применяются, что позволяет сделать вывод о самостоятельном значении рескриптов как источника права.

⁴² C.J. I. 14. 12. 3: Si enim in praesenti leges condere soli imperatori concessum est, et leges interpretari solum dignum imperio esse oportet; ...5: Explosis itaque huiusmodi ridiculosis ambiguitatibus tam conditor quam interpres legum solum imperator iuste existimabitur...; Tanta. 21: Si quid vero... ambiguum fuerit visum, hoc ad imperiale culmen per iudices referatur et ex auctoritate Augusta manifestetur, cui soli concessum est leges et condere et interpretari; Δέδοικεν. 21. По этой теме существует обширная литература: *Amelotti M.* Giustiniano interprete del diritto // *Idem*. Scritti giuridici. Torino, 1996. P. 686–691; *Archi*. Il problema delle fonti del diritto... P. 1–93; *idem*. Interpretatio iuris... P. 1–49; *Bassanelli Sommariva*. L'imperatore unico creatore...; *Gaudemet*. L'empereur, interprète du droit. P. 169–203; *Gallo F.* Sul potere normativo imperiale // *SDHI*. 1982. 48. P. 413–454; *Orestano R.* Il potere normativo degli imperatori e le costituzioni imperiali. Roma, 1937; *De Robertis F.* Sull'efficacia normativa delle costituzioni imperiali. Bari, 1942.

⁴³ *Summa*. 4. Cp. фрагмент C.J. I. 23. 4: «beneficia personalia».

Систематизация источников права, предпринятая Юстинианом, привела к исчезновению классического рескрипта. Рескрипты прежних императоров были помещены Юстинианом в Кодекс и приравнены к общеобязательным конституциям, «leges generales». Рескрипты, издаваемые императором Юстинианом, утрачивают значение правоустановительного акта. Если рескрипт содержит аутентичное толкование⁴⁴ норм действующего права⁴⁵, он имеет официально-обязательную юридическую силу⁴⁶. Рескрипт при Юстиниане был окончательно вытеснен «lex generalis» из традиционной области своего применения – сферы регулирования частноправовых отношений⁴⁷.

При Юстиниане завершился переход от функционировавшего в рамках классической традиции «прецедентного» права рескриптов к «законодательному» праву эдиктов и общеобязательных императорских конституций (generales constitutiones). Еще в IV – начале V в. в правотворчестве императоров сочетались различные способы регулирования общественных отношений, однако постклассическая тенденция вытеснения рескриптов «всеобщими» законами, связанная со стремлением центральной власти обеспечить определенность права, завершилась окончательной победой «законодательного» права над «прецедентным» в правоустановительной деятельности Юстиниана.

IMPERIAL RESCRIPTS IN THE THEODOSIAN AND JUSTINIAN CODES

Ye. V. Silvestrova

The Theodosian and Justinian Codes show the drastic change of the concept of imperial rescript in the course of 4–6th centuries AD. Though the Theodosian Code considers imperial rescript as one of the sources of law, the Justinian Code does not admit the rescript into the category of legal sources. The Roman emperors of the 4th century AD issued their rescripts in total conformity with the classical Roman tradition to develop existing legal institutions by interpreting outdated legal rules and principles. However, the necessity of providing a reliable source of law forces Roman emperors to enact statutes in more general form than rescripts. The transition from rescript to general enactment (*lex generalis*) as a chief form of imperial legislation is complete under Justinian.

⁴⁴ Amelotti. Op. cit. P. 686.

⁴⁵ По всей видимости, Юстиниан принял крайне небольшое количество подобных рескриптов: Bassanelli Sommariva. L'imperatore unico creatore... P. 82–83.

⁴⁶ С. J. I. 14. 12. Даже метод публикации приравнивает подобный рескрипт к «lex generalis»: императорская канцелярия должна была направлять текст подобного рескрипта, содержащего официально-обязательное толкование нормы права, префекту претория, а тот должен был опубликовать его по всей империи: Bassanelli Sommariva. L'imperatore unico creatore... P. 31.

⁴⁷ Cordi. 4.

© 2006 г.

М. Г. Абрамзон, Н. А. Фролова

РИМСКИЕ ЗОЛОТЫЕ МОНЕТЫ ИЗ СОБРАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ* (ЧАСТЬ II)

Во второй части работы мы публикуем римские золотые монеты из коллекции ГИМ за период, начиная с прихода к власти Гордиана III в конце июля 238 г. и заканчивая правлением восточноримского императора Зенона (474–491 гг.)¹, после которого следует уже византийская чеканка. Общеизвестно, что нумизматические данные не позволяют провести четкую границу между концом «римской» чеканки и началом «византийской». Однако нумизматы давно пришли к консенсусу, считая, что именно реформа выпуска медных монет Анастасия (491–518 гг.) знаменует начало византийской чеканки. Отсюда следует, что римская императорская чеканка заканчивается при его предшественнике Зеноне в 491 г. Также мы впервые издаем варварские подражания римским золотым монетам II–III вв. н.э.

Определяя золотые позднеримские монеты из коллекции ГИМ, мы опирались на классификацию типов, разработанную авторами томов «Roman Imperial Coinage»². Но поскольку перед нами стояли иные задачи, мы сочли необходимым несколько изменить традиционную схему группирования типов по монетным дворам, предложенную в RIC VI–IX, где параллельно рассматривается чеканка всех одновременно правящих соправителей и узурпаторов, и систематизировали нумизматический материал по правлениям императоров, как это сделано в томах RIC V/2 и X³.

* Работа выполнена в рамках проекта «Золотые античные монеты из собрания Государственного Исторического музея» при финансовой поддержке РФФИ (проект № 04-06-80154). Часть I см. ВДИ. 2006. № 1. С. 80–103.

¹ Монеты от имени Зенона чеканились и на Западе (см. ниже каталог).

² *Mattingly H. et al. The Roman Imperial Coinage. Vol. I–X. L., 1923–1994 (Vol. IV/3 – 1968; Vol. V/2 – 1968; Vol. VI – 1967; Vol. VII – 1966; Vol. VIII – 1981; Vol. IX – 1951; Vol. X – 1994; далее – RIC).*

³ В основу расположения материала в нашем каталоге положен также хронологический принцип, от которого мы вынуждены лишь иногда несколько отступать: так, например, монета Зенона, самая поздняя в собрании ГИМ, помещена нами не в конце каталога, а завершает раздел «Восточная империя», после которого следуют монеты Западной империи, выпущенные раньше. Монеты наследников престола с титулом цезаря, ставших затем августами, включены в их собственную чеканку. Монеты, отчеканенные от имени жен и других особ женского пола из правящего дома, рассматриваются в чеканке соответствующего императора. Также для удобства монеты восточноримского императора Аркадия, выпущенные на Западе, в Медиолане, включены в общий список его монет, в то время как в RIC X, например, эти выпуски рассматриваются в разделе о Западной империи.

Вслед за монетами Антонинов и Северов, рассмотренных нами в первой части, монеты III в. н.э. продолжают пропагандировать «золотой век», якобы принесенный каждым императором. «Вечность» и «век» постоянно фигурируют на монетах этой эпохи. Понятие «век» связывается с новыми надеждами на мир и благополучие, которые каждый император намеревался дать «кругу земель», которыми он правил подобно Солнцу. Отсюда значительное место на монетах III в. занимают лозунги «Вечность империи», «Счастье века», «Плодоносный век» и т.д. Монеты Гордиана III (238–244 гг.) не являются исключением в этом ряду, как показывает его ауреус (№ 91⁴), выпущенный в период от ранней осени 243 г. до лета 244 г.⁵, с посвящением «счастливому веку». Тип Фелицитас и лозунг «*Felicitas temporum*» как раз связаны с популярной в III в. н.э. идеей нового «золотого века», наступающего в результате доблести императора. *Felicitas* – «харисма», полученная императором от Солнца, которая вместе с его добродетелями и победами обеспечивала вечность империи и гарантировала счастливый «золотой век»⁶.

На реверсе ауреуса Траяна Деция (249–251 гг.) представлен Гений Иллирийского войска (№ 92). Напомним, что Гай Мессий Квинт Деций, сенатор и главнокомандующий в Паннонии и Мезии, был провозглашен своими войсками императором в 249 г. в противовес Филиппу Арабу (244–249 гг.). Прибыв с Дакийского лимеса в столицу, он получил имя нового «Траяна». С Децием связано начало возвышения иллирийцев, что особенно подчеркивается типом его ауреуса из коллекции ГИМ. На реверсе монеты – Гений армии подобно Гению римского народа держит в руках патеру и рог изобилия, но помещенный рядом штандарт символизирует военный аспект.

В дальнейшем идеологический нажим усиливается. Аврелиан, как известно, установил государственный культ Солнца и выпускал массу монет, посвященных Солнцу как «спутнику Августа» («*Oriens Aug.*»), как «господину Римской империи» («*Rector orbis*»). Солярная теология императорского культа получает окончательное оформление. Ауреусы Тацита (275–276 гг.) и Карина (283–285 гг.) из собрания ГИМ (№ 93, 96) показывают, что эти императоры, подобно всем своим предшественникам, отдавали должное лозунгу «вечного Рима» («*Rotae aeternae*»), с которым (как и с космосом, империей и непобедимым императором) были связаны понятия «вечность» («*aeternitas*»), «век», («*saeculum*»), «время» («*tempus*»)⁷, столь часто фигурирующие на монетах III в. н.э. Сходные мотивы отражают и монеты Проба (276–282 гг.)⁸. Так, например, ауреус № 94 посвящен Солнцу («*Oriens Augusti*»), а ауреус № 95 – «Безопасности (обеспеченности, безмятежности) века» («*Securitas saeculi*»).

Монеты тетрархов свидетельствуют, что они в своей пропаганде учитывают приверженность населения римским богам. Два ауреуса Максимиана Геркулия (285–305 гг.) показывают его в знакомом образе «*rector orbis*» (№ 97, 98), который мы уже встречали на золотых монетах Антонина Пия (см. ч. I, № 52–53). Третий экземпляр (№ 99) посвящен Максимианом Геркулием Юпитеру Хранителю («*Iovi Conservatori*»), покровителю династии Иовия (Диоклетиана), в то время как покровителем самого Геркулия соответственно считался Геркулес.

⁴ Номерам каталога соответствуют номера фотографий (см. вклейки, табл. VII–XIV).

⁵ RIC. IV/3. P. 13.

⁶ Штаерман Е.М. Социальные основы религии древнего Рима. М., 1987. С. 287–292.

⁷ Там же. С. 271.

⁸ Там же. С. 291.

Этот тип демонстрирует, что строгая дихотомия «Иовий – Геркулий» постепенно ослабевает⁹. Юный Максимин Даза (305–313 гг.) предстает на ауреусе № 100 как «предводитель молодежи» (см. ч. I, № 80, 85); другой его ауреус (№ 101) посвящен «непобедимому Солнцу» («Soli Invicto»). Лициний I (308–324 гг.) выпустил в Сисции накануне гражданской войны с Константином I ауреус (№ 102) с изображением Юпитера Хранителя («Iovi Conservatori Aug.»), украшавшим его монеты раннего периода правления¹⁰.

Ауреус Константина I (306–337 гг.) с легендой VOTA PVBLICA, отчеканенный в Тицине осенью 315 г. (№ 103), представляет особый интерес, поскольку этот тип до сих пор нигде не был опубликован. В то же время известен точно такой же тип ауреуса, выпущенный им на монетном дворе Трира¹¹. В Тицине же чеканился похожий тип ауреуса с изображением императора, Республики и Пакс и легендой PAX AETERNA AVG N¹². Еще М. Альфельди отмечала, что оба типа связаны друг с другом¹³. Выпуски монет типа Vota связаны с молебствиями за благоприятное правление того или иного императора и обетами по устройению жертвоприношений и различных общественных праздников. Со времен Августа обеты приносились каждые десять лет, а с IV в. – по истечении каждых пяти лет правления нового императора, что фиксировала чеканка ряда императоров.

Солиды Констанция II (324–361 гг.) представлены в коллекции ГИМ четырьмя экземплярами, отчеканенными на монетных дворах Фессалоники (№ 104), Константинополя (№ 105) и Антиохии (№ 106–107). Флавий Юлий Констанций II, второй сын Константина Великого и Фаусты, был официально провозглашен цезарем 8 ноября 324 г., августом – 9 сентября 337 г.; управлял Фракией и Востоком; после гибели братьев – Константина II (340 г.) и Константа (350 г.) и победы над узурпатором Магненцием (352 г.) стал единственным правителем Империи с 353 г. В 355 г. назначил своего двоюродного брата Юлиана цезарем западных провинций. Все солиды Констанция II из музейного собрания имеют один тип реверса – Рим и Константинополь сидят на троне (легенда GLORIA REI PVBLICAE/VOT/XXX/MVLT/XXXX). Монеты выпущены императором в честь тридцатилетия (tricennalia) своего правления, пышно отпразднованного в Арле (Amm. XIV. 5, 1)¹⁴.

Оба солида Магненция (350–353 гг.) (№ 108, 109), узурпировавшего трон 19 января 350 г. и признанного в Галлии, Британии, Испании, Африке и Италии, относятся к продукции его главного монетного двора, находившегося в Трире. Они чеканятся до конца его правления (10 августа 353 г.) и имеют стандартный тип реверса: Виктория и Либертас держат трофей, легенда VICTORIA AVG(usti) LIB(ertas) ROMANOR(um). Солиды Юлиана Отступника (360–363 гг.) предлагают тип воина с трофеем, держащего за волосы пленника и легендой VIRTVS EXERCITVS ROMANORUM (№ 110, 111). В коллекции ГИМ имеется также редкий солид Иовиана (363–364 гг.), начальника личной охраны Юлиана Отступника, провозглашенного августом на следующий день после смерти императора,

⁹ RIC. VI. P. 546.

¹⁰ RIC. VII. P. 412.

¹¹ RIC. VII. P. 171. № 89.

¹² RIC. VII. P. 363. № 363.

¹³ Alföldi M. Die constantinische Goldprägung in Trier // Jahrbuch für Numismatik und Geldgeschichte. Bd 10. München, 1958. S. 111.

¹⁴ RIC. VIII. P. 13.

27 июня 363 г. (№ 112). Тип SECVRITAS REI PVBLICAE/VOT/V/MVL/X почти копирует тип GLORIA REI PVBLICAE/VOT/XXX/MVLT/XXXX (№ 104–107).

Гибель Иовиана 17 февраля 364 г. знаменует конец единовластия: 26 февраля этого же года в Никее был провозглашен императором его сын Валентиниан I (364–375 гг.), 28 марта в Константинополе – другой сын, Валент (364–378 гг.). Оба императора стали соправителями. В августе 367 г. Валентиниан I назначил соправителем в ранге цезаря своего сына Грациана (367–383 гг.). Спустя пять дней после смерти Валентиниана I (17 ноября 375 г.) войска провозгласили августом его младшего сына, Валентиниана II (375–392 гг.), правившего теперь совместно с Валентом и Грацианом. Золото Валентиниана I представлено в музейном собрании 11 экземплярами (№ 113–123), Валента – 8 (№ 124–131), Грациана – 4 (№ 132–135), Валентиниана II – 1 (№ 136). Еще одна монета принадлежит узурпатору Магну Максиму (383–388 гг.), бывшему командующему армией в Британии, поднявшему мятеж против Грациана, Феодосия I и Валентиниана II и признанному ими их соправителем на Западе (№ 137). Все они (и ряд последующих императоров) чеканили примерно один и тот же набор типов, из которых в коллекции ГИМ преобладают следующие: 1) два императора сидят на троне рядом, между ними – Виктория; легенды – VICTORES AVGVSTI (Валентиниан I – № 113) или VICTORIA AVGG (Валентиниан I – № 114–118; Валент – № 124; Грациан – № 133–135; Валентиниан II – № 136; позднее Аркадий – № 142 и Гонорий – № 178–179); 2) император держит в руках штандарт с христограммой и Викторию, легенда RESTITVTOR REIPVBLICAE (Валентиниан I – № 119–123; Валент – № 125, 127–129; Магн Максим – № 137). Кроме того, имеются солиды Валента типа VOTA PVBLICA с изображением сидящих рядом Валентиниана I и Валента (№ 126)¹⁵, а также типы VICTORIA AVGVSTORVM/VOT/V/MVL/X (№ 130) и VOT/X/MVL/XX (№ 131). Эти монеты посвящены vota V–X и vota X–XX – обетам по случаю пятилетия (quinquennialia) и десятилетия (decennialia) правления Валентиниана I и Валента, отмеченных в феврале 369 г. и феврале 374 г.

Большую редкость представляет выпущенный на монетном дворе Трира аурсус Грациана типа SALVS REIPVBLICAE с изображением на реверсе императора, попирающего коленопреклоненного пленника (№ 132). Монеты Грациана такого типа не известны, в то время как Валентиниан I и Валент чеканили этот тип только в Сисции и Фессалонике в период с весны 364 г. по 24 августа 367 г. Аналогичный тип SALVS REIPVBLICAE представлен экземпляром Феодосия II (№ 149).

После Юлиана Отступника языческие божества навсегда исчезают из монетной типологии, и в ней окончательно утверждается христианская символика. В золотой чеканке IV–V вв. складывается стандартный набор изображений и легенд, среди которых преобладают VICTORIA AVGGG(A) или AVGG(A), CONCORDIA AVGGG(A) или AVGG(A) и т.д. Важное место в монетной типологии конца IV – первой половины V в. занимает изображение персонификации Константинополя в сопровождении различных легенд. Наиболее часто встречается легенда CONCORDIA AVGGG(A). В чеканке Феодосия I (379–395 гг.) этот тип появился в 379 г., символизируя согласие между тремя августами – Грацианом, Валентинианом II и Феодосием I (№ 138, 139). Позднее солиды типа CONCORDIA AVGG(A) появились в чеканке Аркадия в 397 г. После смерти Феодосия I в

¹⁵ Дж. Пирс датирует этот выпуск 368 г. См. RIC. IX. P. 72.

395 г. его сыновья Аркадий (395–408 гг.) и Гонорий (395–423 гг.) стали чеканить солиды типа VICTORIA AVGGG(A), а с 397 г. – типа VOTA PLVRIA XV/XX. Затем в 397 г. Аркадий решил вернуться к типу CONCORDIA AVGG(A) – персонализации Константинополя с фигурой Виктории на шаре. Возвращение к данному типу должно было символизировать гармонию отношений между августами Аркадием и Гонорием, правившими соответственно Восточной и Западной империями (Аркадий – № 140, 141; Гонорий – № 181–184)¹⁶. Чеканил этот тип и Феодосий II (408–450 гг.), которому в коллекции ГИМ принадлежит 25 золотых монет, представленных помимо упомянутого типа CONCORDIA AVGG(A) (№ 143, 146, 147) типами VOT XXX MVLТ XXXX (№ 144, 145, 150–157), IMP XXXXII COS XVII P P (№ 158–167) и другими.

Тема победы и лозунг VICTORIA AVGGG (или VICTORIA AVGVSTORVM), как мы видим, весьма часто фигурируют в чеканке IV–V вв. Так, например, легенда VICTORIA AVGGG сопровождает изображение императора, держащего крест и Викторию на шаре, на солидах Валентиниана III (425–455 гг.) – № 185–187, а также изображение Виктории, держащей крест, на солидах, выпущенных в Константинополе Марцианом (452–457 гг.) – № 169 и Львом I (457–474 гг.) – № 170–176.

Крест как главный символ христианства помещается на реверсе фракции солида – тримессисе (Элия Евдокия (423–433/444 гг.), жена Феодосия II – № 168, Антемий (467–472 гг.) – № 189–190, Юлий Непот (474–475 гг., 477–480 гг.) – № 191).

Самой поздней золотой римской монетой из собрания ГИМ является тримессис Зенона (474–491 гг.) с изображением Виктории, держащей увенчанный крестом шар и венок, в сопровождении легенды VICTORIA AVGVSTORVM (№ 177). Монета выпущена в период между августом 476 г. и 11 апреля 491 г.

ВАРВАРСКИЕ ПОДРАЖАНИЯ

Особую группу в коллекции ГИМ составляют 11 варварских подражаний римским золотым монетам. Их рассмотрение заслуживает отдельной публикации, и в настоящей статье, ставя задачу только введения их в научный оборот, мы остановимся лишь на некоторых деталях, позволяющих определить ряд аналогий и тем самым предположить их датировку. В 1961 г. В.В. Кропоткин поместил в своей работе изображения 10 монет из собрания ГИМ¹⁷, однако без указания их инвентарного номера, описания и датировки. Самым ранним из публикуемых нами варварских подражаний является экземпляр № 192. Портретное сходство мужской головы на аверсе этой монеты с Траяном, на наш взгляд, не вызывает сомнения. Среди ауреусов Траяна, выпущенных в 103–111 гг., имеется тип стоящей Виртус с копьем в руке¹⁸, который, возможно, и послужил моделью для имитации. Далее следует подражание № 193, которое очень напоминает золотой квинарий Адриана с изображением Монеты, держащей в руках весы и рог изобилия¹⁹. Эта монета издается впервые. Монета № 194, возможно, представляет собой подражание ауреусу Антонина Пия с типом ликтора, одето-

¹⁶ RIC. X. P. 63–64, 67.

¹⁷ Кропоткин В.В. Клады римских монет на территории СССР // САИ. Вып. Г4–4. 1961. Рис. 35, 15–20, 22–24.

¹⁸ См. Mattingly H. Roman Coins in the British Museum. Vol. III. L., 1976. P. 63. № 229. Pl. 13, 10 (далее – BMC).

¹⁹ BMC. III. P. 326, № 676. Pl. 60, 8.

го в тунику и плащ²⁰. Однако мы не исключаем, что оно относится к эпохе Марка Аврелия, для которой характерны варварские подражания аналогичного стиля²¹.

Монеты № 195–196 представляют собой подражания золотым квинариям. Моделью для первой из них послужил, скорее всего, тип идущего Марса, который чеканили, например, Марк Аврелий²² и Коммод²³. С меньшей степенью уверенности можно говорить о квинариях Проба с типом Марса Мстителя (MARS VLTOR)²⁴, хотя и они могли быть образцами для варварских подражаний. Прототипом для монеты № 196 послужил золотой квинарий с типом Виктории; мы допускаем датировку этой монеты второй половиной II – первой половиной III в.

На реверсе монеты № 197 бесспорно представлено деградированное изображение Эквитас; легенда имитирует Aequitas Aug. Тип Эквитас встречается в золотой чеканке ряда императоров конца II – первой половиной III в. Чеканили такой тип, например, Пертинакс²⁵, Филипп Араб²⁶ и др. Известно и аналогичное варварское подражание ауреусу Септимия Севера из коллекции Британского музея, выполненное, правда, в гораздо лучшем стиле²⁷.

Ко времени последних Антонинов относится монета № 198. Имитация легенды, включающая элемент ΛΛΛΛ, встречается на варварских подражаниях монетам Коммода²⁸.

Определение типа ауреуса, послужившего моделью для варварского подражания № 199, особой сложности не представляет. Единственным прототипом для этой имитации следует считать ауреус Каракаллы 216 г. с изображением Юпитера, сидящего на троне с патерой и длинным скипетром в руках²⁹. Такой тип Юпитера в чеканке III в. более не встречается; к тому же сходство бюста императора на аверсе с портретами Каракаллы на римских монетах сомнений не вызывает.

Подражания № 200 и 201 выполнены в одном стиле, в очень хорошей манере, близкой оригиналам. Изображение головы императора на монете № 200 напоминает портреты Пупиена, а обнявшиеся крылатая женская и мужская фигуры на реверсе, возможно, связаны с типом Виктории, венчающей императора. Монета № 201, вне всяких сомнений, копирует тип «ADVENTVS AVG» («Прибытие императора»)³⁰. Образцом для варварского подражания мог послужить, например, ауреус Гордиана III 240 г. с легендой P M TR P III COS PP, к тому же легенда на реверсе варварского подражания вполне напоминает перечисление аккламаций на этом ауреусе.

Самым поздним из варварских подражаний в коллекции ГИМ является экземпляр № 202, прототип которого, как нам представляется, следует искать в чеканке Проба (276–282 гг.). На варварском экземпляре изображен бюст импе-

²⁰ BMC. IV. P. 119. № 820. Pl. 17, 8.

²¹ BMC. IV. P. 509–511. № 815, 816, 821–824. Pl. 70, 7, 8, 10, 14.

²² BMC. IV. P. 469. № 529. Pl. 63, 2; 66, 19; 67, 10.

²³ BMC. IV. Pl. 95, 16.

²⁴ RIC. V/2. P. 33. № 148.

²⁵ BMC. V. 1950. Pl. 1, 13.

²⁶ RIC. IV/3. Pl. 6, 1.

²⁷ BMC. V. Pl. 56, 6.

²⁸ BMC. IV. P. 758. № 372 a.

²⁹ BMC. V. P. 463. № 182. Pl. 72, 12.

³⁰ RIC. IV/3. Pl. 2, 3.

ратора (в доспехах, шлеме, с копьем и щитом), смотрящий вправо, – явная имитация обычного бюста, смотрящего влево. Однако среди ауреусов Проба нет аналогичного типа с изображением одновременно бюста императора с перечисленными атрибутами на аверсе и сидящей фигурой на реверсе. Среди выпусков монетного двора в Риме имеются всего два типа, могущих служить моделью для данного варварского подражания: на аверсах обоих экземпляров – бюст императора в доспехах и с копьем (но без шлема), на реверсах – многофигурные композиции, центром которых являются Рома или император, сидящие влево³¹. Под обрезом обоих экземпляров помещен веночек, превратившийся в кружок под обрезом на варварской монете. Почти точную аналогию варварскому экземпляру можно найти среди антонинианов, выпущенных в Риме³², с изображением Ромы, сидящей влево. В числе последних монет также имеются экземпляры с изображением венка как знака монетного двора Рима, на который похож кружок на варварской монете. Сидящая влево Рома с шаром и скипетром в руках изображалась и на реверсах ауреусов чеканки монетного двора Сисции (на аверсе – бюст императора в доспехах, но без шлема)³³. Опять же антонинианы этого монетного двора³⁴ могли послужить точной моделью для варварского экземпляра. Ауреусы Проба с сидящей влево Ромой чеканились также на монетных дворах Сердики, Кизика и Триполи³⁵.

КАТАЛОГ

ГОРДИАН III (238–244 гг.)

91. Рим. 243–244 гг.

Ауреус

Л.с. IMP GORDIANVS PIVS FEL AVG

Бюст Гордиана в панцире и плаще, вправо; на голове лавровый венок.

О.с. FELICITAS TEMPORVM

Фелицитас стоит влево; в правой руке держит длинный кадуцей, в левой – рог изобилия.

Вес 3.94 г. Инв. № А.129.

Литература: RIC. IV/3. P. 31. № 159.

ТРАЯН ДЕЦИЙ (249–251 гг.)

92. Рим. 249–251 гг.

Ауреус

Л.с. IMP C M Q TRAIANVS DECIVS AVG

Бюст Траяна Деция в панцире и плаще, вправо; на голове лавровый венок.

О.с. GENIVS EXERC ILLVRICIANI

Гений Иллирийского войска стоит влево, на голове – polos; в правой руке держит патеру, в левой – рог изобилия; справа – штандарт.

Вес 3.67 г. Инв. № А.130.

Литература: RIC. IV/3. P. 122. № 16.

³¹ RIC. V/2. P. 33–34. № 140, 146.

³² RIC. V/2. P. 37–38. № 184, 186, 189, 190–192, 194–196.

³³ RIC. V/2. P. 80. № 592.

³⁴ RIC. V/2. P. 96–97. № 737–740.

³⁵ RIC. V/2. P. 107. № 826; P. 115. № 893; P. 120. № 926.

ТАЦИТ (275–276 гг.)

93. Сисция. Недатированный выпуск.

Ауреус

Л.с. IMP C M CL TACITVS AVG

Бюст Тацита в панцире и плаще, вправо; на голове лавровый венок.

О.с. ROMAE AETERNAE

Рома сидит влево; в правой руке держит шар, в левой – копье; внизу у трона – щит.

Вес 4.84 г. Инв. № А.131.

Литература: RIC. V/1. P. 343. № 176.

ПРОБ (276–282 гг.)

94. Сисция. Недатированный выпуск.

SIS

Ауреусы

Л.с. IMP M AVR PROBVVS AVG

Бюст Проба в панцире и плаще, вправо; на голове лучевая корона.

О.с. ORIENS AVGVSTI

Сол, обнаженный, в плаще, стоит влево; правая рука поднята, в левой держит шар.

Вес 6.76 г. Инв. № А.132.

Литература: RIC. V/2. P. 79. № 590.

95. *Л.с.* То же.

О.с. SECVRITAS SAECVLI

Секуритас сидит на троне влево, опираясь локтем левой руки на спинку; в правой поднятой руке держит скипетр.

Вес 6.83 г. Инв. № А.133.

Литература: RIC. V/2. P. 80. № 593.

КАРИН (283–285 гг.)

96. Сисция. Недатированный выпуск.

Ауреус

Л.с. M AVR CARINVS NOB CAES

Бюст Карина в панцире и плаще, влево; на голове лавровый венок; в правой руке держит копье, левой плечо прикрыто щитом.

О.с. ROMAE AETERNAE

Рома сидит на щите влево; в правой руке держит венок, в левой – копье.

Вес 3.64 г. Инв. № А.134.

Литература: RIC. V/2. P. 161. № 189.

МАКСИМИАН ГЕРКУЛИЙ (285–305 гг.)

97. Кизик. 290–293 гг.

Ауреус

Л.с. MAXIMIANVS AVGVSTVS

Голова Максимиана Геркулия в лавровом венке, вправо.



О.с. CONSVL III P P PROCOS

Император, одетый в тогу, стоит влево; в правой руке держит шар.

Вес 5.41 г. Инв. № А.136.

Литература: RIC. V/2. P. 290. № 596.

98. Сисция. 302–305 гг.

SIS

Ауреус

Л.с. MAXIMIANVS AVG

Голова Максимиана Геркулия в лавровом венке, вправо.

О.с. CONSVL VII P P PRCOS

Император в тоге стоит прямо, голова повернута влево; в правой руке держит шар, в левой – короткий жезл.

Вес 5.12 г. Инв. № А.137.

Литература: RIC. VI. P. 457. № 23.

99. НикоMEDIA. 1 мая 305 г. – 25 июля 306 г.

SMN

Ауреус

Л.с. MAXIMIANVS AVGVSTVS

Голова Максимиана Геркулия в лавровом венке, вправо.

О.с. IOVI CONSERVATORI NK

Юпитер стоит влево, плащ развевается за спиной; в правой руке держит молнии, левой опирается на скипетр.

Вес 5.11 г. Инв. № А.135.

Литература: RIC. VI. P. 558. № 33.

МАКСИМИН ДАЗА (305–313 гг.)

100. Сердика. 25 июля 306 г. – весна 307 г.

3 |
• SM • SD •

Ауреус

Л.с. MAXIMINVS NOB C

Голова Максимиана в лавровом венке, вправо.

О.с. PRINCIPI IVVENTVTIS

Максимин в доспехах стоит влево; в правой руке держит шар, левой опирается на скипетр; справа – два штандарта.

Вес 5.28 г. Инв. № А.139.

Литература: RIC. VI. P. 496. № 19.

101. НикоMEDIA. 306 г. – начало 307 г.

SMN

Ауреус

Л.с. MAXIMINVS CAESAR

Голова Максимиана в лавровом венке, вправо.

О.с. SOLI INVICTO NK

Сол, обнаженный, стоит прямо, голова повернута вправо; плащ развевается за спиной; правая рука поднята, в левой держит кнут и шар.

Вес 5.31 г. Инв. № А.138.

Литература: RIC. VI. P. 560. № 43.

ЛИЦИНИЙ I (308–324 гг.)

102. Сисция. 316 г.

X
SIS

Ауреус

Л.с. LICINIVS P F AVG

Голова Лициния в лавровом венке, вправо.

О.с. IOVI CONSERVATORI AVG

Юпитер, обнаженный, в плаще, накинутом поверх левого плеча, стоит влево, опираясь на скипетр; в правой руке держит пучок молний; внизу слева – орел с венком в клюве.

Вес 5,14 г. Инв. № А.140.

Литература: RIC. VII. P. 425. № 21.

КОНСТАНТИН I ВЕЛИКИЙ (306–337 гг.)

103. Тицин. 315 г. – начало 316 г.

SMT

Ауреус

Л.с. CONSTANTINVS P F AVG

Бюст Константина I в плаще и панцире, вправо; на голове лавровый венок.

О.с. VOTA PVBLICA

Император в тунике стоит прямо; слева от него Республика в башенной короне стоит вправо и протягивает ему Викторию на шаре; справа от него Пакс стоит влево и протягивает ему венок.

Вес 4,38 г. Инв. № А.141.

Литература: Нет такого типа в чеканке Тицина.

КОНСТАНЦИЙ II (324–361 гг.)

104. Фессалоника. 25 декабря 350 г. – 6 ноября 355 г.

TES

Солид

Л.с. FL IVL CONSTANTIVS PERP AVG

Бюст Констанция II в плаще и панцире, вправо; на голове жемчужная диадема.

О.с. GLORIA REI PVBLICAE

Рома и Константинополь сидят на тронах, первая – прямо, вторая – повернувшись влево. Обе смотрят друг на друга и держат венок с надписью VOT/XXX/MVLT/XXXX. Рома держит в левой руке копьё, Константинополь – скипетр; правая нога последней опирается на прору.

Вес 4,01 г. Инв. № А.6311.

Литература: RIC. VIII. P. 416. № 148.

105. Константинополь. 15 марта 351 г. – 6 ноября 355 г.

CONS

Солид

Л.с. FL IVL CONSTANTIVS PERP AVG

Бюст Констанция II в панцире, в фас; на голове шлем с гребнем, украшенный жемчужной диадемой; на правом плече – копье, левое плечо прикрыто щитом, украшенным изображением всадника, скачущего над поверженным врагом.

О.с. То же, что № 104.

Вес 4.49 г. Инв. № А.6310.

Литература: RIC. VIII. P. 455. № 95.

106. Антиохия. 6 ноября 355 г. – 3 ноября 361 г.

Солиды

•
—
•SMANS•

То же, что № 105. Вес 4.32 г. Инв. № А.145.

Литература: RIC. VIII. P. 526. № 170.

—
ANTG

107. *Л.с.* D N CONSTANTIVS P F AVG

Голова Констанция II в жемчужной диадеме, вправо.

О.с. То же, что № 104.

Вес 4.42 г. Инв. № А.144.

Литература: RIC. VIII. P. 526. № 172.

МАГНЕНЦИЙ (350–353 гг.)

108. Трир. 19 января 350 г. – 10 августа 353 г.

—
TR

Солид

Л.с. D N MAGNENTIVS P F AVG

Бюст Магненция в плаще и панцире, вправо.

О.с. VICTORIA AVG LIB ROMANOR

Виктория стоит вправо, держа пальмовую ветвь на левом плече; Либертас стоит влево, держа скипетр в левой руке; обе поддерживают стоящий между ними шест с укрепленным на нем трофеем. Правая рука Виктории находится выше правой руки Либертас.

Вес 4.48 г. Инв. № А.143.

Литература: RIC. VIII. P. 156. № 252.

109. Трир. Весна 351 г. – 10 августа 353 г.

—
TR

Солид

То же, но шест имеет поперечную планку в середине.

Вес 4.51 г. Инв. № А.142.

Литература: RIC. VIII. P. 159. № 277.

ЮЛИАН ОТСТУПНИК (360–363 гг.)

110. Сирмий. Лето 361 г. – 26 июня 363 г.

•SIRM

Солиды

Л.с. FL CL IVLIANVS P P AVG

Бюст Юлиана в плаще и панцире, вправо; на голове жемчужная диадема.

О.с. VIRTVS EXERCITVS ROMANORVM

Воин в шлеме вправо; голова повернута влево; на левом плече держит трофей, правая рука лежит на голове пленника.

Вес 4,39 г. Инв. № А.146.

Литература: RIC. VIII. P. 391. № 97.

*SIRM

111. То же. Вес 4,08 г. Инв. № А.6453.

Литература: RIC. VIII. P. 391. № 96.

ИОВИАН (363–364 гг.)

112. Антиохия. 27 июня 363 г. – 16 февраля 364 г.

ANTZ

Солид

Л.с. D N IOVIANVS PEP AVG

Бюст Иовиана в плаще и панцире, вправо; на голове жемчужная диадема.

О.с. SECVRITAS REI PVBLICAE

Роба и Константинополь сидят на тронах, первая – прямо, вторая – повернувшись влево. Обе смотрят друг на друга и держат щит с надписью VOT/V/MVL/X. Роба держит в левой руке копье, Константинополь – скипетр; правая нога последней опирается на прору.

Вес 4,36 г. Инв. № А.147.

Литература: RIC. VIII. P. 532. № 223.

ВАЛЕНТИНИАН I (364–375 гг.)

113. Трир. 24 августа 367 г. – 17 ноября 375 г.

TROB

Солиды

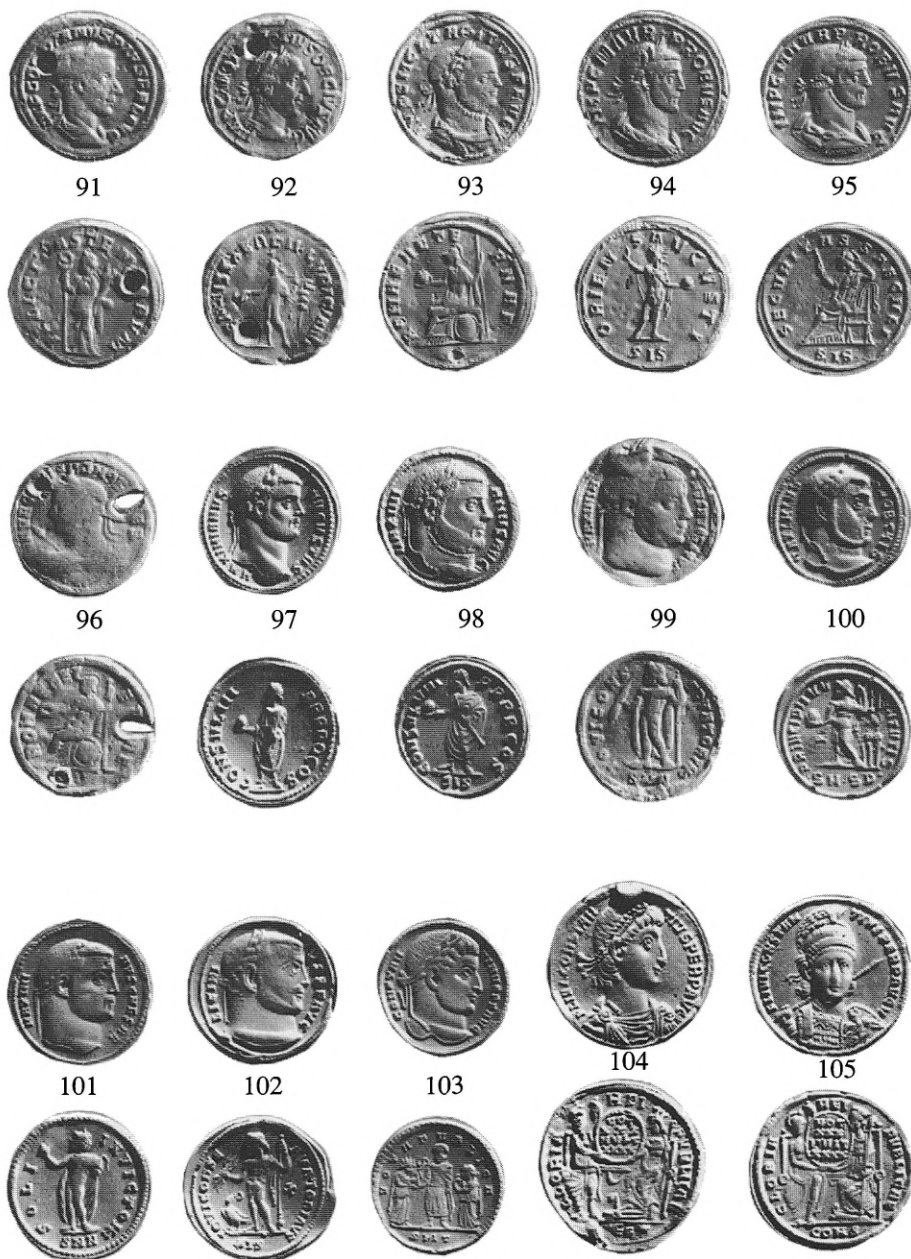
Л.с. D N VALENTINIANVS P F AVG

Бюст Валентиниана I в панцире, влево; на голове шлем, украшенный звездами; впереди – копье и щит с изображением всадника, скачущего над поверженным врагом.

О.с. VICTORES AVGVSTI

Валентиниан и Грациан сидят на троне, прямо, совместно держа шар; над ними парит Виктория и венчает императоров.

Таблица VII



Таблицы VII–XIV. Римские золотые монеты из Государственного Исторического музея



106



107



108



109



110



111



112



113



114



115



116



117



118



119



120



Таблица VIII

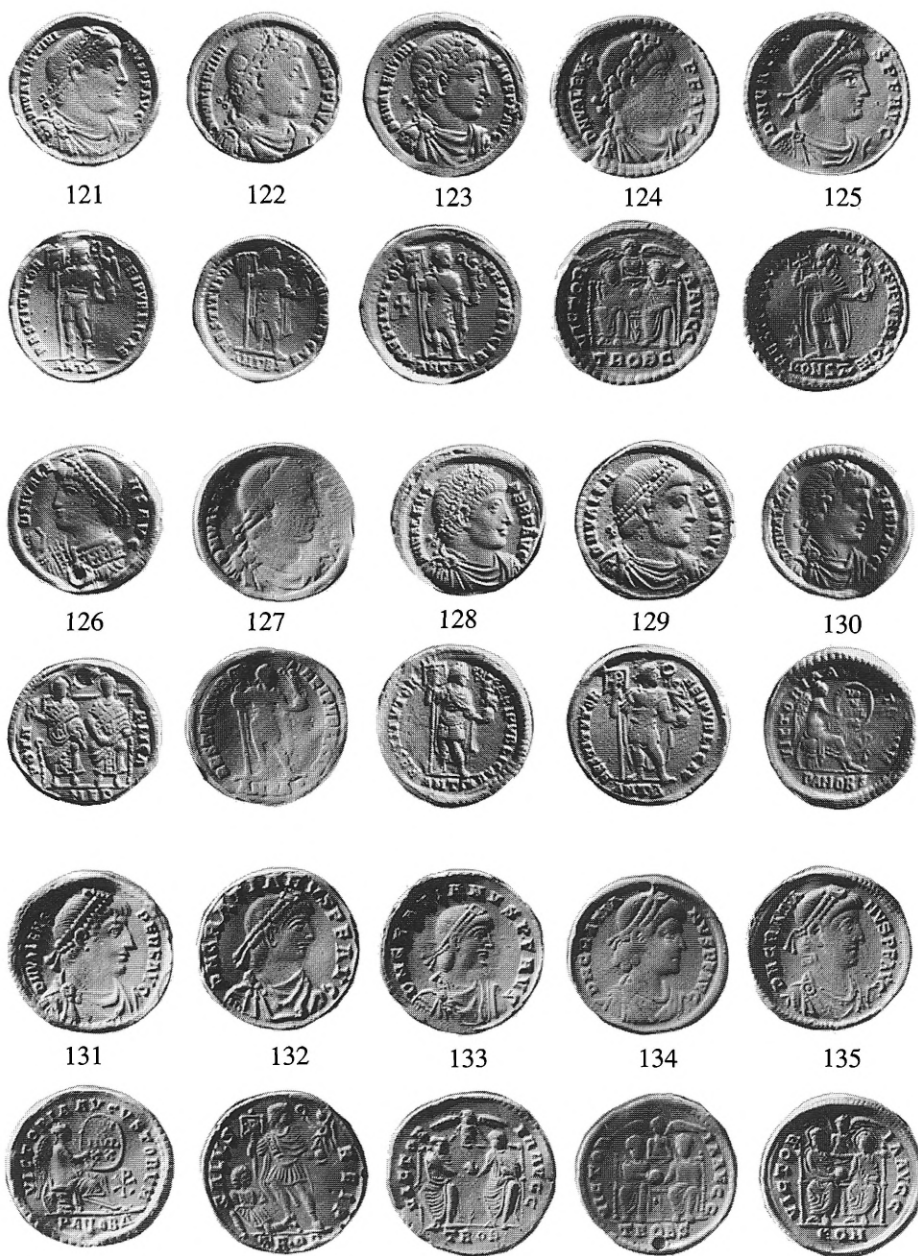


Таблица IX

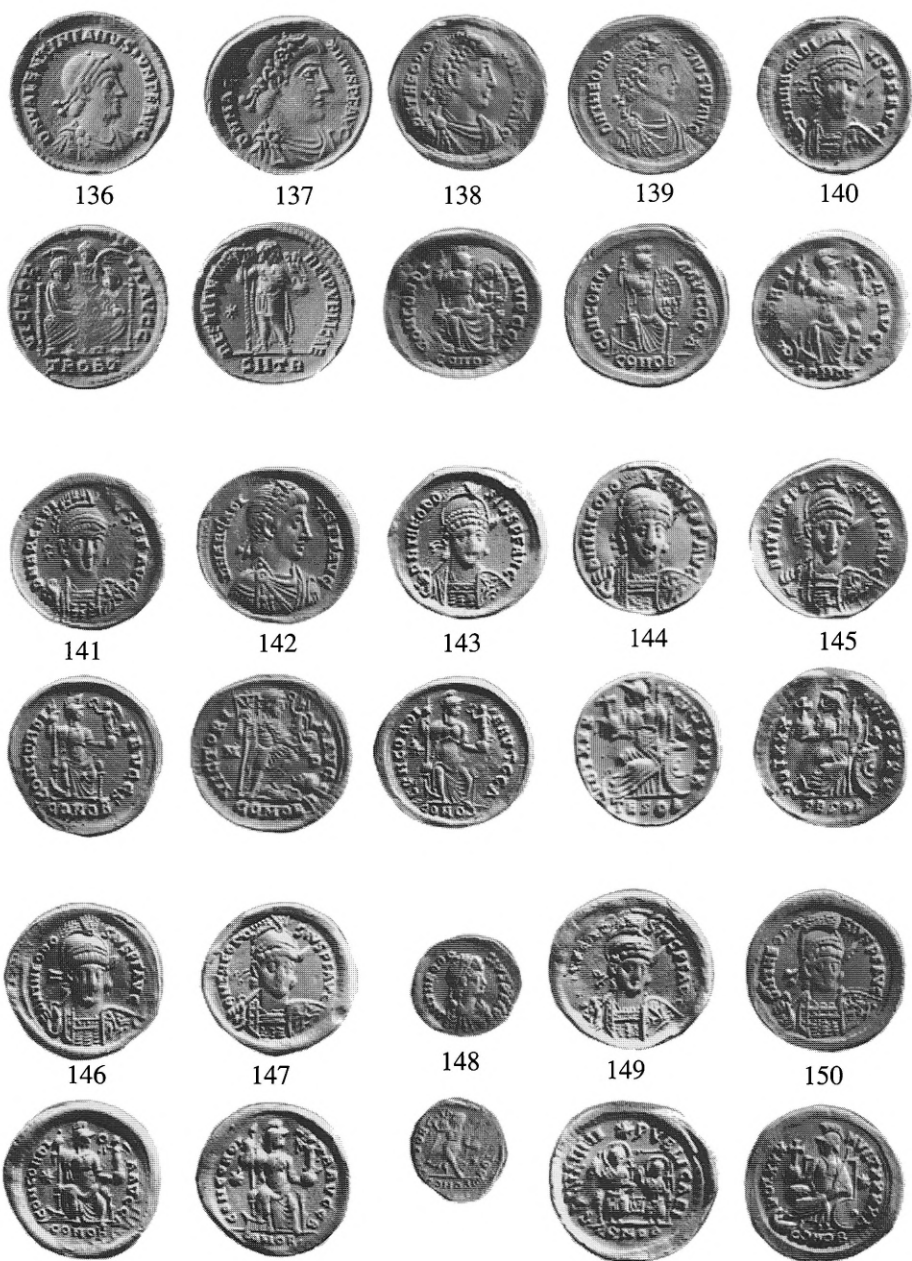


Таблица X

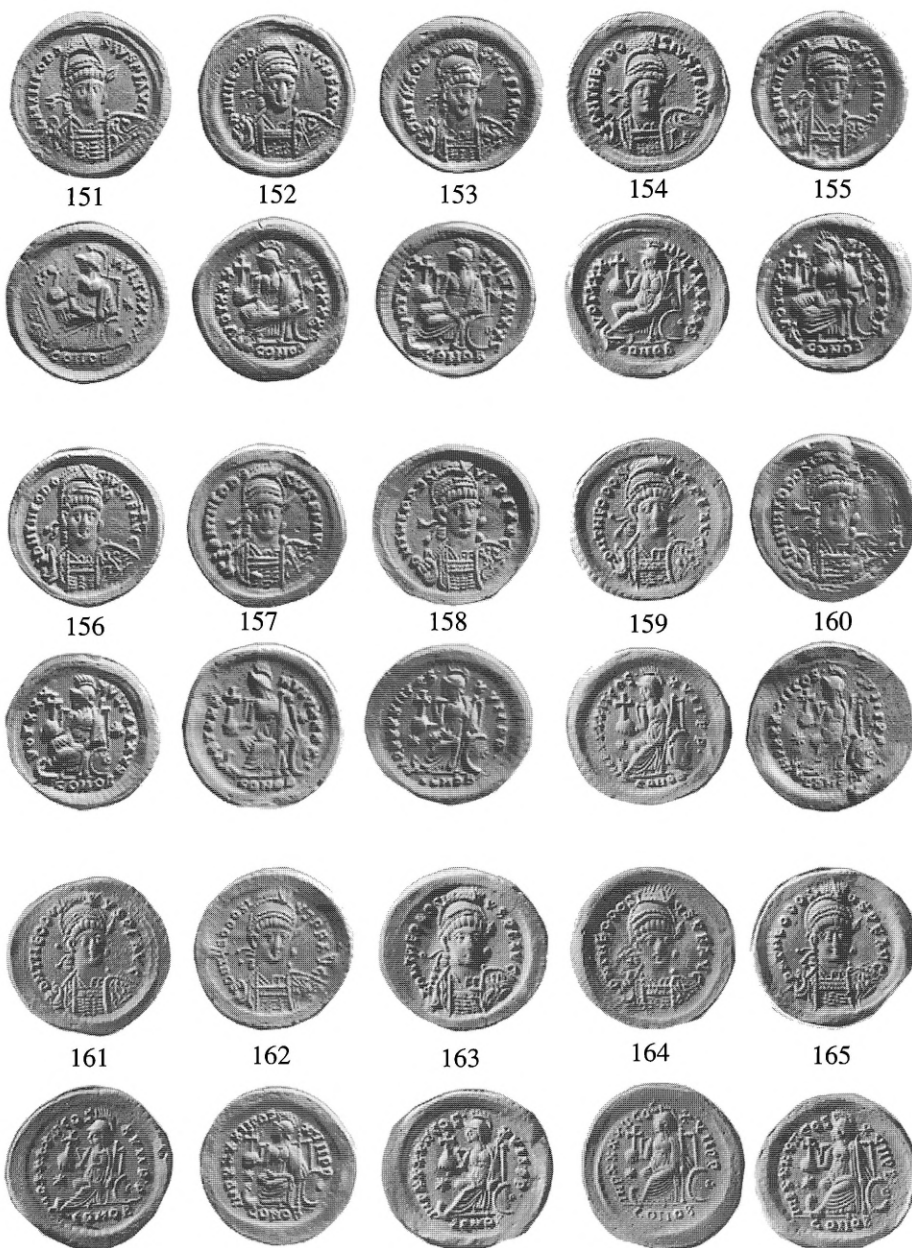


Таблица XI

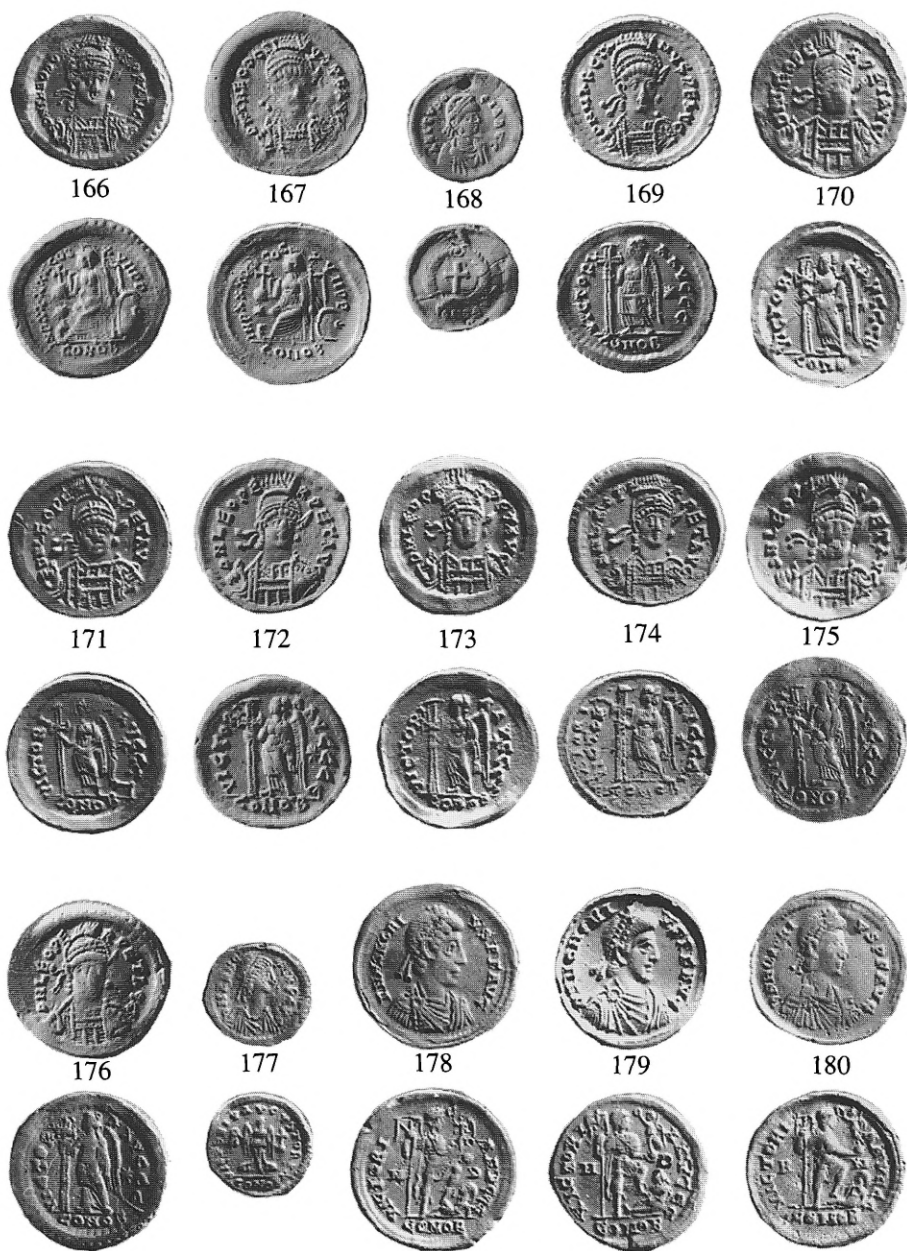


Таблица XII



Таблица XIII



Таблица XIV

TROBS³⁶

114. *Л.с.* D N VALENTINIANVS P F AVG

Бюст Валентиниана I в плаще и панцире, вправо; на голове диадема из розеток.

О.с. VICTORIA AVGG

Два императора (Валентиниан и Грациан) сидят на троне, прямо, совместно держа шар; позади, между ними, – торс Виктории с расправленными крыльями; внизу, между ними, – пальмовая ветвь.

Вес 4.45 г. Инв. № А.149.

Литература: RIC. IX. P. 16. № 17 (b).

TROBS

115. То же. Вес 4.45 г. Инв. № А.150.

116. То же. Вес 4.43 г. Инв. № А.152.

TROBS

117. То же. Вес 4.48 г. Инв. № А.151.

118. Фессалоника. 25 февраля 364 г. – 24 августа 367 г.

*

TES

Солид

Л.с. D N VALENTINIANVS P F AVG

Бюст Валентиниана I в плаще и панцире, вправо; на голове диадема из розеток.

О.с. VICTORIA AVGG

Два императора сидят на троне, прямо, совместно держа шар; император, сидящий справа, держит свиток (mapa) в левой руке; позади, между ними, – Виктория с расправленными крыльями.

Вес 4.32 г. Инв. № А.6304.

Литература: RIC. IX. P. 174. № 4 (a).

119. Константинополь. 24 августа 367 г. – 17 ноября 375 г.

*CONS

Солид

Л.с. D N VALENTINIANVS P F AVG

Бюст Валентиниана I в плаще и панцире, вправо; на голове диадема из розеток.

О.с. RESTITVTOR REIPVBLICAE

Император стоит прямо, голова повернута вправо; в правой руке держит штандарт (labarum), в левой – Викторию на шаре.

Вес 4.63 г. Инв. № А.13783.

Литература: RIC. IX. P. 217. № 25 (a).

³⁶ Или TROBS, или TROBT (экземпляр испорчен).

120. Никомедия. 25 февраля 364 г. – 24 августа 367 г.

SMNE

Солид

То же, но на голове жемчужная диадема.

Вес 4.22 г. Инв. № А.154.

Литература: RIC. IX. P. 250. № 2 (а).

121. Антиохия. 25 февраля 364 г. – 24 августа 367 г.

ANTA

Солиды

Л.с. D N VALENTINIANVS P F AVG

Бюст Валентиниана I в плаще и панцире, вправо; на голове жемчужная диадема.

О.с. RESTITVTOR REIPVBLICAE

Император стоит прямо, голова повернута вправо; в правой руке держит штандарт (labarum) с изображением креста X, в левой – Викторию на шаре.

Вес 4.35 г. Инв. № А.148.

Литература: RIC. IX. P. 272. № 2 (а).

ANTB*

122. То же, но на голове диадема из розеток.

Вес 3.61 г. Инв. № А.155.

Литература: RIC. IX. P. 272. № 2 (b)³⁷.

+

ANTA

123. То же, на штандарте – крест.

Вес 4.62 г. Инв. № А.6323.

Литература: RIC. IX. P. 272. № 2 (b).

ВАЛЕНТ (364–378 гг.)

124. Трир. 24 августа 367 г. – 17 ноября 375 г.

TROVC

Солид

Л.с. D N VALENS P F AVG

Бюст Валента в плаще и панцире, вправо; на голове жемчужная диадема.

О.с. VICTORIA AVGG

Два императора сидят на троне, прямо, совместно держа шар; позади, между ними, – торс Виктории с расправленными крыльями; внизу, между ними, – пальмовая ветвь.

Вес 4.46 г. Инв. № А.163.

Литература: RIC. IX. P. 17. № 17 (с).

³⁷ Нет такой официны в RIC. IX (упомянуты официны А, Г, Є, Н, Θ, Ι). См. P. 271, xxvii–xxx).

125. Арелат–Константина. 25 февраля 364 г. – 24 августа 367 г.

* |
KONSTN

Солид

Л.с. D N VALENS P F AVG

Бюст Валента в плаще и панцире, вправо; на голове жемчужная диадема.

О.с. RESTITVTOR REIPVBLICAE

Император стоит прямо, голова повернута вправо; в правой руке держит штандарт (*labarum*), в левой – Викторию на шаре. Древко штандарта украшено пальмовой ветвью, на знамени – ✠.

Вес 4.43 г. Инв. № А.161.

Литература: RIC. IX. P. 61. № 1 (с).

126. Медиолан. 368 г.

MED

Солид

Л.с. D N VALENS P F AVG

Бюст Валента в императорской мантии, влево; на голове жемчужная диадема; в правой руке – свиток (*mapra*), в левой – скипетр.

О.с. VOTA PVBLICA

Валентиниан и Валент, украшенные нимбами и одетые в императорские мантии, сидят на троне прямо; каждый держит в правой руке свиток (*mapra*), в левой – скипетр. Император, сидящий слева, поднимает *mapra* вверх.

Вес 4.08. Инв. № А.158.

Литература: RIC. IX. P. 76. № 3 (b).

127. Антиохия. 25 февраля 364 г. – 24 августа 367 г.

ANTA•

Солиды

Л.с. D N VALENS PER F AVG

Бюст Валента в плаще и панцире, вправо; на голове жемчужная диадема.

О.с. RESTITVTOR REIPVBLICAE

Император стоит прямо, голова повернута вправо; в правой руке держит штандарт (*labarum*), в левой – Викторию на шаре. На знамени – ✠.

Вес 3.82 г. Инв. № А.162.

Литература: RIC. IX. P. 272. № 2 (d).

ANTГ*

128. То же, но на знамени – +.

Вес 4.48 г. Инв. № А.6870.

Литература: RIC. IX. P. 272. № 2 (d).

ANTA

129. То же, но с легендой D N VALENS P F AVG; на знамени – Р.

Вес 4.43 г. Инв. № А.6324.

✱
PANOBS

Солид

Л.с. D N VALENS PER F AVG

Бюст Валента в плаще и панцире, вправо; на голове диадема из розеток.

О.с. VICTORIA AVGVSTORVM

Виктория сидит на панцире вправо и пишет VOT/V/MVL/X на щите, который держит на коленях; позади щит.

Вес 4.43 г. Инв. № А.159.

Литература: RIC. IX. P. 278. № 22 (d).

131. Антиохия. 374 г.

✱
PANOBA

Солид

Л.с. D N VALENS PER F AVG

Бюст Валента в плаще и панцире, вправо; на голове жемчужная диадема.

О.с. VICTORIA AVGVSTORVM

Виктория сидит на панцире вправо и пишет VOT/X/MVL/XX на щите, который держит на коленях; позади щит.

Вес 4.44 г. Инв. № А.160.

Литература: нет в RIC. IX.

Для аверса – RIC. IX. P. 278. № 22 (c); для реверса – RIC. IX. P. 277. № 22 (a).

ГРАЦИАН (367–383 гг.)

132. Трир. 24 августа 367 г. – 25 августа 383 г.?

TR•OB

Солид (Гибрид?)

Л.с. D N GRATIANVS P F AVG

Бюст Грациана в плаще и панцире, вправо; на голове жемчужная диадема.

О.с. SALVS REIP

Император стоит прямо, голова повернута вправо; в правой руке держит лабарум, в левой – Викторию на шаре; правой ногой попирает коленопреклоненного пленника.

Вес 4.28 г. Инв. № А.167.

Литература: Нет в RIC. IX³⁸.

Для аверса – RIC. IX. P. 17. № 17 (f);

для реверса – RIC. IX. P. 145. № 1 (a, b) – Сисция, P. 173. № 1, P. 173–174. № 3 (a, b) – Фессалоника.

³⁸ Считалось, что этот тип чеканился только в Сисции и Фессалонике. Возможно, эти выпуски были связаны с визитами императоров, о которых не сохранилось сведений, во время продвижения Валентиниана I на Запад (RIC. IX. P. 137). Все монеты данного типа, опубликованные в RIC. IX, чеканены от имени Валентиниана I и Валента. Солиды Грациана этого типа, кроме экземпляра из ГИМ, нам не известны.

133. Трир. 24 августа 367 г. – 17 ноября 375 г.

TROB•

Солид

Л.с. D N GRATIANVS P F AVG

Бюст Грациана в плаще и панцире, вправо; на голове жемчужная диадема.

О.с. VICTORIA AVGG

Два императора сидят на троне, прямо, совместно держа шар; позади между ними – торс Виктории с расправленными крыльями; внизу между ними – пальмовая ветвь.

Вес 4.46 г. Инв. № А.164.

Литература: RIC. IX. P. 17. № 17 (f).

TROBS

134. То же, но на голове диадема из розеток

Вес 4.14 г. Инв. № А.165.

Литература: RIC. IX. P. 17. № 17 (g).

135. Медиолан. 9 августа 378 г. – 25 августа 383 г.

COM

Солид

Л.с. D N GRATIANVS P F AVG

Бюст Грациана в плаще и панцире, вправо; на голове жемчужная диадема.

О.с. VICTORIA AVGG

Два императора в нимбах сидят на троне, прямо, совместно держа шар; император, сидящий справа, держит свиток (тарра) в левой руке. Позади между ними – Виктория с расправленными крыльями; внизу между ними – пальмовая ветвь.

Вес 4.38 г. Инв. № А.166.

Литература: RIC. IX. P. 77. № 5 (d).

ВАЛЕНТИНИАН II (375–392 гг.)

136. Трир. 17 ноября 375 г. – 9 августа 378 г.

TROBT

Солид

Л.с. D N VALENTINIANVS IVN P F AVG

Бюст Валентиниана II в плаще и панцире, вправо; на голове жемчужная диадема.

О.с. VICTORIA AVGG

Два императора сидят на троне, прямо, совместно держа шар; позади между ними – торс Виктории с расправленными крыльями; внизу между ними – пальмовая ветвь; фигура императора справа несколько меньше.

Вес 4.45 г. Инв. № А.169.

Литература: RIC. IX. P. 24. № 49 (c).

МАГН МАКСИМ (383–388 гг.)

137. Трир. 25 августа 383 г. – 28 августа 388 г.

*
SMTR

Солид

Л.с. D N MAG MAXIMVS P F AVG

Бюст Магна Максима в плаще и панцире, вправо; на голове диадема из розеток.

О.с. RESTITVTOR REIPVBLICAE

Император стоит прямо, голова повернута влево; в правой руке держит лабарум, в левой – Викторию на шаре.

Вес 4.43 г. Инв. № А.168.

Литература: RIC. IX. P. 28. № 76.

ФЕОДОСИЙ I ВЕЛИКИЙ (379–395 гг.)

138. Константинополь. 25 августа 383 г. – 28 августа 388 г.

Солиды

CONOB

Л.с. D N THEODOSIVS P F AVG

Бюст Феодосия I в плаще и панцире, вправо; на голове жемчужная диадема.

О.с. CONCORDIA AVGGGA

Константинополь в шлеме сидит на троне прямо; в правой руке держит скипетр, в левой – щит с надписью VOT/V/MVL/X.

Вес 4.08 г. Инв. № А.196.

Литература: RIC. IX. P. 231. № 70 (a).

CONOB

139. *Л.с.* D N THEODOSIVS P F AVG

Бюст Феодосия I в плаще и панцире, вправо; на голове диадема из розеток.

О.с. CONCORDIA AVGGGA

Константинополь в шлеме сидит на троне прямо; в правой руке держит скипетр, в левой – щит с надписью VOT/X/MVLT/XV.

Вес 4.46 г. Инв. № А.195.

Литература: RIC. IX. P. 231. № 71 (b).

РАЗДЕЛЕННАЯ ИМПЕРИЯ (395–491 гг.)

ВОСТОЧНАЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ

АРКАДИЙ (395–408 гг.)

140. Константинополь. 397–402 гг.

Солиды

CONOB

Л.с. D N ARCADIVS P F AVG

Бюст Аркадия в панцире, в фас; на голове шлем с гребнем, украшенный жемчужной диадемой; на правом плече – копье, левое плечо закрыто щитом с изображением всадника, скачущего над поверженным противником.

О.с. CONCORDIA AVGGGB

Константинополь сидит на троне прямо, голова повернута вправо; в правой руке держит скипетр, в левой – Викторию на шаре; правая нога опирается на прору.

Вес 4,44 г. Инв. № А.194.

Литература: RIC. X. P. 240. № 7.

141. То же, но AVGGGS.

Вес 4,45 г. Инв. № А.193.

142. Медиолан. 395–402 гг.

M D COMOB

Солид³⁹

Л.с. D N ARCADIVS P F AVG

Бюст Аркадия в плаще и панцире, вправо; на голове жемчужная диадема.

О.с. VICTORIA AVGGG

Император стоит вправо; в правой руке держит штандарт, в левой – Викторию на шаре; левой ногой попирает полулежащего связанного пленника.

Вес 4,43 г. Инв. № А.192.

Литература: RIC. X. P. 318. № 1205 (var. b).

ФЕОДОСИЙ II (408–450 гг.)

143. Сирмий. 403–408 гг.⁴⁰

CONOB

Солид

Л.с. D N THEODOSIVS P F AVG

Бюст Феодосия II в панцире, в фас; на голове шлем с гребнем, украшенный жемчужной диадемой; на правом плече – копье, левое плечо закрыто щитом с изображением всадника, скачущего над поверженным противником.

О.с. CONCORDIA AVGGGΔ

Константинополь сидит на троне прямо, голова повернута вправо; в правой руке держит скипетр, в левой – Викторию на шаре; правая нога опирается на прору; слева в поле – звезда.

Вес 4,47 г. Инв. № А.205.

Литература: RIC. X. P. 243. № 31.

144. Фессалоника. 430–440 гг.

TESOB

Солид

Л.с. То же.

О.с. VOT XXX MVLТ XXXX

³⁹ Монета от имени Аркадия, чеканенная в Западной империи Гонорием.

⁴⁰ Чеканка Аркадия.

Константинополь сидит на троне влево; в правой руке держит шар, увенчанный крестом, в левой – скипетр; за троном – щит; справа в поле – звезда.

Вес 3.49 г. Инв. № А.202.

Литература: RIC. X. P. 267. № 366.

145. То же. Вес 4.37 г. Инв. № А.207.

146. Константинополь. 408–423 гг.

CONOB

Солид

Л.с. То же.

О.с. CONCORDIA AVGGA

Константинополь сидит на троне прямо, голова повернута вправо; в правой руке держит скипетр, в левой – Викторию на шаре; правая нога опирается на прору; слева в поле – звезда.

Вес 4.41 г. Инв. № А.204.

Литература: RIC. X. P. 253. № 202.

147. То же, но AVGGB. Вес 4.31 г. Инв. № А.203.

CONOB

Тремиссис

148. Л.с. D N THEODOSIVS P F AVG

Бюст Феодосия II в плаще и панцире, вправо; на голове жемчужная диадема.

О.с. VICTORIA AVGVSTORVM

Виктория идет вправо, голова повернута влево; в правой руке держит венок, в левой – шар, увенчанный крестом; справа в поле – звезда.

Вес 1.45 г. Инв. № А.221.

Литература: RIC. X. P. 255. № 213.

149. Константинополь. Октябрь 425–429 гг.

CONOB

Солид

Л.с. То же, что № 143.

О.с. SALVS REIPUBLICAEI

Два императора в нимбах сидят на троне прямо; оба одеты в консульские тоги; каждый держит свиток (парра) и скипетр; вверху между ними – звезда.

Вес 4.38 г. Инв. № А.206.

Литература: RIC. X. P. 258. № 237.

150. Константинополь. 430–440 гг.

Солиды

CONOB

Л.с. То же.

О.с. VOT XXX MVLT XXXXA

Константинополь сидит на троне влево; в правой руке держит шар, увенчанный крестом, в левой – скипетр; за троном – щит; справа в поле – звезда.

Вес 4.41 г. Инв. № А.199.

Литература: RIC. X. P. 259. № 257.

151. То же, но XXXXГ. Вес 4.40 г. Инв. № А.197.

152. То же. Вес 4.29 г. Инв. № А.211.
 153. То же, но XXXXS. Вес 4.48 г. Инв. № А.210.
 154. То же. Вес 4.46 г. Инв. № А.218.
 155. То же, но XXXXH. Вес 4.35 г. Инв. № А.212.
 156. То же, но XXXXΘ. Вес 4.43 г. Инв. № А.208.
 157. То же, но XXXXI. Вес 4.41 г. Инв. № А.198.
 158. Константинополь. 441–450 гг.

Солиды

COMOB

Л.с. То же, но легенда D N THEODOSIVS P F AVG.

О.с. IMP XXXXII COS XVII P P.

То же, что № 150–157.

Вес 4.52 г. Инв. № А.200.

Литература: RIC. X. P. 262. № 293.

159. То же. Вес 4.49 г. Инв. № А.214.

160. То же, но легенда без пунктуации – D N THEODOSIVS P F AVG

Вес 4.46 г. Инв. № А.201.

Литература: RIC. X. P. 262. № 292.

161. *Л.с.* То же, но легенда D N THEODOSIVS P F AVG

О.с. То же, но легенда IMP XXXXII COS XVII P P.

Вес 4.47 г. Инв. № А.216.

Литература: RIC. X. P. 262. № 301.

CONOB

162. *Л.с.* То же, легенда D N THEODOSIVS P F AVG

О.с. То же, легенда IMP XXXXII COS XVII P P

Вес 4.46 г. Инв. № А.209.

Литература: RIC. X. P. 264. № 323.

163. То же. Вес 4.42 г. Инв. № А.213.

164. То же. Вес 4.47 г. Инв. № А.215.

165. То же. Вес 4.43 г. Инв. № А.217.

166. То же. Вес 4.46 г. Инв. № А.219.

167. То же. Вес 4.51 г. Инв. № А.220.

ЕВДОКИЯ (423–443/444 гг.)

168. Константинополь. 423–444 гг.

CONOB*

Тремиссис

Л.с. AEL EVDOCIA AVG

Бюст Евдокии, вправо; на голове жемчужная диадема; в ушах серьги, на шее ожерелье.

О.с. Крест внутри венка.

Вес 1.37 г. Инв. № А.222.

Литература: RIC. X. P. 259. № 253.

МАРЦИАН (450–457 гг.)

169. Константинополь. 25 августа 450 г. – 31 (?) января 457 г.

CONOB

Солид

Л.с. D N MARCIANVS P F AVG

Бюст Марциана в панцире, в фас; на голове шлем с гребнем, украшенный жемчужной диадемой; на правом плече – копье, левое плечо закрыто щитом с изображением всадника, скачущего над поверженным противником.

О.с. VICTORIA AVGGG

Виктория стоит влево и держит длинный крест, украшенный драгоценными камнями; справа в поле – звезда.

Вес 4.47 г. Инв. № А.223.

Литература: RIC. X. P. 279. № 509.

ЛЕВ I (457–474 гг.)

170. Константинополь. 462 или 466 г.

Солиды

CONOB

Л.с. D N LEO PERPET AVG

Бюст Льва в панцире, в фас; на голове шлем с гребнем, украшенный жемчужной диадемой; на правом плече – копье, левое плечо закрыто щитом с изображением всадника, скачущего над поверженным противником.

О.с. VICTORIA AVGGGB

То же, что № 169.

Вес 4.33 г. Инв. № А.228.

Литература: RIC. X. P. 285. № 605.

171. То же, но AVGGGG. Вес 4.48 г. Инв. № А.226.

172. То же, но AVGGGC. Вес 4.47 г. Инв. № А.225.

173. То же, но AVGGGZ. Вес 4.41 г. Инв. № А.6305.

174. То же, но AVGGGH. Вес 3.92 г. Инв. № А.6325.

175. То же, но AVGGGΘ. Вес 4.50 г. Инв. № А.227.

176. То же, но AVGGGI. Вес 4.39 г. Инв. № А.224.

ЗЕНОН (474–491 гг.)

177. Константинополь. Август 476 г. – 11 апреля 491 г.

CONOB

Тремиссис

Л.с. D N ZENO PERP AVG

Бюст Зенона в плаще и панцире, вправо; на голове жемчужная диадема.

О.с. VICTORIV (sic) AVGVSTORVM

Виктория идет вправо, голова повернута влево; в правой руке держит венок, в левой – шар, увенчанный крестом.

Вес 1.47 г. Инв. № А.229.

Литература: RIC. X. P. 308. № 926.

ЗАПАДНАЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ

ГОНОРИЙ (395–423 гг.)

178. Медиолан. 395–402 гг.

М Д СОМОВ

Солиды

Л.с. D N HONORIVS P F AVG

Бюст Гонория в плаще и панцире, вправо; на голове жемчужная диадема.

О.с. VICTORIA AVGGG

Император стоит вправо; в правой руке держит штандарт, в левой – Викторию на шаре; левой ногой попирает полулежащего связанного пленника, согнувшего одну ногу в колене.

Вес 4,43 г. Инв. № А.172.

Литература: RIC. X. P. 318. № 1206 (var. d).

179. То же, но вариант пленника b или c.

Вес 4,20 г. Инв. № А.173.

180. Рим. 395–402 гг.

Р М СОМОВ

Солид

Л.с. То же, что № 178–179.

О.с. То же.

Вес 4,43 г. Инв. № А.174.

Литература: RIC. X. P. 325. № 1254 (d).

181. Сирмий. 403–408 гг.⁴¹

CONOV

Солид

Л.с. D N HONORIVS P F AVG

Бюст Гонория в панцире, в фас; на голове шлем с гребнем, украшенный жемчужной диадемой; на правом плече – копье, левое плечо закрыто щитом с изображением всадника, скачущего над поверженным противником.

О.с. CONCORDIA AVGGGH

Константинополь сидит на троне прямо, голова повернута вправо; в правой руке держит скипетр, в левой – Викторию на шаре; правая нога опирается на прору; слева в поле – звезда.

Вес 4,41 г. Инв. № А.170.

Литература: RIC. X. P. 243. № 30.

182. Константинополь. 403–408 гг.⁴²

Солиды

CONOV

То же, что № 181, но с легендой CONCORDIA AVGGA

Вес 4,43 г. Инв. № А.171.

Литература: RIC. X. P. 253. № 201.

⁴¹ Чеканка Аркадия.

⁴² Чеканка Феодосия II.

183. То же, но AVGGГ. Вес 2.91 г. Инв. № А.6303 (обрезана).

184. То же, но AVGGΘ. Вес 4.16 г. Инв. № А.175.

ВАЛЕНТИНИАН III (425–455 гг.)

185. Рим. 425–426 гг.

Солиды

R W⁴³
СОМОВ

Л.с. D N PLA VALENTINIANVS P F AVG

Бюст Валентиниана III в плаще и панцире, вправо; на голове диадема из розеток.

О.с. VICTORIA AVGGG

Император стоит прямо; в правой руке длинный крест, в левой – Виктория на шаре; правая нога попирает извивающуюся змею с человеческой головой.

Вес 4.45 г. Инв. № А.176.

Литература: RIC. X. P. 364. № 2005 (var. A).

186. Равенна. 426–430 гг.

R V
СОМОВ

Солид

То же, что № 185. Вес 4.31 г. Инв. № А.157.

Литература: RIC. X. P. 365. № 2010 (var. A).

187. То же. Вес 4.43 г. Инв. № А.156.

Литература: RIC. X. P. 365. № 2011 (var. B).

188. Рим или Равенна

СОМОВ

Тремиссис

Л.с. D N PLA VALENTINIANVS P F AVG

Бюст Валентиниана III в плаще и панцире, вправо; на голове диадема из розеток.

О.с. Крест внутри венка.

Вес 1.45 г. Инв. № А.177.

Литература: RIC. X. P. 372. № 2059.

АНТЕМИЙ (467–472 гг.)

189. Рим. 467–472 гг.

СОМОВ

Тремиссисы

Л.с. D N ANTENEMIVS PERPET VAG⁴⁴

Бюст Антемия в плаще и панцире, вправо; на голове жемчужная диадема.

О.с. Крест внутри венка.

Вес 1.44 г. Инв. № А.178.

Литература: RIC. X. P. 414. № 2844.

⁴³ W – перевернутое М.

⁴⁴ Видимо, ошибка резчика в написании имени ANTENEMIVS (sic) вместо ANTHEMIVS.

190. То же, но с легендой D N ANTHEMIVS P F AVG

Вес 1.43 г. Инв. № А.179.

Литература: RIC. X. P. 414. № 2847.

ЮЛИЙ НЕПОТ (474–475 гг., 477–480 гг.)

191. Равенна. 24 июня 474 г. – 28 августа 475 г.

СОМОВ

Тремиссис

Л.с. D N IVL NEPOS P F AVG

Бюст Юлия Непота в плаще и панцире, вправо; на голове жемчужная диадема.

О.с. Крест внутри венка.

Вес 1.45 г. Инв. № А.180.

Литература: RIC. X. P. 428. № 3214.

ВАРВАРСКИЕ ПОДРАЖАНИЯ

192. Начало II в. (грубый стиль).

Л.с. ΠΧΠΑΥΠ...VVXTZAEDΠ

Бюст Траяна, вправо; на голове лавровый венок.

О.с. ΜΙΑΖΠΠ...ΛVOVΛEIE

Деградированное изображение женской фигуры в шлеме, стоящей влево; правая рука вытянута, в левой – копье (?).

Вес 5.94 г. Инв. № А.181.

193. II в. (очень хороший стиль).

Л.с. HARDNI (?)...~ VG P II (?)

Бюст Адриана (?), влево; на голове лавровый венок.

О.с. O – GVI

Женская фигура (Монета?) стоит прямо, голова повернута влево; в правой руке весы, в левой – рог изобилия (?).

Вес 3.63 г. Инв. № А.190.

194. Вторая половина II в. (грубый стиль).

Л.с. Легенда не ясна.

Голова императора, влево.

О.с. Легенда не ясна.

Мужская фигура в плаще стоит прямо, голова повернута влево.

Вес 6.44 г. Инв. № А.182.

195. II–III вв. (?).

Л.с. SVSΠ...ΠSIP

Голова императора в лавровом венке, вправо.

О.с. AOCIVS.....

Деградированное изображение Марса (?), идущего вправо.

Вес 3.37 г. Инв. № А.189.

196. II–III вв. (?).

Л.с. Легенда не ясна.

Голова императора с бородой, влево.

О.с.ОН

Виктория идет вправо.

Вес 2.26 г. Инв. № А.191.

197. III в. (грубый стиль).

Л.с. Грубое изображение бюста императора, вправо; на голове лавровый венок.

О.с. ACITI...ACII

Деградированное изображение Эквитас, стоящей прямо, с головой повернутой влево, с весами в правой руке и рогом изобилия в левой.

- Вес 6.43 г. Инв. № А.185.
198. II в. (грубый стиль).
Л.с. IOXOOOI – IOXX...LI
 Бюст императора, влево; слева сверху вниз ΛΛV, справа сверху вниз ΙΙΙ.
О.с. OΛΛΛΛ – ΠΠ ΛΛΛΛO
 Мужская фигура (Марс?) идет вправо; левая рука вытянута; слева XX, справа вертикально OX.
 Вес 5.84 г. Инв. № А.186.
199. III в.
Л.с. ΙΑΝOV – ΛΛΠΠN
 Бюст Каракаллы (?) в плаще, вправо; на голове лавровый венок.
О.с. VNID... ΠΠNIV
 Полуобнаженная мужская (?) фигура сидит на троне вправо; в правой руке держит длинный скипетр вертикально, в левой – патеру (?).
 Вес 6.16 г. Инв. № А.183.
200. Конец II – начало III в. (хороший стиль).
Л.с. IOIOΠOΠOI...IOYIOOΠOI
 Голова императора с бородой, вправо.
О.с. ΠOΠACOIY
 Крылатая Виктория и император (?) стоят обнявшись.
 Вес 4.70 г. Инв. № А.187.
201. Середина III в. (хороший стиль).
Л.с. XΠPΠOI...YIOΠOΠΠ
 Бюст Гордиана III (?), вправо; на голове лавровый венок
О.с. ...P ΠO ΠG.
 Деградированное изображение всадника влево.
 Вес 5.92 г. Инв. № А.188.
202. III в.
Л.с. CΠBΠO – BOΠPMI – справа налево по кругу.
 Бюст Проба (?) в панцире, вправо; правое плечо прикрыто щитом, в левой руке, на плече, держит копье; на голове шлем.
О.с. IBΠGAB N Π
 Женская (?) фигура сидит на курульном кресле (?) влево; в правой руке держит патеру (?), в левой – скипетр; под обрезом – O.
 Вес 5.19 г. Инв. № А.184.

ROMAN GOLD COINS FROM THE STATE HISTORICAL MUSEUM

(Part II)

M. G. Abramzon, N. A. Frolova

The second part of the collection of Roman gold coins at the State Historical Museum covers the period from 238 AD (the beginning of rule of Gordian III's rule) to the East Roman Emperor Zeno (474–491 AD). Zeno's gold coin № 177 is described at the end of the section «East Roman Empire», in accordance with the view that Roman imperial coinage ends under Zeno in 491.

The gold coins described in the paper include № 91 issued by Gordian III (238–244), a tremissis of Julius Nepos (474–475, 477–480) (№ 191), two solidi of Julian the Apostate (361–363) (№ 110–111) and a rare solidus of Jovian (363–364) (№ 112).

After the death of Julian the Apostate pagan gods disappear from the coins, giving way to Christian symbols.

For the first time the authors have given an interpretation of barbarian imitations of Roman gold coins (2nd–3rd cc. AD).

Международный круглый стол «Боспорское царство: актуальные проблемы истории, археологии, культуры»

© 2006 г.

С. Ю. Сапрыкин

НОВАЯ МИТРИДАТОВСКАЯ КАТОЙКИЯ НА БОСПОРЕ

Всякое свидетельство о древнем населенном пункте, доселе неизвестном или незамеченном в источниках, вызывает неподдельный интерес историков. Он становится еще более значительным, если дело касается Северного Причерноморья, где переплетались греко-римские и местные варварские традиции. Такого рода известиям принадлежит сочинение так называемого Равеннского Анонима, составленное в VII–VIII вв., в котором использованы источники более раннего времени. Согласно последним исследованиям, автор этого сочинения, которого условно именуют Космографом по названию труда – «Космография», использовал при его написании дорожные карты типа известной *Tabula Peutingeriana* или труд, выполненный на основе этой карты. В этом образце поздней периплической географической литературы содержится обширный раздел, посвященный Скифии и Сарматии, а также описание побережья Кавказа, Таврики, Нижнего Побужья, Поднепровья, Поднестровья и Подунавья, включая Припонтийскую Фракию. Несмотря на то что данный источник известен достаточно давно и ему со времен Т. Моммзена и Э. Киперта посвящено немало работ, те его части, в которых содержится перечень городов и поселений Боспорского царства и даже всего северного берега Понта, крайне редко привлекали внимание исследователей. Это во многом вызвано тем, что сохраненные Равеннским Анонимом названия очень сильно искажены и часто не имеют параллелей у других древних авторов, включая периплы Черного моря, географические описания Страбона, Помпония Мелы, Плиния, Птолемея, Дионисия Периегета и пр. Но наряду с весьма экзотическими и явно искаженными топонимами, что и вызывало скептицизм ученых, усматривавших в этом многочисленные ошибки средневековых переписчиков, в «Космографии» Равеннского Анонима имеются также названия городов, хорошо известные по трудам других античных авторов. К тому же, как сообщает сам Аноним, при написании раздела о Боспоре он использовал сведения Либания, сочинение которого не сохранилось, а при описании Скифии и Сарматии недошедший до нас труд некоего Сардония, авторов явно античных, скорее даже римского времени. Упомянутый Либаний назван философом, вероятно всего, это ритор из Антиохии, живший в IV в. н.э. Позднеантичные писатели по обыкновению работали с более ранней литературой, в

том числе с периплами, морскими и дорожными картами. Конечно, ряд названий у Анонима явно искажены поздней традицией, ибо к тому времени вряд ли уже существовали, однако имеющиеся в тексте древние неискаженные обозначения заставляют с большим вниманием, чем до сих пор, относиться к передаваемым им сведениям.

Для нашего исследования важнейшее значение имеют свидетельства Равеннского Анонима о Боспорском царстве, сохранившиеся в книгах IV и V (далее – Rav. Anonym.). В первом случае (IV. 3) автор ведет описание Боспора, в котором, по его сведениям из Либания, было много городов, из коих он соблаговолил назвать лишь следующие: Ermonassa / Eteobroton / Suppatos / Fritiores / Dina / Ichigin / Ermogan / Teaginem / Acra / Sanabatin / Asandi / Cita / Nimfa / Abritani / Machara / Tatirita / Aumon / Malorossa / Machare / Chimerion / Panthuas / Ratyra / Murmicon / Cabalo / Salonime / Boristhenida / Olbiapolis / Capolis / Dori / Chersona / Theosiorpolis / Careon / Trapezus. Во втором случае (V. 10), перечисляя от Равенны города Средиземноморья и Причерноморья, после Амастрии дается список городов и поселений на южном побережье Черного моря и в Колхиде, а на Боспоре упоминаются следующие: Appatura / Ceppos / Stratuclis / Malichi / Acbeon / Sindice / Ermonassa / Eteobrocon / Latirita / Supatos / Machara / Friciorin / Eraucionis / Bitrani / Chimerium. Далее, указав расстояние и количество городов от Амастры до Химериума, автор «Космографии» называет исключительно города Таврики, Северо-Западного и Западного Причерноморья вплоть до Месембрии. Из приведенного перипла для нас особую важность представляет упоминание топонима Machara, Machare, названного, как и все прочие, *civitas* – «город», «община».

Данное название места практически не нашло отражения и тем более объяснения в специальной литературе по Боспорскому царству. И это несмотря на то что Певтингерова таблица упоминает топоним Masara (Tab. Peut. VIII. 2), явно относящийся к тому же населенному пункту в Северном Причерноморье, что и Machara = Machare у Равеннского Анонима. В этом названии отчетливо прослеживается замена СН на С по типу Chimerion > Chimerium – Cimmerion, Cimmerium у Космографа, что объясняется, скорее всего, не совсем точным препарированием первоисточника. Ведь если следовать Плинию Старшему и его греческому источнику, то можно узнать, что азиатский Киммерик – Cimmerium, quod antea Chimerion vocabatur (Plin. VI. 18). Следует отметить, что ни у более ранних географов и писателей, ни у более поздних, таких, как Страбон, Арриан, Аноним, Дионисий Периегет, Маркиан и др., данное наименование не фигурирует. Это, возможно, послужило причиной некоторого пренебрежения к сведениям Равеннского Анонима о Боспоре в современной исследовательской литературе. Только в некоторых работах, посвященных «Космографии» и вообще географической традиции в древности, были сделаны попытки дать объяснение означенному названию. К. Миллер считал, что Masara = Machara и это могло быть искажением этнонима Mazari – народа, получившего позднее наименование Παζινάκται > Pazinacitae, т.е. пачинакиты, или печенег (Const. Porphyrog. De adm. imp. 31, 152 Вв и др.)¹. Такое объяснение, однако, неубедительно, так как Космограф перечисляет не племена, обитавшие в пределах Боспорского государства, а исключительно города и поселения городского типа. К тому же эти-

¹ Miller K. Itineraria Romana. Römische Reisewege an der Hand der Tabula Peutingeriana. 2 Aufl. Stuttgart, 1916. S. 619. Текст «Космографии» Равеннского Анонима здесь и далее приводится по изданию: Подосинов А.В. Восточная Европа в римской картографической традиции. М., 2002. С. 192–201.

мологически связать топоним Macara-Machara-Machare > Mazari и этноним Pazi-pacitae невозможно, трудно представить столь разные в своей основе этнонимы, относящиеся к одному и тому же народу. Да и можно ли вообще обнаружить какое-либо отношение лачинакитов-леченегов – народа, жившего в южнорусских степях в раннем средневековье, к боспорскому населенному пункту Махара-Махаре, существовавшему в античное время?

Иное толкование предложил Т. Пекканен. Он полагает, что название связано с обозначением острова Ахилла в устье реки Борисфен (Днепр) – Macaron, Macra, ссылаясь при этом на Плиния Старшего (Plin. IV. 93: ante Borysthenem Achillea est supra scrippa [sc. insula], eadem Leuce et Macaron appellata... – «перед устьем Борисфена лежит вышеупомянутый Ахиллов (остров), который также называется Белым и островом Блаженных»). Macaron-Μακάρον – форма родительного падежа множественного числа, относящаяся к названию острова Блаженных, т.е. Левки (Змеиный), в северо-западном секторе Понта Эвксинского напротив устья Дуная. Это связано с мистическими представлениями о потустороннем мире, олицетворяемым островом Ахилла на окраине Понта и эллинской ойкумены, где находился храм Ахилла Понтарха² – героя, особенно почитавшегося в Ольвии. Однако и эта гипотеза вряд ли справедлива: Ахиллов остров расположен очень далеко от Боспорского царства, в районе, который никогда ему не подчинялся. Этимология этого названия имеет больше отношения к Ольвии и Милету, чем к варварской окраине Боспора. Сам Ахилл был не столь почитаем жителями Боспорского царства, чтобы там могли назвать населенный пункт в честь его священного острова, бывшего к тому же под защитой не боспорских правителей, а ольвиополитов. Если даже это было бы и так, то городок поименовали бы не Machara > Macara > Machare, а скорее всего, как Ахиллий (это название на Боспоре известно – Strabo. VII. 4. 5; XI. 2; 6; Arr. Per. 66–69; Ptol. V. 8. 5; Steph. Byz., s.v.) или Левка по конкретному географическому обозначению острова³. Под объяснение этимологии этого названия у Т. Пекканена подходит только Масага Певтингеровой таблицы (μάκαρ, -αρος – «блаженный», «счастливый», одинаковая форма для мужского и женского рода, тогда название городка стояло в винительном падеже или звучало как иногда употреблявшаяся форма ж.р. μάκαρα (LSJ. s.v.) > μάκα(ι)ρα > Масага; μακαρία – «блаженство», «счастье» с допустимым выпадением ι > Μακαρ(ι)ά-Macara), но никак не Machara и уж тем более Machare. Если это одно и то же название, то, скорее всего, надо подразумевать изначальную основу μαχαρ-, а не μακαρ-, с последующей заменой X на K (в латинской транскрипции ch > c, т.е. потерей -h) при переписке источника. Если при составлении Певтингеровой карты использовался местный боспорский источник или перипл, то замена K на X и обратно вполне объяснима. Она вполне уместна у Плиния, который пользовался более ранними греческими ис-

² Pekkanen T. The Pontic Civitates in the Periplus of the Anonym Ravennas // *Arctos. Acta Philologica Fennica*. 13. Helsinki, 1979. P. 123; Подосинов. Ук. соч. С. 257.

³ Об острове Левке и его отношении к Ольвии см. IOSPE. I². 26, 325, 326, 672; о Березани-Борисфениде как священном острове Ахилла после утраты ольвиополитами контроля над Левке см. Шелов-Коведяев Ф.В. Березанский гимн острову и Ахиллу // ВДИ. 1990. № 3. С. 58: слова эпитафии «о славный, радующийся волнам остров, который перед другими принял твою кровь, дитя Фетиды», впрочем, могут с таким же успехом относиться и к Левке, а не только к Березани. О святилище Ахилла на Змеином острове см. Охотников С.Б., Островерхов А.С. Святилище Ахилла на острове Левке (Змеином). Киев, 1993. С. 18 сл. Об Ахиллии на Боспоре см. Saprykin S.Ju. Achilleios kome // *Lexicon of the Greek and Roman Cities and Place Names in Antiquity*. Fasc. 1. Amsterdam, 1992. P. 67; Зубарев В.Г. Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции. М., 2005. С. 338.

точниками, в том числе, вероятно, и боспорскими. Такая метатеза в боспорских надписях встречается уже в IV в. до н.э., но наиболее часто в I в. до н.э. – III в. н.э. (примеры см. CIRB. Add. P. 808).

Л. Диллеманн предложил еще более странную гипотезу: название населенного пункта Malorossa, которое стоит перед Machare в Rav. Anonym. IV. 3, следует, по его мнению, читать как Masore seu Machara⁴, но это вызывает очень серьезное сомнение. Ведь О.Н. Трубачев дал вполне обоснованное объяснение названия Malorossa⁵, что заставляет уверенно разделять эти пункты, считая их самостоятельными.

Итак, в науке до сих пор не выработано общего подхода к тому, как истолковывать происхождение загадочного топонима Masara > Machara > Machare, поэтому целью настоящей статьи мы видим попытку дать более или менее убедительное толкование означенному названию, раскрыть его местоположение и причины появления на географической карте Боспора.

Как следует из перипла Rav. Anonym. IV. 3 топоним Махара упоминается дважды в общем списке городов азиатского и европейского Боспора под двумя названиями Machara > Machare, греч. Μαχάρα, Μαχάρη vel. Μαχάρε. В первом случае топоним стоит после Нимфея и Абританы и перед Татиритой. Во втором случае после Татириты (о ней ниже) и ближе неизвестных Аумон и Малоросса, но непосредственно перед городом Химерион, в котором бесспорно можно усматривать Киммерик⁶. На Боспоре было два Киммерика – один традиционно локализуется на юго-востоке Керченского полуострова в районе горы Опук, другой на азиатской стороне Керченского пролива, на Тамани, в районе поселения Ильичевка. Хотя высказываются точки зрения, что Киммерик в географических сочинениях древности – это исключительно азиатский город, реколонизованный в IV в. до н.э. боспорскими тиранами⁷. Однако отрицать существование европейского Киммерика вряд ли правильно: раннее поселение на горе Опук дает материал VI в. до н.э. – I–III вв. н.э., а согласно Константину Багрянородному (De adm. imp. 53. 195), после херсоно-боспорских войн конца III – начала IV в. н.э. граница между владениями херсонесцев и боспорян проходила в районе Киберника, т.е. Киммерика (ἐν Κυβερνικῶν = ἐν Κιμμερικῶν), определено в Восточном Крыму⁸. На рубеже нашей эры и в римскую эпоху Киммерик на азиатской стороне пролива захирел, превратившись в кому (Strabo. XI. 2. 4–5), тогда как предполагаемый городок того же названия на горе Опук, если верить археологическим данным, наоборот, расцвел.

⁴ Dilemann L. La Cosmographie du Ravennate. Bruxelles, 1997. P. 91; Подосинов. Ук. соч. С. 257.

⁵ Трубачев О.Н. Indoarica в Северном Причерноморье. Реконструкция реликтов языка. Этимологический словарь. М., 1999. С. 42 сл.

⁶ Подосинов. Ук. соч. С. 257, 258.

⁷ Завойкин А.А. Киммерика – полис на Киммерийском Боспоре // ПИФК. 1997. 4. С. 130–134.

⁸ Зеест И.Б. Раскопки Киммерика в 1947–1948 гг. // ВДИ. 1949. № 3. С. 92–101; она же. Разведочные работы в Киммерике // КСИИМК. 1949. XXVII. С. 52; Кругликова И.Т. Раскопки древнего Киммерика // Археология и история Боспора. Т. 1. Симферополь, 1952. С. 62–67; она же. Киммерик в свете археологических исследований 1947–1951 гг. // МИА. 1958. II. С. 253; о существовании на Боспоре двух городов под названием «Киммерик» см. Gajdukevič V.F. Das Bosporanische Reich. Berlin–Amsterdam, 1971. S. 36; Тохтасьев С.Р. «Киммерийская топонимия», I // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984. С. 145, 146: очень удачно подметил, что уже Страбон был введен в заблуждение существованием на Боспоре двух одноименных Киммериев. Очевидно, эта ошибка попала и к Страбону, и к более позднему Равенскому Анониму из какого-то другого источника, где перечислялись боспорские города и поселения.

Если вернуться к Космографу, то после Химериума-Киммерика он перечисляет исключительно города Тавриды, начиная с Пантуаса-Пантикапея, Ратиры (Ratyr, может быть, это искаженное Σατύρα с ошибочной заменой Σ на Ρ – искаженное название известного из Страбона «памятника Сатира» (Strabo. XI. 2. 7), кургана на Боспоре в память о Сатире I⁹, либо какое-то поселение, основанное Сатиром, одним из боспорских тиранов, называвшееся Ratyr(i)a с возможной ошибочной в латинской транскрипции заменой рядом стоящих букв греческого алфавита Σ на Ρ, т.е. (R = Σ)ατύρ(ι)α) и Мурмикона-Мирмекия. Пассаж из Rav. Anonym. IV. 3 любопытен тем, что Махара стоит перед Киммериком при перечислении городов с востока на запад. Если сравнить его с Rav. Anonym. V. 10, то Махара названа там исключительно среди городов азиатского Боспора и вновь перед Химериумом-Киммерием. Этот порядок соответствует положению городка или поселения Масага на карте Tab. Peut. VIII. 2, на которой оно помещено на побережье Меотиды ниже или южнее народа (племени) Cannate (может быть, Zagatae, Chainides, Tanaitae?), сарматского племени сираков, аспургиан, аланов, рядом с B[...]ruani (Bruani etc. = Abritani / Britani / Bitrani в Rav. Anonym. IV. 3; V. 10) и восточнее Chimerium'a или азиатского Киммерия, города, по карте Певтингеровой таблицы расположенного восточнее Нимфея и Гермисия – полисов в Восточном Крыму. И Tab. Peut. VIII. 2, и Rav. Anonym. V. 10 определенно помещают Махару на азиатской стороне Боспора. Это означает, что двукратное упоминание ее названия в Rav. Anonym. IV. 3 могло быть вызвано тем, что источник Либания (или он сам) был введен в заблуждение существованием в Боспорском царстве двух Киммериев – на европейском и азиатском сторонах Керченского пролива. Ведь Киммерик служил ориентиром для локализации Махары как городок вблизи последней, и оттого Махара оказалась названной в перипле два раза. К тому же еще К. Миллер отмечал, что «Космография» Равеннского Анонима и Певтингерова таблица в перечислении городов Боспора и Крыма основывались на одном и том же источнике¹⁰. Существование двух боспорских Киммериев послужило причиной сбоя в перечне боспорских городов и путаницы в них у Либания или у его прямого источника, что отразилось в перипле Анонима из Равенны и привело к двукратному ее упоминанию в той части, где речь шла об европейском и азиатском Боспоре. А в том месте, где говорилось только об азиатском Боспоре, Махара названа всего один раз как населенный пункт на азиатской стороне Керченского пролива.

В пользу локализации Махары на кавказском побережье Боспора свидетельствуют другие топонимы, названные в перипле вместе с ней. Во-первых, это уже упоминавшиеся Abritani / Britani / Bitrani / Bruani. Стефан Византийский называет народ 'Αβρίταναι, Ποντικὸν ἔθνος (Steph. Byz., s.v.). Он явно имеет отношение к племени бургтани, или бриттани, которое обитало позднее на юго-восточном побережье Меотиды¹¹. Того же корня этникон Λαβρύτης и производимое от него возможное название города или топонима Лабрис (греч. Λάβρυς), как предполагают, так называлось Семибратнее городище в Синдике. Порядок сонантов ее основы перекликается с названием другого населенного пункта в

⁹ Завойкин А.А. Памятник Сатира I на азиатском Боспоре (Strabo. XI. 2. 7) // ДБ. 2000. 3. С. 47 сл.

¹⁰ Miller K. Mappae mundi. Die ältesten Weltkarten. Bd VI. Stuttgart, 1898. S. 21; см. также Подосинов. Ук. соч. С. 254.

¹¹ Трубачев. Ук. соч. С. 96; Подосинов. Ук. соч. С. 257; ср. Miller. Itineraria Romana... S. 619; Pekkanen. Op. cit. P. 123.

Синдике – Ἀβωρόκη (Strabo. XI. 2. 10)¹². К этой группе топонимов примыкает и название Eteobroton > Eteobrocon у Равеннского Анонима (IV. 3; V. 10), находившийся между Гермонассой и Суппатосом-Батами, т.е. в той же Синдике. Возможно, что это искаженное наименование Абораки или самостоятельного населенного пункта, о котором никаких дополнительных сведений, к сожалению, не имеется. В Rav. Anonym. IV. 3 Махара дважды упоминается по соседству с Татиритой, а в Rav. Anonym. V. 10 – сразу вслед за Этеоброкон, Латиритой, Суппатос-Батами на азиатском Боспоре. Tatirita явно перекликается с названием Latirita и, как считается, получилась из топонима Tiritaka с метатезой Ca-tirita и ошибкой в передаче C > T и C > L¹³. Полагаем, однако, что здесь, как и в случае с Киммериками, мы опять сталкиваемся с путаницей в названиях городов азиатского и европейского Боспора у авторов, источников Либания или самого Анонима: в этом названии явно присутствуют топоним «Тиритака» – город на западном берегу Керченского пролива, и этникон «лабриты» вместе с топонимом – названием Лабрис, Лабрита, относящимся к восточной стороне пролива (Tatirita > La-tirita > Λα-βρύτης > Λα-βρύτα(ι) > Λάβρυς). Следовательно, все топонимы, которые окружают в перипле название «Махара», в той или иной степени имеют отношение к Синдике и азиатскому Боспору, а это лишний аргумент в пользу локализации Махары в Синдике в районе Абораки, Лабриса, Бат.

Во-вторых, топоним Fritiores > Frisiorin. В других источниках он не упоминается. Вот что пишет о нем А.В. Подосинов в комментарии к сочинению Равеннского Анонима: «Загадочное Fritiores, вероятно, то же самое, что Frisiorin в V. 10 (локализуется в азиатской части Боспора). По мнению Т. Пекканена, названный там же следующий топоним Eraucionis – повторение в искаженной форме топонима Frisiorin. Возможно, следует сопоставить с Chritionis Певтингеровой карты (Segm. VIII. 3), упомянутой между Меотидой и Черным морем. По предположению К. Миллера, находящаяся там же еле читаемая надпись Monim... может быть частью выражения Monimentum Chritionis или Brytanis и означать “Памятник Британа” – брата боспорского царя Сатира II, умершего в 309 г. до н.э. При этом К. Миллер ссылается на аналогичные памятники, воздвигнутые на Боспоре Сатиром II и царицей Комосарией. По мнению Т. Пекканена, эта интерпретация “слишком гипотетична”»¹⁴.

Отождествление Эраукиониса с Фрикиорином в Rav. Anonym. V. 10 кажется нам все же сомнительным, слишком уж разные эти названия, похожие не по подбору сонантов, а лишь по созвучию. Между тем для объяснения топонима Fritiores > Frisiorin можно было бы предложить следующее.

Согласно описанию Страбона, за Синдикой и Горгиппией вдоль моря идет побережье ахейцев, зигов и генихов, по большей части не имеющее гаваней и гористое, так как составляет уже часть Кавказа. Эти племена живут разбоем, в основном морским, используя для этого лады-камары, которые вмещали до

¹² Блаватская Т.В. Посвящение Левкона I // РА. 1993. № 2. С. 37; Виноградов Ю.Г. Левкон, Гекатей, Октамасад и Горгипп // ВДИ. 2002. № 3. С. 17; Яйленко В.П. Вотив Левкона I из Лабриса // ДБ. 2004. 7. С. 440: Λάβρυς – восточносредиземноморско-кавказский термин, обозначающий каменный топор или двойную секиру, символ царской власти, а само название города образовано от имени местного божества Λάβρυς. Однако в тексте надписи из Семибратнего городища говорится о «полисе лабритян», что заставляет предполагать образование топонима не от имени бога, а от названия племени. Поэтому «лабрис» скорее лежал в основе образования этнонима, нежели топонима.

¹³ Pekkanen. Op. cit. P. 123; Подосинов. Ук. соч. С. 257.

¹⁴ Подосинов. Ук. соч. С. 255 со ссылками на: Pekkanen. Op. cit. P. 123; Miller. Itineraria Romana... S. 619, 620.

30 человек. Существовало предание, что эту Ахею (Ἀχαιοὶν) заселили ахейцы-фтиоты из отряда Иасона (Φθιώταις Ἀχαιοῦς). Евстафий в комментариях к Дионисию Перизегету, используя Страбона, говорит, что поселенцы основали Фтию в Азии, спутав, как считается, Азию с понтийской Ахайей (Eustaph. Comm. ad Dion. Perieg. 680). Ахейцам в их морских набегах помогали властители Боспора, предоставляя им стоянки, покупку провианта и продажу награбленного. Затем они возвращались в родные места. Они подчинялись царям, признали власть Митридата Евпатора и помогли ему добраться до Боспора и укрыться там от Помпея (Strabo. XI. 2. 12–13; App. Mithr. 102). В легенде о переселении в Северо-Восточное Причерноморье ахейцев есть и рациональное зерно – существование в районе современного г. Туапсе населенного пункта Ахайя, именовавшегося в разное время и как Ахейская гавань, и как порт ахейцев, и как кома Ахайя, и как древняя Ахайя. Хотя эта область до сих пор является медвежьим углом отечественной классической археологии, где регулярных раскопок не проводилось, эпизодические и разведочные обследования выявили существование в окрестностях Сочи и Туапсе поселений, которые дали исключительно греческий материал с VI в. до н.э. до IV в. н.э. Любопытно, что среди находок встречается немало вещей боспорского происхождения, что подтверждает сведения Страбона о заинтересованности боспорских владык в этом регионе и даже о возможном контроле с их стороны за состоянием дел у ахейцев, гениохов и зигов¹⁵. Нельзя исключать, что Ахея возникла на кавказском побережье Понта в ходе греческой колонизации в VI в. до н.э. и ее действительно заселили фтиотийцы из Фессалии, как указывает Страбон. Выходцы из Фессалии могли появиться в этом регионе вскоре после основания Гераклеи Понтийской, в котором они принимали участие и о чем сохранились отголоски в ее полисных институтах и названиях дочерних выселков на хоре¹⁶. Местная легенда об участии аргонавтов в основании Ахеи вполне укладывается в общеэллинскую мифологическую традицию связывать контакты греков с варварами и даже возникновение колоний на Понте и в Италии с плаванием аргонавтов¹⁷. Достоверность легенды об участии фтиотийских ахейцев в плавании к побережью Кавказа подтверждается тем, что среди аргонавтов были выходцы из Фтии в Фессалии (Apol. Rhod. I. 51–56; 94). Поэтому мы не отбрасываем предположения, что Fri-

¹⁵ Брашинский И.Б. К истории Северо-Восточного Причерноморья в античную эпоху // Античная история и культура средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968. С. 62–72; Воронов Ю.Н. Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар, 1979. С. 61–71; об Ахайе на Понте см. Saprykin S.Ju. Achaia // Lexicon of the Greek... P. 58.

¹⁶ Burstein S.M. Outpost of Hellenism: The Emergence of Heraclea on the Black Sea. Berkley–Los Angeles, 1976. P. 17, 21, 22; Saprykin S.Ju. Heracleia Pontica and Tauric Chersonesus before Roman Domination. Amsterdam, 1997. P. 40. Предание о связи ахейцев с приплывшими к берегам Кавказа в страну варваров выходцев из беотийских Орхомен во главе с Иалмном после Троянской войны (Strabo. IX. 2. 42; Ps.-Scymn. 718–720; Anon. Periopl. 10) сложилось либо под воздействием гомеровской традиции, либо, что считается более весомым, под влиянием беотийцев, выселившихся в Гераклею Понтийскую (Asheri D. The Achaeans and the Heniochi: Reflections on the Origins and History of a Greek Rhetorical Topos // The Greek Colonisation of the Black Sea Area / Ed. G. Tsatskheladze. Stuttgart, 1998. P. 268). Косвенным свидетельством сохранения связей греков Восточного Причерноморья с племенниками из материковой Греции может служить уникальный клад монет Ахейского союза из Диоскурии, единственное место на Черном море, где эти монеты найдены: Абрамзон М.Г. Клад гемидрахм Ахейского союза из Диоскуриады // ВДИ. 2005. № 1. С. 63–66.

¹⁷ Placido D. Les Argonautes, entre l'Orient et l'Occident // Sur les traces des Argonautes. P., 1996. P. 56.

tiores > Friciorin – это какой-то городок или поселение на юго-востоке Боспора, название которого было связано с Фтией в Фессалии, т.е. он имел отношение к понтийской Ахайе, заселенной фтиотами в ходе греческой колонизации: Fritiores-Φθιώτιδος (vel. Φθιωτῶν, vel. Φθίης) ὄρος-Φθί(ω)ορος или Φθιῶ(τιο)ρος (cf. F(ri)tiores, с заменой О-Е). Friciorin могло быть искажением того же слова, но стоявшего в винительном падеже и взятого переписчиком из первоисточника без изменений. Затем при переводе в латинскую транскрипцию в нем опять появились ошибки, выразившиеся в том числе в замене того же О, но на этот раз на I, т.е. означенное поселение или местность именовалась «границей (или пределом земли) фтиотян». Это, вне сомнения, территория ахейн, граничившая на севере с юго-восточными владениями Боспора и даже временами подчинявшаяся его правителям. Если верить Страбону, это могла быть также одна из тех стоянок ахейцев, которые боспорские властители предоставляли им для сбыта товаров. Если следовать Равеннскому Анониму, то она могла находиться в гористой местности в окрестностях Новороссийска – древних Бат-Суппатоса (Патуса у Псевдо-Скилака), что объясняет упоминание этого пункта вслед за Гермонассой, Этеобротоном-Аборакой? в Rav. Anonym. IV. 3. В перипле Rav. Anonym. V. 10 порядок городов такой: Гермонасса, Этеоброкон-Этеобротон-Аборака?, Латирита-Лабрита? Суппатос-Баты (все города в Синдике и рядом с Ахайей – sic!), Махара, Фрикиорин-Фритиорес, Абританы / Британы (сонантически перекликающиеся с Лабритой), Эраукионис и азиатский Киммерик. Это показывает, что интересующая нас Махара являлась городком или поселением в Южной Синдике на границе с областью ахейн, очевидно, недалеко от Бат.

Что могло послужить причиной появления городка на юго-восточной окраине Боспорского царства под таким названием? Первое, что приходит на ум, это явная связь его с именем Махара, сына царя Митридата VI Евпатора и его наместника на Боспоре и в Колхиде. В 80/79 г. до н.э. после Второй митридатовой войны, весьма успешной для царя Понта, тот, воспользовавшись установившимся кратким спокойствием в отношениях с Римом, вновь подчинил своей власти Боспор и назначил туда правителем одного из своих сыновей, Махара (App. Mithr. 67). В греческой огласовке это иранское имя звучало как Μαχάρης, следовательно, если допустить образование названия городка от имени Митридатова сына, то в греческом варианте он непременно именовался бы Μαχάρεια по типу того, как эллинистические правители называли основанные ими города и катойкии. Как правило, их названия женского рода, например, Φαρνάκης > Φαρνάχεια (город Фарнакия, основанный царем Фарнаком I ок. 183 г. до н.э. на границе Каппадокии Понтийской, Колхиды и Малой Армении); Εὐμένης > Εὐμένηα, Ἀττάλος > Ἀττάλεια, Ἀντίγονος > Ἀντιγόχεια, Ἀντιγόνια – пергамские города-колонии и многочисленные основания македонских Антигонидов, главным образом Антигона Одноглазого и Антигона Гоната, ср. Ptol. III. 13. 38 – Antogonea Psaphara)¹⁸. В таком случае Machara – латинский эквивалент названия женского рода Μαχάρεια с характерным для Боспора стяжением дифтонга ei > i и последующим его выпадением после ударной *альфы*: Μαχάρεια > Μαχάρ(ε)ια > Μαχάρ(ι)α > Μαχάρα, лат. Machara. А форма Machare образова-

¹⁸ Zahariade M. Antigoneia // Lexicon of the Greek and Roman Cities and Place Names in Antiquity. Fasc. 4. Amsterdam, 1998. P. 556–560; Об Атталии и Эвмении и о строительстве новых городов пергамскими Атталидами см. Allen R.E. The Attalid Kingdom. A Constitutional History. Oxf., 1983. P. 20–24; Климов О.Ю. Царство Пергам: очерк социально-политической истории. Мурманск, 1998. С. 123–126.

лась из сокращения Μαχάρε(α) > Machare (по типу названия Фарнакии в монетной легенде города, см. WBR I². № 1–2: ΦΑΡΝΑΚΕΩΝ, ΦΑΡΝΑΚΕΙΑΣ > ΦΑΡΝΑΚΕ). Поэтому есть веские основания полагать, что городок или катойкия, а может быть, более характерное для Понтийского царства укрепленное поселение с введенным туда гарнизоном – φρούριον, получило название Махара оттого, что было основано по инициативе Махара, сына Митридата Евпатора, в бытность наместником отца на Боспоре и в Колхиде. Это означает, что Махара могла появиться на карте Боспора между 80 и 68 гг. до н.э., когда Махар занимал престол в Пантикапее.

Основание нового города с последующим присвоением ему имени правителя-основателя вполне укладывается в общеэллинистическую политику градостроительства вообще и конкретно в понтийскую практику строительства городов и укрепленных поселений. Строительство новых городов в Понтийском царстве началось уже при Фарнаке I, при котором появилась Фарнакия, основанная путем синойкизма бывших синопских колоний Керасунта и Котиоры и имевшая довольно обширную (до 20 км) хору (Strabo. XII. 17. 18; Arr. Per. 23–24; Anonym. Per. 33–36)¹⁹. Преемники Фарнака I продолжали эту политику, однако наиболее активно ее претворял в жизнь Митридат Евпатор, построивший ряд новых городов и поселений и превращавший ранее возникшие катойкии в полисы. В Понтийском царстве был основан город Лаодикея (совр. Ладик), которая чеканила свои медные монеты (WBR I². P. 114, 115. № 1–5. Pl. XII, fig. 15–17). Полагают, что город получил название по имени Лаодики, одной из многочисленных царич в Понте. Это могли быть и супруга Митридата III, селевкидская принцесса, и сестра Фарнака I и Митридата IV Филопатора Филадельфа, соправительница последнего, а позднее, после его смерти, правившая самостоятельно в конце второй четверти II в. до н.э.; город мог быть также назван либо в честь вдовы Митридата V Еввергета, матери Митридата Евпатора, также родом из селевкидского царского дома, либо для увековечивания имени Лаодики, сестры Митридата VI, дочери Митридата V, а быть может, и жены самого Евпатора, родившей ему ребенка в начале последней декады II в. до н.э.²⁰ Существует предположение, что в Понте было даже три города с таким названием, поскольку в современной топонимии Восточной Анатолии засвидетельствовано три места под наименованием Lâdik, которое этимологически восходит к древнему названию «Лаодикея»²¹.

Однако город, чеканивший монеты под названием «Лаодикея», был основан в правление Митридата Евпатора, поскольку его монеты принадлежат так называемой квазиавтономной чеканке городов Понта и Пафлагонии, введенной этим царем для видимости превращения их в автономные полисы. По классификации этих монет Ф. Имхоф-Блумера Лаодикея стала выпускать их ок. 120–

¹⁹ Максимова М.И. Античные города Юго-Восточного Причерноморья. М.–Л., 1956. С. 192; Olshausen E., Biller J. Historisch-Geographische Aspekte der Geschichte des Pontischen und Armenischen Reiches. T. I: Untersuchungen zur historischen Geographie von Pontos unter den Mithradatiden. Wiesbaden, 1984. S. 156; Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. М., 1996. С. 83, 84.

²⁰ Reinach T. Remarques sur le décret d'Athènes en l'honneur de Pharnace Ier // BCH. 1906. Vol. 30. P. 51; Magie D. Roman Rule in Asia Minor. Vol. II. Princeton, 1950. P. 1068. Not. 6; McGing B. The Foreign Policy of Mithridates VI Eupator, King of Pontus. Leiden, 1986. P. 7. Not. 26.

²¹ Olshausen, Biller. Op. cit. S. 144, 145; Weimert H. Wirtschaft als landschaftsgebundenes Phänomen: Die antike Landschaft Pontos. Eine Fallstudie. Frankfurt am Main, 1984. S. 78; cp. Anderson J.G. A Journey of Exploration in Pontus // SP. I. 1903. P. 79, 80: отождествляют город с крепостью Кизари > Икизари.

111 г. до н.э., затем была их наиболее активно в течение 111–90 г. до н.э. (группы II–IV), резко снизив чекан ок. 80–70 г. до н.э. (группа VI)²². Это показывает, что расцвет чеканки этого полиса приходится на то время, когда вдова Еввергета была заточена в темницу, а затем казнена, а сам Евпатор женился на Лаодике и в начале 110-х годов до н.э. она родила ему сына (Justin. XXXVII. 3. 4–5). Вряд ли молодой царь стал бы терпеть в своем государстве город, названный в честь ненавистной ему матери. Поэтому из списка возможных цариц, в честь которых мог быть назван город, с полным правом можно исключить Лаодику²³, мать Митридата Евпатора, казненную им в середине предпоследней декады II в. до н.э., а также его сестру Лаодику, выданную замуж за царя Каппадокии еще при отце, Митридате Еввергете, как, вероятно, и всех Лаодик, правивших до Митридата Евпатора. Это позволяет высказать предположение, что Лаодикея, которая чеканила монеты, это город, основанный Митридатом VI и названный в честь его жены Лаодики, второй его сестры с этим именем, до того, как она попыталась его убить в 109/108 г. до н.э., и он с ней развелся и затем казнил ок. 106 г. до н.э. А это означает, что Митридат Евпатор основывал новые города и давал им названия в честь членов своей семьи. Что касается других предполагаемых Лаодикей, то они действительно могли быть основаны до Митридата VI и названы в честь живших ранее цариц.

Но царь предпочитал все же давать новым городам названия, связанные с его собственным именем. При нем в Понте возникли два города под названием Евпаторий и один под названием Митридатий. Из них первый, основанный при слиянии рек Лик и Ирис, ко времени поражения Митридата от Помпея, т.е. к началу 60-х годов до н.э., был отстроен неполностью. Это говорит о том, что Митридат VI начал создавать этот город ближе к концу своего правления, вероятно, уже во время Третьей митридатовой войны, и вследствие понесенных поражений так и не успел его полностью заселить и обустроить. После бегства царя из Понта Гней Помпей в ходе своих преобразований на Востоке в 63 г. до н.э. увеличил население города и переименовал его в Магнополь (Strabo. XII. 3. 30; App. Mithr. 115; Plin. VI. 2. 6). Поскольку при понтийском владычестве Евпаторий не чеканил монету и был незастроен, а при римлянах получил полисные привилегии и дополнительную территорию, то можно полагать, что в составе Понтийского царства это был не город в полном смысле слова, а царское укрепление на царской же земле. Оно было выстроено для противостояния Лаодикее и Кабире, получивших вместе с правом чекана и некоторые ограниченные права автономии. Крепость выполняла те же функции, что и другие укрепленные поселения на царской хоре, построенные с целью контроля со стороны царской власти за эллинскими городами и местным населением, обитавшим в деревнях-комах. Евпаторий-Магнополь просуществовал приблизительно до 20 г. н.э., что подтверждает его важность как военно-политического центра, а не торгового и

²² Imhoof-Blumer F. Die Kupferprägung des Mithridatischen Reiches und andere Münzen des Pontus und Paphlagoniens // NZ. 1912. Ht 5. N. S. S. 169–192. Ф. Де Каллатай несколько завышает датировку понтийской городской меди, полагая, что монеты Лаодикей укладываются в пределы 100–85 г. до н.э., но его схема пока еще предварительная и требует серьезного уточнения.

²³ Предположение Т. Рейнака, что Лаодикея стала резиденцией Лаодики, матери Митридата Евпатора, как город, обязанный ей своим появлением (Reinach T. Mithradates Eupator, König von Pontos. Lpz, 1895. S. 46) было отвергнуто Ф. Штэлином (Stahelin F. Laodike (29) // RE. 1924. Bd XII. 1. Hlbd 23. S. 708, 709).

экономического партнера соседних городов²⁴. Другой городок одноименного названия предположительно находился на хоре Амиса возле совр. Карасамсуна к западу от Амиса (совр. Самсуна), хотя у некоторых исследователей есть сомнения в его существовании²⁵. Третий город под таким названием был основан в Таврике после присоединения к Митридату Евпатору Херсонеса и побед Диофанта над скифами и таврами в самом конце предпоследней декады II в. до н.э., при этом туда, как и в другие основанные царем города, был введен гарнизон царских воинов (IOSPE. I². 352. Стк. 10; Strabo. VII. 4. 7; Ptol. VI. 2; Amm. Marc. XXII. 7. 10). К сожалению, местоположение этого Евпатория до сих пор точно не выяснено. Предположительно, он находился в окрестностях совр. Севастополя, где-то на северной его стороне или в районе Южной бухты, может быть, близ Инкермана²⁶, но вряд ли в Северо-Западном Крыму на городище Кара-тобе, против чего выдвигаются убедительные аргументы²⁷.

Митридатий представлял собой не город, а укрепление – τὸ φρούριον, основанное в Галатии. При Помпее его отдали местному правителю Богодиатару (Strabo. XII. 5. 2). Появление этих городов и укреплений-катоикий при Митридате Евпаторе диктовалось военными и политическими соображениями, в меньшей степени экономическими. Они предназначались для сбора дани и продовольствия для царских войск, контролировали обширные районы царской хоры, будучи часто центрами отдельных военно-административных областей, служили как для обороны от противника, так и для убежища местного населения, включая тех, кто рекрутировался на службу в войска. Как правило, за стенами укреплений квартировали царские воинские гарнизоны. Они помогали царю удерживать в повиновении не всегда покорные эллинские города, получившие при нем же некоторую долю политических привилегий и самостоятельности²⁸. Аналогичные цели стояли и при строительстве укрепленных поселений в присоединенных Митридатом Евпатором землях Северного и Восточного Причерноморья, в основном на Боспоре и в Колхиде.

Когда в начале последней декады II в. до н.э. Боспорское царство стало частью владений Митридата VI, там продолжала существовать система полисных земельных отношений, ибо основные города сохраняли свою хору. Однако Боспор и Колхида были присоединены к Понту в качестве наследственных владений и по положению не отличались от статуса родовых царских земель в Каппадокии, Понтийской, Пафлагонии и Малой Армении. Когда Митридат в годы

²⁴ Ruge W. Eupatorium // RE. 1907. Bd VI. S. 1161; Anderson. Op. cit. P. 75, 76; Magie. Op. cit. P. 1213. Not. 33; Jones A.H.M. The Cities of the Eastern Roman Provinces. Oxf., 1937. P. 160; Olshausen, Biller. Op. cit. S. 128; Weimert. Op. cit. S. 30, 31.

²⁵ Ruge. Op. cit. S. 1161; Magie. Op. cit. P. 1211. Not. 26; Jones. Op. cit. P. 423. Not. 24; Olshausen, Biller. Op. cit. S. 129.

²⁶ Сапрыкин С.Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М., 1986. С. 216, 217 и все известные на этот счет точки зрения.

²⁷ Раевский Д.С. О местоположении Евпатория // ВДИ. 1968. № 3. С. 120; Vnukov S.Ju. The North-Western Crimea: An Historical-Archaeological Essay // The North Pontic Archaeology. Leiden, 2001. P. 168; Vinogradov Ju.G. Pontische Studien. Mainz, 1997. S. 493–500; аргументы против этой точки зрения см. Щеглов А.Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978. С. 133; Кутайсов В.А. Керкинитида в античную эпоху. Киев, 2004. С. 130.

²⁸ Сапрыкин С.Ю. Особенности земельных отношений в Понтийском царстве Митридатидов // Acta Centri Historiae «Terra Antiqua Balcanica». Vol. I. Sofia, 1986. P. 113–120; он же. Структура земельных отношений в Понтийском царстве // Эллинизм: восток и запад. М., 1992. С. 100 сл.; он же. Понтийское царство. С. 220–247.

Первой митридатовой войны перенес резиденцию в Пергам, его наместником в Понте, Пафлагонии и на Боспоре стал его сын Митридат Младший. После неудачи в войне с римлянами и унижительного Дарданского мира 85 г. до н.э. ряд греческих городов и местных племен, в том числе на Боспоре и в Колхиде, отвернулись от Митридата Евпатора, и ему пришлось даже силой восстанавливать там свою власть. Царь назначил в Колхиду наместником Митридата Младшего, тем самым объединив наследственные боспорский и колхидский домены. Однако заподозрив вскоре своего сына в измене, царь призвал его к себе, заковал в оковы и казнил, что произошло в 83–81 гг. до н.э. (Plut. Sulla. 11; App. Mithr. 64). После этого он дал боспорцам в цари Махара, другого своего сына (App. Mithr. 67), ему же, вероятно, достались и владения в Колхиде²⁹, т.е. он получил все то, что было у его брата Митридата Младшего.

Правление на Боспоре сыновей Митридата Евпатора стало возможным в результате превращения его территории в наследственные земли Понтийского царства, что стимулировало отход от поддержки царем полисной структуры землевладения и переход к созданию царской хоры, т.е. к формированию царского землевладения. Царь и его сыновья-наместники поощряли привлечение местного населения как военно-хозяйственных поселенцев на царской земле, вели для этого строительство укрепленных поселений типа катойкий и клерухий, что было призвано укреплять границы Боспора от еще непокорных варваров, содействовать развитию земледельческого производства для поставок продовольствия – зернового хлеба для понтийской армии и сбору налогов с подвального населения. Не менее важной задачей было, как в Понте и Пафлагонии, осуществлять контроль за греческими городами, которые после событий 85–83 гг. до н.э. считались ненадежными, их политические привилегии следовало теперь ограничить, а земельные владения и доходы перераспределить в пользу царской хоры. Мы вряд ли будем неправы в том, что строительство новых городов, катойкий и укрепленных поселений стало активно проводиться в жизнь как раз в годы наместничества Махара. Ведь он специально был поставлен на Боспоре в 81 г. до н.э. тотчас после попытки отпадения греческих городов и части населения хоры, чтобы приглушить существовавшие у них прежде полисные свободы, которые могли во многом повлиять на мятежные настроения греков. А усиление царской хоры³⁰ и стабилизация в царстве, вызванная ужесточением царского контроля, содействовали организации похода против соседних ахейцев, живших выше Колхиды и не всегда поддерживавших Митридата Евпатора (App. Mithr. 67).

Первый поход против них в 81–80 гг. до н.э. оказался неудачным, однако к 74 г. до н.э., перед Третьей митридатовой войной, ахейцы и гениохи стали союз-

²⁹ Шелов Д.Б. Махар, правитель Боспора // ВДИ. 1978. № 1. С. 55–60; ср. Minns E. Scythians and Greeks. Cambr., 1913. P. 587; Молев Е.А. Политическое положение Боспора в составе Понта // Из истории античного общества. Нижний Новгород, 2001. Вып. 7. С. 92.

³⁰ Saprykin S.Ju. Greek Cities and Rural Settlements of Bosphorus under the Successors of Mithridates VI // Colloquenda Pontica: Greek and Roman Settlements on the Black Sea Coast. Bradford, 1994. P. 43–57; *idem*. Bosphorus on the Verge of the Christian Era (Outlines of Economic Development) // TALANTA. 2000/2001. 32–33. P. 91; Сапрыкин С.Ю. Город и царская власть в Понтийском государстве Митридатидов // Античный мир – Византия. Харьков, 1997. С. 200; *он же*. Понтийское царство. С. 282–285; *он же*. Боспорское царство: от тирании к эллинистической монархии // ВДИ. 2003. № 1. С. 30; ср. также Масленников А.А. Эллинская хора на краю ойкумены. М., 1998. С. 127.

никами понтийского монарха (ibid. 69). После его отступления на Боспор в 66–65 гг. до н.э. ахейцы снова выказали нерасположение, но были обращены в бегство (ibid. 102) и, вероятно, опять перешли на его сторону, если верить сообщению Страбона о поддержке ими Евпатора во время его отхода в Пантикапей (Strabo. XI. 2. 13)³¹. Как бы то ни было, позиции понтийцев в стране зигов, гениохов и ахейцев были непрочными³². Поэтому основание катойкии или укрепленного поселения близ этих мест было стратегической необходимостью для царя Понта и его сына, правителя Боспора и Колхиды. Оно специально строилось при деятельном участии самого Махара в южной части Синдики на границе с землями ахейцев, так как позволяло не только контролировать участок побережья в Северо-Восточном Причерноморье от Синдики до Туапсе и Диоскурии, но и осуществлять коммуникации между Боспором и колхами, над которыми он правил³³. Скорее всего, Махару основали как военно-хозяйственное поселение вскоре после прихода Махара к власти, т.е. перед походом Митридата Евпатора на ахейцев в 81–80 гг. до н.э., поэтому она была названа его именем и вошла в источники под названием Μοχάρεια-Machara-Machare. Новая крепость в Синдике должна была ограничить пиратские нападения ахейцев, зигов и гениохов на юго-восточные границы Боспора, обезопасить морские и сухопутные пути в этом регионе, связывавшие Пантикапей и азиатский Боспор с Колхидой и Юго-Восточным Причерноморьем, т.е. с родовыми владениями понтийского царя.

Основание Махары на Боспоре стало прямым следствием активной градостроительной политики понтийского царя Митридата VI, направленной, с одной стороны, на эллинизацию подвластных земель, а с другой – отвечало его основной задаче укреплять царскую хору и привлекать местное население в качестве военных и хозяйственных поселенцев.

Археологические исследования наглядно подтверждают существование в окрестностях Анапы и Новороссийска (древних Горгиппии и Бат) целой сети укрепленных поселений как раз в годы правления Митридата VI и его сына Махара. Здесь выявлены различные поселения и крепости, среди которых обычные автономные прямоугольные постройки с мощными оборонительными стенами и оградами, построенные на визуальном расстоянии друг от друга и составляющие цепь укреплений, отделяющую Синдику от ненадежных ахейцев и их соседей (Рассвет, Анапская, Натухаевская, Владимировка, Цемдолинское и др.). В этом районе существовали и более крупные укрепленные поселения, такие, как Мысхако, Малая Земля, Широкая балка, Раевское городище, Семибратнее городище и др. Все они представляли собой военно-хозяйственные поселения, в которых обитали эллинизованные варвары, занимавшиеся военным делом, торговлей и земледелием. По археологическому материалу, среди которого находки керамики, оружия, монет митридатовского и боспорского чекана, бронзовых статуэток, в том числе и понтийско-боспорского круга, возникновение многих из них и активное их функционирование приходится как раз на рубеж II–I вв. – первую четверть–середину I в. до н.э. –

³¹ Reinach. Mithradates Eupator... S. 68; McGing. Op. cit. P. 62; Asheri. Op. cit. P. 275–278; Сапрыкин. Понтийское царство. С. 275.

³² Shelov D.B. Le royaume pontique de Mithridates Eupator // JdS. 1982, juillet-décembre. P. 263; Воронов. Ук. соч. С. 69–71; Сапрыкин. Понтийское царство. С. 275.

³³ Ранее это делал боспорский царь Евмел (см. Diod. XX. 25. 2–3; подробнее см. Gajdukevič. Op. cit. S. 343.

середину I в. н.э.³⁴ Это показывает, что Митридат Евпатор, его наместники и преемники на Боспоре, имели в этом регионе довольно прочные позиции, в том числе и среди местного населения. А это обстоятельство позволяет допустить, что его сын Махар вполне мог построить в этой части Боспорского царства резиденцию и назвать ее собственным именем.

Основание Махары на юго-востоке Боспора и, очевидно, частое пребывание в тех местах Махара, наместника царя Понта, способствовали превращению соседних ахейцев и гениохов в союзников Митридата Евпатора (App. Mithr. 69). В то же время усилилась эксплуатация материальных ресурсов богатой хлебом Синдики, издавна бывшей житницей боспорских правителей. Махар помогал хлебом Синопе, осажденной римлянами в 71 г. до н.э. (Memn. 54; Plut. Luc. 24; Liv. Per. 98), Гераклею Понтийской, также выдерживавшей в это время осаду римскими войсками (Memn. 49), своему отцу, который, разбитый под Кизиком в 72 г. до н.э., плыл из Синопы в Амис (App. Mithr. 78). Уже после своей измены в 71 г. до н.э. Махар, стремясь заручиться расположением Лукулла и римлян, отослал им запасы продовольствия, предназначавшиеся для понтийской армии (Memn. 54). Не вызывает никаких сомнений, что львиная доля этих припасов могла поступать из азиатского Боспора, наиболее богатого его, Махара, теперь самостоятельного правителя, домена. Господство на царской хоре, в особенности на Северном Кавказе, чрезвычайно усилило позиции сына понтийского царя, и он решил, что, имея столь богатые земли, сумеет откупиться от римлян и остаться правителем Боспора. Все это было возможно потому, что Махар прочно там закрепился, особенно в Синдике после основания Махары, и в соседней Колхиде, включая области ахейцев и гениохов. Неслучайно, что еще в 70 г. до н.э. он помогал бывшим митридатовским кондотьерам в Синопе и Амисе, отпавлявших ему свое тайно вывозимое имущество (Memn. 53).

Когда в 65 г. до н.э. Митридат Евпатор отступил из Диоскуриады на север через земли зигов, ахейцев и гениохов, стремительно пройдя доселе непроходимые κλειθρα Σκυθῶν – узкие кавказские ущелья, которые вели на север к Синдике и Меотике, Махар поначалу послал к нему послов с извинениями и объяснениями своего предательства. Но, узнав о гневе отца, он бежал в Понтийский Херсонес, предав сожжению корабли, чтобы царь не мог его преследовать. Когда же Митридат отправил за ним другие корабли, то Махар покончил жизнь самоубийством (App. Mithr. 102).

Эти события произошли в то время, когда царь Понта двигался через области ахейцев и гениохов к Синдике и приближался к юго-восточным границам Боспора. Именно отсюда Махар отправил к отцу послов и вскоре получил их ответ

³⁴ Об укрепленных поселениях-катоикиях между Горгиппией и Батами, составлявших отдельный укрепленный район см. Крушкова Ю.С. Античное здание в районе Горгиппии // Античная история и культура средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968. С. 219; Алексеева Е.М. Античный город Горгиппия. М., 1997. С. 52; Онайко Н.А., Дмитриев А.В. Сторожевые посты в окрестностях Бат и некоторые вопросы социально-экономической и политической истории юго-восточной окраины Боспора на рубеже н.э. // ВДИ. 1982. № 2. С. 106–119; Saprykin S.Ju., Maslennikov A.A. Bosporan Chora in the Reign of Mithridates VI Eupator and His Immediate Successors // ACSS. 1995. Vol. 2. Fasc. 3. P. 279–281; Вязкова О.Е., Дмитриев А.В., Малышев А.А. Поселение Мысхако – юго-восточный форпост Боспора // ПИФК. 2001. X. С. 188–213; о находках бронзовых вещей на поселениях Мысхако, Широкая балка см. Treister M.Ju., Dmitriev A.V., Malyshev A.A. A Bronze Statuette of an Hellenistic Ruler from the Excavations at Myskhako Settlement Near Novorossiisk // Eurasia Antiqua. 1999. Bd 5. P. 487–500.

о гневе на него царя. Значит Махар в тот момент находился в Синдике, надо полагать, в собственной резиденции Махаре. Очень обоснованной выглядит в данной связи догадка Д.Б. Шелова, что слова Аппиана и его источника ἑφευγὲν ἐς τὴν ἐν τῷ Πόντῳ χερρόνησον относятся не к бегству Махара в Херсонес Таврический, как считали ранее, а указывают на его поспешное отбытие в Восточную Таврику, в древности называвшуюся также Скалистым Херсонесом, тогда как Крымский полуостров именовался просто Херсонесом или Большим Херсонесом. А свою смерть Махар нашел в столице Боспора Пантикапее³⁵. Все это повышает шансы считать, что резиденцией Махара на азиатской стороне Боспора могла быть основанная им крепость Махара (которую поздние источники по традиции именовали *civitas*).

Отсутствие Махары в более поздних периплах и землеописаниях Понта можно объяснить тем, что она, очевидно, получила затем другое название. Ведь Митридат жестоко расправился с изменниками из окружения своего сына, а тот покончил жизнь самоубийством. Но в источниках о митридатовых войнах, жизнеописаниях самого Митридата и периплах, составленных на рубеже нашей эры, данное название могло еще сохраняться, откуда оно и было, вероятно, заимствовано источником автора перипла у Равеннского Анонима и с искажением у автора карты для Певтингеровой таблицы.

Завершая наше исследование, хотелось бы вкратце остановиться на том, что и после Митридата Евпатора его политика по основанию новых городов была активно подхвачена преемниками, причем как в самом Понте, так и, что особенно показательно, в Боспорском царстве. В Понтийской Каппадокии при Полемонидах, очевидно в правление Полемона II, на месте бывшего митридатовского укрепления Сиды, переданного затем Помпеем Амису, был основан город Полемониум (Arr. Per. 16; Plin. VI. 11; Anon. Peripl. 30; Ptol. V. 6. 4; Amm. Marc. XXII. 8; Tab. Peut.; Rav. Anonym. V. 10)³⁶. Но если в Понте это делалось для разрушения бывшей царской хоры и военно-хозяйственных поселений-катокий Митридатидов, то на Боспоре, наоборот, новые укрепления строились для усиления царских позиций на хоре. Особенно преуспели в этом преемники Митридата VI – Фарнак, Асандр, Динамия, Аспург, Митридат VIII, а также цари из династии Тибериев Юлиев – от Котиса I до Савромата II. При них почти вся сельская периферия покрылась сетью укрепленных поселений, служивших им опорой на хоре и противостоявших агрессивным варварам – скифам, сиракам, сатархам, аорсам и особенно аланам, появившимся на Боспоре уже в 80-х годах н.э. В этой связи интерес вызывают два топонима у Космографа, прежде нигде не упоминавшиеся, – Asandi и Sanabatin, расположенные в его тексте рядом друг с другом между Акрой и Китеем на европейской стороне Боспорского государства (Rav. Anonym. IV. 3). Л. Диллеманн объединяет первое из этих названий со следующим Asandi + Cita в одно и сопоставляет с Sindecae в Tab. Peut. IX. 1, полагая правильным отбросить начальную A; А.В. Подосинов, напротив, считает топоним образованным от названия упоминаемой Стефаном Византийским де-ревушки-комы Ἀσσά в Скифии (Steph. Byz., s.v.)³⁷.

³⁵ Шелов. Махар... С. 71; ср. Gajdukevič. Op. cit. S. 319. О названии Керченского полуострова как «Скалистый Херсонес» см. Hind G. Herodotus Geography of Skythia: The Rivers and the «Rugged Peninsula» // Причерноморье в VI–V вв. до н.э.: письменные источники и археология. Тбилиси, 1990. С. 133, 134.

³⁶ Weimer. Op. cit. S. 108; Olshausen, Biller. Op. cit. S. 159; ср. Besmieri M. Lexique de Géographie ancienne. P., 1914. P. 615; Санрыкин. Понтийское царство. С. 337.

³⁷ Подосинов. Ук. соч. С. 256; Dillemann. Op. cit. P. 91.

Обе точки зрения представляются сомнительными. Во-первых, Asandi находился на Боспоре, а не в Скифии, во-вторых, оба топонима различаются по сонантам; в-третьих, Cita – это Китей, город на Керченском полуострове, а Sindae-Sindica располагалась на азиатском Боспоре и никакого отношения к Китею не имела. Единственное решение относительно происхождения данного названия может быть найдено, если связать его с именем боспорского царя Асандра, правившего в 45–17 гг. до н.э. Тогда Asandi > *Asand(ρ)í(α) – город или укрепление, основанное Асандром на европейском Боспоре и оттого получившее его имя (*Asandros > *Asand(ρ)í(α), искаженная в латинской транскрипции как Asandi). Вероятность основания царем Асандром города или крепости, названного в его честь, повышается постольку, поскольку этот правитель проводил интенсивную политику строительства укрепленных поселений на европейском Боспоре, строил оборонительные сооружения на Керченском полуострове. Укрепление царской хоры, возведение валов и рвов в Восточном Крыму было вызвано угрозой со стороны его противника Фарнака II, наступавшего на Пантикапей из Феодосии, а также опасностью вторжения крымских скифов, поддержавших Фарнака после возвращения того на Боспор из понтийского похода для свержения мятежного Асандра (App. Mithr. 120). Обороноспособность Боспора с опорой на царские укрепления и крепости, созданные еще при Митридате Евпаторе и Фарнаке, сыграла свою роль и при отпоре вторжению Митридата Пергамского, посланного Цезарем для уничтожения Асандра. К тому же Асандр стремился усилить свои позиции в Таврике и пытался захватить Херсонес Таврический (Const. Porphyg. De adm. imp. 53). Строительство и реконструкция крепостей на азиатском Боспоре, в частности системы так называемых Батареек на Тамани, а также аналогичных по характеру укреплений в окрестностях Горгииппии и Бат, были вызваны опасностью вторжений сарматов, поддерживавших поначалу Фарнака, а впоследствии представлявших угрозу греческим полисам царства³⁸. Угроза по-прежнему исходила и от ахейцев, пиратствовавших на морских и сухопутных путях к Боспорскому царству. В дальнейшем укрепление царской хоры стало основным делом Асандра, ибо помогало ему отстаивать свой трон от происков римлян, пославших для его свержения Скрибония, а потом оказавших поддержку притязаниям на трон супруги его Динамии³⁹. Поэтому митридатовская политика градостроительства одновременно с предоставлением некоторой доли самостоятельности полисам и строительством катойкий на царской земле, проводившаяся Асандром, вполне могла выразиться также и в основании Асандрии, одной из царских крепостей на царской хоре европейского Боспора. К сожалению, точная локализация ее пока невозможна, это могло быть одно из крупных укрепленных поселений в пределах территории, от-

³⁸ О строительстве Асандром укрепленных поселений и оборонительных валов см. Кругликова И.Т. Сельское хозяйство Боспора. М., 1975. С. 138; Сокольский Н.И. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М., 1976. С. 89–108; Толстиков В.П. Незданные страницы истории Боспорского царства // Археология и искусство Боспора. СГМИИ. 1992. 10. С. 41–57; Масленников. Эллинская хора... С. 179–181; Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство на рубеже двух эпох. М., 2002. С. 88, особенно С. 177–203; он же. Аспург, царь Боспора // ДБ. 2002. 5. С. 207–223.

³⁹ Сапрыкин С.Ю. Уникальный статер боспорской царицы Динамии // СА. 1990. № 3. С. 208 сл.; Карышковский П.О., Фролова И.А. К истории правления Асандра на Боспоре // Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы. Кишинев, 1990. С. 89–100; Браунд Д. Царь Скрибоний // Боспорский феномен. СПб., 2004. I. С. 81–87.

граниченной Узунларским валом, укрепленным, кстати, также в правление Асандра⁴⁰.

Что касается названия Sanabatin, то с некоторой долей осторожности можно выдвинуть предположение, что это сильно искаженное Σαυρομάτ(ε)ιον – название одного из крупных укрепленных поселений на Керченском полуострове, ставшее известным благодаря надписи CIRB. 970: [εὐ]εργέτ[ην] τῆς βασι / λείας ἑαυτὸν παρέχ[ων] τὴν [π]όλιν ἐκ / [θεμελίων ἀνῆγει]ρεν, ὄνομα αὐτῇ / [θεμενος Σαυρ?]ομάτειον – «являя собой благодетеля царства, построил город от основания, дав ему название Савроматий». Надпись найдена в районе Узунларского вала, на городище Новониколаевка, которое и отождествляют с Савроматием (площадь 2 га). По палеографии надпись датируется концом II – началом III в. н.э., и материал из исследованных археологически слоев городища соответствует этому периоду (самые поздние находки относятся к середине – третьей четверти III в. н.э.)⁴¹. Высказывалось мнение: городище основано в правление царей Савромата II или III, что подтверждает палеография надписи. Однако нельзя исключать, что поселение могло быть построено еще при Савромате I, поскольку археологические раскопки на городище проводились лишь эпизодически, площадь их была ограничена, поэтому слои более раннего периода просто не выявлены. А ведь этот царь осуществлял активную градостроительную политику, возводил новые и ремонтировал старые стены в городах, возродил систему разрушенных крепостей на азиатском Боспоре и, очевидно, делал то же самое на европейской его стороне⁴². Попытка Л. Диллеманна увязать Sanabatin с Cannate в Tab. Peut. VIII. 243 малоубедительна, поскольку и на глаз заметна огромная разница между этими названиями, не говоря уже о том, что народ cannate локализуется на азиатской стороне Боспора Киммерийского, а Sanabatin – на европейской. Sanabatin > Sauromation? располагался рядом с Асандрией, если верить периплу Равеннаты. Так что оба города или скорее поселения-катоикий вместе с Узунларским валом и европейским Киммериком служили опорными пунктами системы обороны на Керченском полуострове.

Таким образом, «Космография» Равеннского Анонима является уникальным источником по топографии и исторической географии Боспора, поскольку восходит к какому-то недошедшему до нашего времени местному источнику, описывавшему территорию Боспорского государства на рубеже нашей эры. В нем сохранился ряд уникальных названий городов и поселений, которые более нигде не упоминаются, но вполне соответствуют проводившейся местными правителями политике основания новых городов и укрепленных поселений типа катоикий. Причем такую политику боспорские властители проводили уже начиная с IV в. до н.э., когда была основана Горгиппия и названа в честь одного из Спартокидов – Горгиппа. Впоследствии ее активно осуществляли при Митридате Евпаторе и его преемниках.

⁴⁰ Масленников А.А. Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма. М., 2003. С. 208.

⁴¹ Масленников. Эллинская хора... С. 254.

⁴² Сапрыкин С.Ю. Энкомий из Пантикапея и положение Боспорского царства в конце I – начале II в. н.э. // ВДИ. 2005. № 2. С. 42–81.

⁴³ Dillemann. Op. cit. P. 91; Подосинов. Ук. соч. С. 256.

The article is devoted to the analysis of the evidence about a settlement Machara–Machare in the Ravenna Anonymous Periplus. This geographical work, written in the Middle Ages (7th–8th cc. AD), gives a long list of place names of the North Black Sea Coast mentioned in many other geographical and historical texts. But some of the names are to be found only in this source, and this is the case with MACHARE–MACHARA. Some attempts were made to connect this name with different places, mostly around Olbia. The author of this article puts forward many arguments in favour of connecting it with the settlement founded by Machares, son of King Mithridates Eupator, at Bosporus where he was governor in 80–68 BC before his treason during the 3rd Mithridatic war. This settlement could have been founded in Sindica close to the border with the savage tribes of the Caucasus who were living between Bosporus and Colchis, where prince Machares also ruled. Construction of the site at Bosporus under Mithridates was due to the policy of this king, who built new forts and fortresses, as well as cities, on the periphery of his kingdom. The new Bosporan settlement was presumably of katoikia-type, common for the Hellenistic practice of founding new cities and settlements.

© 2006 г.

И. П. Засецкая

О НОВОМ ИССЛЕДОВАНИИ ПО ПРОБЛЕМАМ ПОЛИХРОМНОГО ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ

Проблема полихромного звериного стиля – одна из самых важных и дискуссионных в истории искусства Евразии. Естественно, что эта тема вызывает большой интерес у исследователей, о чем свидетельствуют многочисленные посвященные ей работы.

Задачей настоящей статьи является критический разбор монографии В.И. Мордвинцевой «Полихромный звериный стиль» (Симферополь, 2003). Уже само название, претендующее на энциклопедическое значение книги, свидетельствует о претензиях на глобальность и многогранность заявленной темы. И, действительно, автор использовал материал широкого диапазона как по времени, так и по территории. Большую часть памятников составляют предметы искусства звериного стиля, отражающие культурные традиции кочевых племен Евразии скифо-сарматской эпохи (IV в. до н.э. – II в. н.э.), а также некоторые изделия той же этнокультурной среды с антропоморфными изображениями. Следует отметить, что данная монография, представляющая собой сводку находок полихромного звериного стиля, является первой работой подобного рода.

В основу монографии положены три группы находок: сокровища «царских гробниц» некрополя Тилля-тепе, сибирские древности из знаменитой Сибирской коллекции Петра I, хранящейся в Государственном Эрмитаже, и предметы «сарматского полихромного звериного стиля» из погребальных комплексов Нижнего Поволжья, Подонья, Прикубанья и Северного Причерноморья. Каждой группе соответствуют специальные главы (I–III). Все вошедшие в эти главы предметы составили каталог из 108 номеров (Приложение 1). Кроме того, в IV главе дается описание памятников с аналогичными находками из Центральной и Средней Азии, Западной Сибири, Грузии и Ирана, происходящие как из музейных, так и частных коллекций. Также имеются два Приложения (1 и 2) и список использованной литературы.

Большая часть работы, однако, посвящена проблемам сарматского полихромного звериного стиля. Кроме III главы, вопросы, связанные с сарматской проблематикой, рассматриваются также в V, VI главах, Заключение и Приложение 2. В V главе обсуждается проблема датировки изделий полихромного звериного стиля и комплексов, из которых они происходят, в VI главе – возможность реконструкции этнополитической истории сарматских племен. В Заключении автор перечисляет «диагностические признаки» выделенных стилистических групп, и здесь предметы сарматского искусства наиболее многочисленны.

Монография снабжена обширным иллюстративным материалом, составляющим ровно половину объема книги, представленным исключительно рисунками, выполненными самим автором. Однако В.И. Мордвинцева нигде не указывает, какие рисунки сделаны непосредственно с вещей, а какие – с опубликованных фотографических и графических иллюстраций. Рисунки предметов, вошедших в каталог и упомянутых в IV главе, скомпонованы в таблицах по комплексам. В книге также представлены тематические таблицы, посвященные изображениям отдельных образов: хищникам кошачьей и волчьей породы, фантастическим существам, хищным птицам, копытным разного вида. Изображения объединены в соответствии с тремя группами памятников: Тилля-тепе, Сибирская коллекция Петра I, сарматские древности. Кроме того, большое место занимают сравнительные таблицы, показывающие сходство и различия в репертуаре полихромного звериного стиля указанных групп, а также в способе передачи деталей головы и тела животных, в формах вставок, украшающих фигуры и составляющих орнаментальные бордюры.

Каждая группа изделий исследуется по одному плану: сначала рассматриваются мотивы и композиции антропоморфных персонажей, затем зооморфных. В последних выделяются: одиночные изображения животных и многофигурные композиции, расположение животных в ряд, по кругу, в геральдических позах, в сценах борьбы или терзания. Кроме того, в них представлены растительные и геометрические орнаменты. Отдельно рассматриваются способы изображения животных.

Все вышесказанное, казалось бы, свидетельствует о фундаментальности и глубине исследования. Но, увы, к сожалению, это не так. Книга изобилует неточностями и просто искажениями как в описании вещей, их интерпретации, так и в рисунках. Несмотря на приведенный сравнительный анализ образов, сюжетов, мотивов, композиций, способов изображения, автор приходит к неверным, а подчас и к фантастическим выводам, не подкрепляя их конкретными аргументами. Предельно субъективные суждения как по общим, так и по частным проблемам сплошь и рядом ставят читателя в тупик.

Чтобы не быть голословными, рассмотрим сначала содержание итоговой части работы, т.е. выделение стилистических групп полихромного звериного стиля. Этой теме специально посвящен шестой раздел III главы (с. 51–52). В.И. Мордвинцева выделяет шесть стилистических групп: 1 – группа вещей ахеменидского круга; 2 – группа Тилля-тепе (золото-бирюзовый стиль); 3 – группа центральноазиатского звериного стиля; 4 – геометрический полихромный звериный стиль (стиль Puzzle); 5 – стиль рельефных медальонов или сарматский полихромный звериный стиль; 6 – ювелирные украшения с элементами звериного стиля или боспорский полихромный стиль. Вот только непонятно, почему автор дает описание «диагностических признаков» этих групп не в VI разделе, а в Заключение (с. 79–80), что представляется нелогичным. Кроме того, почему-то одни и те же предметы оказываются в разных стилистических группах. Так, например, флаконы из кургана «Хохлач» (кат. № 64–65) в одном случае, на с. 52, отнесены к шестой группе, а в другом, на с. 79, они оказываются в четвертой группе. То же можно отметить и для браслетов из Кобяковского могильника (кат. № 70), и для других предметов. Такие ошибки, а их в тексте немало, вызывают у читателя недоумение.

При рассмотрении стилистических групп, прежде всего, возникает вопрос: почему они так называются и чем в данном случае руководствуется автор при

их выделения? А между тем, как мне представляется, налицо несоответствие названия и содержания групп. Кроме того, бросается в глаза неоднородность включенных в группу изделий как в стилистическом, так и в техническом отношении.

Остановимся подробнее на некоторых группах, которые в основном состоят из предметов сарматской культуры. Начнем с так называемой стилистической группы «Геометрический полихромный звериный стиль (стиль Puzzle)». К этой группе, учитывая данные на с. 52 и 79, относятся 40 предметов, которые происходят из семи погребальных комплексов, из трех кладов и шести случайных находок¹. Это крупные фалары (за исключением жутовских, кат. № 48): 2 экземпляра из кургана «Садовый» (кат. № 67); 2 – из кургана «Косика» (кат. № 53); 2 – из Сибирской коллекции (кат. № 25); 1 – из клада Генио в Грузии (рис. 47, 3)²; 3 экземпляра – беспаспортные фалары из Метрополитен и Иерусалимского музея (рис. 48, 3; 49, 1, 2). В эту группу также включены 12 экземпляров малых фаларов из кургана «Садовый» (кат. № 68); гривна, браслеты и два флакона из кургана «Хохлач» (кат. № 60, 61, 64, 65); пластина из «Мехзавода» (кат. № 73); браслеты из кобяковского погребения (кат. № 70); 4 бляшки из Зубовского кургана (кат. № 99); кольцо из Сладковского кургана (кат. № 75); две пряжки из музея Метрополитен неизвестного происхождения (рис. 48, 1, 2); два предмета из клада в Нихаванде, Иран (рис. 43, 4, 5) и бляха из храма Окса в Тахти Сангине (Таджикистан) (рис. 43, 3) (рис. 100).

Прежде всего, рассмотрим «диагностические» признаки, которые должны определять особенности изделий данной группы и служить для них объединяющим индикатором. Автором выделено шесть таких признаков.

1 – «Сочетание золота, вставок стекла бирюзового цвета, натуральной бирюзы, кораллов, стекла красного цвета». Вряд ли этот признак характеризует только данную группу. Эти же сочетания встречены и в других стилистических группах.

2 – «Высокий, четкий рельеф». Для того чтобы говорить о высоте рельефа, необходимо знать, что берется за точку отсчета, с чем необходимо сравнивать. Это тем более важно, что входящие в группу вещи имеют рельефы разной величины. Вряд ли можно назвать высоким рельефом изображения на пластине из «Мехзавода» (рис. 30, 75) или на кобяковских браслетах (рис. 29, 70). Несколько выше рельеф на украшениях из кургана «Хохлач» и на некоторых фаларах (рис. 24–26). Более высокий по сравнению с ними рельеф на фаларах из Сибирской коллекции Петра I (рис. 12, 25). Единственный предмет, на котором изображение выполнено в высоком рельефе (если он правильно нарисован), – это бляха из храма Окса (рис. 43, 3). Впрочем, она отличается и по другим признакам от остальных вещей группы. Что же касается четкости рельефа, то он действительно имеет четкие контуры. Однако этот признак присущ абсолютно всем стилистическим группам.

3 – «Плоский фон изображения». О каком фоне идет речь? Под словом фон обычно подразумевается цвет поверхности, например, красные вставки на золотом фоне или белые полосы на черном фоне и т.д. Можно также сказать, что что-то находится на фоне стены, дерева, окна и т.д. А вот что такое «плоский

¹ Ссылки кат. № – обозначают номер в каталоге в книге В.И. Мордвинцевой.

² Все ссылки на рисунки в книге В.И. Мордвинцевой здесь и далее даются в круглых скобках, а ссылки на рисунки, прилагаемые к нашей статье, – в прямоугольных скобках.

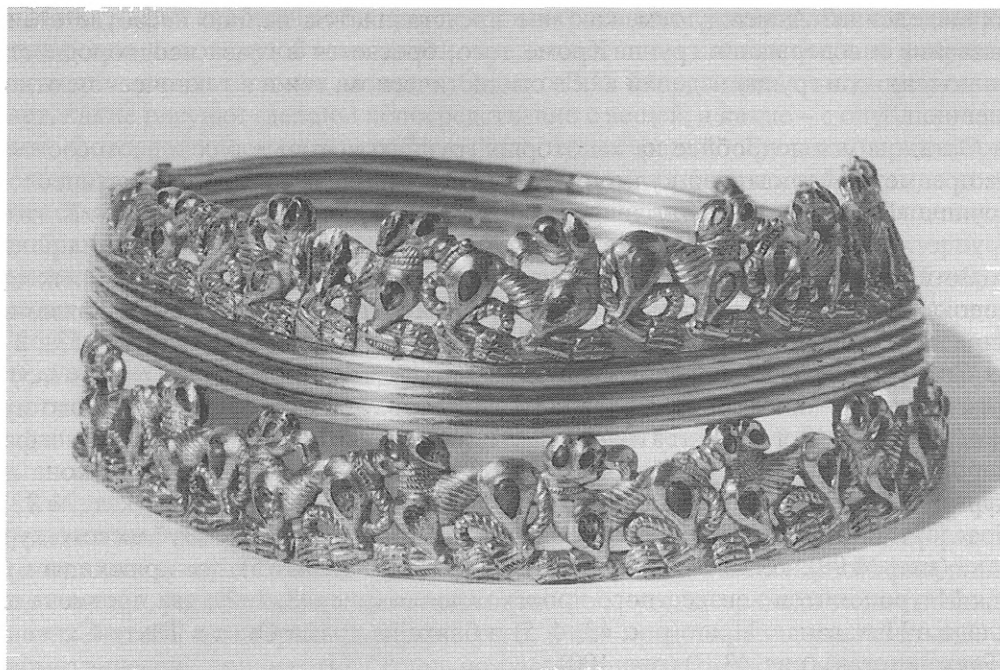


Рис. 1. Золотая гривна. Курган «Хохлач», Ростовская область

фон изображения», – непонятно. Может быть, автор имеет в виду плоскую поверхность предмета, на которую наносилось изображение? Но в таком случае этот признак не может быть «диагностирующим» для всех предметов данной группы, тем более что некоторые изображения вообще не имеют никакой подстилающей поверхности. Такие ажурные украшения, как гривна и браслеты из «Хохлача» (рис. 24; 25, 61) [рис. 1 и 2], браслеты из Кобяково (рис. 29, 70) [рис. 3] не имеют ни фона, ни плоскости так же, как и фигурки грифонов на Сладковском колье (рис. 30, 75), подвеска из клада в Нихаванде (рис. 43, 4) и бляха – фалар из храма Окса (рис. 43, 3). В то же время такие предметы, как большие и малые фалары (рис. 22, 53; 27; 47, 3; 48, 3; 49), флакончики из «Хохлача» (рис. 26, 64–65) [рис. 4] имеют выпуклую и округлую поверхности. И только пластина из «Мехзавода» (рис. 30, 75) и пряжки из музея Метрополитен (рис. 48, 1–2) имеют плоскую поверхность.

4 – «Вставки ограниченного числа геометрических форм: листовидная, миндалевидная, круглая, в виде изогнутого треугольника, “овы” треугольник, ромб». Добавим еще сегментовидную форму вставок, которыми обычно подчеркиваются уши кошачьего хищника. Таким образом, мы получаем целый набор геометрических форм, свидетельствующий скорее о многообразии выбора вставок, чем о его ограниченности. Однако этот признак неодинаково распространяется на все изделия. На одних, как, например, на больших фаларах, флаконах из «Хохлача», бляшках из Зубовского кургана (рис. 37, 99) и пряжках из музея Метрополитен, наблюдается большое разнообразие форм вставок, меньшее – на браслетах из «Хохлача» и ограниченное число форм вставок на гривне из «Хохлача», на Кобяковских браслетах и на пластине из «Мехзавода». Здесь представлены только два варианта вставок – миндалевидные и круглые.

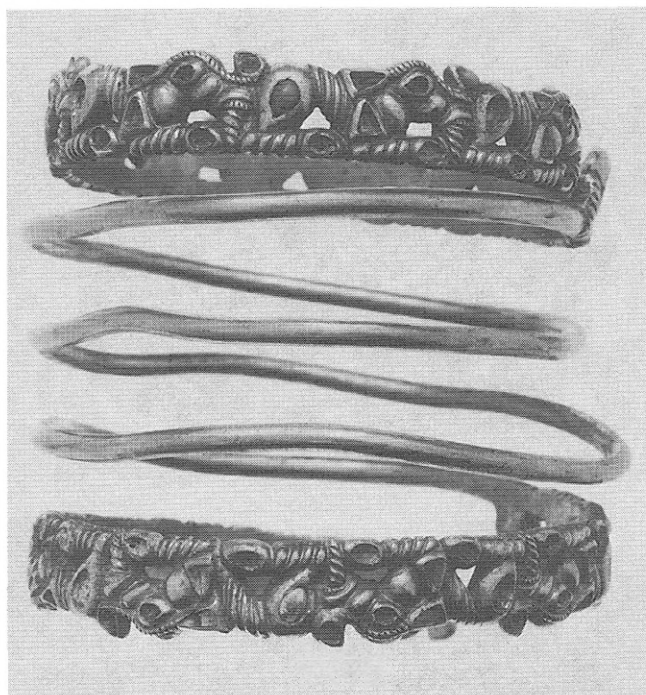


Рис. 2. Золотой браслет. Курган «Хохлач», Ростовская область



Рис. 3. Золотой браслет. Курган 10, Кобяковский могильник, Ростовская область

5 – «Вставки симметрично организованы, их расположение на теле животных составляет особый орнамент». Что значит «вставки симметрично организованы»? Дело здесь не во вставках, а в композициях изображений. Вставки в данном случае – явление вторичное. В зависимости от композиционного решения располагаются и вставки, украшающие фигуры животных. Там, где в осно-

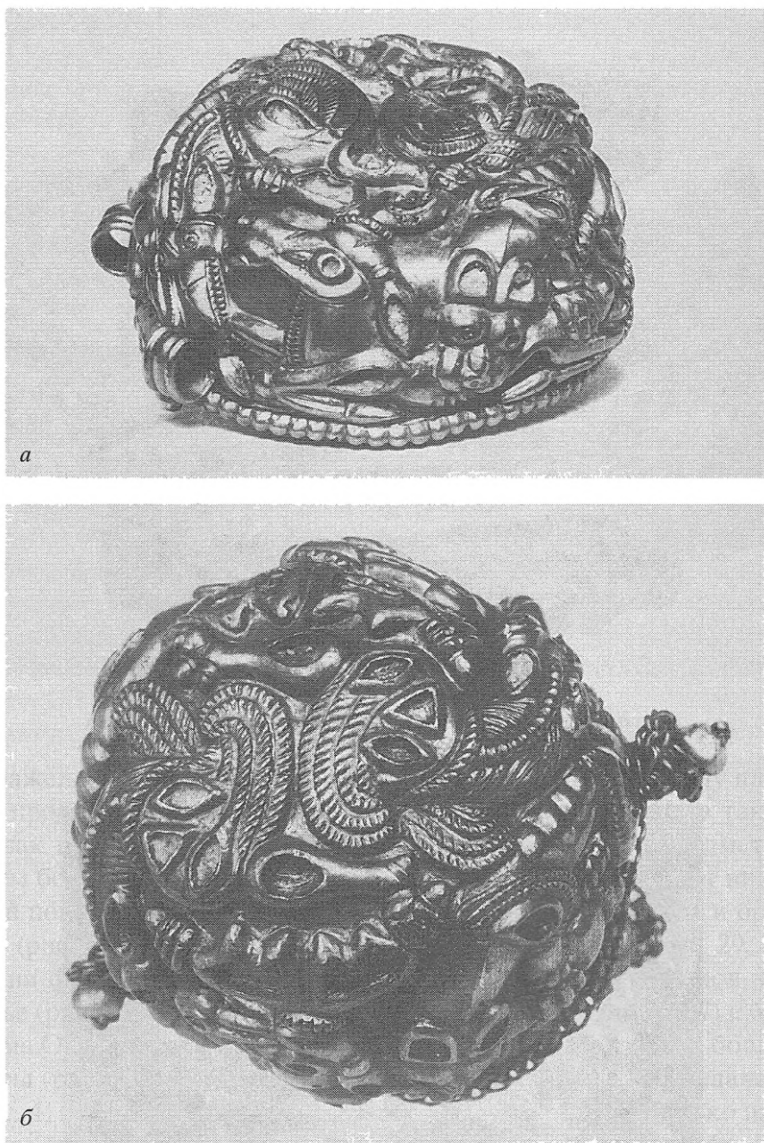


Рис. 4. Золотой флакон. Курган «Хохлач», Ростовская область: *а* – вид сбоку, *б* – вид сверху

ву композиции положен принцип симметрии, там вставки также оказываются симметричными, где же такого положения нет, нет и симметричных вставок. Таким образом, в качестве диагностического признака могло бы служить наличие симметричных композиций, но, во-первых, подобный признак не распространяется на все предметы данной группы, а во-вторых, он широко представлен на вещах звериного стиля разных групп.

Далее, в тексте пункта 5 отмечается, что «расположение вставок на теле животных составляет особый орнамент». Поскольку автор не приводит конкретных примеров этого явления, то данное высказывание остается непонятным и требует разъяснения. Как мы знаем, вставками обычно подчеркиваются отдельные детали тела и головы животных – бедро, плечо, глаза, уши, иногда –

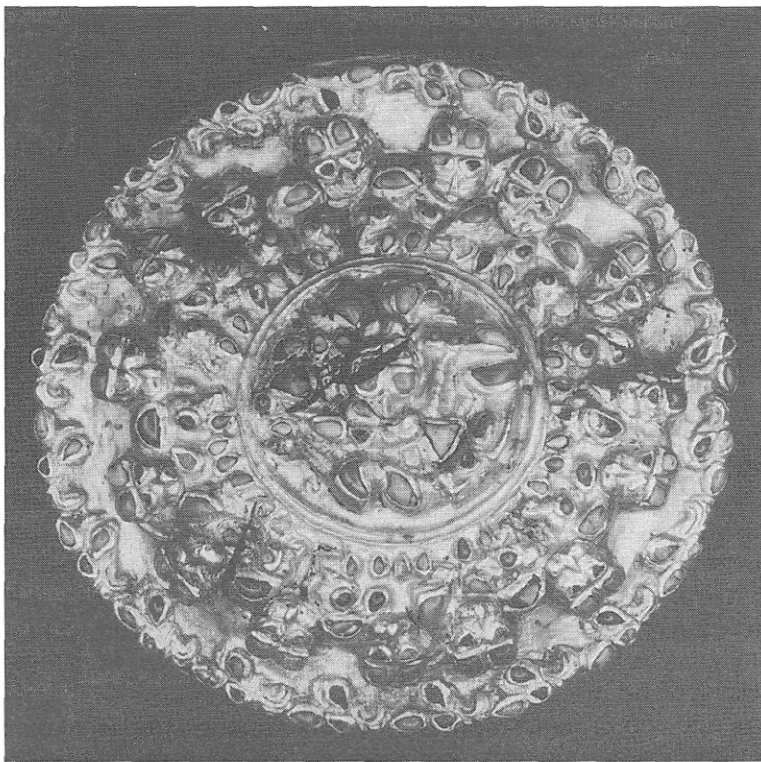


Рис. 5. Золотой фалар от конской упряжи. Кургan «Садовый», Ростовская область

ноздри, лопатки, лапы, часть крыла и т.д. Возникает вопрос: какой «особый орнамент» при таком использовании вставок они могут образовывать? Однако в некоторых композициях, состоящих из расположенных в ряд фигур, вставки, имитирующие лапы животных, создают своеобразный декоративный бордюр, как, например, на браслетах из курганов «Хохлач» (рис. 25, 61) и «Кобяково» (рис. 30, 75). В этом случае вставки принимают участие в создании красочного орнамента, но вряд ли это можно рассматривать как особый орнамент «на теле животных». Если же под «особым орнаментом» автор подразумевает декоративность фигур, в которой вставки играют не последнюю роль, то это никоим образом не может считаться диагностическим признаком только «геометрического полихромного звериного стиля», так как подобный признак присущ всем зооморфными изображениям, в которых присутствуют цветные вставки.

6 – «Орнаментальные ряды в виде последовательности голов животных или «ов»». Действительно, этот признак присутствует на вещах данной группы. Однако следовало бы уточнить, что они украшают в основном только большие фалары. При этом орнаментальные бордюры из голов животных встречены лишь в двух случаях. Например, поясok в виде ряда голов грифона окаймляет большие фалары из кургана «Садовый» (рис. 27, 67) [рис. 5], а поясok из голов волка входит в декоративную композицию фаларов из Косики (рис. 22, 53), где он сочетается с бордюром из «ов». Последний является непременным элементом декора остальных фаларов, а также украшает пряжку из клада в Нихаваде (рис. 43, 5). Однако никакие другие изделия, составляющие большинство предметов данной группы и отличающиеся значительным разнообразием (мелкие

фалары, браслеты, гривна, сосудики для ароматических веществ, ожерелье, пряжки, декоративная пластина, фигурная подвеска), подобного орнамента не имеют (рис. 100). Так можно ли считать этот декоративный элемент общим «диагностирующим» признаком для всей группы изделий? Скорее его следует рассматривать как специфический признак орнаментальной композиции именно фаларов, которые, учитывая их функциональное значение, а также некоторые особенности декора, могли бы составить самостоятельную группу украшений полихромного звериного стиля. Однако в силу индивидуальности каждого изделия она все равно не была бы абсолютно однородной.

7 – *«растительные орнаменты отсутствуют»*. Ну что ж, они действительно отсутствуют, спору нет. Только ведь растительные орнаменты отсутствуют и на других изделиях сарматского искусства, выделенных в другие стилистические группы. Нужен ли вообще этот диагностический признак?

8 – *«ограниченное количество значимых признаков в изображении животных: их тела составлены из ограниченного набора элементов, отчего возникает сложность с их определением»*. Данная формулировка так же загадочна, как и стиль Puzzle. Прежде всего возникает вопрос: что имеется в виду под «значимыми признаками»? Значимыми «для кого» – мастера, который изготавливал эти предметы, носителей, которые пользовались этими вещами, или для нас – исследователей этих древностей? А может быть, значимыми «для чего» – для определения вида животных, способа изображения фигур, количества декоративных элементов и т.д.

Если речь идет об ограниченном количестве видовых признаков, что якобы затрудняет определение видов персонажей, то это заблуждение автора. Давайте посмотрим на сводную таблицу рисунков всех выделенных в группу «геометрического стиля» предметов (рис. 100). Есть ли хоть одно изображение, которое нельзя было бы отождествить с конкретным существом, будь то реальное животное или фантастический образ? Можно отметить другие черты в изображениях на некоторых изделиях сарматского полихромного звериного стиля, которые действительно затрудняют определение с первого взгляда воспроизведенного на предмете мотива. Это, во-первых, наличие сложных композиций, а во-вторых, специфика декоративного оформления в виде разнообразных форм вставок и гравированных линий, сплошь покрывающих фигуры персонажей. К таким изделиям относятся флаконы из «Хохлача» (рис. 26), где наряду с простыми композициями идущих друг за другом лосей представлены многофигурные сцены терзания пантерой и грифоном лося, к тому же повторенные на тулове флаконов дважды, как бы в зеркальном отражении. Однако при ближайшем рассмотрении чеканные, рельефные изображения, отличаясь четкими контурами фигур, становятся вполне узнаваемыми [рис. 6]. По причине изобилия вставок и непростой композиции также затруднено восприятие чеканных изображений на фаларах из Сибирской коллекции (рис. 12, 25) [рис. 6]. Часто сильная стилизация фигур, искажающая тело животных, как, например, на фаларах из кургана «Садовый», препятствует определению вида животных (рис. 27) [рис. 5]. Но и в данном случае фигуры, изображенные на фаларах, были достоверно отождествлены Л.С. Клейном с конкретными зооморфными образами³. Да и у самого автора, судя по каталожным описаниям, определение вида животных не вызывало затруднения.

³ Клейн Л.С. Сарматский тарандр и вопрос о происхождении сарматов // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976. С. 228–234.

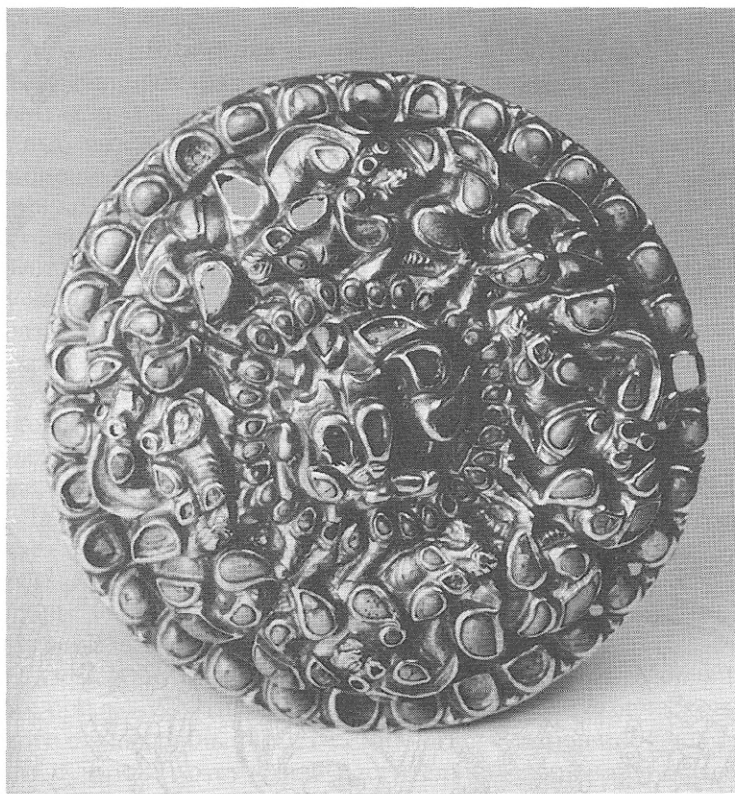


Рис. 6. Золотой фалар от конской упряжи. Сибирская коллекция Петра I

В какой бы условной манере ни изображались зооморфные персонажи, будь то стилизация, орнаментальность, схематизация, геометризация, мастер не забывал подчеркнуть видовые признаки животного. Каждый персонаж, превращаясь в художественный образ, имеет особый знаковый смысл, соответствуя идеологическим и мифологическим представлениям носителей данного искусства. Обратимся, например, к изображениям на гривне из «Хохлача» (рис. 24). Несмотря на то что мастер в передаче фигур чудовищ использовал прием изобразительного инварианта, когда разные животные изображаются с одинаковыми телами, видовые различия четко выступают в трактовке головы. Мощный, загнутый клев, торчащее кверху ухо, удлиненная форма головы отличает грифона от волка с округлой вытянутой мордой, с раскрытой пастью, приподнятым носом и направленным назад ухом. Кроме того, мастер подчеркнул наличие густой шерсти у волка, изобразив ее в виде пяти рельефных ободков с насечками вокруг шеи [рис. 1, 7, 2]. То же можно сказать и о фигурах на новочеркасских браслетах [рис. 2, 7, 1], на которых, несмотря на стилизацию и декоративность изображений, ясно угадывается образ хищника волчьей породы, как убедительно доказала в своей статье Н.В. Лавыгина⁴.

⁴ Лавыгина Н.В. Образы фантастических существ в полихромном зверином стиле раннесарматского времени // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья. Волгоград, 1999. С. 157–161.

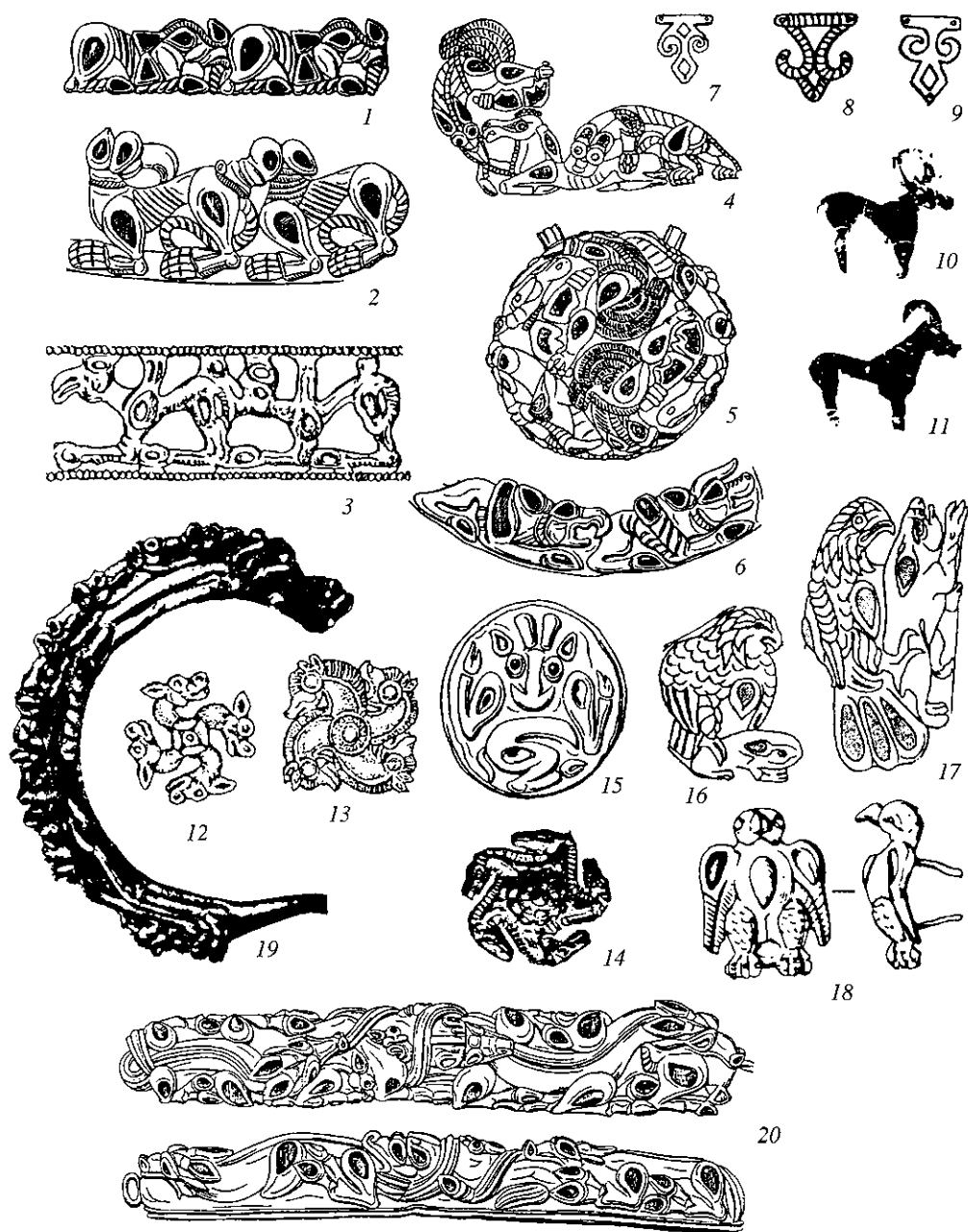


Рис. 7. Зооморфные изображения: 1 – деталь браслета из кургана «Хохлач»; 2 – деталь гривны из кургана «Хохлач»; 3 – деталь браслета из Кобяковского кургана; 4, 5 – детали флякона из кургана «Хохлач»; 6 – изображение на бляшке из Зубовского кургана; 7–9 – золотые нашивные бляшки; 10, 11 – фигурки оленя и козла из кургана 46 у ст. Усть-Лабинской; 12 – свастикообразная бляшка из Фракии (по: *Королькова*. Зооморфные свастики...); 13 – свастикообразная бляшка из Адыгеи (по: там же); 14 – свастикообразная золотая бляшка из Федуловского клада; 15 – золотая бляшка с изображением козла из кургана 29 у ст. Усть-Лабинской; 16, 17 – детали изображения на ножках из Горгиппии (по: *Мордвинцева*. Ук. соч.); 18 – фигурка птицы на диадеме из кургана «Хохлач»; 19 – браслет из с. Дуздак; 20 – флякон из кургана «Хохлач»

Теперь обратимся к выводу автора о том, что тела изображенных животных в группе геометрического стиля «составлены из ограниченного набора элементов». В.И. Мордвинцева фактически не раскрывает этот тезис. Непонятно, о каких элементах и о каких конкретных предметах идет речь. Вместе с тем, представленные на сводном рисунке (рис. 100) изображения животных имеют вполне полноценные с мягкими контурами тела, с плечами и бедрами, выделенными рельефными округлыми плоскостями, с головой и мордой, отмеченной всеми характерными для нее чертами, с ногами, хвостами и т.д. Даже когда мастер использует широко применяемый в древнем искусстве прием – замена целого частью, у нас нет никаких оснований упрекнуть его в том, что воспроизведенные им образы выполнены малым числом изобразительных средств. Целостность изображения фигуры животных ни в какой степени не соответствует термину «составлены». Исключение могут представлять лишь фигуры грифонов на сладковском ожерелье, тела которых видятся как бы составленными из отдельных вставок разной формы в золотых гнездах (рис. 30, 75). В действительности же, стилизованные фигуры грифонов полностью изготовлены в технике литья. Да и вообще, учитывая стилистические особенности ожерелья в целом, возникает вопрос: а является ли данное изделие образцом сарматского звериного стиля? Кажется справедливым мнение М.Ю. Трейстера о том, что данное ожерелье было изготовлено на Востоке и является образцом ювелирного искусства греко-иранского стиля⁵.

Таким образом, в результате анализа выделенных В.И. Мордвинцевой диагностических признаков стилистической группы «геометрического полихромного звериного стиля (стиль Puzzle)», становится совершенно очевидным, что за исключением пункта 7 (отсутствие растительного орнамента), все остальные признаки не представлены одинаково в составе группы в целом, а иногда и просто не соответствуют действительности. Напротив, позволительно сделать вывод о неоднородности отнесенных к этой группе предметов, различающихся как по стилистическим особенностям, так и по технике их изготовления. Как можно, например, отнести в одну стилистическую группу изображения на гривне из кургана «Хохлач» и на браслетах из Кобяковского кургана? Сцены на браслетах и по содержанию и по композиции представляют собой реплику с оригинального изображения сарматского полихромного звериного стиля, подобного мотиву на новочеркасской гривне [рис. 1, 3, 7, 2–3].

Происхождению этих двух украшений посвящена специальная статья И.П. Засецкой, в которой дан сравнительный анализ их стилистических и технических особенностей. В результате исследования стало очевидным, что представленные на гривне и браслетах персонажи идентичны и соответствуют одним и тем же образам, однако они резко отличаются по своим художественным и техническим свойствам, что свидетельствует о разных центрах производства данных изделий. Вопрос о месте изготовления новочеркасских древностей по-прежнему остается открытым, кобьяковские же браслеты, по моему мнению, сделаны в одной из боспорских мастерских по заказу представителя местной сарматской знати. При этом мастер, копируя чуждый для него сюжет, не только искажил его, но и заметно трансформировал первоначальный образ⁶.

⁵ Treister M. Eastern Jewellery in Sarmatian Burials and Eastern Elements in the Jewellery Production in the North Pontic Area in the 1st Century AD // *Iranica Antiqua*. 2004. 39. P. 305.

⁶ Засецкая И.П. Золотые браслеты из сарматского погребения Кобяковского могильника (происхождение сюжета и место изготовления) // РА. 2003. № 2. С. 46–52. В тексте мною ошибочно орлиный грифон назван львиным грифоном.

Все вышесказанное не только опровергает наличие в рассмотренной стилистической группе выделенных В.И. Мордвинцевой диагностических признаков, но фактически приводит к отрицанию существования подобной группы как самостоятельной единицы, не говоря уже о несоответствии входящих в нее вещей с названием «Геометрический звериный стиль». В представленных в этой группе предметах нет ни одной вещи, изображения на которой можно было бы отнести к так называемому геометрическому стилю.

Напомним, как определяют геометрический стиль специалисты. Геометрический стиль есть «крайнее проявление абстрагирующей тенденции художественного мышления... Процесс геометризации изобразительных форм связан с явлением декоративности, усилением роли симметрии, метра, ритма, уподоблением формату и ведет к возникновению разнообразных форм геометрического орнамента»⁷. Однако в зависимости от характера используемых элементов, степени их геометризации и абстрагирования орнамент называют геометрическим или изобразительным, а по тематике используемых мотивов – растительным или зооморфным⁸.

Несмотря на присутствие в изображениях рассматриваемой группы элементов декоративности, орнаментальности, ритмичности, симметрии, уподобления формату, все они, однако, являются ярко выраженными *изобразительными зооморфными* мотивами, исполненными в разных вариантах «сарматского полихромного звериного стиля». Фигуры животных, протомы или только головы никакого отношения не имеют к геометрическим формам. Напротив, тела животных, хотя и стилизованные, а иногда и схематизированные, имеют мягкие округлые контуры. Наличие же вставок в гнездах геометрических очертаний никак не влияет на общий характер зооморфного орнамента. Как справедливо отмечают искусствоведы, элементы геометрического стиля присутствуют в композициях различного вида и стилях искусства, не изменяя при этом их главной художественно-стилистической сущности. К изделиям, в которых проявляются черты геометризации, можно отнести четыре фигурные пластины из погребения II в. н.э., найденные в кургане 46 Усть-Лабинского могильника (Эрмитаж: музей и коллекции, кат. № 131–134)⁹ [рис. 7, 10–11; 8] или, например, украшения кожаной налобной повязки из Кобяковского кургана¹⁰. Но даже и они, будучи сильно схематизированными, не отвечают понятию геометрического стиля.

Примером же геометрического стиля могут служить золотые нашивные бляшки различных геометрических форм, передающие в условной манере тот или иной растительный, зооморфный или геометрический мотив. Бляшки, символизирующие образы животных, представляют особый интерес. Специальное изучение этого рода бляшек позволило, благодаря наличию в них ведущих видовых признаков, отождествить абстрактные изображения с реальными животными. В частности, речь идет о рогатых копытных, таких, как баран, бык, козел, олень, для которых рога являются главным узнаваемым элементом¹¹ [рис. 7, 7–9].

⁷ Власов В.Г. Стили в искусстве. Словарь. Т. 1. СПб., 1995. С. 153–154.

⁸ Там же. С. 391.

⁹ Гущина И.И., Засецкая И.П. Золотое кладбище римской эпохи в Прикубанье. СПб., 1994. С. 73. Кат. № 482.

¹⁰ Прохорова Т.А., Гугуев В.К. Богатое сарматское погребение в кургане 10 Кобяковского могильника // СА. 1992. № 1. Рис. 4.

¹¹ Засецкая И.П. Зооморфные мотивы в сарматских геометрических бляшках // Античная торевтика. Л., 1986. С. 128–134. Рис. 1–5.

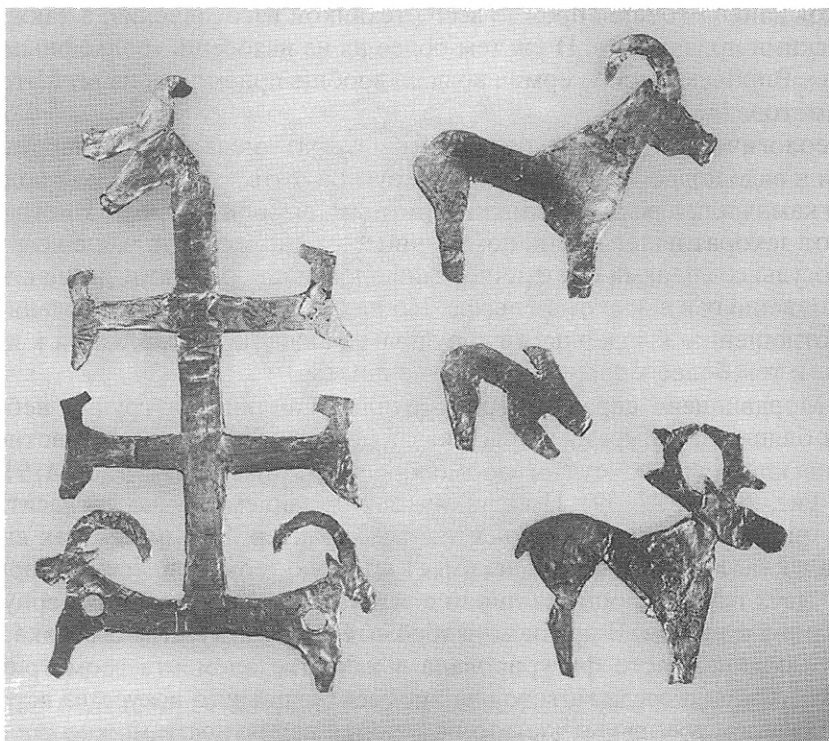


Рис. 8. Фигурные бронзовые обтянутые золотой фольгой пластины. Курган 46, станица Усть-Лабинская, Краснодарский край

Обратимся к следующей стилистической группе В.И. Мордвинцевой – «*Стиль рельефных медальонов или сарматский полихромный звериный стиль*» (рис. 98). Как и в предыдущей группе, и здесь мы видим несовпадения выделенных в эту группу предметов, указанных на с. 52 и 80. Учитывая данные на этих страницах, к группе «рельефных медальонов» относится 52 предмета из 14 погребений и одной случайной находки. Это 5 наконечников из погребения Верхнего Погромного (кат. № 46); 2 бляшки из кургана 23 у с. Царева (кат. № 47); 2 больших и 12 малых фаларов из Жутовского кургана (кат. № 48, 49); оселок из Косики (кат. № 54); 3 бляхи с маской льва – 2 из Кобяковского кургана (кат. № 72) и 1 из Горгиппии (кат. № 87); 2 бляшки из Курджипского кургана (кат. № 88, 89); 8 малых фаларов из Кирсановского погребения (кат. № 81); 6 малых фаларов из кургана у с. Кичкас (кат. № 105); 4 малых фалара из ст. Ладожской (кат. № 91); 1 малый фалар из Октябрьского II (кат. № 50); 1 малый фалар из Адыгеи (кат. № 90); 3 бляшки от пояса из кургана 10/1902, ст. Тифлисская (кат. № 93, 94); 1 бляшка из кургана 2/1908, ст. Тифлисская (кат. № 95); 1 бляшка из Усть-Лабинского могильника (кат. № 97); 1 брошь из Керчи (кат. № 100).

Перечисленные вещи в целом могут составлять единую стилистическую группу, учитывая их форму и декоративные особенности, в частности наличие рельефного пояса, выбор мотива и композиции, а также одинаковую технику исполнения. Исключение представляют лишь наконечники из погребения у с. Верхнее Погромное (рис. 20, 46), бляшки из кургана у с. Царева (рис. 20, 47) и наконечник оселка из Косики (рис. 22, 54), которые отличаются от остальных

предметов данной группы прежде всего техникой изготовления, а также и стилистическими признаками. И уж тем более их не назовешь «рельефными медальонами». Впрочем, такой термин вряд ли вообще приемлем для всей этой группы предметов.

В археологической литературе принято называть медальонами нагрудные украшения в виде подвесок овальной или круглой формы со вставкой полудрагоценного камня или с рельефными портретными изображениями. Иногда так же называют декоративные диски, помещенные на дне дорогой, чаще всего серебряной посуды со сценами из античной мифологии или бюстами знаменитых людей, исполненных в высоком рельефе. Но никогда не используется данный термин по отношению к уздечным и сбруйным фаларам, так же, как и к поясным бляшкам и тем более к фигурным наконечникам.

В.И. Мордвинцева справедливо обратила внимание на группу небольших круглых бляшек с фигурами козла, указав на своеобразие позы животного, которую она классифицирует как «зооморфная свастика» (кат. № 50, 81, 91, 93, 95, 97, 105; рис. 20, 34, 37, 39). Но с таким определением трудно согласиться, поскольку оно носит слишком субъективный характер. Напомним, как выглядит свастика в классическом виде. Она имеет простую геометрическую форму и состоит из двух пересекающихся линий с загнутыми под углом и повернутыми в одну сторону концами. В древнем изобразительном искусстве свастика, будучи символом солнца, часто фигурировала в качестве элемента геометрического орнамента. Однако среди мотивов на предметах древнего искусства встречаются изображения, которые с достаточной долей вероятности можно определить как «зооморфная свастика», что и нашло свое отражение в небольшой, но содержательной работе Е.Ф. Корольковой¹². Это композиции, в основе которых лежит схема четырехконечной свастики с изображениями голов животных (чаще всего лошади) на концах, повернутых в одном направлении, справа налево или слева направо [рис. 7, 12–13]. Кроме того, в качестве варианта *зооморфной свастики* условно можно рассматривать изображения с большим или меньшим количеством зооморфно оформленных концов, которые, на мой взгляд, правильнее было бы называть «свастикаобразные». К ним как раз и относятся золотые обкладки из сарматского памятника III в. до н.э. – Федуловского клада, представляющие собой композицию, состоящую из центральной розетки, окруженной пятью лошадиными головами¹³. Однако ни в построении мотива, ни в каких-либо изобразительных деталях эти бляхи ничего общего не имеют с фигурами козлов на указанных выше сарматских бляшках I–II вв. н.э. и, тем более, не могут служить для последних прототипами, как это полагает В.И. Мордвинцева [ср. рис. 7, 6 и 14].

Фигуры козлов на малых фаларах и на декоративных бляшках костюма изображены в необычной, казалось бы, позе. В действительности здесь представлен мотив лежащего на левом боку копытного животного, помещенного в круг. В отличие от естественной позы спящего хищника кошачьей породы, расположенного по кругу (бляшки и малые фалары с таким изображением включены в данную стилистическую группу), разместить таким же образом копытное жи-

¹² Королькова Е.Ф. Зооморфные свастики и вихревые розетки в искусстве звериного стиля // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. Материалы Международной научной конференции. СПб., 1999. С. 289–293.

¹³ Засаецкая И.П. Назначение вещей Федуловского клада // АСГЭ. Л.–М., 1965. Вып. 7. С. 34–36. Рис. 7, 3.



Рис. 9. Золотая бляшка от пояса (?). Курган 29, станица Усть-Лабинская, Краснодарский край

вотное, не обладающее кошачьей гибкостью тела, да к тому же на круглом предмете малого диаметра (2,5–3,5 см), представляет для мастера нелегкую задачу. В этом случае требуется особое композиционное решение, что мы и наблюдаем в изображении на золотых бляшках. Используя прием стилизации, мастер выработал определенную схему воспроизведения лежащей на боку фигуры копытного, в частности козла. Центральное место занимает непропорционально увеличенная голова животного с запрокинутыми назад рогами и крупными торчащими ушами. Передние конечности, согнутые в коленях, симметрично расположены по обе стороны от головы. В нижней части бляшки изображено тело козла в профиль, обращенное к зрителю правым боком. Видны одна задняя нога, также согнутая в колене, и короткий хвост. Однако такая композиция ничего общего не имеет с мотивом свастики [рис. 9].

Теперь обратимся к диагностическим признакам, выделенным В.И. Мордвиновой для стилистической группы «рельефных медальонов»:

1 – «Сочетание золота и стеклянных вставок разного цвета, изредка бирюза». Этот признак достаточно общий и вряд ли подчеркивает стилистическую специфику группы.

2 – «Низкий рельеф». Эта черта, являясь одним из главных признаков, действительно характерна для данной стилистической группы и напрямую связана с техникой изготовления изделий (см. ниже).

3 – «Вставки преимущественно круглой и миндалевидной формы, нечетких очертаний». В целом с таким выводом можно согласиться, хотя сегментовидные и треугольные вставки также присутствуют и отнюдь не в единичных случаях.

4 – «Малое количество вставок на предмете». Этот тезис вызывает сомнения, так как не ясно, что автор считает малым количеством, а что – большим, и как об этом можно говорить, имея в виду предметы разной величины с разным числом персонажей. В данном конкретном случае количество вставок варьиру-

ет в пределах 4–6 экземпляров, что обычно соответствует одной фигуре, у которой вставками выделены уши, глаза, плечо, бедро, иногда лапы.

Если мы возьмем одиночные изображения из многофигурных композиций на предметах группы «геометрического стиля», например, на браслетах, гривне, пряжках, пластинах, сосудах, то, несмотря на большие размеры и более открытые позы животных, оказывается, что они также украшены вставками числом от 4 до 7. В целом же, конечно, количество вставок на этих изделиях будет значительно больше по сравнению с бляшками из группы «рельефных медальонов». Исключение составляют лишь большие фалары, которые, как мы уже отмечали выше, могут быть выделены в особую стилистическую группу.

5 – «Рельефные бордюры в виде “веревочки”, “жемчужин”, “астрагалов”». Этот элемент орнамента, бесспорно, является объединяющим признаком бляшек с изображениями свернувшихся по кругу животных.

6 – «Бордюр из чеканных элементов (“овы”)». Этот признак, встреченный только на больших фаларах из Жутовского погребения, вряд ли следует рассматривать как диагностический признак для всей группы. Скорее, несмотря на иную технику исполнения орнаментального бордюра, последний по композиции и мотиву сближается с подобными бордюрами из цветных вставок на больших фаларах из группы «геометрического стиля».

7 – «Части тела животных изображены, в основном, средствами рельефа, иногда на местах, где обычно бывают вставки, помещены их прочерченные изображения». Как надо понимать данное высказывание? Но ведь и все другие зооморфные фигуры, представленные в монографии В.И. Мордвинцевой, выполнены в рельефе. Может быть, автор имеет в виду технику изготовления рельефных изображений данной стилистической группы, которая, несомненно, является одним из главных объединяющих признаков группы?

В связи с этим хотелось бы подробнее остановиться на процессе изготовления фаларов и декоративных бляшек костюма, которые сделаны в технике басмы. Сначала из дерева вырезалась деревянная матрица. На нее накладывался золотой лист, на котором выдавливался рельеф с матрицы. Затем модель убиралась, а внутренняя часть бляшки заполнялась вязкой массой, которая, в первую очередь, служила основой для выполнения режущими и давящими инструментами орнаментальных деталей на лицевой стороне, в том числе и углублений для гнезд¹⁴. Когда масса застывала, бляшку снизу закрывали бронзовой пластинкой, по размерам равной диаметру бляшки, при этом оставленные свободными края золотого листа загибались и плотно охватывали бронзовую основу. В дальнейшем застывшая масса внутри бляшек служила своеобразным каркасом для сохранения рельефа и формы изделия.

Приведенные же в каталоге В.И. Мордвинцевой описания техники этих изделий не дают полного представления о процессе изготовления их, а в некоторых деталях даже искажает его. Приведем ее текст: «К плоской бронзовой основе с помощью скрепляющей пасты прикреплена декоративная обкладка, выполненная в технике тиснения» (кат. № 88–98, 100, 105). Если промежуточная масса и имела какое-то значение для укрепления конструктивных деталей предмета, то это отнюдь не было ее главным назначением. Описанный выше технический

¹⁴ Здесь и далее при описании техники изготовления изделий я пользовалась консультацией Р.С. Минасина, ведущего научного сотрудника Отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа, специалиста в области древних технологий, за что и приношу ему глубокую благодарность.

процесс изготовления золотых изделий с применением промежуточного вещества был известен давно в творчестве античных мастеров и традиционно использовался как в греческом, так и в римском и в византийском ювелирном искусстве. Именно эта черта, как и некоторые стилистические детали, позволили мне предположить, что ряд вещей сарматского звериного стиля, в том числе и большинство входящих в рассматриваемую группу предметов, были изготовлены в античных мастерских Северного Причерноморья¹⁵.

8 – «Хвосты и лапы животных часто разработаны в виде елочки». Следовало бы привести конкретные примеры, подчеркнув при этом, что этот признак относится только к изображениям кошачьего хищника, чтобы читатель мог судить о реальной степени его распространения в группе. Насколько мне известно, речь может идти только о двух случаях изображения кончиков хвоста в виде «елочки». Это малые фалары из Жутова и бляшка из кургана у станицы Тифлисской. Что же касается лап, то такая трактовка их мне не известна.

В результате проведенного нами анализа по диагностическим признакам стилистической группы «рельефных медальонов» можно сделать следующие выводы:

1. Большинство предметов, входящих в данную группу, представляют собой бесспорное единство как по стилистическим особенностям, так и по технике исполнения (кат. № 49, 50, 81, 88–91, 93–95, 97, 100, 105). Это фалары круглой формы и бляшки от костюма, одинаковой конструкции, с изображением расположенных по кругу животных, исполненных в сравнительно низком рельефе, в технике басмы, со вставками, подчеркивающими детали тела и головы животных, с геометрическим ободком по краю.

2. Однако из них должны быть исключены некоторые украшения, например, такие как верхне-погромаенские навершия, которые отличаются мотивом и, главным образом, техникой изготовления (кат. № 46). Навершия, по общему мнению, в виде скульптурной головы волка, а не кошачьего хищника, как предполагает В.И. Мордвинцева (не приводя при этом никаких доказательств), сделаны в технике чеканки из массивного золотого листа (кстати, следует отметить, что на рисунке 20 на щеке зверя присутствует не существующая на самом деле лишняя вставка). Также следовало бы вычеркнуть из списка данной группы скульптурное навершие в виде головы «пантеры» от оселка из кургана «Косика» и пару бляшек из Царевского погребения. Они отличаются формой и отсутствием орнаментального декора. При этом находка из «Косики» выполнена в другой технике (ковки или чеканки), а бляшки из Царева не имеют фактически вставок. Наличие одной вставки, подчеркивающей ухо животного, вряд ли вообще позволяет относить их к произведениям полихромного звериного стиля. Почему бы тогда знаменитую скифскую пантеру из Келермесского кургана с ухом, украшенным перегородчатой инкрустацией, не рассматривать как экземпляр полихромного искусства?

3. Поскольку группа «рельефных медальонов» имеет еще и второе название – «сарматский полихромный звериный стиль»¹⁶, то представляется, что бляхи с изображением маски льва из Кобяковского кургана (рис. 29, 72; 36, 87), образа, характерного в основном для античного искусства, скорее следует относить к боспорскому полихромному звериному стилю, чем к сарматскому [рис. 10]. Од-

¹⁵ Засецкая И.П. Изображение «пантеры» в сарматском искусстве // СА. 1980. № 1. С. 50.

¹⁶ Мордвинцева. Ук. соч. С. 52.



Рис. 10. Золотая бляха с изображением льва. Курган 10, Кобяковский могильник, Ростовская область

нако этот вопрос требует специального исследования, которое в настоящей работе выполнить невозможно. И уж совсем непонятно, какое отношение к сарматскому полихромному звериному стилю имеет бляха в виде головы льва из Горгиппии, выполненная в стилистических традициях античной торевтики (представленный В.И. Мордвинцевой рисунок бляхи 37, 86, к сожалению, не дает правильного представления об оригинале).

4. Как мы уже отмечали, название стилистической группы «стиль рельефных медальонов», состоящей в основном из фаларов конской упряжи, кажется не соответствующим содержанию группы (см. выше).

5. Представляется справедливым сравнение бляшек из сарматских погребений с аналогичными по технике изготовления и некоторым стилистическим особенностям (наличию традиционных для античного ювелирного искусства рельефных ободков по краю в виде «веревочки», «косички», «астралов» и др.) с изделиями из северопричерноморских памятников боспорской культуры. Это сравнение только лишний раз подтверждает неоднократно высказанное мною в литературе мнение о происхождении данной группы вещей из производственных центров Боспора¹⁷.

Теперь остановимся на последней стилистической группе, которая называется: «Ювелирные украшения с элементами звериного стиля или боспорский полихромный стиль» (рис. 99). Посмотрев на предметы данной группы, становится совершенно очевидным, что такой *стилистической* группы нет и не может быть. Почти каждая вещь этой группы и по стилю, и по конструкции, и по технике является оригинальным, а в некоторых случаях и уникальным образцом древнего искусства. Как и в предыдущих случаях, списки вещей этой группы на с. 52 и 80 противоречивы. В частности, целый ряд предметов, указанных на с. 80, отсутствует на с. 52 (кат. № 63, 70, 80, 86; рис. 47, 1–2), и, наоборот, два флакончика из кургана «Хохлач» (кат. № 64, 65), которые упомянуты на с. 52, отсутствуют на с. 80, где они включены в другую стилистическую группу «геометрического стиля». Также в двух группах числятся и браслеты из Кобяковского могильника (кат. № 70). Как те, так и другие отсутствуют на групповом рисунке 99-м (который, кстати, в тексте на с. 80 ошибочно упомянут как 100). Нет на рисунке и еще некоторых предметов, которые числятся в списках, например, ножны кинжала из склепа в Горгиппии (кат. № 86), пряжки с фигурой ежика из Косики (кат. № 55) и бляшка из погребения Рошава Драгана в Болгарии (рис. 47, 2). Зато на рисунке фигурирует наконечник в виде головы лошади из кургана Косики, которого нет ни в одном списке (кат. № 56). Бляшка же из Рошава Драга-

¹⁷ Засецкая. Изображение «пантеры»... С. 50; она же. Проблемы сарматского звериного стиля (историографический обзор) // СА. 1989. № 3. С. 42, 44; она же. Золотые браслеты... С. 51; она же. Золотой флакон сарматской эпохи // Сообщения Гос. Эрмитажа. 2004. Вып. 6. С. 50–52.

на совершенно справедливо включена автором в групповой рисунок 98 «рельефных медальонов», но при этом ее нет в списках данной группы. Несомненно, все эти неточности вызывают у читателя законный вопрос: на что же следует ориентироваться, чтобы правильно установить состав группы?

Если исключить те предметы, которые одновременно числятся и в других группах, то в составе группы «Ювелирных украшений с элементами звериного стиля» остаются 17 изделий из восьми погребальных комплексов и двух случайных находок. Это – две пряжки и наконечник из Косики (кат. № 55, 56); диадема, скульптурное изображение льва и сосуд с зооморфной ручкой из кургана «Хохлач» (кат. № 59, 62, 63); парфюмерный сосудик из Кобяковского кургана (кат. № 71); два фалара из кургана у п. Дачи (кат. № 78); браслет из кургана «Тузлуки» (кат. № 80); гривна из случайной находки в Воронежской области (кат. № 82); два браслета из случайной находки у г. Армавира (кат. № 85); ножны из Горгиппии (кат. № 86); наконечник из кургана у ст. Ладожской (кат. № 92); браслет из Запорожского кургана (кат. № 104); гривна из кургана «Пороги» (кат. № 108).

Теперь посмотрим, какие же диагностические признаки, по мнению автора, объединяют столь разнообразные предметы.

- 1 – «сочетание золота, стекла, граната, бирюзы, агата»;
- 2 – «фигуры животных вторичны по отношению к декоративному решению предмета»;
- 3 – «низкий рельеф зооморфных деталей»;
- 4 – «вставки помещены в кастах из проволоки, полоски золотой фольги, в особой коробочке и т.п.»;
- 5 – «многочисленные и разнообразные орнаменты из проволоки гладкой, рубчатой и скрученной в “косичку”»;
- 6 – «использование в орнаменте жемчужин, нанизанных на проволоку, а также стеклянных и каменных бусин, амфоровидных подвесок»;
- 7 – «частое использование зерни»;
- 8 – «употребление в декоре таких ярких элементов, как крупные стеклянные каменные вставки, в том числе геммы»;
- 9 – «бордюры из вставок разной нерегулярной формы».

Перечисленные признаки либо просто не существуют, либо относятся исключительно к одному, максимум к двум предметам. Например, второй признак – автор утверждает, что фигуры животных вторичны по отношению к *декоративному решению*. За исключением армавирского браслета, на всех других предметах они либо занимают главенствующее положение, либо равноправны с другими видами орнамента. Даже на диадеме из «Хохлача», где цветные вставки превалируют над другими декоративными деталями, фигуры животных и птиц занимают не последнее место (рис. 23). Также вряд ли четыре фигуры львов, выполненные в достаточно высоком рельефе, вторичны в декоре фаларов из п. Дачи (рис. 33, 78) [рис. 11]. На браслетах из Тузлука первое, что бросается в глаза, – это фигуры лежащих баранов, расположенные в ряд и занимающие всю центральную часть поверхности (рис. 34, 80). И уж совсем непонятно, как можно применить данный признак по отношению к наконечникам в виде головы лошади на гривнах и браслетах и зооморфной ручке на золотом сосуде из «Хохлача», которые, по сути, являются единственными декоративными деталями на этих предметах (рис. 22, 56; 34, 82; 39, 104; 25, 62) [рис. 12]. Также изображения животных и птиц играют главную роль в декоративном оформлении ножен из Горгиппии (рис. 36, 1–2). Исключение может представлять лишь гривна из кур-

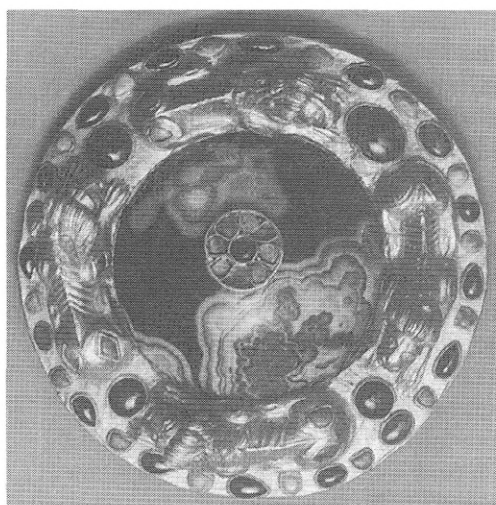


Рис. 11. Золотой фалар с фигурами львов и вставками из гемм. Курган у пос. Дачи Ростовской области

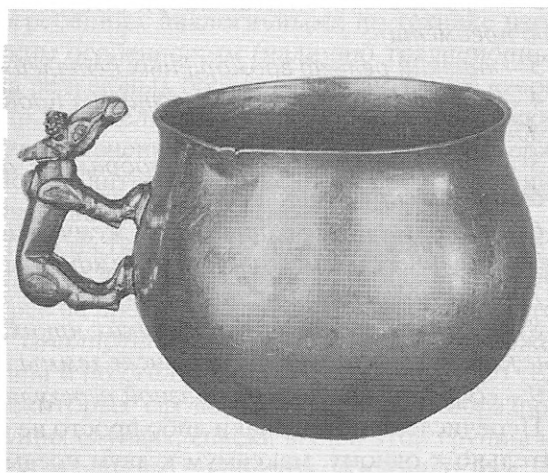


Рис. 12. Золотой круглодонный сосуд с зооморфной ручкой. Курган «Хохлач», Ростовская область:
а – общий вид, б – ручка сосуда

гана у с. Пороги, в декоре которой орнаментальные мотивы превалируют над зооморфными (рис. 40, 108). Таким образом, речь здесь может идти только о различии изобразительных средств и техники в передаче персонажей, а не об их второстепенном значении в орнаментике изделия.

Рассмотрим четвертый признак, в котором указаны три варианта гнезд, различающихся техникой изготовления. Все эти разновидности гнезд не встречаются вместе, следовательно, каждая из них может рассматриваться как самостоятельный признак. Тогда мы имеем следующую картину: первый вариант представлен только на армавирских браслетах, второй вариант (самый распространенный) фиксируется на большинстве предметах – на браслетах из Тузлука, на фаларах из Дачи, на крышке кобяковского флакона, на ножнах из Горгиппии, на некоторых головках-наконечниках. При этом следует заметить,

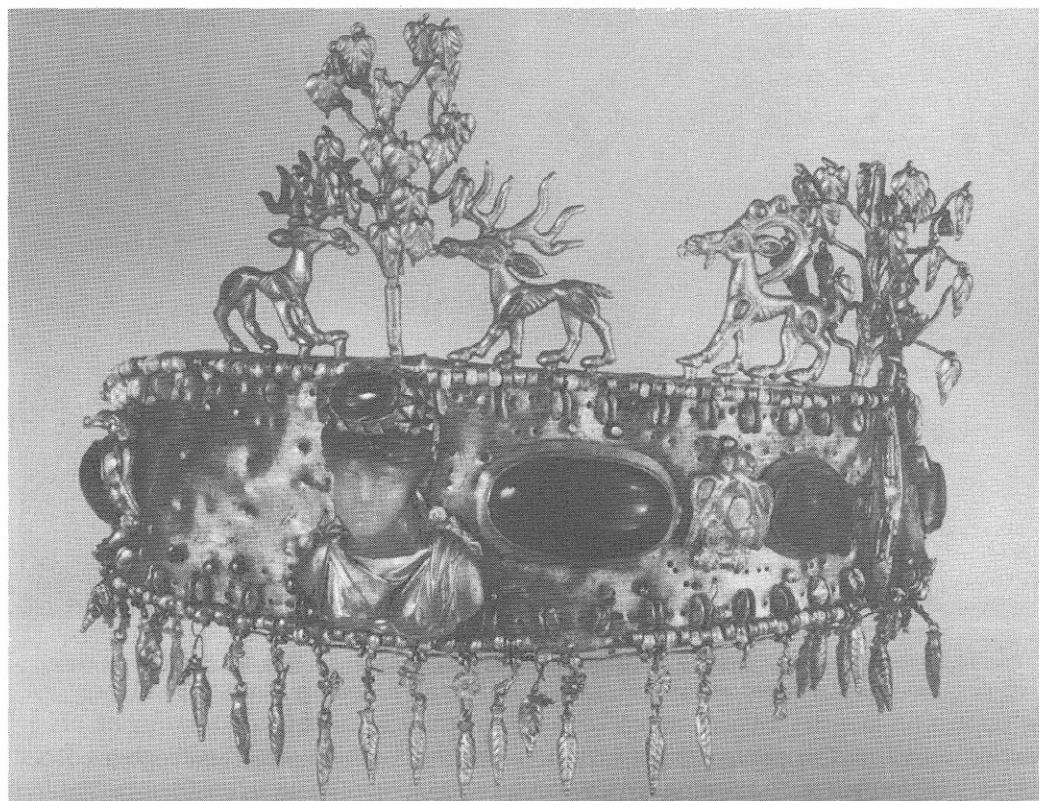


Рис. 13. Золотая диадема с фигурным фризом и цветными вставками. Курган «Хохлач», Ростовская область

что подобные гнезда делались не из золотой фольги, а из узкой тонкой, но достаточно плотной пластинки. И, наконец, гнезда «коробочки» или, как их принято называть, гнезда-лоточки, имеются только на диадеме из «Хохлача».

Пятый, шестой, седьмой и восьмой признаки подчеркивают наличие в декоре вещей данной группы элементов античного ювелирного искусства. Однако эти признаки распространяются неравномерно и чаще всего носят сугубо индивидуальный характер. Например, наличие вставок-гемм, которые представлены только на фаларах из кургана у п. Дачи [рис. 11], амфоровидные подвески и золотые бляшки, нанизанные на золотую нить, — лишь на диадеме из «Хохлача» [рис. 13] (изображенная на рисунке 34, 80 браслетов из Тузлука «золотая нить» в оригинале не существует), но эти элементы не фиксируются на других предметах. Проволочные ободки и ободки из зерни встречаются чаще, но в целом тоже носят специфический характер. Например, ободки из зерни служат, главным образом, для выделения основания или бугорков еще не выросших рогов в изображении копытных. Подобная деталь присутствует на головке зооморфной ручки из кургана «Хохлач» [рис. 12] и на наконечниках гривен и браслетов. Кроме того, в одном случае на крышке кобяковского сосуда ободки из зерни обрамляют гнезда [рис. 14]. На других предметах зернь не встречается.

В заключение В.И. Мордвинцева делает вывод, что предметы этой *стилистической* группы связаны по происхождению технико-стилистических приемов и даже сюжетов изображений с ювелирными украшениями позднеэллинистиче-

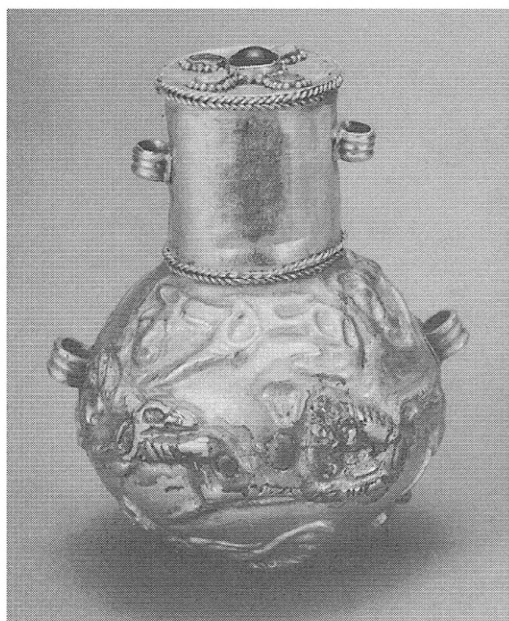


Рис. 14. Золотой флякон. Курган 10, Кобяковский могильник, Ростовская область



Рис. 15. Золотой ажурный браслет. Случайная находка. Г. Армавир, Краснодарский край

ского времени. Скорее всего, они производились в ювелирных мастерских Боспора. Предметы этой группы датируются I в. до н.э. – II в. н.э. (с. 80).

Автор справедливо отмечает наличие на изделиях выделенной группы элементов ювелирного искусства античных мастеров. Но вряд ли один этот признак позволяет объединить их в единую *стилистическую* группу. И если на одних предметах они играют существенную роль, влияя на их внешний облик, то на других они почти незаметны. Например, как мы уже отмечали выше, несомненно образцом эллинистических традиций ювелирного искусства являются браслеты из Армавира (рис. 35, 85) [рис. 15]. Но тут же возникает вопрос: а могут ли эти браслеты составлять стилистическое единство с диадемой? Ответ может быть только отрицательным, так как стилистические особенности диадемы слишком разнообразны и отражают разные художественные направления. Далее, можно ли считать фигурку на золотом сосуде из Хохлача примером данной стилистической группы? Несмотря на наличие ободков зерни вокруг основания рожек (кстати, автор ошибается, называя эти ободки розетками), фигурка лося или сайгака по всем признакам (и по мотиву в том числе) полностью соответствует принципам сарматского полихромного звериного стиля и вряд ли ее можно классифицировать как предмет лишь с *элементами звериного стиля*. Уникальные по своим стилистическим свойствам фалары из п. Дачи также не могут представлять единую стилистическую группу с остальными компонентами группы.

В принципе, возможно выделять группы изделий по какому-то одному общему признаку. Например, по форме, материалу, назначению, по отдельным стилистическим признакам, в том числе и по наличию орнамента, отражающего традиции античного ювелирного искусства, и т.д., но во всех этих случаях выделенные группы будут объединять вещи разного стиля, происхождения, назначения, этнокультурной принадлежности и даже времени.

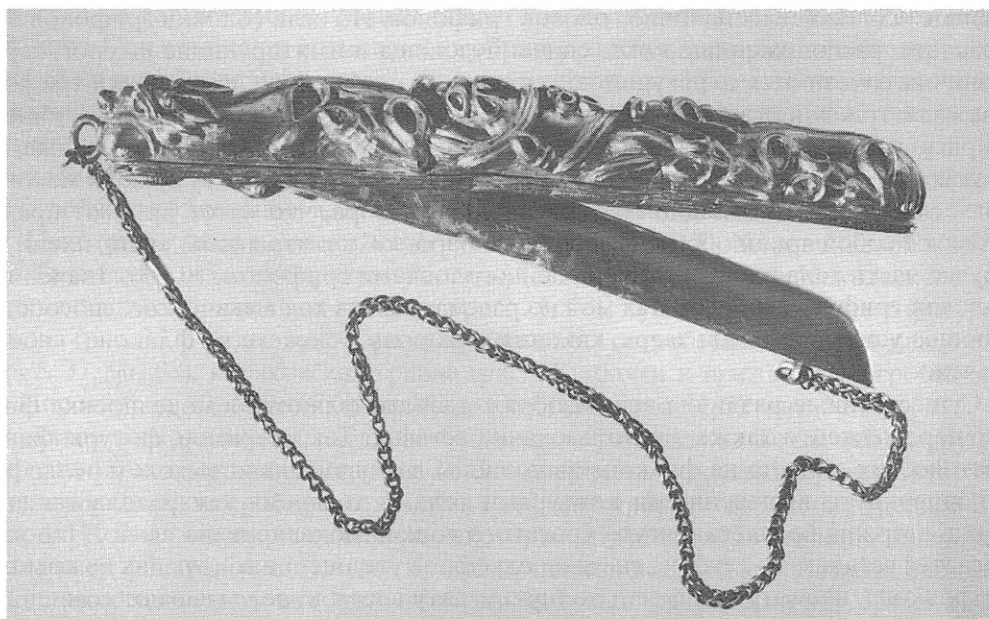


Рис. 16. Золотой флакон ладьевидной формы. Курган «Хохлач», Ростовская область

Не является бесспорным и тезис о происхождении таких разных по стилю и технике изготовления предметов только из боспорских мастерских. Боспор – не единственный античный центр, где могли изготавливаться эти произведения. Однако этот вопрос требует специального исследования с учетом особенностей каждого предмета. Не ясно также, почему автор датирует эту группу начиная с I в. до н.э. Наверное, следовало бы указать, какое из украшений относится именно к этому времени.

Таким образом, стилистические группы с изделиями из сарматских памятников, выделенные В.И. Мордвинцевой, на мой взгляд, носят искусственный характер и не отражают действительное положение вещей. Вряд ли данное исследование поможет в решении проблемы происхождения сарматского искусства.

Остановимся также на некоторых предметах сарматского звериного стиля, отнесенных В.И. Мордвинцевой к стилистическим группам 1, 2 и 3, основу которых составляют украшения из других этнокультурных регионов. Например, флакон ладьевидной формы из кургана «Хохлач» (рис. 26, 66) [рис. 16], отличающийся от других двух флаконов из этого же комплекса не только своеобразной формой, но и некоторыми особенностями стиля – почти полным отсутствием гравированной орнаментации тел животных, отнесен автором к группе 3 – «*звериное барокко*» *центральноазиатского стиля* (рис. 97). В эту же группу включен браслет из находки у с. Дуздак (рис. 46, 2), который, по мнению В.И. Мордвинцевой, является ближайшей стилистической аналогией новочеркасскому флакону (с. 58).

Посмотрим, насколько возможно такое сравнение. Прежде всего, изображенные на них персонажи относятся к разным образам – на браслетах это «рогатый волк», а на флаконах – «волчий дракон». В первом случае изображение представлено одной фигурой, в другом – сценой терзания трех персонажей, расположенных друг за другом. Следовательно, мотив и соответственно композиции

разные. Сближает их наличие головок грифонов. Но если головки грифонов на браслете, расположенные вдоль спины чудовища и имитирующие его рог, гармонично сочетаются с фигурой животного, то на флаконе две головки грифонов являются как бы самостоятельными деталями декора и выпадают из общего рисунка композиции – одна из них помещена на спине среднего персонажа, а другая в промежутке между второй и третьей фигурами. Поэтому вряд ли можно согласиться с безапелляционным заявлением автора, что «этот предмет представляет собой яркий образец “звериного барокко”» и что якобы «уши, плечи и другие части тела животного украшены головками грифонов» (с. 43). Значение головок грифона на браслетах можно рассматривать как магическое, способствующее усилению мощи зверя, какова же их роль в сюжете на флаконе – пока не ясно.

Существенные различия этих изображений проявляются в моделировке фигур персонажей, а также в использовании вставок. Так например, фигуры фантастических существ на флаконе выполнены в сравнительно высоком рельефе с подчеркнуто выделенными контурами тела, в то время как распластанная вдоль стержня браслета фигура «рогатого волка» моделирована слабо. Что же касается вставок, то глубина гнезд и рельефное утолщение вокруг них на крышке флакона, несмотря на почти полную утрату вставок, не вызывают сомнения в их присутствии в древности. Судя по количеству гнезд и остаткам от вставок, их было 48 (из голубой пасты и кораллов). На браслете если же и были вставки, то только для обозначения уха, глаза, и возможно плеча, при этом форма их отличается от формы гнезд на флаконе [рис. 7, 19, 20].

На рисунке, выполненном В.И. Мордвинцевой, браслет обильно украшен цветными вставками, которые, по ее мнению, акцентируют глаза и уши на головках грифонов, а также ноздрю, глаз и копыто (!) передней ноги «рогатого волка» (рис. 46, 2). Поскольку автор, делая рисунок, пренебрег знакомством непосредственно с вещью, в опубликованное изображение вкрались весьма существенные ошибки. Во-первых, на браслете в настоящее время вставки вообще отсутствуют; во-вторых, их первоначальное наличие отнюдь не безусловно, учитывая, что глаза и уши головок грифонов имеют очень маленькие и неглубокие полости, которые могли быть просто рельефом и не заполняться вставками, как это мы видим на большинстве спиральных браслетов из Сибирской коллекции; в-третьих, небольшая выпуклость с углублением подчеркивает плечо зверя, а вовсе не является копытом передней ноги, как показано на рисунке, что несколько видоизменяет сам образ.

М.И. Артамонов совершенно справедливо сравнивал браслет из Дуздака с подобными украшениями из Сибирской коллекции Петра I¹⁸, в декоративном же оформлении флакона уже первые исследователи новочеркасского «клада» усматривали черты китайского древнего искусства¹⁹. Однако отсюда вовсе не следует, как предполагает В.И. Мордвинцева, что вещи звериного стиля, в которых прослеживаются сибирские «художественные и производственные традиции», «попали в Донские степи в результате связей с центральноазиатскими или дальневосточными центрами» (с. 51–52). К сожалению, автор не уточняет, какие связи имеются в виду: этнокультурные, торговые, миграционные и т.д. Представляется, что в данном случае можно говорить лишь о влиянии китайского ис-

¹⁸ Артамонов М.И. Сокровища саков. М., 1973. С. 46–47.

¹⁹ Толстой И.И., Кондаков Н.П. Русские древности в памятниках искусства. Вып. 3. Древности времен переселения народов. СПб., 1890. С. 137–138.

кустства на сарматский звериный стиль, как об этом и писал М.И. Ростовцев. Впрочем, он отмечал и возможность обратного влияния сарматского звериного стиля на китайское искусство²⁰. Флакон из кургана «Хохлач», несмотря на все своеобразие, относится, как и другие изделия с зооморфными изображениями из этого комплекса, к классическим образцам сарматского полихромного звериного стиля. Наблюдаемые же в них индивидуальные особенности по-прежнему требуют объяснения, а, следовательно, и дальнейшего исследования.

Некоторые вещи сарматского искусства отнесены В.И. Мордвинцевой к группе Тилля-тепе (золото-бирюзовый стиль) (с. 51). Это пряжка из Никольского могильника с изображением грифона (рис. 21, 58), кубанская пластина с фигурой волка (рис. 35, 84), две аркообразные бляшки из погребений Золотого кладбища (рис. 37, 96, 98), кобьяковская гривна (рис. 28), бляхи и пряжки из погребения у с. Пороги (рис. 40, 106–107) и кинжалы из п. Дачи (рис. 31, 32, кат. № 76).

Автор совершенно справедливо выделяет украшения из Телля-тепе в группу золото-бирюзового стиля (группа 2). Этот термин полностью соответствует находкам из царских гробниц, открытых в Афганистане на территории древней Бактрии. К нему могут относиться и некоторые изделия из Сибирской коллекции, например фалары [рис. 6] и другие бляхи, сплошь покрытые вставками бирюзы. Однако среди сарматских древностей таких вещей фактически нет. Лишь кобьяковская гривна и браслет из п. Дачи украшены исключительно вставками бирюзы. Во всех остальных случаях это не бирюза, а голубоватая паста или же сочетания бирюзы со вставками из других материалов и другого цвета. Я не буду здесь подробно разбирать все вещи из сарматских памятников, вошедшие в данную стилистическую группу, а лишь хочу призвать будущих исследователей сарматского звериного стиля еще раз самим проследить, насколько сарматские вещи соответствуют стилистической группе «Тилля-тепе (золото-бирюзового стиля)».

Для примера остановимся лишь на сравнительном анализе кинжалов из кургана у п. Дачи (рис. 31–32) и кургана 4 некрополя Тилля-тепе (рис. 6), которые по форме и конструкции, бесспорно, относятся к одному типу оружия. Однако в стилистическом и техническом отношении каждый из них представляет собой индивидуальный образец. Прежде всего, они различаются содержанием и композициями изображенных на них персонажей и сцен. На ножнах из Тилля-тепе изображены расположенные в ряд грызущие друг друга фантастические существа – львиные грифоны, волчий рогатый дракон, кошачий крылатый хищник типа барса, на навершии – фигура медвежонка. На кинжале из Дачи, за исключением одного изображения грифона на левой лопасти ножен, в основном фигурируют только два персонажа: двугорбый верблюд и хищная птица-гриф, которые показаны либо в сцене терзания или борьбы, либо в виде одиночной фигуры, как, например, изображение идущего верблюда на навершии рукояти. Такое же существенное различие наблюдается и в формах вставок, и цветовой гамме. Ножны из Тилля-тепе украшены исключительно бирюзовыми вставками разнообразных оригинальных форм, в то время как ножны из п. Дачи наряду с бирюзой декорированы многочисленными вставками сердолика (треть всех вставок) сравнительно ограниченных форм. Кроме того, кинжал из Тилля-тепе декорирован пышным растительным орнаментом как на ножнах, так и на обратной стороне рукояти, чего нельзя сказать о декоре на кинжале из Дачи. Присутствие сильно схематизированного «растительного» орнамента на оборотной стороне рукояти последнего только лишний раз доказывает его отличие от кин-

²⁰ Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Л., 1925.

жала из Тилля-тепе. Выступы на ножнах из п. Дачи украшены округлыми высокими бляхами с зооморфными изображениями, выступы же на изделии из Тилля-тепе отмечены гладкими плоскими кружками без орнамента. Что же касается техники этих находок, то, учитывая противоречия в описании способа их изготовления авторами первых публикаций и В.И. Мордвинцевой, этот вопрос требует более тщательного дополнительного исследования. Однако и того, что было сказано выше, достаточно, чтобы сделать предположение о разном происхождении художественных традиций декора кинжалов, а также о разных центрах их производства. Поэтому трудно согласиться с заключением В.И. Мордвинцевой: «Наиболее точно соответствуют всем стилистическим и технико-стилистическим приемам, которые характерны для предметов группы Тилля-тепе, *ножны из кургана у п. Дачи*. Это особенно очевидно благодаря сложности композиции, разнообразию представленных здесь сюжетов и мотивов, позволяющих отметить все особенности школы Тилля-тепе» (с. 41, 42; курсив мой. – И.З.) [ср. рис. 17, 1–6].

К сожалению, В.И. Мордвинцевой (как наглядно, по моему мнению, демонстрируют приведенные выше факты) свойственны высказывания слишком субъективного характера. В частности, это касается и искусствоведческих понятий, которые автор использует произвольно. Приведу несколько подобных примеров. Например, представляются неверными выводы В.И. Мордвинцевой по поводу изображений птиц на ножнах из Горгишпи и на диадеме из кургана «Хохлач». Автор пишет, что «...они изображены *по одной схеме*, туловище птицы выделено с помощью вставок листовидной формы, крыло выражено рельефом, вставкой отмечена его верхняя часть, голова, перья, лапы показаны средством рельефа и графики. Так что в обоих случаях представлен один и тот же *иконографический тип*, изображенный одинаковыми средствами» (с. 45, курсив мой. – И.З.).

Если фигуры изображаются по одной схеме, то прежде всего подразумеваются одинаковая композиция, одинаковый ракурс. В данном же случае все птицы на ножнах показаны в профиль, а на диадеме они изображены в фас, сидящими на «жердочке», с расположенными вдоль тела крыльями. Что же касается якобы одинакового *иконографического типа* изображений, то он, как и схема, в целом совершенно разный. Иконография – это строго установленная система изображений каких-либо персонажей или сюжетов. Сущность иконографии в выявлении и классификации основных элементов, составляющих не столько художественный образ, сколько средства его воплощения в произведении. Она представляет собой систему закрепления определенных правил для этих изображений²¹. Некоторые иконографические элементы, характерные для изображения птиц вообще, присутствуют и на разбираемых нами образах. Это, во-первых, передача оперения чешуйчатым орнаментом, который в искусстве разных времен и народов передавался таким способом, при этом использовались разные технические приемы: гравировка, чеканка, перегородчатая инкрустация и т.д., а во-вторых, обязательное выделение верхней части крыла либо посредством орнамента, либо вставками. Эти два элемента, как и наличие вставок на верхней части крыла и на груди, сближают этих птиц, однако это еще не дает основания относить их к одному иконографическому типу. Остальные изобразительные средства в трактовке тела и головы, а также поза персонажей, которая играет не последнюю роль в определении иконографии, различны.

²¹ Королькова Е.Ф. Теоретические проблемы искусствоведения и «звериный стиль» скифской эпохи. К формированию глоссария основных терминов и понятий. СПб., 1996. С. 53.

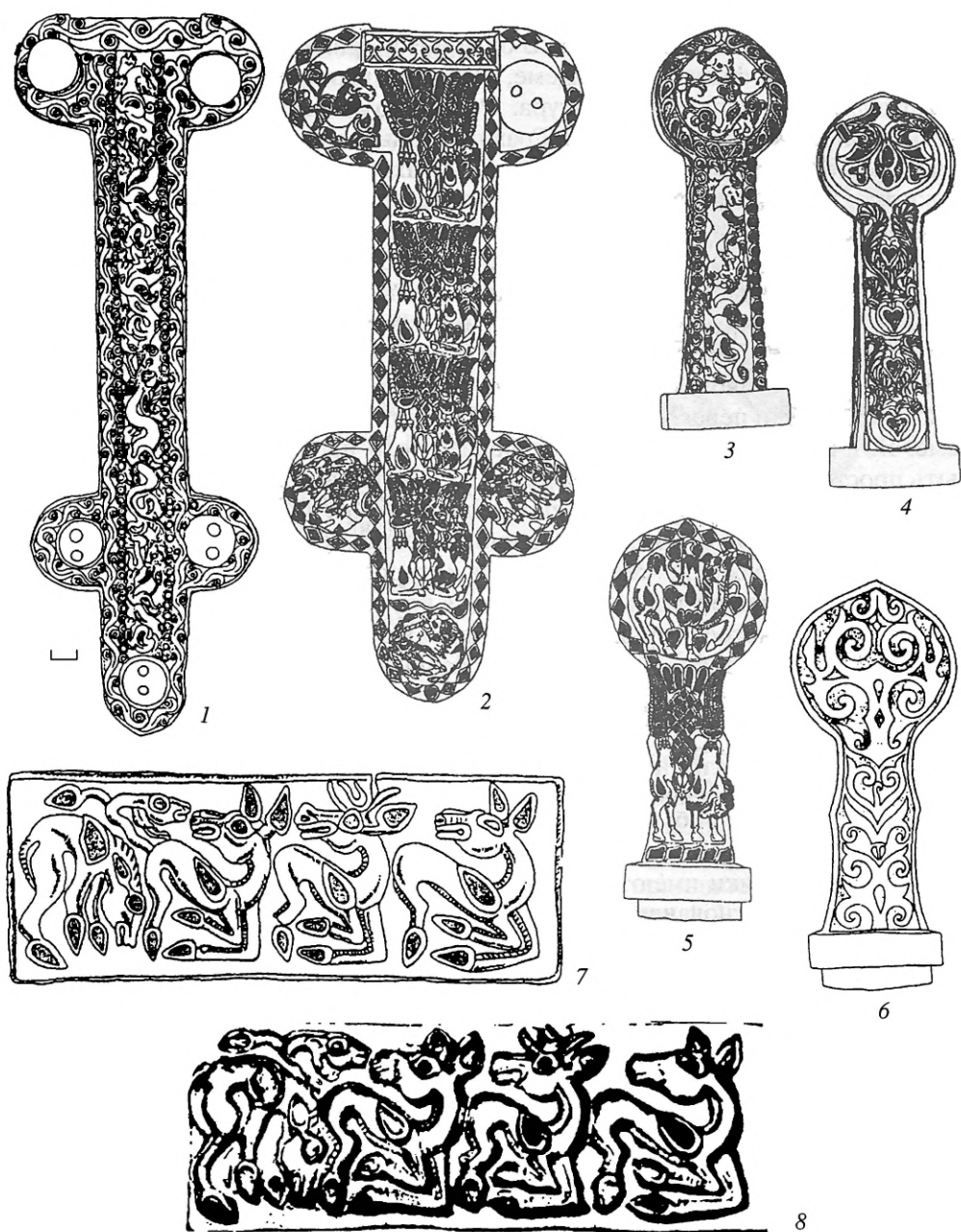


Рис. 17. Вещи полихромного звериного стиля: 1, 3, 4 – ножны и рукоять кинжала из погребения 4 могильника Тилля-тепе (по: *Мордвинцева. Ук. соч.*); 2, 5, 6 – ножны и рукоять кинжала из Азовского кургана (по: *Беспалый. Курганы...*); 7 – пластина из кургана у Мехзава – рисунок В.И. Мордвинцевой; 8 – фотография пластины из кургана у Мехзава

На ножнах из Горгиппии воспроизведены сцены терзания – нападения птицы на зайца. Фигуры птиц изображены в профиль с опущенной вниз головой, клюющими зайца в затылок. Все тело птицы и пышный хвост сплошь покрыты декором из гравированных линий в виде чешуек, волнистых, прямых и косых ли-

ний и вставок. Птицы же на диадеме изображены в фас с крыльями, расположенными по сторонам, вдоль тела. В отличие от сравнительно низкого рельефа фигур на ножнах, фигуры на диадеме, напротив, исполнены в высоком рельефе и выглядят как мелкая скульптура. Рельефно моделированы тело, верхняя часть крыла, ноги, голова и клюв. Гравированный орнамент использован достаточно скупно – это чешуйчатый декор на ногах, передающий оперение, и окантовки нижней части крыльев полосками из насечек. Кроме того, по-разному трактованы голова и клюв птиц, что связано с принадлежностью их к разным видам. На ножнах, где, вероятно, представлен сокол, персонажи изображены с небольшой головой, плавно переходящей в загнутый, но короткий клюв, а на диадеме – орел с круглой головой, большим, мощным, сильно загнутым клювом – типичными чертами хищных птиц [рис. 7, 16–18].

Не могу не остановиться на странном высказывании В.И. Мордвинцевой по поводу трактовки перекладины, зажатой в когтях птицы, изображенной на диадеме. Вот цитата из текста: «Назначение этого предмета неясно. Это может быть просто линия, имитация жердочки или ветки, а может быть *знак, близкий по смыслу тому, который изображен на монетах Фарзоя*»??? (с. 35, курсив мой. – И.З.). На мой взгляд, совершенно очевидно, что здесь представлено символическое изображение «жердочки», на которой сидит птица. На это указывают согнутые в коленях ноги и вцепившиеся когтями в перекладину лапы.

В разделе «Многофигурные композиции» как один из вариантов рассматривается изображение животных, расположенных друг за другом по кругу. В основном эта композиция представлена на сравнительно крупных изделиях, например, на фаларах, на плоской стороне одного из новочеркасских флаконов, а также на бляшках из Зубовского кургана. В.И. Мордвинцева почему-то полагает, что на зубовских бляшках, на которых изображены расположенные друг за другом две фигуры – бык и грифон, в основу композиции положен «*другой принцип*», поскольку она предназначена для обзора сбоку (с. 38, рис. 37, 99).

Зубовские бляшки имеют полусферическую, выпуклую форму малого размера (диаметр в основании – 2,9 см), что, естественно, диктует расположение подобной композиции на всей поверхности стенок [рис. 18]. В том же случае, когда форма изделий имеет более плоскую и большую по величине поверхность, изображение можно разместить как в центральной части, так и по краю. Но принцип композиции – расположение персонажей по кругу друг за другом остается неизменным [рис. 7, 6]. Меняется в таких случаях не композиция, а например, способ изображения фигур, которые могут измениться в размерах, конфигурации, пропорциях, степени и характере стилизации.

Третий пример касается таких понятий в искусствоведении, как *сюжет и мотив*. Описываются сцены терзания на флаконах из кургана «Хохлач», на которых изображены хищник кошачьей породы и грифон, терзающие лося (рис. 26, 64, 65). При этом сцены повторены дважды и расположены симметрично относительно друг друга. Загадочно и непонятно звучит фраза В.И. Мордвинцевой по этому поводу: «Сцены терзания удваиваются в зеркальном изображении, и, следовательно, из сюжета превращаются в *изобразительную единицу – мотив*» (с. 45, курсив мой. – И.З.).

Сюжет любого произведения представляет динамический аспект, раскрывающий связную последовательность развивающегося действия или события, посредством которого выделяется идея, лежащая в основе произведения²². Мотив

²² Власов. Стили... С. 211; Королькова. Теоретические проблемы... С. 35.

выступает как стереотип, схематическое обобщение, обладающее внешним качеством – способностью к варьированию. Соответственно мотив связывается с вариациями какой-нибудь темы²³. Как отмечает Е.Ф. Королькова, понятие *мотива* в изобразительном искусстве сводится к простейшей единице сюжетного развития²⁴.

Попробуем рассмотреть в данном аспекте описанное выше изображение на флаконе – сцену нападения хищных существ на лося. Сцена фактически фиксирует одноразовое действие, поэтому мы не можем сказать, как будут развиваться последующие события, хотя, несомненно, сцена терзания соответствует какому-то сюжету и является частью идеи, лежащей в его основе.

Таким образом, сцена на флаконе – не сюжет, а скорее мотив, связанный с определенной темой – нападения одних персонажей на других. И в таком случае дважды повторенный мотив на флаконе из «Хохлача» как был мотивом, так и остался им. Было бы более важным, на мой взгляд, подчеркнуть высочайшее творческое мастерство исполнителя, создавшего сложную многофигурную композицию в виде двух повторяющихся, симметрично расположенных сцен на сравнительно небольшой округлой поверхности предмета. Здесь еще раз наглядно продемонстрирован один из главных принципов прикладного искусства – подчинение изображения форме изделия [рис. 4, 7, 4–5].

Подобное небрежное использование искусствоведческих терминов, а в данном случае этот момент отнюдь не исчерпывается приведенными тремя примерами, недопустим в работе, посвященной искусству. Декларативные высказывания вообще характерны для всего текста данной работы. Автор сплошь и рядом, делая выводы, не приводит никаких доказательств. Это касается как общих выводов (см. в нашей рецензии текст, посвященный анализу стилистических групп), так и частных вопросов. Например, В.И. Мордвинцева утверждает, что в сарматском зверином стиле «наблюдается общая тенденция к геометризации изображений и построению их в соответствии с определенными канонами, по упрощенной схеме» (с. 45). Но для того чтобы говорить о *тенденции к геометризации*, вероятно, надо проследить эволюцию ее развития, показав относительно каких изображений образы сарматского звериного искусства становятся более геометризированными. Непонятным остается и высказывание автора о *каноне построения изображений по упрощенной схеме*. В качестве примера приводится закономерность в пропорциях тела и головы животных на браслете из «Хохлача», где представлен фриз из восьми одинаковых фигур носатого волка. Но о каком каноне можно говорить, если это единственное, оригинальное

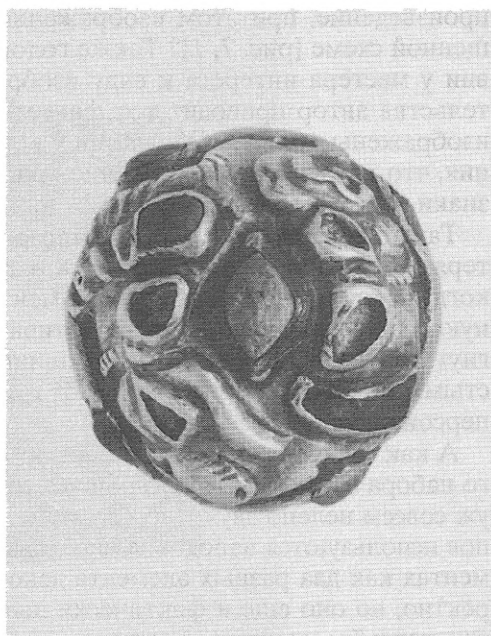


Рис. 18. Золотая бляшка с изображением быка и грифона. Курган 1, Zubovskiy khutor, Krasnodarskiy kraj

²³ Власов. Стили... С. 84; Королькова. Теоретические проблемы... С. 35.

²⁴ Королькова. Теоретические проблемы... С. 36.

произведение, при этом изображения зверей выполнены отнюдь не по упрощенной схеме [рис. 7, 1]? Также голословно и неверно писать о якобы отсутствии у мастера интереса к виду изображаемого персонажа. В качестве доказательства автор приводит тот факт, что у грифона на гривне из «Хохлача» не изображены крылья. Однако ни у кого из исследователей не возникало сомнения, что здесь изображен именно орлиный грифон, так как другие видовые признаки этого персонажа показаны достаточно ярко (см. выше в тексте рецензии).

Также неверно утверждение автора, что «звериная сущность образов как бы теряет смысл на изображениях сарматского полихромного стиля» (с. 45). Даже когда звери превращаются в орнамент, они сохраняют и свой вид, и свою звериную сущность. Например, декоративный пояс из голов грифонов с мощными загнутыми клювами – символом хищника или из голов волков с открытыми зубастыми пастьми вряд ли позволяют говорить о потере звериной сущности у этих персонажей.

А как следует понимать, что «изображения как бы набираются из стандартного набора элементов, будто они конструируются из кусочков мозаики» (с. 45)? И уж совсем нелепо звучит фраза, что «на гривнах и браслетах животные двух типов используются наподобие чередования лотоса и пальметты в греческих орнаментах как два разных элемента декора». Само по себе такое сравнение некорректно, но оно еще и фактически неверно. И хотя автор не указывает, о каких гривнах и браслетах идет речь, мы можем предположить, что имеются в виду гривна из «Хохлача» и браслет из Кобяково, украшенные повторяющимися сценами нападения волка на грифона [рис. 1 и 3]. Таким образом, здесь можно говорить лишь о наличии повторения одного и того же мотива, а не о чередовании фигур.

Также без всяких объяснений В.И. Мордвинцева предлагает новую интерпретацию образов. Почему, например, голова волка на наконечниках из погребения у с. Верхнего Погромного превратилась в голову кошачьего хищника (кат. № 46, рис. 20, 46) [рис. 19], а львиный грифон на керченской брошке (кат. № 100) – тоже в кошачьего хищника, три идущих по кругу молодых лошадей на дне (а не на крышке) флакона (а не пиксиды) из «Хохлача» (рис. 26, кат. № 64) – в лошадок и т.д.

И вот уж с чем категорически нельзя согласиться, так это с определением образа на знаменитой бляхе из Сибирской коллекции, на которой, как отмечали до сих пор все исследователи, изображена хищная птица, орел или гриф, держащая в когтях свою добычу – козла (кат. № 44, рис. 19). Однако В.И. Мордвинцева предполагает, что изображение птицы можно отождествить с *павлином*, потому что у нее «характерный, специально выделенный хвост» и потому что на других предметах Сибирской коллекции птицы изображены по-другому» (с. 26). Интересно, в какой культуре, у каких племен и народов павлин был символом мощи и силы и когда и где он интерпретировался как хищник? Известные изображения павлинов ничего общего не имеют с хищными птицами, а всем своим видом демонстрируют мирное и красивое существо. Впрочем, автор в последующей фразе пишет, что «добавленные уши» и гребень «подчеркивают его принадлежность миру фантастических монстров». Так кто же здесь изображен – монстр или павлин? При этом делается ссылка на иранскую эпическую традицию, в которой якобы из павлина и собаки родился образ Сенмурва – полусобаки-полуптицы. Но если это и так, то причем же здесь изображение на сибирском предмете [рис. 20]²⁵?

²⁵ В настоящее время идентификация этого фантастического чудовища – «собаки-птицы» с образом «Сенмурва» представляется спорной (Иерусалимская А.А. Шелковые ткани с «Сенмурвами» (новые находки и старые проблемы) // Эрмитажные чтения памяти В.Г. Луконина. СПб., 1986–1994. С. 62–71.



Рис. 19. Золотые наконечники в виде головы волка. Курган 4, погребение 2. Село Верхнее Погромное, Волгоградская область

Также не могу согласиться с тем, что на пластине из Мехзавода (рис. 30, кат. № 75) у оленихи, расположенной слева от оленя, хвост заканчивается «головой грифона». На самом деле у нее, как и у других животных, за исключением первой фигуры слева, хвост отсутствует. Существо непонятного вида, изображенное сверху над оленихой и поверженным животным, не имеет, однако, никаких признаков образа грифона. Здесь представлено животное с большой головой, коротким туловищем с двумя ногами и сравнительно длинным хвостом, заканчивающимся миндалевидной вставкой. Судя по его позе, создается впечатление, что это существо преследует оленей [ср. рис. 17, 7 и 8; 21].

Последнее, на чем мне бы хотелось остановиться, — это пренебрежение в ряде случаев высказываниями отечественных исследователей. Например, описывая декоративное оформление диадемы из «Хохлача», которое, как известно, представляет сочетание традиций греко-римского ювелирного искусства и сарматского звериного стиля, В.И. Мордвинцева ссылается исключительно на зарубежных авторов (с. 48). Но уже в первой публикации 1864 г. был отмечен эклектический характер декоративного оформления диадемы²⁶. Позднее об этом же писали И.И. Толстой с Н.П. Кондаковым²⁷ и М.И. Ростовцев²⁸. А затем достаточно подробно это явление описано в развернутой аннотации К.М. Скалон²⁹. На сочетание разных художественных традиций в орнаменте диадемы из «Хох-

²⁶ *Борисяка Н.* Об археологическом открытии в Новочеркасске // Воскресное приращение к «Московским ведомостям», июль, № 27. 1864.

²⁷ *Толстой, Кондаков.* Ук. соч. С. 132–140.

²⁸ *Ростовцев.* Ук. соч. С. 583.

²⁹ *Скалон К.М.* Диадема из кургана Хохлач в г. Новочеркасске // Эрмитаж. Альбом. Л., 1964. Кат. № 30.

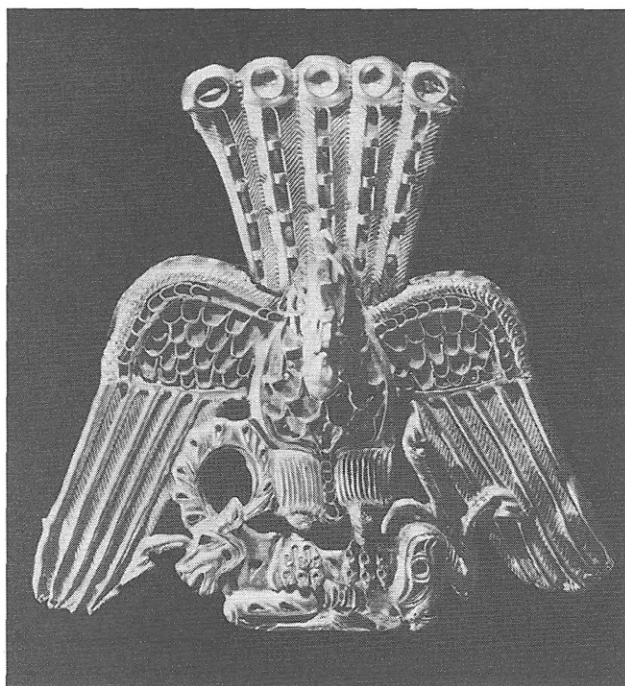


Рис. 20. Бляха (эгрет) с изображением хищной птицы, держащей в когтях козла. Сибирская коллекция Петра I



Рис. 21. Золотая пластина с изображением лосей. Курган у Мехзавода, г. Ростов

лача» указывалось и в других работах³⁰. Поэтому как-то странно звучит фраза В.И. Мордвинцевой о том, что ей «представляется, что новочеркасская диадема – это скорее образец переплетения различных художественных традиций в одном

³⁰ Засецкая И.П. Сарматские племена (III в. до н.э. – II в. н.э.) // Культура древних народов Восточной Европы. Путеводитель. Л., 1969. С. 24–25; Яценко С.А. Диадемы степных кочевников Восточной Европы в сарматскую эпоху // КСИА. 1986. 186. С. 15–16; Zassetskaya I.P. Le kourgane Khokhlatch ou Tresor de Novotcherkassk // L'Or des Sarmates. Nomades des steppes dans l'Antiquité. Finistere, 1995. P. 55, 58. Cat. 85, 86.

предмете, изготовленном в одной мастерской» (с. 48). А где же все остальные авторы, писавшие об этом же, но значительно раньше. Даже если приводятся дополнительные сведения, подтверждающие уже существующую точку зрения и автор с ней согласен, то тем более необходимо сослаться на своих предшественников. Из-за отсутствия какой бы то ни было ссылки остается неясным замечание В.И. Мордвинцевой о якобы существующем мнении, «что диадема из “Хохлача” – это позднейшая переделка греческого украшения» (с. 48).

На с. 35, где автор использует термин «зооморфная свастика», было бы уместно сослаться на указанную выше статью Е.Ф. Корольковой³¹. В примечании на с. 23, где речь идет о «майкопском поясе», В.И. Мордвинцева почему-то ограничивается лишь упоминанием о том, что «пояс считается поддельным», не указывая ни автора этой точки зрения, ни публикаций о поясе, а также своего отношения к данному вопросу. А между тем существует серьезное исследование А.А. Иессена, который впервые, вопреки мнению М.И. Ростовцева, убедительно доказал, что майкопский пояс не является подлинным предметом древнего искусства³².

Во введении, которое фактически посвящено краткой истории изучения сарматского искусства, В.И. Мордвинцева отмечает, что якобы две статьи И.П. Засецкой 1980 и 1989 гг. стали «поворотным пунктом в изучении сарматского полихромного стиля» (с. 6). Однако подобный вывод отнюдь не следует из дальнейшего изложения автором моих «заслуг», тем более что из текста вообще остается неясным, что именно написано мною, а что самим автором книги. В действительности указанные выше мои работы никакого кардинального переворота в исследовании сарматского искусства не совершили. Ряд сделанных мною наблюдений относительно преемственности сарматского звериного стиля от сибирских и древневосточных древностей, показанные на конкретных примерах, являются лишь дальнейшим развитием существующих мнений по данной проблеме. Однако там, где следовало бы подчеркнуть значение сделанного мною наблюдения, В.И. Мордвинцева просто забывает об этом. Так, на с. 38 в рубрике «Композиции, в которых животные располагаются в ряд» автор пишет: «...расположение животных в ряд – один из древнейших мотивов ближневосточной художественной традиции, в основе которой лежит общая идея великих процессий» и далее дана ссылка на Э. Херцфельда, что вполне справедливо в данном контексте. Но почему же тогда, когда дается описание композиции на конкретных предметах сарматского искусства, в частности на гривне и браслетах из кургана «Хохлач», не указать, что впервые применительно именно к этим изображениям И.П. Засецкая отмечала наличие в них традиций искусства Переднего Востока: «Традиции древневосточного искусства прослеживаются в композиции фигур на золотых браслетах и гривне из кургана “Хохлач”... Фигуры скомпонованы так, что создается впечатление непрерывной ритмичной линии шествия фантастических существ»³³.

Также неплохо было бы отметить точку зрения И.П. Засецкой о происхождении вещей, в том числе и фаларов и бляшек, состоящих из золотого декоративного покрытия, бронзовой пластинчатой основы и массы, заполняющей рельеф, которые она рассматривает как продукцию античных мастеров Северного Причерноморья³⁴. Но В.И. Мордвинцева, отмечая, что предметы подобного рода относятся к изделиям местных мастерских, продолжающих производствен-

³¹ Королькова. Теоретические проблемы... С. 289–293.

³² Иессен А.А. Так называемый «майкопский пояс» // АСГЭ. Вып. 2. Л., 1961. С. 163–177.

³³ Засецкая. Изображение «пантеры»... С. 53–54.

³⁴ Там же. С. 50.

ную традицию эпохи эллинизма, предпочитает сослаться на свою собственную статью (с. 52, 80). Как я уже писала выше, даже если в качестве доказательства автор приводит другие аргументы в пользу существующей точки зрения по сравнению с доводами предшественников, он обязан ссылаться на соответствующую литературу. Очень жаль, что В.И. Мордвинцева полностью проигнорировала интересную и содержательную статью Н.В. Лавыгиной, посвященную происхождению образов «носатого волка» и дракона, играющих не последнюю роль в репертуаре сарматского полихромного звериного стиля³⁵.

В результате невнимательного отношения к литературным источникам в работе встречаются досадные ошибки в описании техники изготовления предметов. Например, В.И. Мордвинцева пишет, что браслеты из Кобяково (кат. № 70) «отлиты и доработаны резцом». На самом деле они имеют более сложную конструкцию из двух пластин. При этом изображения, нанесенные на верхнюю пластину, выполнены в технике басмы³⁶. Также непонятно, откуда у гривны из Кобякова появилась «плоская подкладка» (с. 89). Ничего подобного нет в описании авторов раскопок и первой публикации кобяковского погребения³⁷. Не учтены и подробности техники ножен кинжала из кургана у п. Дачи, указанные Е.И. Беспальм³⁸. Список подобных недоразумений можно было бы продолжить.

К сожалению, небрежность и поспешность пронизывают большую часть текста данной монографии – перепутаны описания предметов, ссылки в тексте на каталожные номера и рисунки, отмеченные выше повторы одних и тех же вещей в разных стилистических группах и т.д. и т.п. Даже название отдела археологии Государственного Эрмитажа указано с ошибкой. Напомню, наш отдел называется – Отдел археологии Восточной Европы и Сибири, а не «Западной Сибири», как пишет Валентина Ивановна. Большие и мелкие ошибки, путаница в искусствоведческих терминах, бездоказательные высказывания, неуместные сравнения и, наконец, необоснованное выделение так называемых стилистических групп – все это делает работу В.И. Мордвинцевой далекой от научного исследования. Как сказал один из корифеев русской археологии по поводу докладов на научной конференции: «Сегодня мы узнали много нового и интересного, но то, что ново, неинтересно, а то, что интересно, то не ново».

Опубликованная версия плохо подготовлена к изданию и может быть полезной читателю лишь в качестве свода вещей, относящихся к полихромному звериному стилю и то с оговоркой. Цель моей рецензии направлена не столько на критику монографии В.И. Мордвинцевой, но главным образом на то, чтобы предупредить читателя о необходимости осторожно относиться к выводам автора и чтобы, не боясь затратить часть своего времени, постараться самостоятельно разобраться в той или иной проблеме.

ABOUT A NEW STUDY ON THE PROBLEMS OF POLYCHROME ANIMAL STYLE

I. P. Zasetskaya

The author of the article gives a critical review of V.I. Mordvintseva's book *Polikhromnyj zverinyj stil'* («Polychrome animal style») published in 2003 in Simferopol. In the critic's opinion, the book, conceived as a comprehensive study of the problem, is very disappointing. The general approach of the study is disputable, but the main weakness lies in misleading interpretations of some objects in question.

³⁵ Лавыгина. Ук. соч. С. 156–171.

³⁶ Прохорова, Гугуев. Ук. соч. С. 146–147; Засецкая. Золотой флякон... С. 46.

³⁷ Прохорова, Гугуев. Ук. соч. С. 143.

³⁸ Беспальм Е.И. Курган сарматского времени у города Азов // СА. 1992. № 1. С. 185–187.

А. С. Островерхов

АНТИЧНАЯ СТЕКЛЯННАЯ ГЛИПТИКА НА ЮГЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ (VI–II вв. до н.э.)

Стекло относится к одному из древнейших искусственных материалов. На протяжении длительного времени его использовали для удовлетворения идеологических потребностей древних обществ, так как вплоть до конца I тыс. до н.э. из стекла изготавливались украшения, амулеты, сосуды и другие изделия сакрального предназначения. Одной из интереснейших разновидностей стеклянных изделий эпохи античности являются реплики гемм и перстни. Они классифицируются по той же схеме, что и их каменные (металлические) прототипы, и представлены как литиками (литиками-скарабеоидами), так и камнями. Камни являются сравнительно поздней инновацией¹.

Литики-скарабеоиды обнаружены в большинстве античных центров Северного Понта, а также в ряде курганов скифской и меотской знати. Вопрос о происхождении скарабеоидных гемм дискуссионен. Выделяют два направления в стиле оформления изделий: восточногреческое и греко-персидское². Если в первом видят продукцию восточногреческих центров, то в отношении второго единого мнения нет: одни отстаивают точку зрения эллинского авторства печатей, другие, настаивая на их персидском происхождении, признают влияние греческого искусства на формирование мастерства авторов этих изделий³. Среди северопричерноморских находок преобладают реплики, выполненные в восточ-

¹ Стекло – термин собирательный. Древнее стекло рассматривается и как материал, и как элемент производственной деятельности, и как памятник культуры (Шапова Ю.Л. Очерки истории древнего стеклоделия. М., 1983. С. 6, 192, 193; она же. Немного о древнем стекле // Путешествие в древность. М., 1983. С. 247–270). В литературе литиками называются все без исключения античные стеклянные реплики гемм и недекорированные вставки в перстни. Термин происходит от древнегреческой кальки одного из древнеегипетских названий стекла – λίθος χυτή, или же λίθινα χυτά («растекающийся камень», «плавленный камень») (Deroy L. Linguistique et histoire du verre antique // Annales du 8^e CAHV. Liège, 1981. P. 84–85; Шапова. Очерки истории... С. 63; Сапожникова Г.В., Островерхов А.С. Технология производства литиков-скарабеоидов // Древности Причерноморья. II Чтения памяти П.О. Карышковского. Тез. докл. конф. Одесса, 1991. С. 87).

² Никулина Н.М. К вопросу о «восточногреческом» и «греко-персидском» искусстве (по материалам глиптики V–IV вв. до н.э.) // ВДИ. 1969. № 3; она же. Искусство Ионии и ахеменидского Ирана. По материалам глиптики V–IV вв. до н.э. М., 1994.

³ Furtwängler A. Die antiken Gemmen. Bd I–III. В., 1900; Книпович Т.Н. «Греко-персидские» резные камни Эрмитажа // Сборник Государственного Эрмитажа. Вып. III. Л., 1926. С. 41–58; Максимова М.И. Античные резные камни Эрмитажа. Л., 1926; она же. Античные печати Северного Причерноморья // ВДИ. 1937. № 1; она же. Резные камни // Античные города Северного Причерноморья. М.–Л., 1956.

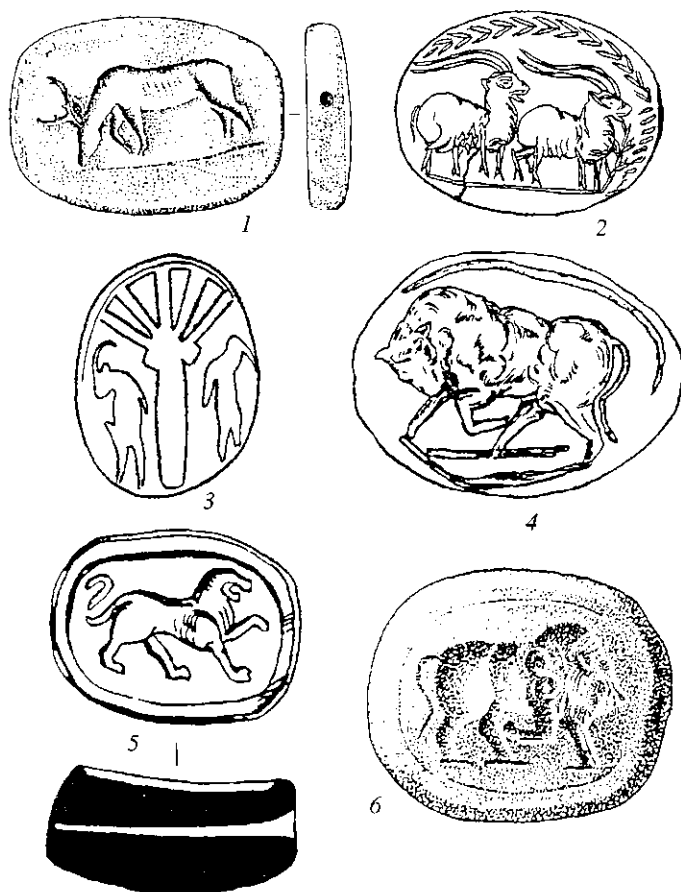


Рис. 1. Изображения реальных животных на литиках-скарабеоидах

ногреческом стиле. Сюжеты можно условно разделить на три группы: 1) изображения реальных и мифических животных; 2) изображения человеческих лиц и фигур; 3) мифолого-аллегорические композиции.

Анималистическая тематика всегда занимала в глиптике одно из ведущих мест (изображения животных известны уже на печатях III–II тыс. до н.э.), не менее популярной она была и в античное время. Для архаических обществ характерна такая форма общественного сознания, в которой вся природа, все космические и социальные силы выступали в звериных обличьях, и в равной мере это касается и скифов, и греков. У последних антропоморфный и зооморфный символизм мирно сосуществовали и дополняли друг друга⁴.

Фигурка благородного оленя воспроизведена на скарабеоиде из кургана № 4 (IV в. до н.э.) могильника Носаки в Запорожской обл.⁵ Художник передал образ

⁴ Кагаров Е.Г. Культ фетишей, растений и животных в Древней Греции. СПб., 1913; Лосев А.Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957; Бессонова С.С. Религиозные представления скифов. Киев, 1982. С. 77; Раевский Д.С. Модель мира скифской культуры. М., 1985; Nilsson M.P. Geschichte der griechischen Religion. München, 1976. Bd 1–2.

⁵ Бидзиля В.И. и др. Курганный могильник в урочище Носаки // Курганные могильники Рясные Могилы и Носаки. Киев, 1977. С. 114. Рис. на с. 61.

спокойно пасущегося животного с большими ветвистыми рогами (рис. 1, 1). Подобная реплика найдена и в кургане Карагодеуашх⁶. Мотив оленя – один из наиболее популярных в раннеантичной глиптике. Известны многочисленные стеклянные копии таких гемм, их прототипами чаще всего служили сюжеты ранних ионийских монет⁷. Анималистические изображения были излюбленными в творчестве Дексамена Хиосского. В Эрмитаже имеется пантикапейская гемма с изображением пасущегося оленя, сохраняющая все «приметы» мастерской Дексамена⁸. Не являются ли носаконская и карагодеуашская реплики копиями гемм дексаменовского круга, изготовленными на северных берегах Понта?

К раннему времени относится скарабеоид, найденный у с. Жовнино в Кременчугском р-не Полтавской обл. На инталии изображены стоящие друг за другом у древа жизни два орикса (*Oryx gazella*) или же их подвиды – антилопы Бейза. Изображение окружено плетенкой – характерным архаизирующим признаком печатей (рис. 1, 2)⁹. Близкими стилистическими аналогиями скарабеоиду являются инталия из Бостонского музея с изображением козла и гемма из Нью-Йоркского собрания с изображением коня¹⁰.

К IV в. до н.э. относятся литики с изображением козлов в геральдической позе у мирового дерева, которое трактуется в виде высокой пальмы (ГЭ, № Ж-6627). Козлы стоят на задних конечностях, морда одного из них повернута в противоположную от дерева сторону, а второе животное пытается дотянуться мордой к ветвям (рис. 1, 3). Вторая подобная реплика (рис. 2) входила в состав клада украшений, найденного на берегу Киевского моря. Козлы, приподнявшись на задних конечностях, стоят в геральдической позе, мировое дерево маркирует двухлепестковая пальметка, помещенная между ног копытных¹¹. Хотя рассмотренные произведения принадлежат греческим мастерам, но сам мотив имеет восточное происхождение. Он связан с идеей упорядоченно организованного пространства, одной из форм выражения концепции «мирового древа». Симметричность двух фигур по сторонам дерева отражает его роль как центрального элемента космической модели. Подобные композиции часто воспроизводятся на геммах и в памятниках звериного стиля¹².

⁶ Лаппо-Данилевский А., Мальмберг В. Курган Карагодеуашх // МАР. 1894. № 13. С. 66.

⁷ AGDS. 1969. № 172; *Furtwängler*. Op. cit. Taf. XI, 25–26, 28; XIV, 13; *Kibaltchitch T.W.* Gemmes de la Russie Meridionale. Mars, 1910. Tabl. I, 4, 29; II, 43; V, 160; IX, 277 (=Кубальчиц Т.В. Южно-русские геммы. Берлин, 1910).

⁸ Неверов О.Я. Дексамен Хиосский и его мастерская // Памятники античного прикладного искусства. Л., 1973. С. 57 сл.; он же. Геммы античного мира. М., 1983. С. 44–49.

⁹ Большаков А.О., Ильина Ю.И. Египетские скарабеи с острова Березань // ВДИ. 1988. № 3. С. 53–54. Рис. 2, 17; Неверов. Геммы... С. 35.

¹⁰ *Furtwängler*. Op. cit. Taf. XI, 30; *Beazley J.D.* The Lewes House Collection of Ancient Gems. Oxf., 1920. № 3; *Walters H.B.* Catalogue of the Engraved Gems and Cameos Greek, Etruscan and Roman in the British Museum. L., 1926. Tabl. XVIII, 106; *Richter G.* Metropolitan Museum of Art. Catalogue of Engraved Gems Greek, Etruscan and Roman. Rome, 1956. Tabl. XVIII, 106. Из Ольвии происходит аметистовый скарабеоид с изображением вздыбленного козла с большими рогами у ветвистой пальмы (*Kibaltchitch*. Op. cit. P. 53). Инталию следует отнести к работе восточногреческих мастерских и датировать V–IV вв. до н.э.

¹¹ Островерхов А.С. Торговля стеклянными бусами на юге Восточной Европы в скифо-античное время // Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи. Полтава, 1996. С. 365. Рис. 1, 3.

¹² *Furtwängler*. Op. cit. Taf. III, 26; XVII, 68; *Kibaltchitch*. Op. cit. Tabl. II, 53; Никулина. К вопросу... Табл. III, 7, 9; Раевский. Ук. соч. С. 114–115; Островерхов А.С. Звериный стиль и античные города Северного Причерноморья // ВДИ. 1996. № 2. С. 100. Рис. 6, 1–2.

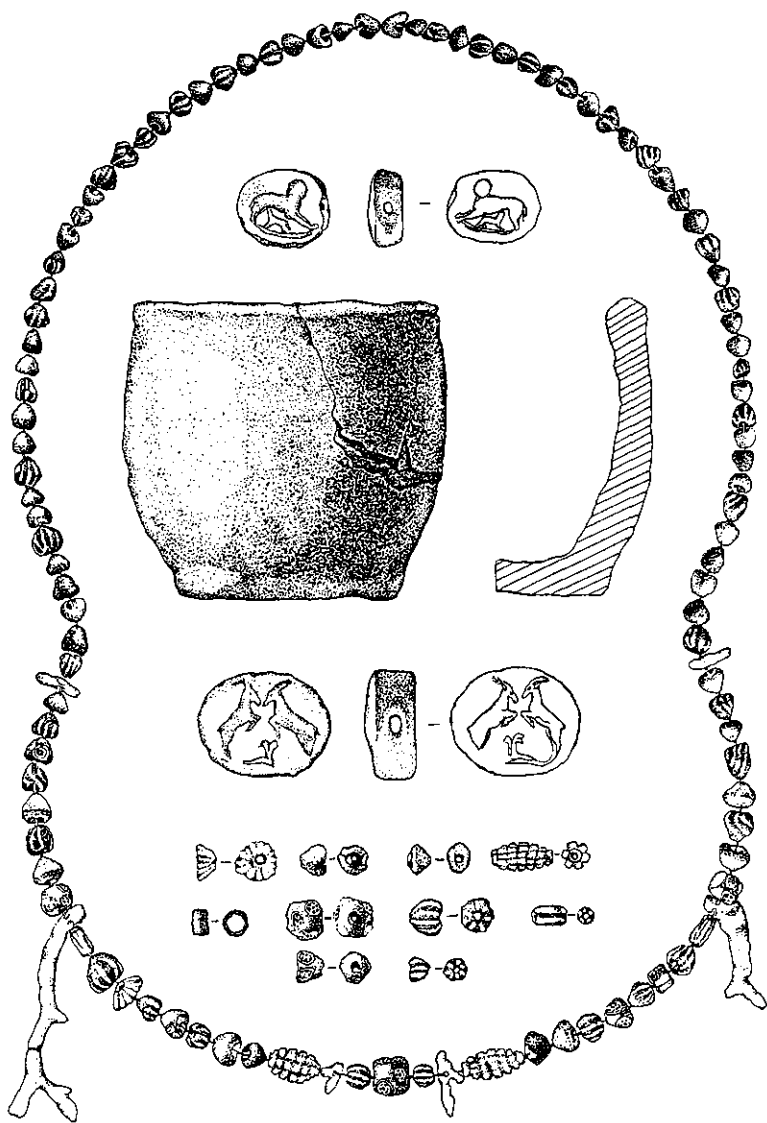


Рис. 2. Клад украшений скифской эпохи, найденный на левом берегу Киевского моря

Среди античных (ГЭ, Рап. № 1873/164; ИИМК, Ол. № 2943/122) и скифских¹³ памятников широкое распространение получили скарабеиды с изображением бодящегося быка (рис. 1, 4). Эти изображения в средиземноморской и восточноевропейской глиптике хорошо известны¹⁴, ибо заимствованы из нумизмати-

¹³ Kibaltchitch. Op. cit. P. 40; Болтрик Ю.В., Островерхов А.С. Сюжеты на литиках-скарабеидах из скифских памятников Поднепровья и Подунавья // Проблемы історії та археології давнього населення України. Тез. докл. конф. Київ, 1989. С. 24–25; Островерхов А.С., Редина Е.Ф. Литик-скарабеид из кургана Мрецьова Могила // Тез. II истор.-краевед. конф. Одесса, 1991. С. 159–161; Островерхов А.С., Охотников С.Б. К дактило-теке раннеантичной глиптики из Ольвии // Сборник, посвященный памяти В.М. Отрешко. Киев, 2004.

¹⁴ Furtwängler. Op. cit. Taf. IX, 19; XXIV, 72; XXV, 22, 28; XXVIII, 65, 72; XXIX, 53–54; XLI, 11; AGDS. 171; Kibaltchitch. Op. cit. Tabl. I, 30; II, 36, 40; VIII, 263.

ки, где встречаются, например, на фурийских статерах, выпущенных ок. 412 г. до н.э.¹⁵

В VI–IV вв. до н.э. популярными были геммы с изображением львиных фигурок¹⁶. Их стеклянные реплики в значительных количествах находят на Боспоре, в Ольвии, в меотских и скифских курганах¹⁷. При этом выделяется несколько их разновидностей. К одному из них относятся литики с изображением профильной фигуры животного. Из Курджипского кургана происходит скарабеоид, на плоской стороне которого, внутри овала с рельефным бортиком, оттиснута фигурка идущего льва (рис. 1, 5)¹⁸. Подобная фигурка помещена на реплике из кургана Карагодеуашх. Издатели считали, что последняя гемма завезена на Боспор из Передней Азии¹⁹. Колоритную львиную фигурку видим на скарабеоиде из кургана 21/2 у с. Гюневка. Внутри овала с рельефным бортиком оттиснута тяжеловесная фигура идущего зверя: его передняя правая лапа приподнята и согнута в коленке, левая вытянута и выброшена вперед, хвост опущен, пасть закрыта, голову окаймляет пышная грива; на правой передней лапе S-образный завиток (рис. 1, 6). Подобные дополнительные элементы помещались на памятниках греко-скифского звериного стиля²⁰.

На ольвийских стеклянных скарабеоидах V–IV вв. до н.э. (ИИМК, Ол-2779/135; Ол-1969. Раск. E–VIII, пом. IX) популярными были также изображения фигурок лежащих львов²¹. В пользу производства части литиков с изображением львиных фигур в городах на берегах Черного моря может свидетельствовать появление зверя на монетах Пантикапея. Идентичное курджипскому изображение есть на монетах этого города 359–349 гг. до н.э.²²

Иную разновидность представляют реплики с изображением львицы, кормящей детеныша. Нам известны два экземпляра, где туловища животных изображены в профиль, а морды – в фас. Львицы стоят на слегка согнутых ногах, между ног – львенок, сосущий мать. Первая гемма (рис. 3, 1) найдена на Тамани (ГЭ, Т. 1909/47), вторая входила в состав упоминавшегосяклада из Скифии (рис. 2)²³.

¹⁵ Tier- und Pflanzenbilder auf Münzen und Gemmen des Klassischen Altertums. Lpz, 1889. Taf. III, 46.

¹⁶ Beazley. Op. cit. P. 68, 82.

¹⁷ ДБК. 1848. Атлас. Табл. XVI. № 88, 11; ОАК за 1859 г. С. IX; ОАК за 1860 г. Атлас. Табл. IV, 11; ОАК за 1882–1888 гг. С. CLXX; МАР. 1894. № 13. Табл. IV. С. 31; ГЭ. РАН. 1906/3; 1913/82 и др.

¹⁸ Галанина Л.К. Курджипский курган. Л., 1980. С. 42, 98. № 33.

¹⁹ Лаппо-Данилевский, Мальмберг. Ук. соч. С. 70–71, 157–159. Табл. IV, 6.

²⁰ Островерхов А.С., Охотников С.Б. Раннеантичные стеклянные геммы из Северного Причерноморья // Мир Ольвии. Киев, 1996. С. 166. Рис. 9, 5; Граков Б.Н. Скифы. М., 1971. Табл. XVI, XX; Капошина С.И. Памятники звериного стиля из Ольвии // КСИИМК. 1950. XXXIV. С. 49–50. Рис. 9, 5; Лесков А.М. Новые сокровища курганов Украины. Л., 1972. Табл. 13.

²¹ Образ льва часто воспроизводится на предметах глиптики. Одними из наиболее ранних являются два ионийских серебряных перстня из Ольвии. Сцены терзания с участием львов встречаем на нимфейских перстнях. На изделиях прослеживаются характерные черты позднеархаического искусства «эвритмии», главными из которых были ритм, симметрия и равновесие (Максимова. Резные камни. С. 438–439. Рис. 1; Неверов. Геммы... С. 36; Скржинская М.В. Украшения и предметы туалета // Культура населения Ольвии и ее окружи в архаическое время. Киев, 1986. С. 180–181; Островерхов, Охотников. К дактилотеке... Рис. 1, 2. Оттиск; Neverov O.J. Les bagues et les pierres gravées provenant de Nymphaion // Archeologia. Warszawa, 1995. XLVI. Tabl. XI, 3).

²² Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986. Табл. 3, 99.

²³ Островерхов. Торговля стеклянными бусами... Рис. 1, 1.

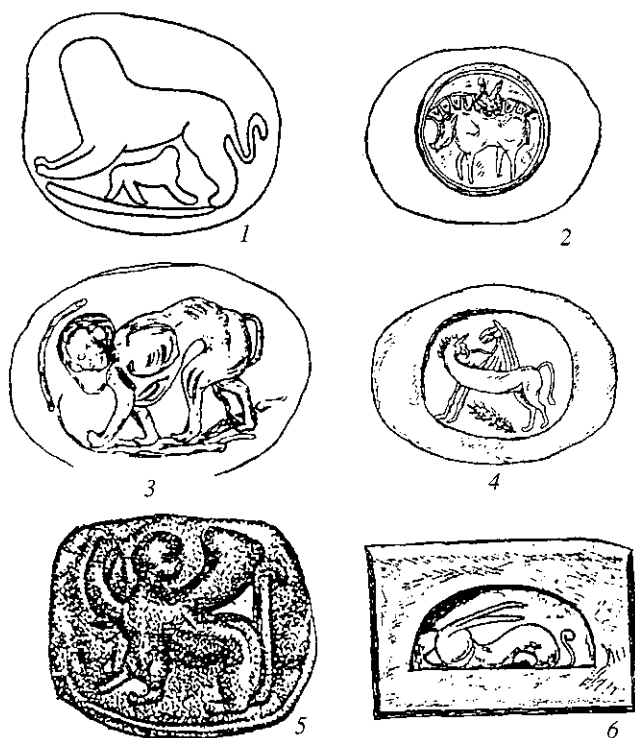


Рис. 3. Изображения реальных и мифологических животных на литиках-скарабеоидах

В античной нумизматике и глиптике широкое распространение получил мотив вепря (свиньи)²⁴. К одной из наиболее ранних реплик этого типа относится скарабеоид из кургана № 13 у с. Большая Знаменка в Запорожской обл.²⁵ Силуэт стоящего зверя намечен контурами, переданы отдельные детали большой головы и щетина (рис. 3, 2). Близкую аналогию этой реплике может составить гемма, изданная А. Фуртвенглером²⁶. Обе датируются V в. до н.э. Значительно бóльшим количеством экземпляров представлены скарабеоиды с изображением вепря (свиньи) IV в. до н.э. Бегущего кабана видим на реплике из меотского кургана № 30 близ аула Нечерзий на Кубани²⁷; свинья с выводком поросят помещена на отливке из Пантикапея (ГЭ, Ж. 6627); вепрь изображен и на гемме из Семибратних курганов²⁸.

К редким сюжетам на геммах относятся изображения обезьян. Павиана (?) можно видеть на реплике из кургана 81/1 (IV в. до н.э.) у с. Верхнетарасовка на Днепропетровщине: фигура животного показана в профиль, а морда – в фас

²⁴ Panofka T. Gemmen mit Inschriften in den Königlichen Museen zu Berlin, Haag, Kopenhagen, London, Paris, Peterburg und Wien. B., 1852. Taf. I, 2, 18; Tier- und Pflanzenbilder... Taf. IV, 17; XX, 7; Furtwängler. Op. cit. Taf. VII, 62–63, 67–68; XXIX, 67; XLV, 15–18; Никулина. К вопросу... Табл. 1, 5.

²⁵ Отрощенко В., Рассмакин Ю. Скарби тринадцатого кургану // Наука і суспільство. 1985. № 12. С. 49–53; они же. До таємниць Геродотової Скіфії // Наука і культура. Альманах. Вип. 19. Київ, 1985. С. 242.

²⁶ Furtwängler. Op. cit. Taf. XI, 6.

²⁷ Лесков А.М. Шедевры древнего искусства Кубани. М., 1987. С. 103. Рис. 40. Кат. № 99.

²⁸ ОАК за 1876 г. Табл. III, 33.

(рис. 3, 3)²⁹. Геммы с типом обезьян встречаются в ряде городов на Северном Понте, а из Средиземноморья происходит гемма с изображением павиана на крокодиле³⁰. В раннеантичной глиптике редко встречается и образ лягушки. Известен литик, происходящий из кургана у ст. Усть-Лабинской. Лягушка в мифологии и религии древних народов – символ плодородия и часто выступала в качестве опоры мироздания³¹.

К V в. до н.э. относится реплика из кургана № 13 у с. Большая Знаменка. На ее плоской стороне оттиснуты фигурки химеры и грифона, между ногами последнего – пшеничный колос (рис. 3, 4). Поскольку грифоны были священными животными Аполлона Гиперборейского³², то колос, очевидно, напоминает о «гиперборейских дарах». Можно привести несколько аналогий большезнаменской гемме. Они датируются V в. до н.э. и происходят с о-ва Мелос³³. Стилистическая и сюжетная близость наблюдается также на ряде фаянсов с Березани и из Навкратиса³⁴.

В 1971 г. во время раскопок Никония в заполнении ямы с материалом 450–430-х годов до н.э.³⁵ был найден скарабеоид. На его плоской стороне оттиснуто изображение сфинкса, часть поля повреждена, но фиксируются туловище, задние лапы, левое крыло и хвост, голова повернута назад, кисточка длинного, поставленного «трубой» хвоста оформлена в виде орлиной головки; по краю нижней половины поля – желобок (рис. 3, 5). Образ сфинкса воспроизводился в античной глиптике³⁶, скульптуре (Herod. IV. 79), нумизматике, торевтике. Сфинксы фигурируют на амфорных клеймах Хиоса третьей четверти V в. до н.э.

²⁹ Черненко Е.В., Евдокимов Г.Л., Збеневич В.Г. Отчет о работе Верхнетарасовской экспедиции в 1973 г. НА ИА НАНУ. Ф. 1973/12.

³⁰ Фотоархив ИИМК РАН. № 1–71804; Tier- und Pflanzenbilder... Taf. XIV, 2. В Ольвии и на Боспоре обнаружены коринфские и родосские терракоты с изображением обезьян (Русяева А.С. Античные терракоты Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1982. С. 139–140; Силантьева Л.Ф. Терракоты Пантикапея // Терракотовые статуэтки. САИ. 1970. Вып. Г1–11. С. 16. № 17. Табл. 3, 5). Золотые бляшки V в. до н.э. с изображением обезьяньих головок найдены в некрополе Нимфея (Силантьева Л.Ф. Некрополь Нимфея // Некрополи некоторых боспорских городов. МИА. 1959. № 69. С. 69). О назначении подобных предметов имеются различные суждения: одни считают, что это пародии на человека (Maximova M.I. Les vases plastiques dans l'antiquité. P., 1927. P. 114), другие видят в них апотропеи (Кобылина М.М. Терракотовые статуэтки Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1–11. М., 1970. С. 10). По мнению А.С. Русяевой, обезьяна имела отношение к хтоническим культам Деметры и Афродиты, Павиан был также одним из символов бога Мена.

³¹ МИА. 1951. № 23. Рис. 18; Судник Т.М., Цивьян Т.В. Мифология лягушки (балто-балканские данные) // Балто-славянские исследования. М., 1982.

³² Ельницкий Л.А. Легенда о «гиперборейских дарах» Аполлона и пути ее распространения // МАСП. 1962. № 4. С. 209–211; Онайко Н.А. Аполлон Гиперборейский // История и культура античного мира. М., 1977; Шталь И.М. Эпические предания Древней Греции. М., 1989. С. 132; Островерхов. Звериный стиль... С. 100–101.

³³ Furtwängler. Op. cit. Taf. V, 16, 39a.

³⁴ Охотников С.Б., Островерхов А.С. Скарабеоид с Березани // ДП КС ОАО. Одесса, 1993. С. 69–74. Рис. 15, 1; Буйских С.Б., Островерхов А.С. Навкратийский скарабей с античного святилища на Бейкушском мысу // Чобручский археологический комплекс и вопросы взаимодействия античной и варварской культуры. Тирасполь, 1997. С. 69–71. Рис. 1.

³⁵ Бряко И.В., Островерхов А.С. Литик-скарабеоид из Никония // ДП КС ОАО. Одесса, 1993. С. 60–63.

³⁶ Furtwängler. Op. cit. Taf. VI, 29–33; VIII, 7, 34, 52, 58; XI, 18; XII, 48; XIX, 46; Kibaltchitch. Op. cit. Tabl. II, 61, 65; Vickers M. Scythians Treasures in Oxford. Oxf., 1979. Pl. VI b–c; Neverov. Les bagues... Tabl. XI, 2.



Рис. 4. Изображения человеческих фигур и мужских лиц на литиках-скарабеоидах

и монетах того же города³⁷. Никонийское изображение, скорее всего, скопировано с вазописи, где сфинксы помещались у основания ручек и служили апотропеями³⁸. В пользу северопричерноморского происхождения никонийского литика может свидетельствовать наличие орлиной головки, венчающей хвост чудовища.

На Каменском городище найдено несколько скарабеоидов IV в. до н.э. Одна из реплик, по определению Б.Н. Гракова, – «химера» (рис. 3, б), ей также известны многочисленные аналогии³⁹.

В 1994 г. во время поездки на поселение Надлиманское-3 (близ Никония) М. Мильчарек нашел реплику геммы с изображением силена и менады (рис. 4, 1)⁴⁰. Реплика имеет прямую аналогию в агатовой инталии из Пантикапея. О.Я. Неве-

³⁷ Брашинский И.Б. Методы исследования античной торговли. М., 1984. Табл. 1, 1–2.

³⁸ Горбунова К.С. Чернофигурные аттические вазы в Эрмитаже. Л., 1983. № 96, 174, 177.

³⁹ Граков Б.Н. Каменское городище на Днепре // МИА. 1954. № 36. С. 108. Табл. XI, 7; Kibaltchitch. Op. cit. Tabl. II, 41, 46; Boardman J. Greek Gems and Finger Rings. L., 1970. № 642–655.

⁴⁰ Мильчарек М., Островерхов А.С., Охотников С.Б. Литик-скарабеоид из поселения Надлиманское-3 // Проблемы истории и археологии Нижнего Поднепровья. Тез. докл. конф. Белгород-Днестровский, 1995. С. 36–38 (рис. на титуле).

ров датирует ее VI в. до н.э. и относит к продукции ионийских мастерских⁴¹. Сходные изображения помещались на монетах Фасоса – позы фигур и характер рисунка скарабеоида наиболее близки типу его монет, чеканенных в 500–465 гг. до н.э. Полагаем, что гемма изготовлена на Фасосе. Связи Нижнего Поднестровья с этим центром фиксируются четко. К этому же кругу следует отнести стеклянный скарабеоид с изображением менады, найденный в каменной гробнице V в. до н.э. на горе Митридат в Керчи⁴².

Литик с изображением Афины происходит из кургана № 13 у с. Большая Знаменка. На нем имеется также фигура стоящего воина, выполненная в архаизирующем стиле, в профиль, а голова на 3/4 повернута к зрителю. Одет воин в длинный плащ, голову украшает шлем с гребнем, в правой руке щит, в левой поднятой вверх руке копьё, между ногами какой-то предмет (рис. 4, 2). Подобный скарабеоид найден в кургане Карагодеуашх. На нем богиня Афина стоит во весь рост, на голове ее шлем с приподнятыми нащечниками, украшенный тремя гребнями, левой рукой она опирается на копьё, а щит прислонен к правому бедру, под правой опущенной рукой следы какого-то предмета, в котором издатели усматривают змею⁴³. Близкой аналогией репликам является этруская гемма из собрания Эрмитажа, датируемая концом VI–V в. до н.э. В подобных сюжетах ранее видели изображения воинов, в частности Агамемнона. Однако, как установили современные знатоки глиптики, это богиня Афина. В отличие от поздних ее изображений, где эгида покрывает лишь плечи богини, на ранних геммах она спускается ниже колен и украшена оторочкой, которая имитирует золотые кисти⁴⁴.

Очевидно, в одном из городов Северного Понта найден литик из синего стекла, хранящийся в Эрмитаже. На реплике в схеме «коленипреклоненного бега» показан стрелок из лука (рис. 4, 3)⁴⁵. По форме, размерам и цвету стекла скарабеоид следует датировать V в. до н.э. В подобных изображениях мы усматриваем Аполлона Лучника⁴⁶. Двумя идентичными геммами представлены отливки с

⁴¹ *Неверов О.Я.* Античные инталии в собрании Эрмитажа. Л., 1976. С. 8. Табл. 10; *он же.* Геммы... С. 32. Табл. II, 6.

⁴² CGC. 1963. V, III. P. 216. Not. 2; *Неверов.* Геммы... С. 108; Силены и менады – демоны плодородия, воплощение стихийных сил природы – составляли свиту Диониса (*Фрезер Д.Д.* Золотая ветвь. М., 1986. С. 362–369). Культ Диониса во времена греческой колонизации Северного Причерноморья имел широкое распространение (*Русяева А.С.* Земледельческие культы в Ольвии догетского времени. Киев, 1979. С. 85–86; *Секерская Н.М.* Античный Никоний. Киев, 1989. С. 109; *Охотников С.Б.* Нижнее Поднестровье в VI–V вв. до н.э. Киев, 1990. С. 43–44, 50–51, 62).

⁴³ *Островерхов, Охотников.* Раннесантичные стеклянные геммы... С. 167. Рис. 10, 1.

⁴⁴ *Лаппо-Данилевский, Мальмберг.* Ук. соч. С. 158. Табл. IV, 7; *Furtwängler.* Op. cit. Taf. XV, 23, 29–30, 37, 43, 47, 52; XVI, 13, 41; *Kiblichitch.* Op. cit. P. 107, 109; *Неверов.* Геммы... С. 57. Рис. 4, 6; *Neverov O.* Die Sammlung Etruskischer Glyptik in der Ermitage // *Studi Etruschi.* 1981. Vol. XLIX. Ser. III. Об этрусской глиптике А. Фуртвенглер писал: «Теперь выявляется ее двойная высокая значимость, во-первых, потому, что многие находки греков дошли до нас только в ее переработках, а затем – потому, что это наилучшее и самое совершенное, чего вообще смог достичь художественный дух этрусков» (Op. cit. Bd III. S. 170). Культ Афины был одним из наиболее почитаемых на берегах Черного моря (*Русяева А.С.* Религия и культы античной Ольвии. Киев, 1992. С. 90–96; *Безсонова С.С.* Изображения Афины за материалами Північного Причорномор'я // *Археологія.* 1975. Вип. 17).

⁴⁵ *Максимова.* Античные резные камни Эрмитажа. С. 37. Рис. 1, 4.

⁴⁶ Ср. *Русяева А.С.* Милет-Дидимы-Борисфен-Ольвия. Проблемы колонизации Нижнего Побужья // *ВДИ.* 1986. № 2. С. 37; *она же.* Религия... С. 39; *Островерхов.* Звериный стиль... С. 88.

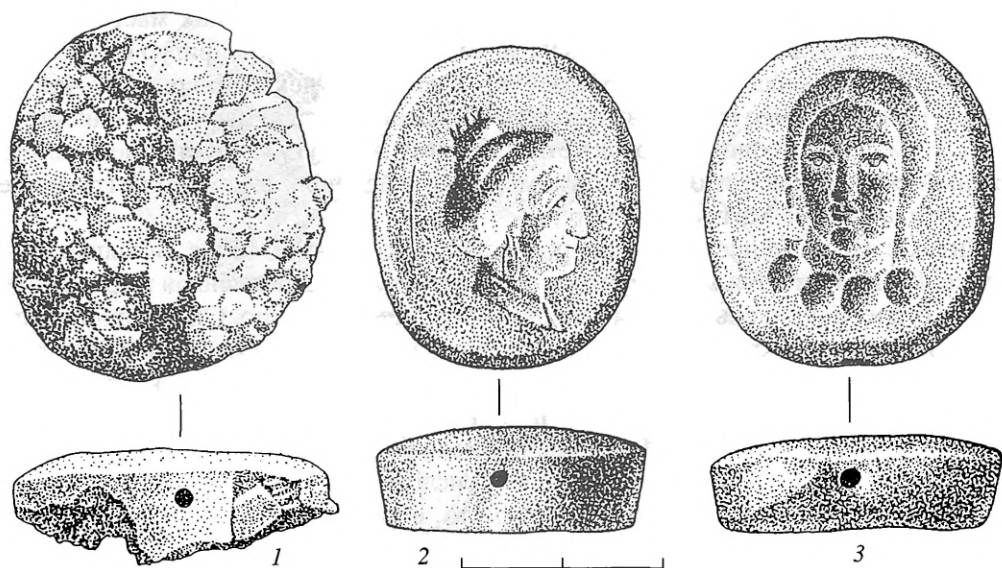


Рис. 5. Изображения женских лиц на стеклянных скарабеоидах: 1 – образец распавшейся геммы; 2 – профильное изображение женской головы (Гюневка, 21/2); 3 – фасовое изображение головы богини (Вишневая Могила, погр. 5)

изображением Геракла-дитя. Одна происходит из Пантикапея, другая найдена на Каменском городище (рис. 4, 4–5). О.Я. Неверов датирует подобные изделия IV в. до н.э. и относит их к продукции боспорских мастеров⁴⁷.

Большое количество экземпляров человеческих лиц представлены в памятниках глиптики. Женские образы репрезентованы двумя типами: один воспроизведен на реплике V в. до н.э. из погребения 5 кургана Вишневая Могила у с. Гюневка⁴⁸: на выпуклой стороне полуфасовое изображение головы девушки с ожерельем на шее (рис. 5, 3). Крупные черты лица, какая-то особенная грубоватость и полнокровность самого типа лица, далекого от классического идеала красоты, прическа с пробором, облегающая голову, массивный подбородок и толстая недлинная шея выдают руку опытного мастера, близкого ионийскому направлению в искусстве. Подобные сюжеты были популярны в античной глиптике⁴⁹. Близкими им являются изображения богинь на перстнях V в. до н.э., изготовленных в ионийских мастерских⁵⁰. Несколькими экземплярами пред-

⁴⁷ ГЭ. Рап. 1913/22; Граков. Ук. соч. С. 104. Табл. XI, 7; Неверов. Геммы... С. 108. Культ Геракла на северных берегах Черного моря был хорошо знаком как эллинам, так и скифам (Граков Б.Н. Скифский Геракл // КСИИМК. 1950. XXXIV; Карышковский П.О. О монетах с надписью EMINAKO // СА. 1960. № 1; Бессонова. Ук. соч. С. 14, 44–45; Раевский. Ук. соч. С. 77; Островерхов А.С., Охотников С.Б. Бронзовый перстень из Тиры // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Одесса, 1997; ср. Русева. Религия... С. 123–127).

⁴⁸ Болтрик, Островерхов. Сюжеты на литиках-скарабеоидах... С. 24; Островерхов, Охотников. Раннеантичные стеклянные геммы... С. 167. Рис. 10, 5.

⁴⁹ Panofka. Op. cit. Taf. IV, 4; Furtwängler. Op. cit. Taf. IX, 40; XXIV, 46; XXV, 35; XXVI, 11, 16, 23; Неверов. Геммы... С. 3; ГЭ, Ол. № 11567.

⁵⁰ Неверов О.Я. Античные перстни (VI в. до н.э. – IV в. н.э.). Каталог выставки. Л., 1978. № 1; он же. Геммы... С. 37; Vickers. Op. cit. Pl. XVII d–e; Neverov. Les bagues... P. 72. Pl. XI, 6.

ставлены отливки с профильным изображением женского лица, украшенного прической *λοιδάδιον* («факелок») (рис. 5, 2). Подобные скарабеоиды находят в Ольвии, на Боспоре, в скифских курганах⁵¹, а также в Средиземноморье. Близкие изображения встречаются на драмах Коринфа второй половины V в. до н.э., на которых воспроизводится образ Артемиды⁵².

Среди мужских божественных персонажей следует отметить находку в Ольвии скарабеоида из синего стекла с изображением профильной головы Аполлона. Подобная реплика происходит из кургана № 17 некрополя Танаиса. Оба изделия датируются V–IV вв. до н.э.⁵³

На отливках из Нимфея (рис. 4, 6) и Неаполя Скифского представлены фасовые изображения бородатого мужчины в остроконечном пилосе. Одни исследователи видят в них изображения кабиров, другие – варварских правителей⁵⁴. Аналогии им известны как на монетах, так и в глиптике⁵⁵. Засвидетельствованы три скарабеоида с профильным изображением мужских голов. Один происходит из Пантикапея: это литик из синего стекла, на нем изображена голова с усами и клинообразной бородкой, на голове обруч, по краю нижней части геммы обозначен ободок из плетенки с точками в завитках, это позволяет датировать инталию V в. до н.э.⁵⁶ Вторая отливка найдена в кургане Карагодеуашх. На ней профильная голова бородатого мужчины с повязкой (есть также мнение, что на голову воина надет шлем без гребня или же шапка)⁵⁷. Если это верно, то на реплике изображен представитель правящего класса, так как повязки и диадемы являлись атрибутами царского достоинства⁵⁸. В 1995 г. на Роксоланском городище нашли еще одну подобную гемму. На ней голова бородатого мужчины с короткими волнистыми волосами, борода его коротко острижена. В правом нижнем углу имеются следы плетенки (рис. 4, 7)⁵⁹. Несомненно размеры, синий цвет стекла и наличие плетенки свидетельствуют о ранней дате скарабеоида. В резьбе угадывается рука опытного мастера. Хочется приписать это произведение Дексамелу Хиосскому или его ученикам. Об этом можно судить по уверенным, параллельным, слегка волнистым штрихам иглы, при помощи которых мастер передает отдельные волоски прически и бороды портретируемого. Именно этот художник одним из первых начал изготовление портретных гемм⁶⁰. В музеях мира хранится несколько подписных, а также приписываемых

⁵¹ Kibaltchitch. Op. cit. VI, 175, 177, 184–185, 188, 190, 192–193; XVI, 450–457; XVII; Неверов. Геммы... С. 108; ГЭ, Ол. 18111; Граков. Каменское городище... С. 109; Болтрик, Островерхов. Стожеты на литиках-скарабеоидах... С. 25.

⁵² Panofka. Op. cit. Taf. III, 37; LVIII, 46; LXV, 23; Furtwängler. Op. cit. Taf. IX, 38; XIII, 2; XX, 50; XXVI, 20, 27; XXXII, 35–36, 38; XXXIII, 1–2, 21; XLVII, 47–48; Walters H.B. Catalogue of the Engraved Gems and Cameos Greek, Etruscan and Roman in the British Museum. L., 1926. № 579; AGDS. II. № 319–322.

⁵³ Kibaltchitch. Op. cit. № 221; ИАК. 1913. Вып. 35. С. 118. Рис. 26; ГЭ. Т.Е. 1909/47.

⁵⁴ Худяк М.М. Из истории Нимфея. Л., 1962. С. 23. Табл. XIV, 2; Neverov. Les bagues... P. 73. Pl. XII, 5.

⁵⁵ Panofka. Op. cit. Taf. I, 44; Furtwängler. Op. cit. Taf. VIII, 61; X, 36; XXXVIII, 43–44; XLI, 6; LIX, 10; Kibaltchitch. Op. cit. Tabl. XVI, 453; XVII, 488.

⁵⁶ Максимова М.И. Античные геммы и их отгиски на фрагментах глиняных сосудов // МИА. 1962. № 103. С. 190–191. Рис. 2; Неверов. Геммы... С. 108.

⁵⁷ Лаппо-Данилевский, Мальмберг. Ук. соч. С. 75. Табл. IV, 8.

⁵⁸ Максимова. Античные печати... С. 259.

⁵⁹ Островерхов А.С., Охотников С.Б. Портретная гемма из Никония // IV Чтения памяти П.О. Карышковского. Одесса, 1996. С. 32–34.

⁶⁰ Неверов. Геммы... С. 70–71.

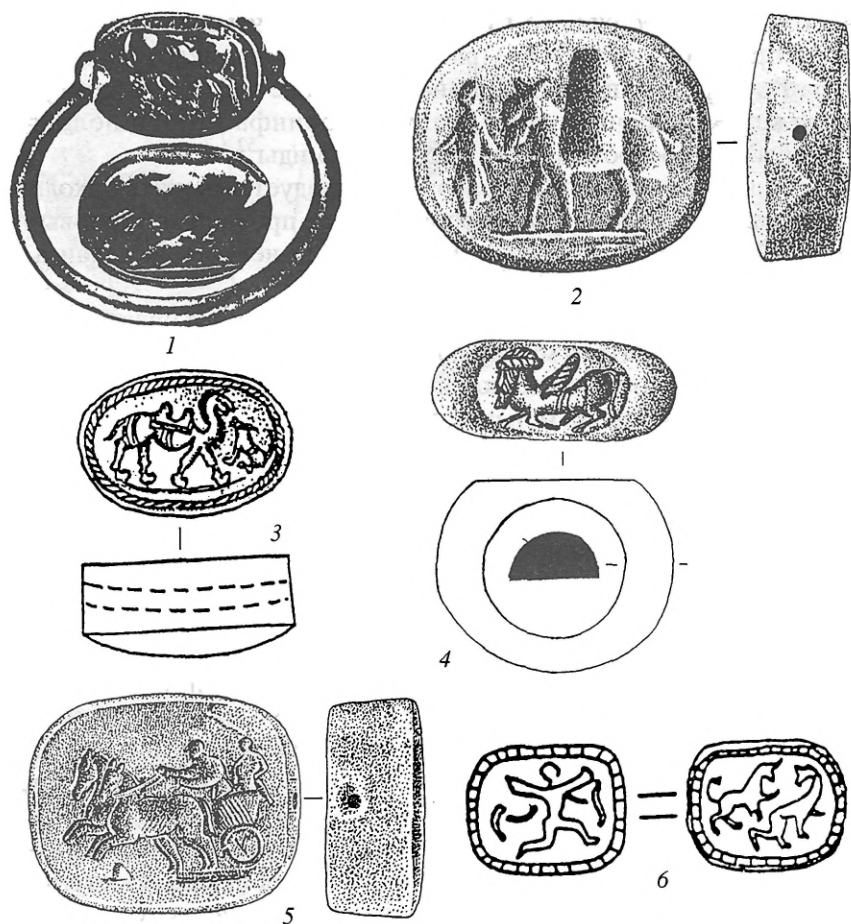


Рис. 6. Мифологические и аллегорические композиции на литиках-скарабеоидах

Дексамену портретных гемм и перстней. Часть из них найдена в Северном Причерноморье⁶¹. Наиболее близким никонийскому является бостонский портрет 430–420 гг. до н.э. Очевидно, к этому времени следует относить и никонийский скарабеоид⁶². Поскольку центром изготовления бостонской геммы считаются Афины, то логично предположить, что местом производства никонийской от-

⁶¹ Evans A. The Athenian Portrait-Head by Dexamenos of Chios // RA. 1898; Diehle E. Eine Gemme des Dexamenos // Berliner Museen. N.F., 1967. S. 44. Abb. 1; Vickers. Op. cit. Pl. XVII b–c; Neverov. Les bagues... P. 72. Pl. XI, 4. Подборку можно дополнить сапфировой геммой из частной коллекции, которая приобретена в Одессе (Kibaltchich. Op. cit. № 207), по словам продавца, она найдена в Ольвии. На скарабеоиде изображена профильная голова пожилого «философа» с большим лысым лбом и бородой, выполненная в традициях школы Дексамена, и может датироваться второй половиной V в. до н.э.

⁶² Дексамен как художник сформировался на Хиосе, длительное время работал в Афинах. О.Я. Неверов высказал предположение, что он некоторое время жил в Пантикапее. На Боспоре найдено большое количество гемм и перстней, авторство которых приписывается этому мастеру (Evans. Op. cit. P. 333; Furtwängler. Op. cit. S. 138; Ернштедт Е.В. К вопросу о стиле резчика Дексамена // ИРАИМК. 1925. Вып. 4. С. 298; Неверов. Дексамен Хиосский... С. 51; он же. Геммы... С. 41).

ливки также был этот город. На берега Тираса она могла попасть, когда Нико- ний входил в Афинский морской союз⁶³.

Особую группу составляют реплики с мифологическими и аллегорическими сюжетами. Одним из наиболее ранних является литик первой половины V в. до н.э., найденный в некрополе Нимфея. Здесь в захоронении воина лежал вделанный в массивную дужку «прекрасной работы скарабеоид из темной стекловидной массы с изображением коровы с теленком на одной стороне и крылатого солнечного диска – на другой» (рис. 6, 1)⁶⁴. Диск – символ Ахурамазды, а обе эмблемы повторяются на монетах г. Тарса 420–380 гг. до н.э. Нахождение геммы у запястья левой руки может свидетельствовать о том, что она служила личной печатью⁶⁵.

Интересен сюжет на отливке из кургана № 21/2 у с. Гюневка (340–320 гг. до н.э.)⁶⁶. На выпуклой стороне изображен погонщик с мулом или ослом, в профиль; на спине животного размещены тюки с товарами. Фигурка проводника едва намечена. Его голову украшает головной убор типа тюрбана, левой рукой мужчина держит поводья, правая рука отброшена в сторону (рис. 6, 2). Нагруженный мул, но без погонщика, помещен на гемме из Копенгагена. Но чаще всего в подобных ситуациях фигурируют верблюды. На инталии из Анапы изображен нагруженный товарами верблюд с погонщиком. На гемме из копенгагенского собрания вырезан верблюд с двумя собаками: одна из них идет впереди и выполняет роль проводника, к ее ошейнику прикреплен поводок, конец которого держит в зубах верблюд; вторая собака сидит на спине у верблюда, в одной из ее лап – плеть⁶⁷. Интересен и скарабеоид, происходящий из Ольвии, на котором запечатлена композиция – верблюд идет вправо, а перед ним сидит собака (рис. 6, 3)⁶⁸. Верблюды и ослы на северных берегах Черного моря были экзотическими животными⁶⁹. В то же время верблюды и собаки занимали важнейшее место в зороастризме: верблюд считался одной из инкарнаций Веретрагны. Само слово «заратуштра» этимологически может обозначать «имеющий старых верблюдов», «тот, кто ведет верблюдов» или же «лицо, обладающее верблюдами». Собаки были проводниками душ умерших. Присутствие животных при умирающем символизировало уничтожение всего грязного, порочного и безнравственного. Взгляд собаки якобы был способен прогнать злых духов⁷⁰. О распространении зороастрийских воззрений на северных берегах Черного моря, возможно, свидетельствует наличие в ряде некрополей Боспора захоронений, выполненных по обряду выставления⁷¹.

⁶³ Карышковский П.О., Клейман И.Б. Древний город Тира. Киев. 1985. С. 44–45.

⁶⁴ Силантьева. Некрополь Нимфея. С. 56. Рис. 24, 2.

⁶⁵ Неверов. Геммы... С. 108; Neverov. Les bagues... P. 72–73. Pl. XII, 3.

⁶⁶ Болтрик Ю.В. Сухопутные коммуникации Скифии // СА. 1990. № 4. С. 42. Рис. 9.

⁶⁷ Furtwängler. Op. cit. Taf. XXV, 55; Kibaltchitch. Op. cit. № 282.

⁶⁸ Сапфириновский скарабеоид поступил в Одесский музей в 1924 г. В каталоге Э.Р. Штерна (Va/1296; ОАМ. № А – 52404) указывается, что гемма найдена в Ольвии и подарена музею Посковым. О ранней дате печати свидетельствует плетенка.

⁶⁹ Цалкин В.И. История скотоводства в Северном Причерноморье // МИА. 1960. № 53. С. 50; Островерхов А.С. Ольвия и торговые пути Скифии // Древности Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1981. С. 91.

⁷⁰ Абаев В.И. Скифский быт и реформа Зороастра // Archiv orientální. Praha, 1956. XXIV, 1; он же. Миф и история в Гетах Зороастра // Историко-филологические исследования. М., 1974; Boyce M. Zoroastrians: Their Beliefs and Practices. L., 1979; Бойс М. Зороастрийцы. Вера, обычаи. М., 1987; Дорошенко Е.А. Зороастрийцы в Иране. М., 1982.

⁷¹ Сорокина Н.П., Сударев Н.И. К вопросу о некоторых варварских погребениях Боспора VI–V вв. до н.э. (постановка вопроса) // Древности Боспора. 2001. № 4; они же. Способы обращения с телами погребаемых в некрополе Кеп // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. СПб., 2002. Ч. 1. С. 284; Соловьев С.Л. Некрополь Нимфея: аспекты погребальной практики населения ионийского полиса // Там же. С. 102.

В кургане № 14/4 у с. Привольное на Херсонщине найден литик с изображением биги с возничим и воином. Композиция развернута на 3/4 оборота к зрителю. Возничий слегка наклонился вперед и держит в руках поводья, воин стоит сзади, на поясе у него – меч. Лошади вздыблены, под их передними ногами показан финишный камень или же поворотный столбик (рис. 6, 5)⁷².

Изображения колесниц – распространенный мотив в глиптике⁷³, нумизматике⁷⁴, вазописи. Определенную сюжетную аналогию представляет свинцовый барельеф, найденный на поселении Кателино–1 близ Ольвии. На нем изображена колесница, запряженная парой лошадей, и управляемая возницей. В.В. Рубан, опубликовавший его, полагает, что на барельефе показаны культовые ристания, а возничий – это Ахилл. Хотя А.С. Русяева считает, что возничий – это Гелиос, версия В.В. Рубана представляется более вероятной⁷⁵.

Всадник помещен на отливке IV в. до н.э., найденной на горе Митридат в Керчи (ГЭ, Рап. 1907/8). Из Пантикапея происходит также реплика с изображением мужчины на гиппокампе (ГЭ, Ж-500). Поскольку мифический конь мыслился как священное животное Посейдона, то во всаднике следует видеть бога морей. А на другом скарабеоиде из столицы Боспора изображен гиппокамп (ГЭ, Рап. 1867/33). Очевидно, животное выступало в роли медиатора, при помощи которого души умерших преодолевали водную преграду⁷⁶.

Г.Л. Скадовским на Березани найден стеклянный скарабеоид – «гемма с изображением на обеих сторонах». На одной из сторон помещена фигурка крылатого антропоморфного существа, находящегося в окружении змей. На другой, как полагал Б.А. Тураев, два коня или же конь и лев⁷⁷. Однако, судя по трактовке лап, хвостов и голов животных, здесь мы имеем дело с грифонами (рис. 6, б). Близкое изображение видим на гемме из Большой Знаменки (рис. 3, 4). Стилистические аналогии имеются среди навкратийских фаянсов. В божестве со змеями мы усматриваем Геракла или Ахилла – паредров змееногой богини в Нижнеднепровской Гилее.

В 2000 г. в Никонии был найден еще один скарабеоид второй половины V в. до н.э. На его плоской стороне композиция: четыре мыши по кругу против ча-

⁷² Охотников С.Б., Островерхов А.С. Скарабеоид с Березани // ДП КС ОАО. Одесса, 1993. С. 72. Рис. 16; Островерхов, Охотников. Раннеантичные стеклянные геммы... С. 167. Рис. 10, 10; Кубышев А.И., Островерхов А.С. Стеклянные погребальные «кулоны» раннеэллинистического времени из Северного Причерноморья // Чобручский археологический комплекс... Тирасполь, 1997. С. 73. Рис. 2.

⁷³ Panofka. Op. cit. Taf. I, 25; II, 46; III, 23; Furtwängler. Op. cit. Taf. VII, 1, 4–5; VIII, 14; IX, 46, 52–54; XII, 38; XIII, 14; XIV, 38; XXX, 3; XXXVI, 14–15; XLVI, 10; LXIII, 49; LXIV, 79; LXV, 4; Kibaltchitch. Op. cit. VIII, 276; IX, 278.

⁷⁴ Изображения колесниц известны на монетах Херсонеса. А.Н. Зограф датировал монеты с квадратной 350–330 гг. до н.э., а монеты с бигой – более поздним временем (ср. Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса. Киев, 1977. С. 22–24. Табл. II, 33–42; III, 43–56; IV, 66–67).

⁷⁵ Рубан В.В. Литое свинцовое изображение фигур из поселения Кателино // Новые памятники древней и средневековой культуры. Киев, 1982; Русяева. Религия... С. 122–123.

⁷⁶ Мелюкова А.И. Краснокутский курган. М., 1981. С. 41–42; Шталь. Ук. соч. С. 125.

⁷⁷ Тураев Б.А. Скарабен с острова Березани // ИАК. 1911. № 7; Большаков, Ильина. Ук. соч. С. 58–59. Рис. 4; Petrie W.M.F. Naukratis. L., 1886. Vol. 1. № 140–141, 145; Охотников, Островерхов. Скарабеоид с Березани; ср. Русяева А.С. Идеологические представления древних греков Нижнего Побужья в период колонизации // Обряды и верования древнего населения Украины. Киев, 1990. С. 40–61; она же. Понтийская легенда о Геракле: вымысел и реальность // Духовная культура древних обществ. Киев, 1991. С. 96–116.

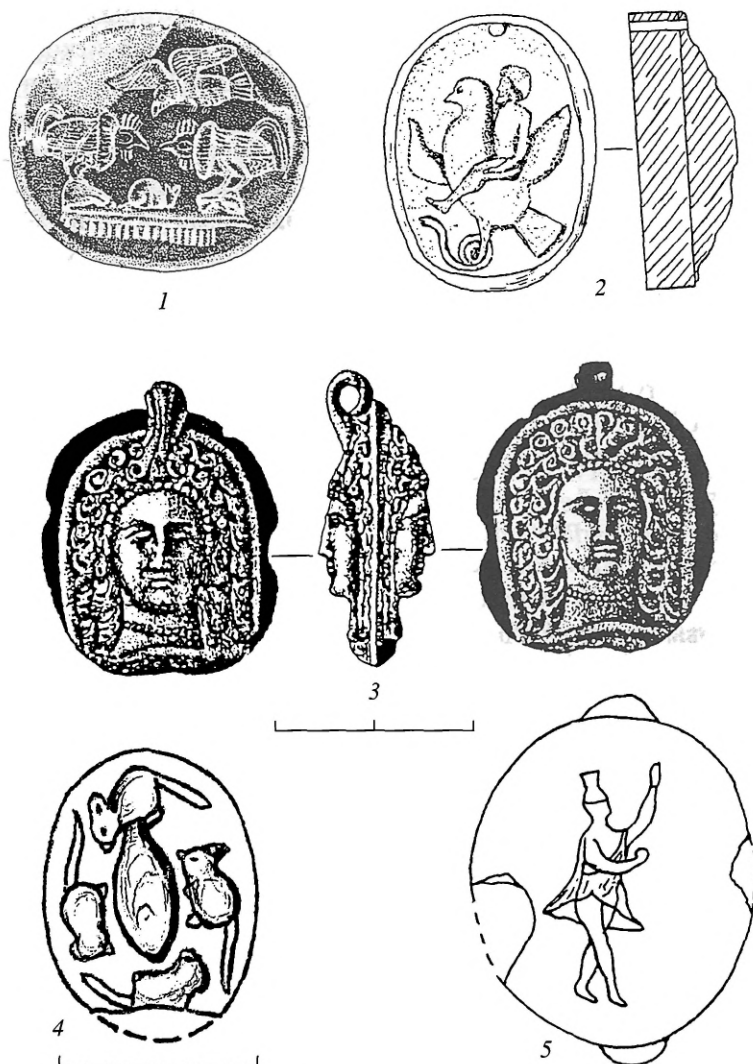


Рис. 7. Литики-скарабеиды с аллегорическими сюжетами и камеи из скифских курганов Северного Причерноморья

совой стрелки совершают «хоровод» вокруг гиперболизированного пшеничного зерна (рис. 7, 4)⁷⁸. Семантика грызунов в древних мифологиях и религиях многопланова⁷⁹. Начиная с гомеровского времени в Греции был распространен

⁷⁸ Батизат Г.В., Островерхов А.С. Литик-скарабеид с изображением «хоровода» мышей из Никония // Ольвия та античний світ. Матеріали наук. читань, присвячених 75-річчю утворення заповідника «Ольвія». Київ, 2001. С. 21–25; Островерхов А.С., Охотников С.Б. Глиптика Никония и его округи // Там же. С. 96. Рис. 1, 4.

⁷⁹ Мыши считались хтоническими животными (Strabo. XIII. 1. 48), наделенными про-фетическими функциями (Auson. Technopora. XII. 12). С грызунами связывались предназна-менованія смерти, разрушения, войны, мора, голода, болезни, бедности (Aen. Var. Hist. I. 1; Arist. Hist. Anim. VI. 186–189; Theophr. Char. XVI. 6; Apul. Met. II. 22, 25; Call. Caus. III. 9–33; Plin. NH. VIII. 233; XII. 12; Jos. Flav. Ant. Iud. VI. 1–3). Изображения мышей использова-лись в качестве апотропеев (Волошин М. Аполлон и мышь // Северные цветы. Альма-нах. М., 1911. Вып. 5; Топоров В.Н. Мышь // Мифы народов мира. М., 1992. Т. 2. С. 190).

культ Аполлона Сминфейского (σμίφθος – «мышь»), который имел малоазийское происхождение⁸⁰. Образы мышей и Аполлона Сминфейского часто воспроизводились в античной нумизматике⁸¹ и глиптике⁸². Культ Сминфея в городах Северного Понта пока не зафиксирован. Но не должен вызывать сомнения тот факт, что колонисты привезли на северные берега Черного моря мифы и поверья, связанные с мышами. Эти вредители представляли значительную угрозу для сельскохозяйственных угодий. Для борьбы с ними уже в архаическое время на территорию Ольвийского полиса завезли кошек⁸³. О связи амулета с аграрной магией и культом Деметры может свидетельствовать наличие на нем изображения пшеничного зерна. Зерна злаковых были несколько связаны с культом богини, что она сама ассоциировалась с ними, а мышь занимала важное место в элевсинских мистериях: на монетах и геммах грызуны часто изображались вместе с Деметрой и зерном⁸⁴.

Интересная композиция представлена на скарабеоиде из кургана V в. до н.э. у с. Большая Белозерка в Херсонской обл.⁸⁵ По центру в геральдической позе изображены два петуха-грифона на коротких, слегка согнутых ногах, стоящих на конских (?) черепах, между черепами на земле сидит мышь, над ними парит орел (рис. 7, 1). Большие рубчатые гребни петухов наподобие тех, что украшают орлиноголовых грифонов на памятниках звериного стиля V в. до н.э., торчат вверх, аналогичным образом трактованы и сережки, глаза у петухов овальные, большие, выпуклые. Подобный прием использовался при изображении «петушиных голов» на луристанских бронзах. Хвосты, трактованные в виде стилизованных орлиных головок, приподняты вверх. Это довольно редкий образ, хотя его распространение в греко-скифской среде подтверждается находкой в Пан-

⁸⁰ На культовую связь бога с мышами, где он выступает то в роли убийцы мышей и хранителя полей, то в роли мыши-оборотня, то защитника мышей, указывают древние авторы. Первоначально Сминфей был мышиным демоном, имевшим вид мыши, и только впоследствии этот культ слился с культом Аполлона (*Gregori I., Goosens R., Mathiem M. Asklepius and Apollon Smithneus at Rudra. Bruxell, 1949; Лосев. Античная мифология...* С. 209; *Фрэзер. Золотая ветвь.* С. 555–556).

⁸¹ CGC. Vol. I. P. 86, 254; Vol. VI. P. 177; Vol. IX. P. 95. Pl. XXII, 12; Vol. XVII. P. 9. Pl. III, 6; Vol. 21. P. 113–114. Pl. XX, 5–8; XL. P. 1.

⁸² *Panofka. Op. cit. Taf. III, 12, 15–16; IV, 49; Неверов О.Я. Античные камеи в собрании Эрмитажа. Л., 1988. С. 146. № 383–384.*

⁸³ *Журавлев О.П. Животноводство, охота и ландшафтные особенности античного Ольвийского государства // Морфологические особенности позвоночных животных Украинны. Киев, 1983. С. 41.*

⁸⁴ *Русяева. Религия...* С. 84; *Батизат Г.В. Инталия с изображением Фортуны-Исиды-Цереры из сарматского погребения в Нижнем Подунавье // Пам'ятки археології Північно-Західного Причорномор'я. Одеса, 2000. С. 113–115; Panofka. Op. cit. S. 89. Taf. IV, 2. Обращает на себя внимание тот факт, что мыши на реплике показаны в момент совершения «хоровода». Мифологические представления о мышах переплетались с представлениями о музах. Место рождения мышей и муз – гора; предводитель мышей – Сминфей, предводитель муз – Аполлон или Дионис; форма организации мышей и муз – хоровод; общие функции: нанесение ущерба и блага – исцеление, ослепление, пение, прорицание, способность лишать людей памяти и т.д. (*Лосев. Античная мифология...* С. 306–313; *Топоров В.Н. Музы: соображения об имени и предыстории образа // Славянское и балканское языкознание. М., 1977).**

⁸⁵ *Болтрик Ю.В., Островерхов А.С. Литик-скарабеоид из скифского кургана у с. Большая Белозерка // Киммерийцы и скифы. Тез. докл. конф. Мелитополь, 1992. С. 16–17.*

тикапее (?) перстня с изображением птицы⁸⁶. Привлекает внимание трактовка фигурок мыши и орла – их туловища даны в профиль, а крылья и хвост у орла и голова мыши – в фас. Так боспорские мастера «звериного стиля» изображали фигурки «львиц», а сам прием заимствован из вазописи⁸⁷.

Петух – один самых распространенных образов и элементов символизма. Птица фигурирует в космологических мифах, является спутником и атрибутом многих богов – Диониса, Гермеса, Аполлона, Гелиоса, Асклепия, Персефоны, Мена-Аттиса и др., выступает как самостоятельное действующее лицо, наделяется рядом положительных и отрицательных качеств, аллегоризируется. Петухи символизировали воинственность, боевитость, мужественную добродетель в борьбе. Изображение петухов «affrontes» связывалось с идеей мирового древа, древа жизни, оси мира, мировой горы, омфала и т.д., а петушьи бои рассматривались как символ победы над врагами, в том числе в хтоническом и погребальном культах⁸⁸.

Образ петуха считается персидским по происхождению. Из Персии он проник к скифам Алтая⁸⁹ и эллинам, в Греции он известен с VII в. до н.э., воспроизводился в вазописи, монументальном искусстве⁹⁰, нумизматике⁹¹, глиптике⁹². Через города Северного Понта он попал в Скифию и Сарматии. Одно из лучших его изображений представлено на обивке меча из кургана Толстая Могила. При его сопоставлении с изображением на белозерской реплике создается впечатление, что первоисточником для обоих было какое-то произведение искусства, выполненное местным мастером. В том и другом случае образы петухов настолько переработаны, что поиски прямых аналогий на средиземноморских памятниках оказываются безуспешными⁹³.

⁸⁶ Петренко В.Г. Бронзовая бляха с головой грифона // КСИА АН СССР. 1962. 89; Капошина С.И. О скифских элементах в культуре Ольвии // Ольвия и Нижнее Побужье в античную эпоху. МИА. 1956. № 50. С. 186. Рис. 24; Погребова М.Н., Раевский Д.С. Ранние скифы и Древний Восток. М., 1992. С. 124. Рис. 17; Неверов. Геммы... С. 52. Рис. 3, 18.

⁸⁷ Ильинская В.А. Образ кошачьего хищника в раннескифском искусстве // СА. 1971. № 2. С. 83; Островерхов А.С., Охотников С.Б. О некоторых мотивах звериного стиля на памятниках из собрания Одесского археологического музея // ВДИ. 1989. № 2. С. 51.

⁸⁸ Кагаров. Культ фетишей... С. 280–291; Кобылина М.М. Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века н.э. М., 1978. С. 16–17; Соколов В.В. Петух // Мифы народов мира. Т. 2. С. 309–310. Анализируемую композицию можно сопоставить с рассказом Геродота (IV. 131–132) о дарах Иданфирса Дарию. По мнению исследователей (Раевский. Ук. соч. С. 65), в нем отражены космогонические воззрения скифов-номадов: три посланных в дар животных соотносятся с тремя зонами вертикального космоса. На нашей гемме верхний мир представляет орел, земной – петухи, нижний – мышь. Изображение соответствует и мотивам древнегреческой басенной традиции, связанной с дерущимися петухами и орлом (см. Бабрий. 1, 5).

⁸⁹ Руденко С.И. Искусство Алтая и Передней Азии. М., 1961. С. 50. Рис. 43.

⁹⁰ Борисковская С.П. Группа раннекоринфских алабастров ориентализирующего стиля в Эрмитаже // Художественная культура и археология античного мира. М., 1976. С. 63. Рис. 4; Pinsent J. Greek Mythology. N.Y., 1987. P. 14, 119.

⁹¹ Tier- und Pflanzenbilder... Taf. XXI, 34–35; Sear D.R. Greek Coins and their Values. Vol. 1. L., 1978. P. 58. № 535; P. 75. № 715–718; P. 167. № 1647–1648; Никулина. Искусство Ионии... Табл. II, 390; Jenkins G.K. Ancient Greek Coins. L., 1990. P. 17, 43.

⁹² Panofka. Op. cit. Taf. III, 28; IV, 40, 45; Furtwängler. Op. cit. Taf. XXIX, 56, 65; XLV, 48–49; Kibaltchitch. Op. cit. Tabl. II, 48, 56; III, 75; XI, 353; Неверов О.Я. Античные камеи в собрании Государственного Эрмитажа. Л., 1971. № 69; он же. Геммы... Табл. 4, 4; он же. Античные камеи в собрании Эрмитажа. № 383–384; Никулина. Искусство Ионии... Табл. III, 466, 470, 474.

⁹³ Мозолевский Б.М. Товста Могила. Київ, 1979. Рис. 52–56; Онайко Н.А. О новых публикациях античной торевтики из скифских курганов Нижнего Поднепровья // СА. 1982. № 4. С. 254; Дзиговский А.Н., Островерхов А.С. Стеклопосуда как историческое явление в памятниках скифо-сарматского времени. Одесса, 2000. С. 188–190. Рис. 42, 3.

Реплики камней представлены подвесками двух типов. Первый тип репрезентирован одним экземпляром. Это украшение из женской гробницы 1 Мелитопольского кургана (330–310 гг. до н.э.), оно входило в состав набора амулетов, хранившихся в шкатулке. Камень состоит из двух частей: 1) основа из прозрачного бесцветного стекла в виде овальной печати со сквозным отверстием для подвешивания в верхней части; на лицевой стороне в 3/4 оборота к зрителю изображена летящая птица с сидящим на ней человеком, на голове которого острокопечный головной убор, ноги птицы трактованы в виде свернувшейся в спираль змеи (рис. 7, 2); 2) гладкая овальная, сегментовидная пластина из стекла того же самого качества, что и основа, поэтому издатели полагали, что пластина служила подкладкой под основную⁹⁴. С этим мнением можно согласиться, но с одной поправкой. Между основой и пластиной должен был находиться экран (золотая или серебряная фольга), т.е. памятник выполнен из «слоистого» стекла. В глиптике подобные изображения встречаются редко⁹⁵. Издатели усматривают в мелитопольском персонаже путешествующего Ганимеда, но с этим едва ли можно согласиться. Ведь птица имеет ярко выраженные хтонические черты, а изображение ближе всего стоит к тем памятникам искусства, которые воспроизводят Мена-Аттиса на петухе⁹⁶.

Своеобразную группу камней составляют подвески IV–III вв. до н.э. из синего стекла с изображением мужских и женских лиц (*Doppelköpfen*) (рис. 7, 3). Их производил Карфаген почти для всей античной ойкумены, они обнаружены также и в Восточной Европе. В мужских лицах усматривают Баала-Зевса, а в женских – Тиннит-Деметру⁹⁷. Наиболее ранними из такого рода памятников были изделия, в которых скарабеиды использовались в качестве щитков, помещались на вращающемся кольце (рис. 6, 1). В IV в. до н.э. появляются изделия из «слоистого» стекла. Одно из таких украшений найдено в Павловском кургане (вторая половина – третья четверть IV в. до н.э.): между двумя слоями бесцветного стекла помещена линза из синего стекла, на которую наложены золотые композиции; на одной стороне изображены две пляшущие танцовщицы, на противоположной – гишпокамп в окружении четырех дельфинов и двух рыб (рис. 8)⁹⁸. Литье стеклянные перстни появляются в позднеклассическое время, но

⁹⁴ Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н. Мелитопольский курган. Киев, 1988. С. 37, 106. Рис. 106, 18; 118, 2.

⁹⁵ *Panofka*. Op. cit. Taf. III, 78. Издатель датировал гемму римским временем и полагал, что на ней изображена Юнона, летящая на орле.

⁹⁶ Это было небесное и хтоническое божество. Оно содействовало плодородию земли и здоровью людей, охраняло могилы и души умерших. Культ Мена-Аттиса в Северном Причерноморье появился в раннеэллинистическое время, но широкое распространение получил в первые века н.э. Очевидно, с кругом этих представлений связаны образы петуха-грифона и змееногого божества с петушиной головой на позднеантичных печатях (*Perdrizet P. Mên* // ВСН. 1896. 20. Р. 106; *Кобылина*. Ук. соч. С. 16–18; *Неверов О.Я.* Изображения на геммах-печатах, металлических перстнях и амулетах // *Кобылина М.М.* Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века нашей эры. М., 1978. С. 165–166. Рис. 52–53; *Батизан Г.В.* Стеклоподвеска из погребения черняховской культуры // *Никоний и античный мир...* С. 299–304.

⁹⁷ *Haevernick Th.E.* *Doppelköpfen* // *Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Rostock*. Rostock, 1968. Ht 7/8; *Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Г1–12. Т. 1–3. М., 1978. С. 62, 74. Табл. 34, 12–17; *Островерхов А.С.* Фаянсовые и стеклянные бусы в Скифии и Сарматии // ВДИ. 1985. № 3. С. 101; *он же*. Стеклоподвески из Ольвии // Проблемы археологии Северного Причерноморья. Тез. докл. конф. Херсон, 1990. Ч. 2; *Бидзиля и др.* Ук. соч. Рис. 19, 14.

⁹⁸ *Артамонов М.И.* Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага–Ленинград, 1966. С. 67. Табл. 274–275.

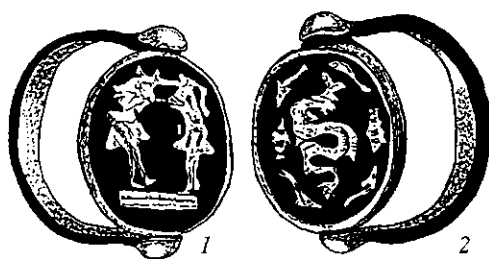


Рис. 8. Перстень с подвижной дужкой и геммой из «слоистого» стекла из Павловского кургана: 1 – танцовщицы; 2 – гиппокамп (по М.И. Артамонову)

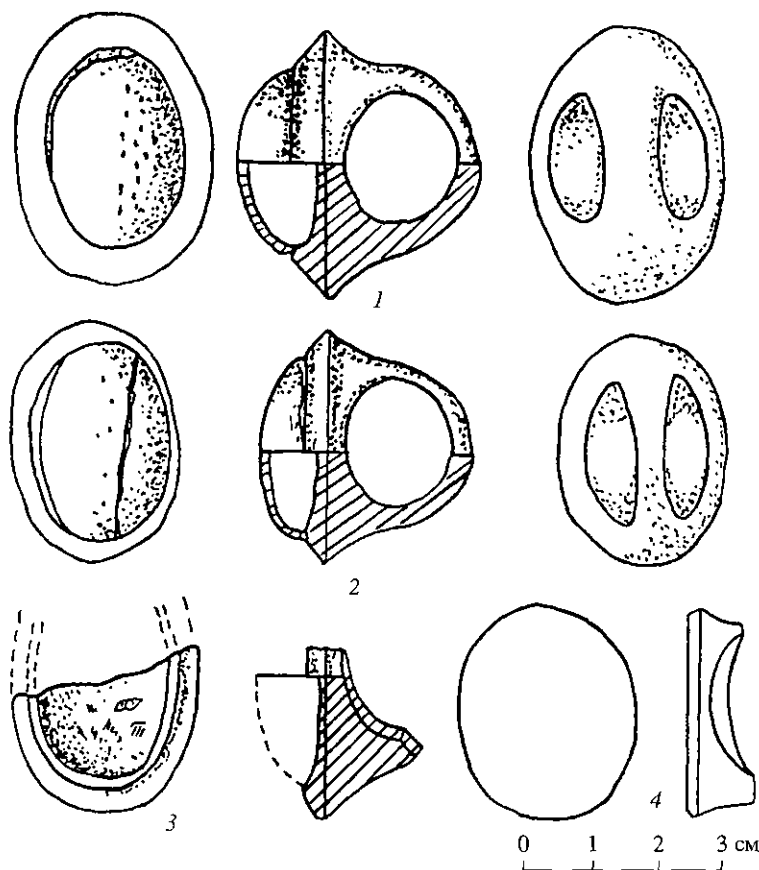


Рис. 9. Образцы стеклянных перстней эллинистического времени из Прикубанья: 1–2 – Майкоп; 3 – Нимфей (по Н.П. Сорокиной)

распространение получают в эллинистическую эпоху. Их находят на юге Восточной Европы и особенно на Северном Кавказе (рис. 9)⁹⁹.

С конца IV – начала III в. до н.э. наблюдается процесс слияния до сих пор развивавшихся параллельно двух описанных выше типов перстней. В гнездо на

⁹⁹ Haevernick Th.E. Hellenistische Glasfingerringe // *Jahrbuch des Romisch-Germanischen Zentralmuseums*. Mainz, 1969. Jg. 16; Младенова Я. Предметы от стекла и алабастра от некрополя на Аполония // *Аполония. Разкопки в некрополя на Аполония през 1947–1949 гг.* София, 1963. С. 307. № 1000; Сорокина Н.П. Стеклянные перстни из Прикубанья в собрании ГИМ // *Труды ГИМ*. 1966. Вып. 40.

щитке перстня стали вставлять гемму. Это был переломный момент в истории античной глиптики. Примером, иллюстрирующим такие изменения, является стеклянный перстень из Курджипского кургана: высокое гнездо с плоским овальным щитком переходит в кольцевую дужку, внутрь гнезда помещена оттиснутая на золоте фигурка танцовщицы в калафе. Идентичную фигурку мы видим на перстне из Лувра. Гнездо последнего также изготовлено из прозрачного зеленоватого стекла, внутри которого золотая пластина (рис. 7, 5). В Каталоге Британского музея есть упоминание о стеклянном перстне, в гнездо которого помещена оттиснутая на золоте фигурка гиппокампа¹⁰⁰.

У греков геммы и перстни служили амулетами, печатями и украшениями. Иногда одно из этих назначений преобладало, но чаще всего все три функции выполняло одно изделие, как в городах Северного Понта. Стеклянные копии гемм пользовались спросом у рядового населения. В Пантикапее большинство литиков найдено в земляных гробницах. Хотя скарабеоиды встречаются в культурном слое Ольвийского городища, но в его некрополе не зафиксировано ни одного такого случая. Судя по находке отливки на поселении Надлиманское-3, эта категория изделий имела спрос у сельского населения. Если инталии могли выполнять роль личных печатей, то геммы из «слоистого» стекла, камеи и перстни с металлическими прокладками годились лишь на роль амулета и украшения¹⁰¹.

В Скифии и Сарматии литики встречаются в могилах богатых варваров. Ареал их распространения включает Нижнее и Среднее Поднепровье, Подунавье и Северный Кавказ. Находки характерны для женских и детских могил, где они в составе ожерелий наряду с бусами служили амулетами и украшениями. В варварском мире Восточной Европы, не знавшем классического института частной собственности, отношение к геммам и перстням было иным, чем у эллинов. Здесь они были репрезентативным украшением и оберегом. Изображения животных на геммах и перстнях были «эрзацем» звериного стиля. В V–IV вв. до н.э. классический скифский звериный стиль настолько эллинизировался, что В.А. Ильинская сочла возможным характеризовать этот период его развития как «греко-скифское барокко звериного стиля»¹⁰².

По мнению Н.М. Никулиной, изготовление произведений глиптики в традициях восточнотреческого искусства сосредотачивалось в городах побережья Малой Азии и на некоторых близлежащих островах, а также в резиденциях персидских и местных правителей, где работали греческие художники, резавшие чеканы для монет и исполнявшие заказы местной знати. Места фабрикации греко-персидских гемм и перстней располагались в южных и юго-западных районах Анатолии, главным образом в Ликии и Кари¹⁰³.

¹⁰⁰ Галанина. Курджипский курган. С. 42–44, 89. № 34; *Coche de la Ferte E. Bijoux antiques*. P., 1955. P. 117. Pl. XXIV, 4; *Hoffman H., Davidson F. Greek Gold*. S.I., 1965. P. 248. Fig. 106; *Marshall F.H. Catalogue of the Finger Rings Greek, Etruscan and Roman in the British Museum*. L., 1907. P. 248. Fig. 106. Выбор сюжетов, помещавшихся на металлических пластинах перстней, был ограниченным – танцовщицы и гиппокампы. Представляется, что в образе танцовщиц изображались менады. На вазах «керченского» стиля изображали Ариадну как Владычицу Преисподней – женского коррелята хтонического Диониса (*Шталь*. Ук. соч. С. 111–113).

¹⁰¹ Неверов. Геммы... С. 5–9, 30, 109; *Скуднова В.М.* Архаический некрополь Ольвии. Л., 1988; *Козуб Ю.И.* Некрополь Ольвии V–IV ст. до н.э. Київ, 1974; *Парович-Пешикан М.* Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев, 1974.

¹⁰² Неверов. Геммы... С. 51; *Ильинская В.А.* Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья. Киев, 1968. С. 111; *Островерхов А.С.* Образ птицы в ольвийской школе звериного стиля // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1984. С. 63 сл.

¹⁰³ Никулина. К вопросу... С. 112, 117.

Некоторые исследователи предполагают, что в ряде городов Северного Причерноморья существовало собственное производство скарабеоидов. Технология создания отливок настолько проста, что не требовалось школы и долгих традиций для налаживания производства подобных копий каменных гемм, возможно, служивших дубликатами печатей городских магистратов или храмов. На северных берегах Черного моря работали мастера глиптики, приезжавшие из метрополии, занимались этим ремеслом и местные ремесленники. Погребение одного из них, обнаруженное на горе Митридат¹⁰⁴, датируется IV в. до н.э. О местном производстве скарабеоидов могут свидетельствовать копирование изображений, помещавшихся на пантикапейских монетах, и наличие на некоторых литиках дополнительных элементов, характерных для звериного стиля. Центры, где производилась варка стеклянной массы и места, где из стекла изготавливалась продукция, часто были разделены значительными расстояниями. На северные берега Понта стеклянные заготовки могли завозиться из традиционных пунктов стеклоделия того времени, о чем могут свидетельствовать унифицированные размеры и вес скарабеоидов (табл. 1). Торговля стеклянными полуфабрикатами в древности и средневековье практиковалась широко. К сожалению, места расположения мастерских раннеантичного времени до сих пор не локализованы¹⁰⁵.

Специфический характер изготовления гемм из «слоистого» стекла свидетельствует о том, что они производились в каком-то месте, которое славилось изготовлением предметов из литого стекла и искусством тореvтики¹⁰⁶. А. Салдерн, Ю.Л. Шапова, Н.П. Сорокина, Н.З. Кунина и другие, придерживаясь традиции, сложившейся еще в конце XIX – начале XX в., ищут их в Александрии Египетской. Т.Е. Хеверник полагала, что центры производства такой продукции следует искать в греко-анатолийской области¹⁰⁷. Этому же мнению придерживается и автор настоящего исследования.

Вопрос о месте производства стеклянной массы помогают решить данные о составе стекла (табл. 2, 3)¹⁰⁸. Оно сварено по «античному» рецепту (песок + натуральная сода + доломиты)¹⁰⁹. Внешне его можно принять за древнеегипетское, но по таким показателям, как соотношение CaO : MgO и низким RN, колеб-

¹⁰⁴ Неверов. Геммы... С. 108–109; Сапожникова, Островерхов. Технология... С. 87.

¹⁰⁵ Шапова. Немного о древнем стекле. С. 263; она же. Стеклоделие в древности как историческое явление // XV International Congress on Glass. Proceedings. Archaeometry. Leningrad, 1989. С. 40); Charleston R.J. Glass Furnaces through the Ages // JGS. 1978. 10; Barag D. The Origin of Glass // IX Congres International du Verre. Communications artistique et historique. P., 1972. P. 183–190.

¹⁰⁶ Максимова М.И. Стекло // Эллинистическая техника. М.–Л., 1948. С. 242; Алексеева. Античные бусы... Т. 3. С. 50; Островерхов А.С. Скляні амфороподібні підвіски в пам'ятках Північного Причорномор'я V–II вв. до н.е. // Археологія Південного Заходу України. Київ, 1992. С. 72–82.

¹⁰⁷ Eisen G. The Origin of Glass Blowing // AJA. 1916. XX. № 2. P. 138; Saldern A. von. Glass Finds at Gordion // JGS. 1959. 1; Шапова. Очерки истории... С. 110; Haevernick. Hellenistische Glasfingerringe. S. 182.

¹⁰⁸ По нашей просьбе анализы сделаны в лаборатории археологической технологии ИИМК РАН В.А. Галибиным. Пользуясь случаем, хочу поблагодарить его за проделанную работу и консультации по специальным вопросам.

¹⁰⁹ Близкий состав имеют геммы из «слоистого» стекла, фиалы с лепестковым орнаментом, амфоровидные подвески и другие изделия (Шапова. Очерки истории... С. 110; Островерхов А.С., Охотников С.Б. Стеклянные изделия из античных памятников Нижнего Поднестровья // Памятники древней истории Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1985. С. 27–33; они же. О происхождении стеклянных фиал из курганов Северного и Восточного Причерноморья // Северо-Западное Причерноморье – контактная зона древних культур. Киев, 1991. С. 47).

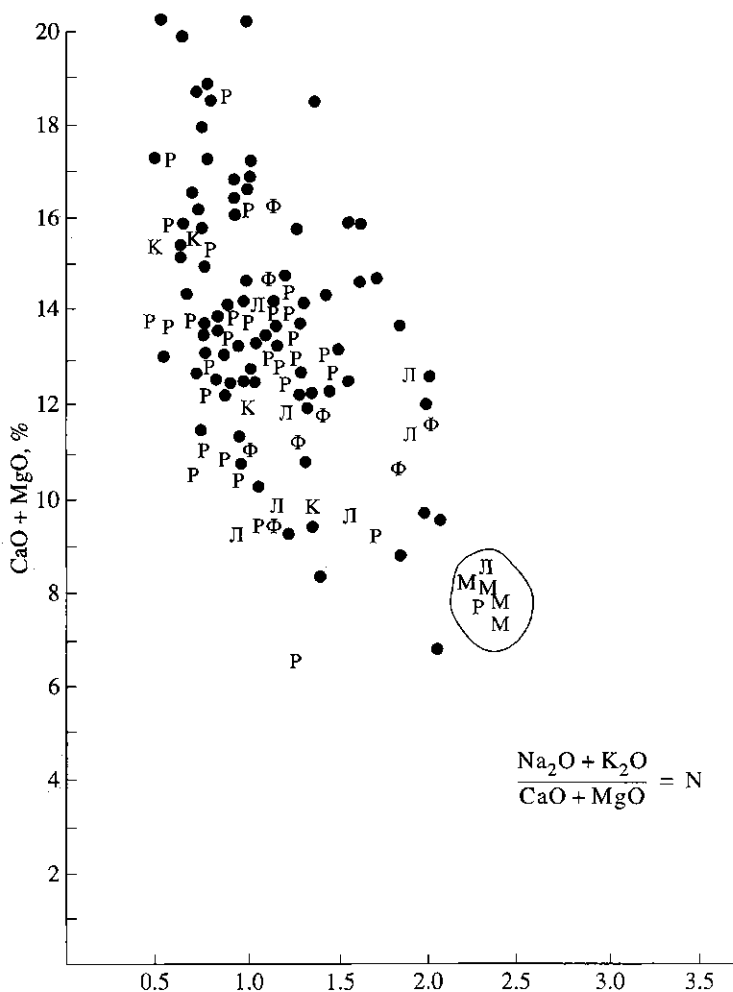


Рис. 10. Количественно-качественная характеристика стекол V–I вв. до н.э., сваренных по античному рецепту. К – «кулоны», Л – литики-скарабеиды, Р – рубчатые бусы, Ф – фиалы, • – массовый материал. М – «мокрый» анализ

лющимся от 1 : 1 до 1 : 1.5, оно отличается от последнего. На графике (рис. 10) такое стекло накладывается на массив ближневосточного стекла II–I тыс. до н.э.¹¹⁰ Центры производства стекломассы, органически соединяющей в себе ряд характерных черт древнеегипетской (применение натуральной соды), ближневосточной (низкие RN , использование доломитов и доломитизированных известняков) школ, по нашему мнению, следует искать в греко-анатолийской области, Ионии, Финикии, Аттике и Карфагене. Это была синкретическая школа, появившаяся в античное время, в ней отражены финикийская и восточногреческая черты стеклоделия, поэтому ее можно было бы назвать средиземноморской¹¹¹.

¹¹⁰ Sayre E.V., Smith R.W. Compositional Categories of Ancient Glass // Science. 1961. 133. № 3467. Р. 1824–1826; Шапова. Очерки истории... С. 167–168.

¹¹¹ К специфике школы следует отнести также применение сурьмы самостоятельно и в сочетании с другими металлами для глушения и обесцвечивания стекла. В качестве красителя синего цвета использовались соединения кобальта кавказского и европейского происхождения (Дзиговский, Островерхов. Стеклопосуда... Гл. 2).

Размеры и вес литиков-скарабеоидов

п/п	Памятник	Сюжет	Размеры (см)	Вес (г)
	Гюневка, 21/1	погонщик с мулом	$3.2 \times 2.5 \times 1.1$	14.51
	КиевГЭС, клад	козлы у дерева	$3.1 \times 2.5 \times 1.0$	13.7
	В. Белозерка, 2/1	аллегория	$3.1 \times 2.6 \times 1.0$	—
	Гюневка, ВМ/5	лицо девушки в фас	$3.4 \times 2.9 \times 1.0$	—
	Гюневка, 21/2	лицо девушки в профиль	$3.1 \times 2.6 \times 1.0$	13.2
	Привольное, 14/4	бига с наездником	$3.0 \times 2.4 \times 1.1$	—
	Гюневка, 21/2	лев	$2.4 \times 2.0 \times 0.9$	7.75
	Курджипс	лев	$2.4 \times 2.0 \times 0.9$	7.75
	Носаки, 4/3	олень	$2.9 \times 2.0 \times 0.77$	6.95
0	ГЭ, РАН. 1906/3	Геракл-дитя	$2.5 \times 2.0 \times 0.6$	—
1	ГЭ, РАН. Б/№	Артемиды	$2.5 \times 2.0 \times 1.0$	—
2	ГЭ, РАН. 1882/34	менада	$2.5 \times 2.0 \times 1.0$	—
3	КиевГЭС, клад	львица с детенышем	$2.1 \times 1.8 \times 0.8$	5.7
4	ГЭ, РАН. 1864/33	гиппокамп	$2.2 \times 1.8 \times 0.7$	—
5	Надлиманское-3	силен и менада	$1.9 \times 1.6 \times 1.0$	4.53
6	ГЭ, РАН. 1873/164	бодящийся бык	$1.9 \times 1.5 \times 0.4$	—
7	ГЭ. Карцев	колелопреклоненный стрелок	$1.7 \times 1.4 \times 0.8$	—
8	Нимфей	корова с теленком	$1.8 \times 1.4 \times ?$	—
9	ГЭ, Ж-6627	козлы у пальмы	$1.7 \times 1.4 \times ?$	—
0	Никоний	сфинкс	$1.6 \times 1.2 \times 0.8$	2.61
1	Б. Знаменка, 13/1	вепрь	$1.5 \times 1.4 \times ?$	—
2	Б. Знаменка, 13/1	химера	$1.5 \times 1.4 \times ?$	—
3	Б. Знаменка, 13/1	Афина	$1.5 \times 1.4 \times ?$	—
4	Никоний	мыши	$1.4 \times 1.0 \times 0.5$	—

Таблица 2

Количественный спектральный анализ литиков-скарабеоидов (в %)

Паспорт	сюжет	Al ₂ O ₃	Na ₂ O	CaO	MgO	Fe ₂ O ₃	Sb ₂ O ₃	CuO	MnO	Примечания
ВМ/5	женское лицо	2.2	11	9	0.65	0.45	0.65	0.01	—	239/46
Гюневка, 14/1	ягненок	1.7	9	8.5	0.9	0.45	0.55	0.002	—	239/45
Гюневка, 21/2	бодящийся бык	3.2	15	12	1.3	0.55	0.55	—	0.007	239/39
»	женское лицо	2.5	15	9	0.55	0.6	0.55	0.001	0.04	239/40
»	в профиль									
»	погонщик	3.5	15	11	1	0.55	0.8	—	0.007	239/41
»	с мулом									
»	распавшаяся гемма	2	20	8	0.45	0.6	0.7	0.001	—	239/42
Верхнетар., 81/1	обезьяна	3.1	24	12	0.8	0.7	0.7	0.001	0.008	239/35
Рокс., ОАМ	сфинкс	2.2	21	11	0.27	0.8	1.5	1.1	—	338/32
№ 84799										

Примечания: основу стекла составляет кремнезем и вычисляется по разности (100% минус сумма всех элементов, обозначенных в таблице); чувствительность метода на калий находится в пределах 1%, при таком пределе чувствительности этот элемент в стекле не зарегистрирован.

**Количественный спектральный анализ (в %) двойных утолщенных подвесок
из кобальтового стекла (Алексеева. Античные бусы... 1978. Типы 181–182)**

п/п	Шифр изделия	Al ₂ O ₃	Na ₂ O	CaO	MgO	Fe ₂ O ₃	MnO	CuO	Sb ₂ O ₃	CuO	Примечания (ИИМК РАН) Ан. №
	Ольвия. ФИА НАНУ, О-46/6	2.6	11	12	1.3	0.9	0.1	0.16	—	0.14	315/14
	Ольвия. ОАМ, № 52497/1	2.4	14	9	1	1.2	0.55	0.13	—	0.075	288/16
	Ольвия. ОАМ, № 52497/2	3.5	15	14	1.2	1.5	0.35	0.16	—	0.4	288/15
	Елизаветовское гор. ЕГ-80/XIV-247	3	11	16	0.5	1	0.2	0.2	0.03	0.42	231/22

Примечание: основу стекла составляет кремнезем и вычисляется по разности (100% минус сумма всех элементов, обозначенных в таблице); чувствительность метода на калий находится в пределах 1%, при таком пределе чувствительности этот элемент в стекле не зарегистрирован.

**ANCIENT GLASS GLYPTICS IN SOUTH-EASTERN EUROPE
(4th–2nd cc. BC)**

A. S. Ostroverkhov

The paper presents a survey of glass glyptics which was current in Eastern Europe in 4th–2nd cc. BC. These artifacts include gems and finger-rings. Gems were of intaglio (scarabeoid) and cameo types. First cameos are dated back to the 4th c. BC. The earliest of the rings were bejewelled with scarabeoid gems. In the 4th c. BC there appear gems made of «schistose» glass. Glass rings were known since late classical period. From the late 4th and early 3rd c. BC these two types of rings began to merge. From that time on gems were inserted into the bezels.

Objects in «Eastern Greek» style are predominant among the replicas, though «Greco-Per-sian» specimen are also to be found here. The figures can be divided into three groups: 1) real and mythical animals; 2) human faces and figures; 3) mythical and allegoric compositions. Gems and rings made of «schistose» glass have upon them figures of dancing women (maenads) and hippocamp.

Ancient Greeks used gems and rings as amulets, adornments or seals. Barbarian population of the region in question used glyptic objects only for the first and the second purpose. Scarabeoids' original function was in any case apotropaic, which is proved by their shape imitating that of scarab, and by the colour of the glass imitating rock crystal, lapis lazuli, sapphire, turquoise or aquamarine. Glass itself was also thought in antiquity to have sacral properties.

The style of the images on glass gems and rings, as well as the chemical composition of the glass, makes it possible to suppose that the objects must have been manufactured in the Greco-Anatolian area: Ionia, Phoenicia, insular Greece, Attica or even Carthage. Some of the scarabeoids might have been made of imported half-finished product in large North Pontic cities.

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

© 2006 г.

В.И. Сарианиди

ЦАРСКИЙ НЕКРОПОЛЬ НА СЕВЕРНОМ ГОНУРЕ

После открытия свыше 30 лет назад древней страны Маргуш, расположенной на востоке современного Туркменистана, в замковой части бывшей дельты реки Мургаб было обнаружено «столичное» поселение Гонур, находившееся на северном (дворцово-культовый ансамбль) и южном (теменос) холмах. Последующие раскопки Южного Гонура показали, что во II тыс. до н.э. на этом месте располагался укрепленный теменос с небольшим храмом внутри¹. На Северном Гонуре находился кремль с монументальным дворцом внутри него².

Дальнейшие раскопки на Северном Гонуре установили, что кремль вместе с дворцом был включен в каре мощных, оборонительных стен, усиленных боевыми башнями. Внутри каре располагались небольшой Храм огня и во много раз превосходящий его Храм жертвоприношений³. В северной части Гонура находился также Храм «общественных, или коллективных, трапез», а в южной части – Храм воды, расположенный вокруг большого водоема размером 150 на 80 м при глубине около 2,5 м. Наконец, весь этот огромный дворцово-культовый ансамбль снаружи был обнесен гигантской обводной стеной с пилястрами, в которой имелось четыре прохода. Таким образом, проведенные до настоящего времени крупномасштабные раскопки документально подтвердили, что с самого начала своего существования Северный Гонур представлял собой монументальный дворцово-культовый архитектурный ансамбль площадью свыше 15 га, окруженный домами горожан (рис. 1)⁴.

Первое визуальное обследование установило, что на южной окраине Гонура имеется огромная, естественная впадина, которая сначала ошибочно была определена как площадь⁵. Однако на самом деле эта площадь оказалась естественным водоемом, вокруг которого позднее был сооружен упомянутый выше Храм воды. Но еще до возведения на Гонуре дворцово-культового ансамбля первые колонисты древней дельты Мургаба на восточной оконечности главного водоема уже в последних веках III тыс. до н.э. устроили «царский» некрополь, который позднее был включен внутрь обводной стены (рис. 2). Раскопочные работы 2004 г. установили, что ядро некрополя составляют семь гробниц (№ 3200, 3210, 3220, 3225, 3230, 3235, 3240), вокруг которых позднее были построены двухкамерные гробницы (№ 3205, 3245, 3250), но много меньших размеров. Последняя такая двухкамерная могила № 3250 перерезает наземную круглую стену, окружающую гробницу № 3220, не оставляя никаких сомнений относительно своего более

¹ Sarianidi V. Margiana and Protozoroastrism. Athens, 1998. P. 111–120.

² Сарианиди В.И. Дворец Северного Гонура // ВДИ. 2000. № 2; Sarianidi V. The Fortification and Palace of Northern Gonur // Iran. 2002. Vol. XL.

³ Сарианиди В.И. Город дворцов и храмов // Мирас. Ашхабад, 2003. № 3. С. 92–124.

⁴ Топографические работы выполнены К. Шадурдыевым.

⁵ Сарианиди В.И. Древности страны Маргуш. Ашхабад, 1990.

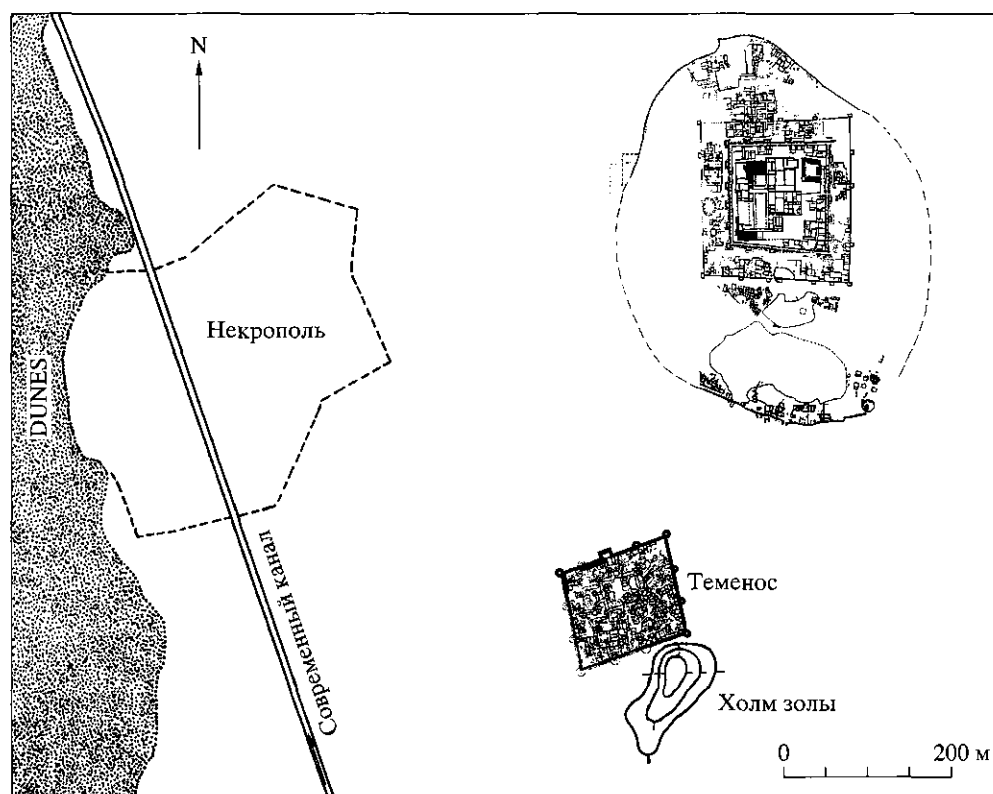


Рис. 1. Ситуационный план Гонура, 2004 г.

позднего происхождения. Двухкамерная могила № 3245 не разграблена, но эта могила и подобные ей резко уступают по числу личных украшений и погребальных приношений гробницам «царских фамилий». Этот факт заставляет думать, что хотя похороненные в таких могилах покойники и могли принадлежать к бывшим «царским фамилиям», но, видимо, были «бедными родственниками» царственных родичей.

Все раскопанные гробницы представляют собой подземные погребальные сооружения, ничем не отмеченные на поверхности, если не считать гробницу № 3220, которая была обведена сверху кольцевой стеной, не сохранившейся в восточной части, возможно из-за «деятельности» грабителей. В тех случаях, когда это можно установить, на древней дневной поверхности (которая практически совпадает с современной) над гробницами находились алтари со следами сильного огня. В одном случае (рядом с гробницей № 3235) располагались четыре таких сооружения: два по обеим сторонам входа и два в середине.

Все гробницы представляют собой котлованы прямоугольной формы, вырытые в глинисто-песчаном материке. Изнутри они были облицованы кирпичами или покрыты толстой глиняной штукатуркой. В тех случаях, когда гробницы имели хорошую сохранность, фиксируются входы, причем, когда это можно было установить с точностью, они располагались с восточной стороны (гробницы № 3220, 3230, 3235). Все они оказались заложенными кирпичами, но «всухую», без глиняного раствора, что позволяло при необходимости быстро разобрать закладку и проникнуть внутрь гробницы. Все проходы имели ведущие внутрь наклонные спуски (либо в виде пандусов, либо лестницы с семью ступенями, как в гробнице № 3235).

Результаты наблюдений дают все основания предполагать, что в гробницах практиковался последовательный обряд коллективных захоронений. Ни в одной из гробниц не

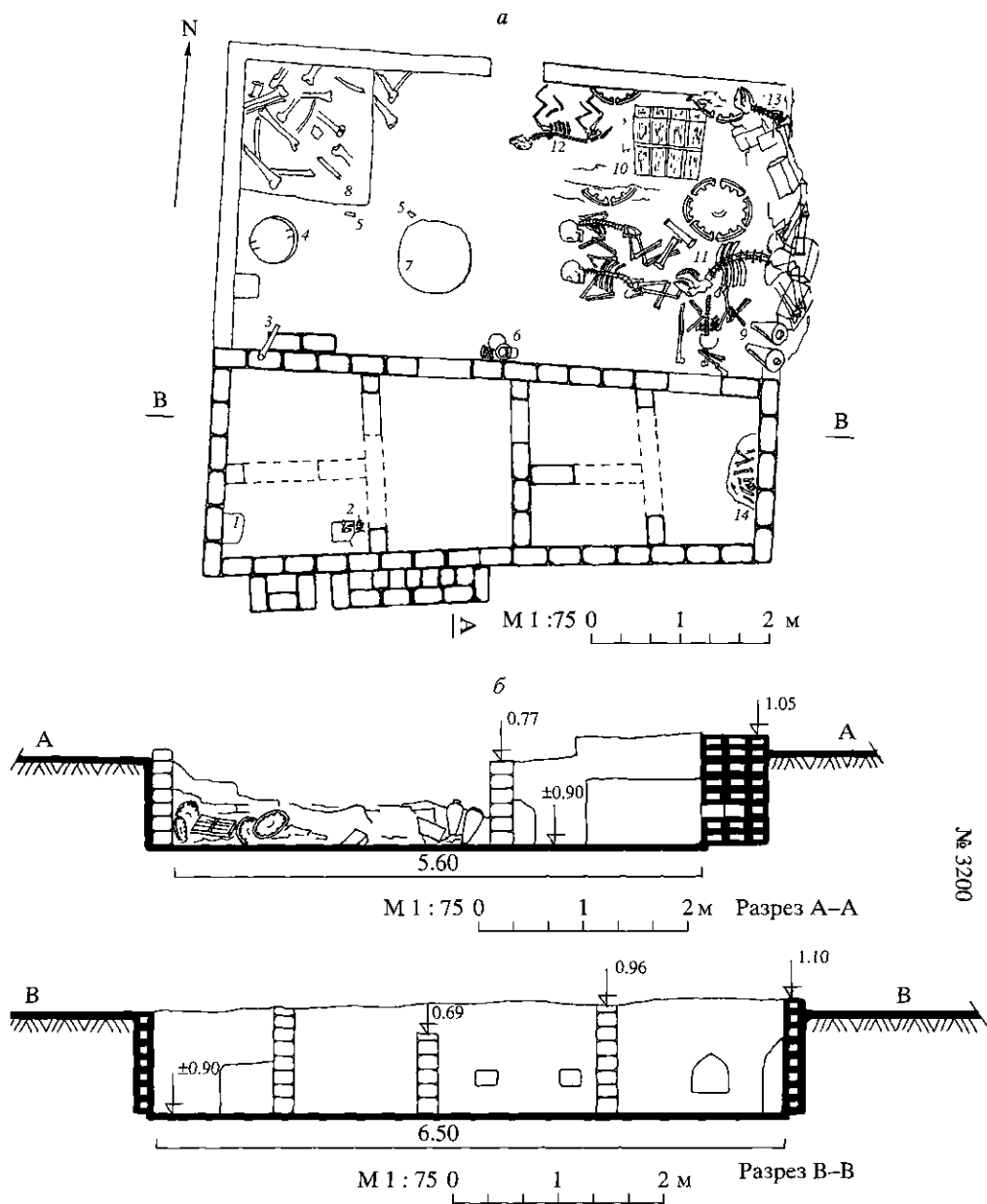


Рис. 2. Гробница № 3200. а – План. 1 – скопление ценных погребальных приношений; 2 – два фрагмента мозаики с «Ковровым» орнаментом, серебряные косметический флакон, косметическая лопаточка, булавка с навершием в виде лежащего тельночка, железная булавка с навершием в виде золотой восьмиконечной звезды, полумесяца, а также стоящего архара из золота и лежащего льва из бирюзы; 3 – каменный посох длиной 2.0 м с концом в виде лошадиного копыта; 4 – каменный диск из мраморизованного известняка; 5 – бронзовые предметы неопределенного назначения; 6 – два бронзовых «светильника» и керамическая ваза на полной ножке с орнаментом; 7 – пятно из краснообожженного песка; 8 – скопление костей взрослого верблюда; 9 – два крупных керамических сосуда с узким дном; 10 – четырехколесная повозка; 11 – скелет лежащего взрослого верблюда в полном анатомическом порядке; 12 – полный скелет собаки в полном анатомическом порядке; 13 – сильно разрушенный скелет молодой лошади; 14 – беспорядочное скопление костных останков четырех человек; б – разрезы

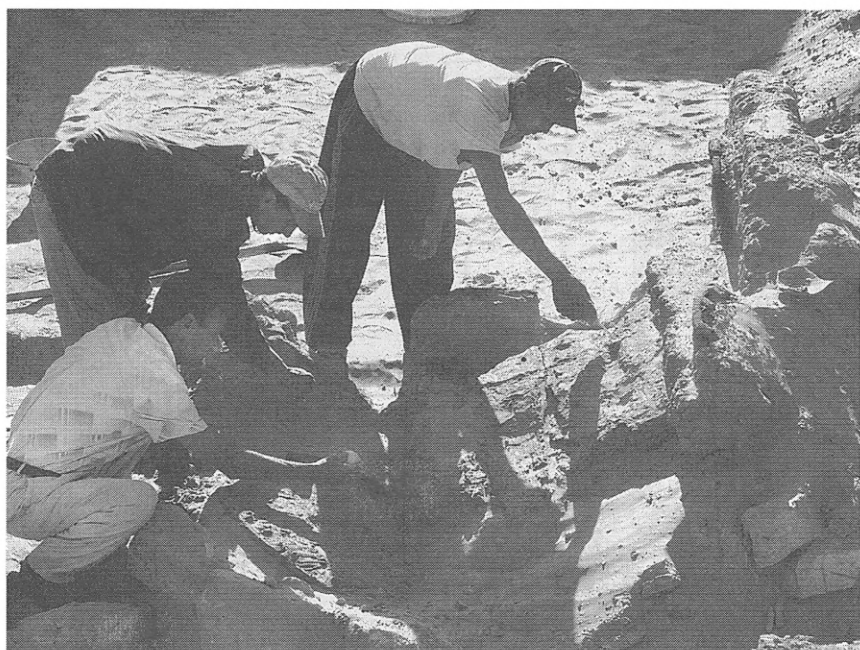


Рис. 3. Расчистка четырехколесной повозки из гробницы № 3200

сохранились перекрытия, поэтому вопрос об их конструкции остается открытым, хотя, учитывая сохранившуюся высоту стен (до 2 м), можно предполагать, что они слегка возвышались над уровнем окружающей поверхности.

Все гробницы, за исключением двух (№ 3245 и 3225), были неоднократно ограблены еще в древности, причем последняя могила была не ограблена из-за ее особого характера, о чем подробно будет сказано ниже. Поскольку родственники умерших знали о возможности ограбления, они устраивали своеобразные «тайники», в которые складывали наиболее ценные погребальные приношения. Тем не менее подавляющая часть вещей, положенных в могилы, была обнаружена и разграблена.

Гробница № 3200 (на Гонуре принята сквозная нумерация погребений) имеет общую площадь около 35 м² и глубину 2,5 м и представляет собой своего рода копию обычного жилого дома. Она условно названа «дом мертвых» (рис. 2 а,б)⁶. Южную часть гробницы занимают четыре неправильной прямоугольной конфигурации камеры, имитирующие четырехкомнатный дом, перед которыми располагается обширный двор. Сами камеры сложены из кирпича, а двор образуют стены вырытого котлована, обмазанные изнутри толстым слоем глины с песком. Предположительно в середине северной стены мог находиться несохранившийся проход, достаточный для того, чтобы через него могла проехать запряженная лошадь повозка, которая была обнаружена в северо-восточном углу двора (рис. 3).

Три камеры «дома мертвых» (№ 2–4) соединены между собой общими проходами, в то время как камера № 1 имела лишь один проход, ведущий непосредственно во двор, который, видимо, был заложен «всухую» кирпичами закладки, обнаруженными у входа. Судя хотя и по незначительному количеству, но бесспорно человеческих костей (все антропологические определения проводились Н. Дубовой), именно первая камера являлась погребальной, куда помещались умершие и вход в которую затем наглухо закладывался кирпичами. Вторая камера была перегороджена внутри поперечной стеночкой, возможно с проходом, однако судить об этом с уверенностью затруднительно, так как

⁶ Все схемы погребений в поле составлены А. Ниязмухаммедовой.

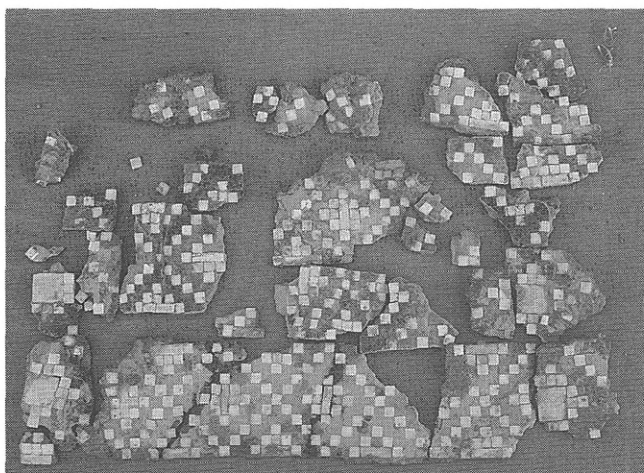


Рис. 4. Мозаичное панно из гробницы № 3200

грабители весьма сильно повредили конструкции. Судя по небольшому числу костей барана/овцы и мельчайших фрагментов медно-бронзовых изделий, можно допустить, что вторая камера служила для хранения погребальных приношений, что, однако, не может сейчас быть доказанным.

Третья камера представляет собой своего рода «вестибюль» с двумя проходами: один из них ведет прямо во двор, а другой – в смежную четвертую камеру, которая, судя по всему, была камерой «погребальных приношений». В южной стене обеих камер было устроено два «тайника», тщательно обмазанных изнутри глиняной штукатуркой и разделенных внутри на три «отсека». Еще одна «ниша» была устроена в середине северной стены, которая оказалась плотно заполненной глиной. Тот факт, что все «тайники» оказались нарушенными не изнутри, а с тыльной стороны камер, прилегающих к котловану, точно так же, как и полное отсутствие каких-либо следов погребальных приношений в них, может указывать на возможно иное их назначение. Остается добавить, что тыльные части всех этих «тайников» выступают за внешнюю гладь стен, в которых они были устроены.

Начиная с глубины 1.30 м от современной поверхности во всех камерах (исключая первую) было обнаружено огромное количество преимущественно мозаичных гипсовых вставок, а на стенах в третьей и четвертой камерах сохранились на месте прикрепленные фрагменты настенной мозаики. Думается, что, кроме первой камеры, стены всех остальных были украшены мозаичными панно, которые состояли не только из геометрических «ковровых» (рис. 4), но и сюжетных композиций, свидетельством чего могут служить находки гипсовых голов кабана и птицы, а также фаянсовой рыбы. Следует специально отметить, что при раскопках на фрагменте упавшей со стены мозаики был обнаружен стоявший в «правильном» (вертикальном) положении медный косметический флакон. Это бесспорно указывает на то, что уже после того, как мозаика упала со стены на пол камеры, люди продолжали приносить новые погребальные приношения, что, в свою очередь, может служить дополнительным свидетельством существования практики последовательных захоронений.

Как бы то ни было, именно в четвертой камере упавшая со стены мозаика закрыла собой и сохранила от грабителей замечательные ювелирные изделия: круглый футляр с инкрустированной крышкой, различные туалетные принадлежности, в том числе серебряную булавку с навершием в виде отдыхающего теленка (рис. 5) и железную булавку с навершием из бирюзовых лепестков, среди которых находились миниатюрная фигурка золотого архара (размером около 1 см) и бирюзовая статуэтка припавшего к земле и готовящегося к прыжку льва (размером чуть больше 0.7 см) (рис. 6, 7); наконец, к этой,

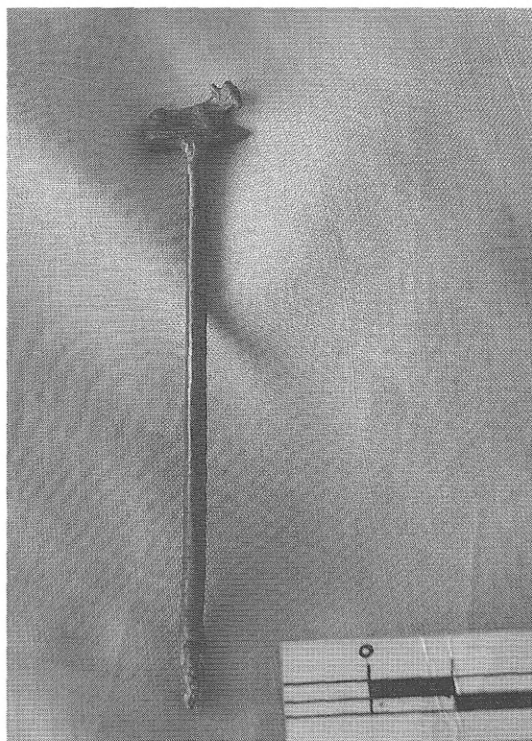


Рис. 5. Серебряная булавка с навершием в виде отдыхающего тельца из гробницы № 3200

особенно интересной, булавке были прикреплены золотые полумесяц и восьмиконечная звезда (рис. 8). Хотя анализ железной булавки еще не сделан, думается, что она изготовлена из метеоритного железа. В другом углу этой камеры «погребальных приношений» остались незамеченными грабителями золотой ажурный конус, который сверху венчали золотая же, предположительно женская, голова с преувеличенно большими глазами и ушами и рядом – две руки из золотой фольги. Из ажурного тела этой, предположительно женской, фигуры как бы «произрастают» шесть «фаянсовых» колосьев пшеницы или ячменя, закрепленные на теле при помощи бронзовых штырей. В свою очередь из колосьев выступают тончайшие ости, не оставляя никаких сомнений, что это именно злаки. Еще два колоса сделаны из золотой фольги, а ости, вставленные в них, – серебряные. Думается, что в целом все это изделие изображает женское божество плодородия с произрастающими из его тела растениями, до определенной степени напоминая сцену на цилиндрической печати, обнаруженной около алтаря

на западном фасе квадрата дворцово-культового ансамбля Северного Гонура⁷.

В этой камере находились также две наборные фигурки орлов, изображенных в геральдической позе с широко расставленными крыльями. Все фаянсовые и гипсовые детали могли крепиться к деревянной основе, а крылья и хвосты для создания впечатления реального оперения были набраны из тонких фаянсовых пластинок, причем сами фигурки оторочены по внешнему контуру золотой фольгой (рис. 9). Еще одно такое же крыло найдено во дворе, около повозки. Кроме того, рядом с орлами находились фаянсовые панцири черепах и было рассыпано около 1000 золотых, лазуритовых и сердоликовых бусин, некогда составлявших, предположительно, ожерелье, а также узкие плоские золотые пластины со сквозными дырочками (через которые были когда-то пропущены нити с нанизанными на них бусинками), служившие в качестве разделителей. Точно такие же «разделители» вместе с многочисленными каменными бусинками происходят из одной богатой могилы в Телль Банат, свидетельствуя о близких технических приемах ювелиров древней Сирии и Маргьяны.

Не менее впечатляющие находки были сделаны во дворе этой гробницы. В северо-восточном ее углу сохранилась четырехколесная повозка вместе с кузовом, сколоченным из четырех досок, скрепленных между собой поперечными рейками. Колеса – сплошные и состоят из трех деревянных плах. Каждое колесо было оббито снаружи шестью массивными бронзовыми «дугами» (каждая с тремя «ушками»), образующими составные ободья, скрепленные с колесами при помощи массивных заклепок, вставленных в «ушки». Показательно, что неподалеку от повозки на полу двора были найдены два небольших одинаковых бронзовых изделия, предположительно принадлежавших

⁷ Сариганиди В.И. Храм Воды в Гонур Депе и новые образцы искусства страны Маргуш // Мирас. Ашхабад, 2004. № 3. С. 84–97. Рис. 24.

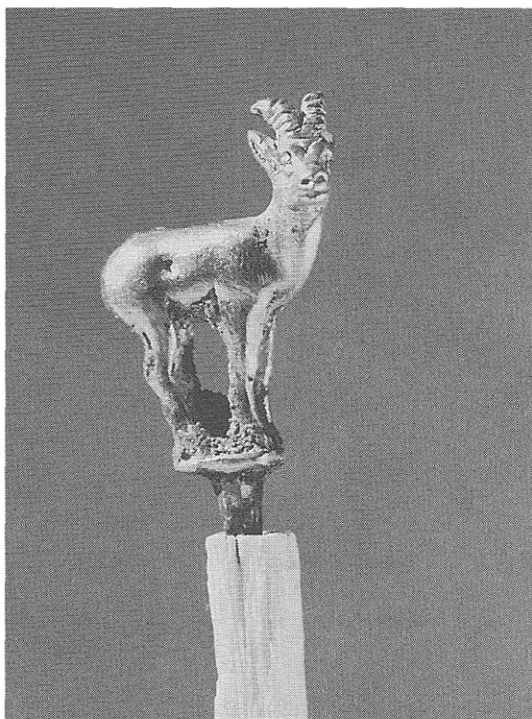


Рис. 6. Золотая фигурка архара от навершия железной булавки из гробницы № 3200 (высота около 1 см)



Рис. 7. Фигурка лежащего льва от навершия железной булавки из гробницы № 3200 (длина около 0.7 см)

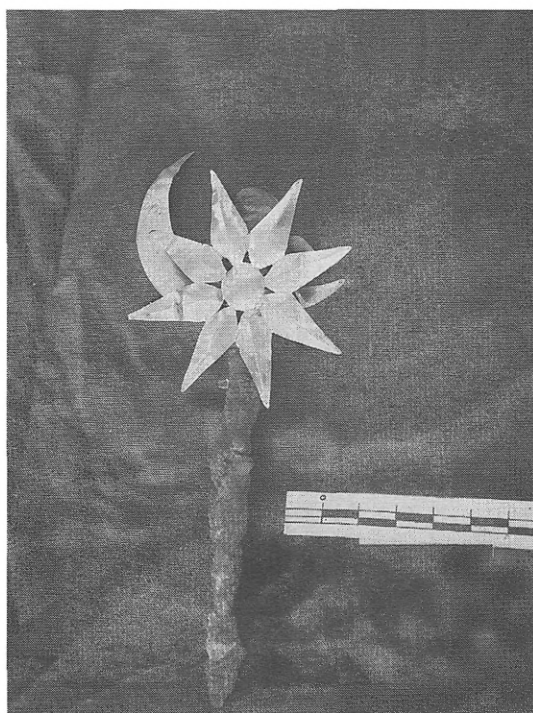


Рис. 8. Железная булавка с золотыми полумесяцем и восьмиконечной звездой из гробницы № 3200

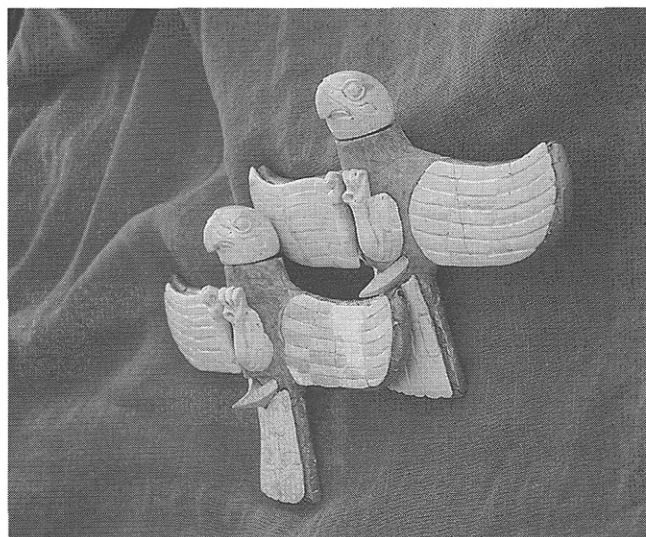


Рис. 9. Фигурки орлов из гробницы № 3200

экипировке лошади (рис. 10), но это, однако, требует дополнительных доказательств. Между повозкой и восточной стеной двора находились череп и скелет молодой лошади, которая могла быть впряжена в нее. Рядом найден целый скелет верблюда, который, по данным Н. Дубовой, был умерщвлен на месте.

Во дворе, перед входом в первую камеру, находились три скелета – женщины и двух подростков 14–16 лет, убитых раньше верблюда, причем, по данным Н. Дубовой, не ис-

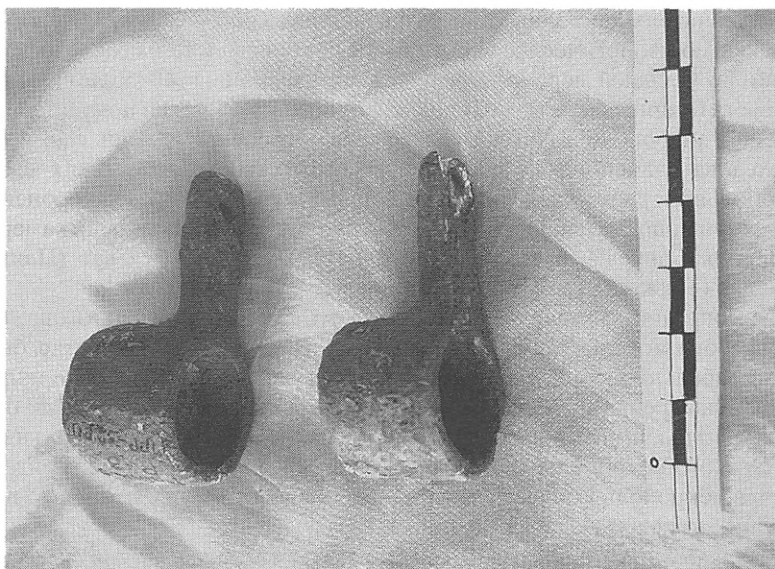


Рис. 10. Бронзовые изделия, найденные неподалеку от повозки в гробнице № 3200

ключено, что подростки в момент смерти стояли на коленях. Показательно, что никаких личных украшений (только у женщины на шее была простейшего типа медная булавка, а около плеча – маленькая печать), а тем более погребальных приношений при них не обнаружено. Словом, есть веские основания предполагать, что это были царские слуги, насильственно умерщвленные в этой гробнице. В противоположном северо-западном углу двора находилось большее скопление костей старого верблюда, а непосредственно перед вышеупомянутой повозкой – скелет собаки. Если учесть, какое большое значение занимали эти животные в религиозных представлениях древних иранцев (особенно собака, которая играла главную роль в ритуалах *сагдид* при погребении людей), то присутствие ее в гробнице не покажется странным и чем-то необычным.

Кроме одного целого каменного «посоха» длиной почти в 2 м и фрагментов двух других, изготовленных из разных пород камня, алебастрового «диска» и выброшенных наверх грабителями двух так называемых «миниатюрных колонок», у входа в вышеупомянутый «дом мертвых» находились два бронзовых, предположительно, «светильника» со свободно свисающими ручками. Один из них с ажурным туловом близко напоминает такое же изделие, обнаруженное в богатом аристократическом захоронении в столице Белуджистана, в Кветте⁸, а второе изделие находит прямые аналогии в изделии могильника из Шахдада⁹. Среди керамических сосудов выделяются конический кубок и банковидный сосуд, расписанные «решетчатым» орнаментом, которые точно соответствуют аналогичным, найденным исключительно в аристократических двухкамерных гробницах некрополя Гонура¹⁰. Все эти наблюдения дают основание считать, что такие расписные сосуды с «решетчатым» орнаментом являлись погребальными принадлежностями не просто богатых, но родовитых, аристократических семей местного маргушского общества.

Человеческие останки не были найдены ни в одной из камер гробницы, кроме первого помещения, куда предположительно и помещался покойник (или покойники). На это

⁸ Jarridge J., Hassan M. *Funerary Complexes in Baluchistan at the End of the Third Millennium in the Light of Recent Discoveries Merghar and the Quetta* // SAA. 1984.

⁹ Hakemi A. Shahdad, *Archaeological Excavations of a Bronze Age Center in Iran*. Rome, 1997.

¹⁰ Сарцианиди В.И. Некрополь Гонура и иранское язычество. М., 2001.

указывает незначительное количество разрозненных костей скелетов, исключая черепа. Состояние и морфологические особенности костей свидетельствуют о том, что там были останки по меньшей мере четырех человек – мужчины (40–50 лет), женщины пожилого возраста (старше 60 лет), молодой женщины (15–16 лет) и подростка (до 14 лет). По заключению антрополога Н. Дубовой, все они погребены в разное время, что указывает на последовательный обряд захоронения. Отсутствие человеческих черепов в основных захоронениях дает право допустить и практику «вторичных захоронений», которая по прошествии определенного времени была отмечена в элитарных камерных гробницах некрополя Гонура¹¹, а также в могильниках долины р. Сват (Пакистан) и в Тигровой Балке (Таджикистан), о чем подробнее будет сказано ниже.

Заканчивая описание гробницы № 3200, следует подчеркнуть, что она, бесспорно, представляла собой модель обычного дома, и это, по мнению М. Гимбутас, было характерно для погребальных обрядов индоевропейских народов, в том числе индоиранских племен. Эта точка зрения была поддержана другими специалистами¹². Как будет показано ниже, гробницы, имитирующие дома, были характерны для погребальных обрядов не только царского некрополя, но маргущской аристократии вообще. Свидетельством этого является некрополь Гонура¹³, лишняя раз указывая на индоиранскую принадлежность населения, которое сюда переселилось.

Следующая гробница № 3210 представляет собой котлован прямоугольной формы, разделенный кирпичной стеной на две неравные по размерам камеры. Меньшая камера была выложена изнутри кирпичами, в то время как большая была лишь обмазана толстой, глиняной штукатуркой, что напоминает аналогичную отделку интерьера двора гробницы № 3200. В меньшей (северной) камере, непосредственно у восточной стены, лежали разрозненные кости не менее чем от шести–семи как мужских, так и женских скелетов разного возраста. В большей (южной) камере в разных местах (но преимущественно у западной стены предполагаемого двора) обнаружены останки двух людей, которые перекрывают кости и череп верблюда, что, по мнению Н. Дубовой, может указывать на их насильственную смерть. Всего же в большой камере найдены останки не менее четырех человек. Судя по всем данным, меньшее помещение выполняло функции «погребальной камеры», куда помещали умерших, в то время как большее в основном служило для погребальных приношений. В ней могли совершаться и человеческие жертвоприношения. Разделительная между камерами стена сохранила проход, который в момент раскопок оказался частично заложен кирпичами, но «всухую» – для быстрой их разборки и прямого сообщения между камерами, что указывает на их функциональную взаимосвязь.

Гробница оказалась сильно поврежденной грабителями, поэтому трудно судить о первоначальном расположении тел погребенных и особенно приношений. Тем не менее, основная часть находок (и в первую очередь мозаика) концентрировались у восточной стены большой камеры, где, предположительно, могла быть несохранившаяся к моменту раскопок дарохранильница. Именно в этом месте и были обнаружены остатки большого мозаичного фриза (длиной более 80 см) с изображениями, по крайней мере, трех пар противостоящих друг другу львиных грифонов, которые могли первоначально украшать интерьер камеры, а возможно, даже предполагаемую дарохранильницу. Судя по общей «противоборствующей» тематике мозаичных композиций, состоящих из противостоящих друг другу фантастических животных со зло оскаленными пастьми, все они пронизаны идеей бескомпромиссной борьбы и взаимного противостояния (рис. 11). Это же демонстрирует и изображение львиного крылатого грифона с рогом на носу и небольшой бородкой с задранной на спину хвостом, заключенное в прямоугольный картуш (рис. 12). Все это может указывать на то, что главным погреб-

¹¹ Там же. С. 85.

¹² Jones-Bley K. Defining Indo-European Bureal // Journal of Indo-European Studies. 1997. № 19.

¹³ Сарияниди. Некрополь Гонура...

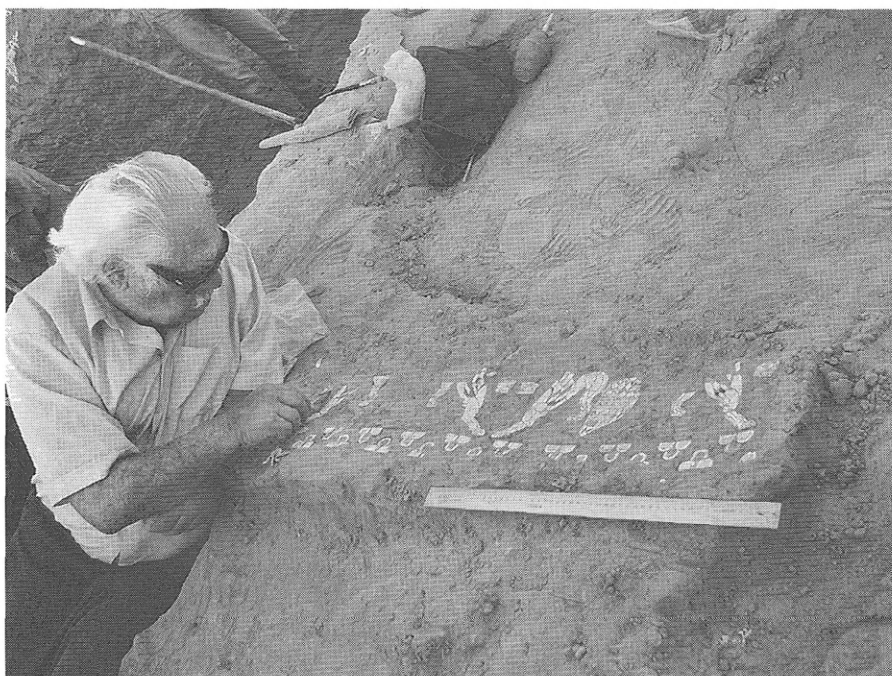


Рис. 11. Мозаичный фриз с фигурами противоборствующих грифонов в гробнице № 3210 в момент расчистки

бенным в гробнице № 3210 был мужчина, предположительно – воин. Дополнительным доказательством является находка в этой могиле 50 каменных наконечников стрел.

Темы и образы мозаичных изображений – бесспорно переднеазиатские, которые проникли в Маргиану вместе с пришлыми племенами. Доказательством того являются точно такие же фантастические персонажи с рогами и бородками, хорошо известные по памятникам сфрагистики и глиптики Бактрии¹⁴. В этой связи большой интерес вызывает серебряный с позолотой церемониальный топор из Бактрии (ныне хранящийся в музее Метрополитен), отлитый в виде крылатого человека с двумя орлиными головами, борющегося с кабаном и фантастическим крылатым чудищем, голова которого украшена бородкой. М. Потье первая доказала их связь с образами месопотамских чудищ с рогом и бородкой. Связующее звено между бактрийско-маргианскими и месопотамскими фантастическими существами дает Элам: свидетельством этого является найденный здесь и хорошо известный церемониальный топор в виде головы чудища с рогом и бородкой¹⁵.

Вместе с тем среди сохранившихся мозаичных фризов есть персонажи (как, например, змеи), пожирающие травоядных животных, – наиболее популярные в прикладном искусстве Бактрии и Маргианы. В этом плане показательны мозаичные змеи (а точнее, змеиные драконы), заглатывающие рогатых антилоп (рис. 13), а также другие тематические композиции, в которых присутствуют змеиные чудища. Среди сюжетных мозаик выделяются изображения орлов в геральдической позе с широко распростертыми кры-

¹⁴ Pottier M.-H. *Materiel Funeraire de la Bactriane Meridionale de L'Age du Bronze*. P., 1984. Pl. XLV, 332; Amiet P. *L'age des échanges inter-iraniens. 3500–1700 avant J.C.* P., 1986. Fig. 183.

¹⁵ Mecquenem R. *Ofrandes de Foundation du Temple de Chouchinak // Memoires de la Mission Archeologique en Perse*. T. VII. P., 1905. Pl. XVII, 8.

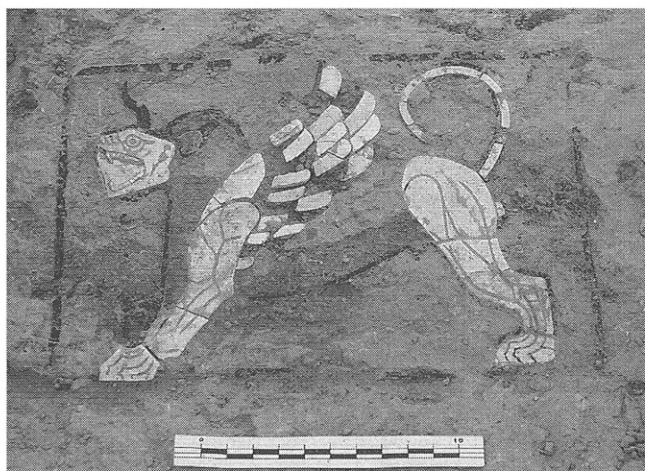


Рис. 12. Мозаика с элементами живописи из гробницы 3210 с изображением грифона

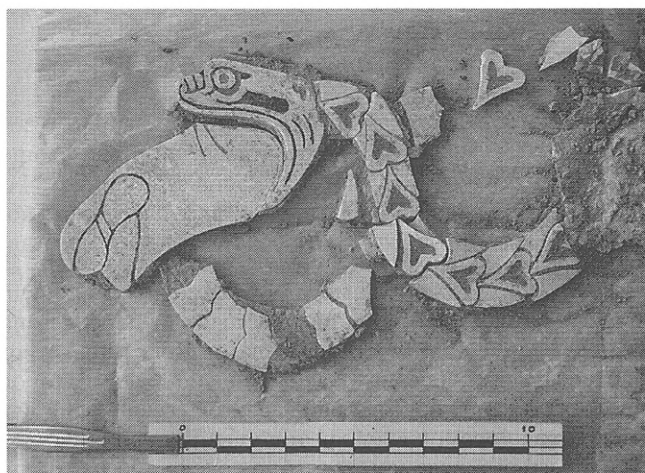


Рис. 13. Фрагмент мозаики «змеиный дракон, заглатывающий антилопу» из гробницы № 3210

ляями, но всегда без голов, которые, возможно, были сделаны в рельефе и выступали за гладь стены, а в таком случае их легко могли сбить со своего места грабители.

Показательно использование комбинированной техники – мозаики в сочетании с полихромной живописью, что, как кажется, впервые обнаружено в искусстве Центральной Азии. В целом же рассматриваемая наборная мозаика выполнена методом «прямого набора», для чего прямо на стены гробниц наносился слой клеящей «цемянки», на который затем прикреплялись заранее вырезанные фигурные мозаичные пластины. Доказательством этого служат отдельные фигурные гипсовые пластины, которые были найдены в момент раскопок непосредственно закрепленными на стенах. С другой стороны, можно допустить, что наиболее тонкие и сложные композиции компоновались на обмазанной цемянкой деревянных плитах, которые затем крепились на стенах гробниц. Есть все основания считать, что при составлении мозаичных панно использовались разнообразные шаблоны, доказательством чего является обнаружение таких «фаянсовых» шаблонов или лекал в могиле мастера-камнереза некрополя Гонура¹⁶. О

¹⁶ Сарияниди. Некрополь Гонура... Табл. 4, 10.

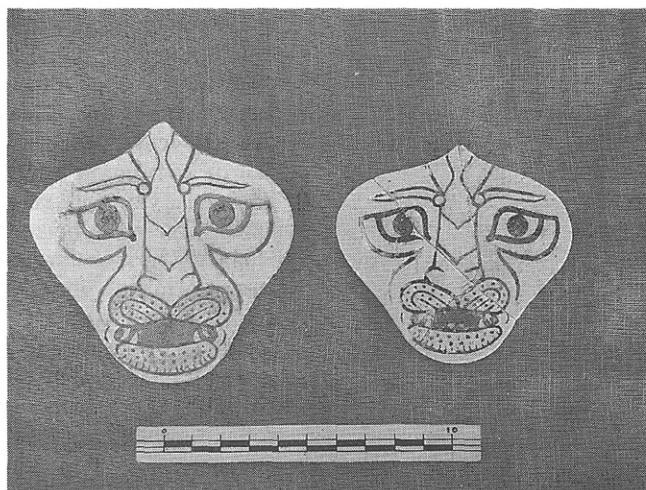


Рис. 14. Мозаичные вставки «головы барсов» из гробницы № 3210

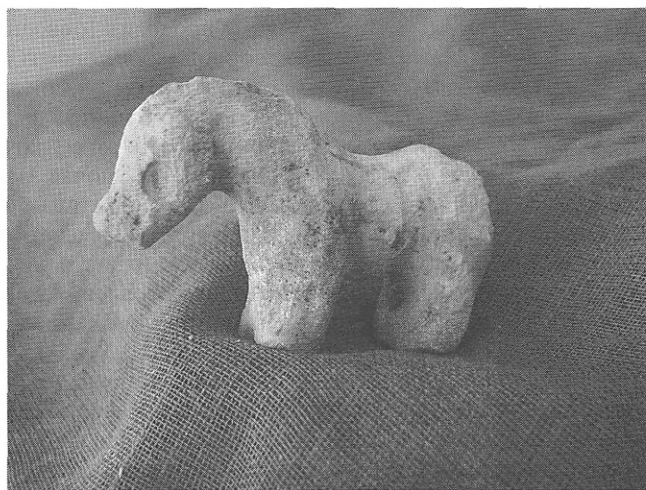


Рис. 15. Каменная фигурка лошади из гробницы № 3210

широком репертуаре мозаичного искусства свидетельствует находка двух крупных гипсовых голов пантер (барсов?), тела которых не сохранились (рис. 14). Среди каменных находок выделяются два алебастровых «диска» и фрагменты «посохов», служивших в качестве «знаковых» изделий наподобие скипетров. Явно не случайно практически у всех фрагментов один конец выточен в виде конского копыта, что, по мнению М. Потье, может быть связано с мифологическими текстами Авесты¹⁷.

Характерной особенностью этой гробницы является наличие более 30 больших тарных однотипных грушевидных сосудов высотой 70–75 см (предположительно – для вина или пива). Кроме того, исключительного внимания заслуживают серебряная «сигнальная труба», использовавшаяся при тренировке лошадей, а также каменная фигурка лошади с седлом (рис. 15). Они свидетельствуют не только о домашнем коневодстве маргушцев, но и об использовании ими верховой лошади. Из мелких находок следует отметить обрывки золотой фольги, фрагмент золотой спирали и мелкие золотые бусинки,

¹⁷ Pottier. Op. cit. P. 16. Pl. V.



Рис. 16. Мраморная головка от составной статуэтки из гробницы № 3210

накладки из слоновой кости с отверстиями для крепления и фрагменты фаянсового браслета. У прохода под стеной, разделяющей обе камеры, была обнаружена «спрятанная» мраморная головка от составной статуэтки (но без туловища), украшенная сверху сложной прической из черного стеатита (рис. 16). Найдены также скопления костей животных, в том числе верблюда, овцы, козы (на некоторых костях сохранились следы от медно-бронзовых изделий), а также телят. Как и в гробнице № 3200, здесь был обнаружен скелет собаки, усыпанный мелким гипсовым бисером.

Погребение № 3220 – самое восточное в царском некрополе – было окружено кирпичным кругом (шириной в два ряда кирпича и диаметром 12 м). Рядом проходит обводная стена всего дворцово-культового ансамбля, которая, не доходя до могильного круга, делает излом внутрь и непосредственно примыкает к этому кругу, как бы «специально» включая гробницу внутрь

всего этого огромного ансамбля. Надо добавить, что обводная стена была возведена на уже накопившихся к тому времени культурных слоях, что указывает на ее более позднее время, чем гробница. Внутри круга, но на дневной поверхности располагались двойной алтарь со следами огня и двухкамерная печь для приготовления жертвоприношений из мяса крупных животных, доказательством чего служат такие же печи, обнаруженные в северной части Гонура.

При создании гробницы был вырыт прямоугольный котлован, облицованный изнутри кирпичами. С самого начала раскопок внутри котлована стали появляться бесспорные следы ограбления в виде многочисленных фрагментов фигурных мозаик, а также фрагменты двух «миниатюрных колонок», двух каменных «посохов» и трех кремневых наконечников стрел. Хотя грабители в сильной степени исказили внутренний план гробницы, он достаточно надежно реконструируется. Вход в гробницу находился в восточной стене, представляя собой слабо наклонный пандус. Прямо за входом располагался широкий коридор (пом. 4), из которого соответствующие проходы вели в три других помещения (рис. 17).

Помещение 1, самое обширное из них, имело в южной части большую своеобразную кирпичную нишу (точное назначение которой остается не совсем ясным), сильно нарушенную грабителями. На полу было обнаружено большое хаотическое скопление человеческих костей, два человеческих черепа и незамеченные грабителями «косметическая лопаточка» из слоновой кости и бронзовый, так называемый церемониальный топор. Рядом располагалось обширное помещение 2, у южной стены которого обнаружен «стол» (высотой в два ряда кирпичей) с деревянной крышкой, следы которой четко прослеживаются на верхней поверхности стола. На этом месте (но на 25 см выше стола) находились золотая пружина и рядом разрозненные кости человеческой руки. Прямо напротив стола, в середине северной стены, располагался двухкамерный очаг (тыльная сторона которого выходит в смежное помещение 3), разделенный внутри невысоким валиком на две части: топку и духовку. Такой конструкции печи, как правило, использова-

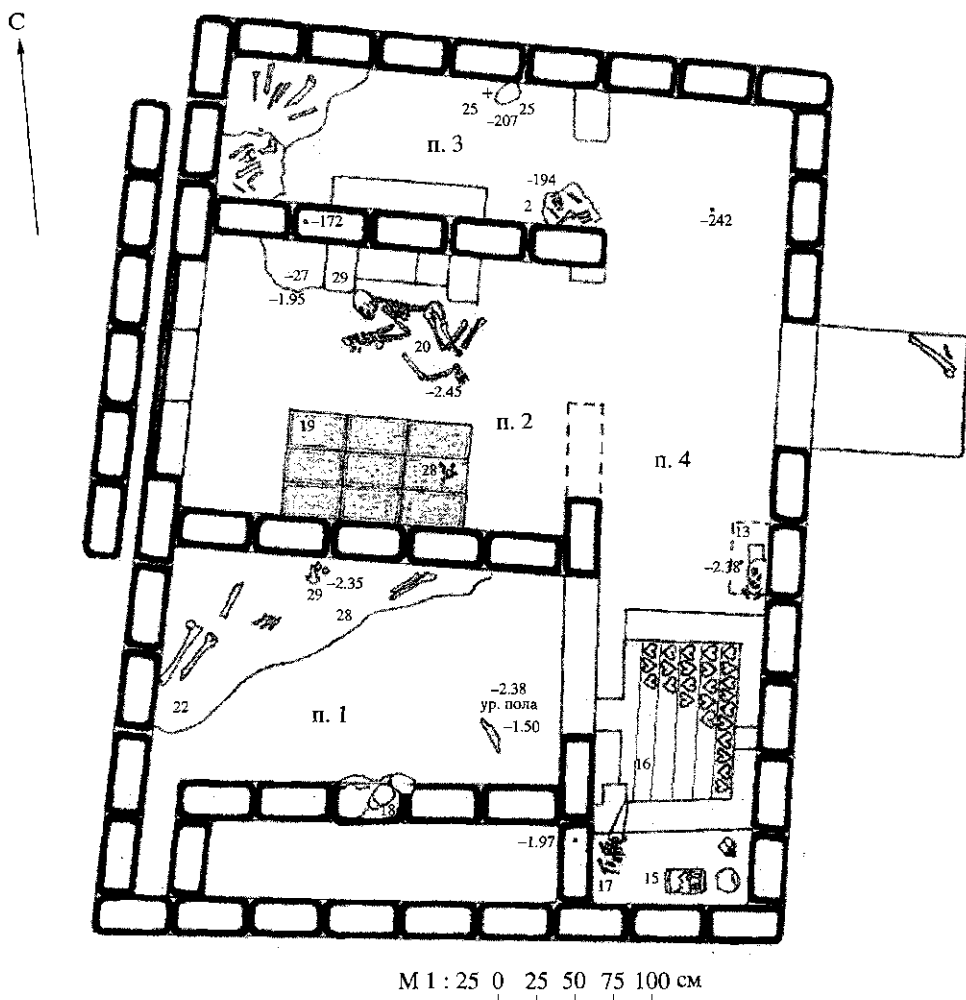


Рис. 17. Общий план гробницы № 3220. 1 – каменная скульптура барана; 2 – захоронение взрослого мужчины; 3 – «дарохранильница», украшенная мозаикой из «сердец»; 4 – правая половина скелета барана/козы и бронзовый двухлезвийный кинжал; 5 – клад бронзовых, серебряных и золотых сосудов; 6 – два человеческих черепа; 7 – ножичек из слоновой кости с ручкой, украшенной солярными знаками; 8 – золотая цепочка в виде пружины; 9 – бронзовые ритуальный топор и печать; 10 – беспорядочное скопление человеческих костей; 11 – скопление мозаичных композиций из гипсовых «сердечек» разных размеров; 12 – двухкамерный очаг; 13 – скопление изделий из слоновой кости («гадательные палочки», диски, квадраты, украшенные солярными знаками) вперемежку с разрозненными человеческими костями; 14 – скопления разрозненных человеческих костей от нескольких скелетов; 15 – человеческий череп и небольшой диск из слоновой кости с солярными знаками; 16 – полный скелет взрослой женщины; 17 – модель стола из сырцовых кирпичей, накрытая деревянной доской

лись исключительно для приготовления жертвоприношений, что, видимо, верно и в отношении этого очага.

В западной стене устроена обширная ниша так, что для укрепления самой стены снаружи была возведена вторая – опорная – стенка. Между столом и двухкамерной печью обнаружено скорченное захоронение человека, у локтя которого лежал медный браслет с агатовой вставкой. На запястье руки сохранились незамеченные грабителями четыре крупные агатовые бусины.



Рис. 18. «Дарохранительница» из гробницы № 3220

Помещение 3 – узкое, прямоугольное, в нем имелось большое, хаотическое скопление человеческих костей и среди них изделия из слоновой кости, в том числе кружки и квадраты, орнаментированные кружковым орнаментом, а также так называемые гадательные палочки. К северной стене был прислонен каменный диск, изготовленный из мраморизированного известняка. Итак, погребальная конструкция гробницы № 3220, подобно конструкциям рассмотренных выше гробниц № 3200 и 3210, также представляет собой макет дома с тремя помещениями и соединяющим их общим коридором. Небольшое отличие заключается лишь в том, что здесь отсутствует прилегающий к «дому» двор.

Главные находки находились в «тайнике», который родственники покойников устроили в южной части коридора (пом. 1). Можно предполагать, что между родственниками умерших и грабителями все время проходила невидимая, но вполне определенная «война», когда первые любым путем (и в первую очередь устройством всякого рода «тайников») пытались скрыть местонахождение богатых погребальных приношений, в то время как вторые стремились найти их. Именно такой «тайник» был обнаружен в южной части коридора, для чего на этом месте был установлен деревянный «ларь» или «короб» (размеры: длина – 1.0 м, ширина – 0.75 м и высота – 0.6 м), три внутренние поверхности которого (две торцовые и дно) были выложены однотипной составной мозаикой в виде сердечек. Мозаика на дне образована пятью рядами чередующихся сердечек вершинами вверх и вниз. Как правило, каждое такое крупное сердечко вырезано из гипсовой пластины, середина окрашена в ярко-красный цвет, а контур обведен черным цветом. Хотя точное назначение «короба» не совсем ясно, думается, что в нем находились второстепенные погребальные приношения, которые должны были отвлечь внимание грабителей от подлинных сокровищ, как оказалось, надежно спрятанных под этими, менее ценными приношениями. В таком случае целесообразно назвать такие «лари» «дарохранительницами», которые, как это стало возможным установить, имелись практически во всех гробницах (рис. 18). Как оказалось, эта дарохранительница была поставлена на два кирпича, ниже которых располагалось тело предполагаемого основного захороненного так, что в момент раскопок человеческие кости проглядывались через дно дарохранительницы. Поскольку грабители не заметили покойника, значит, ограбление произошло вскоре после погребения, когда дно дарохранительницы еще было целым (деревянным?) и погребенного не было видно. После снятия дарохранительницы под ней было обнаружено основное захоронение. Голова погребенного покоилась на каменной статуе барана, но почему-то с длинным хвостом (рис. 20), а под ногами в материке, на глубине

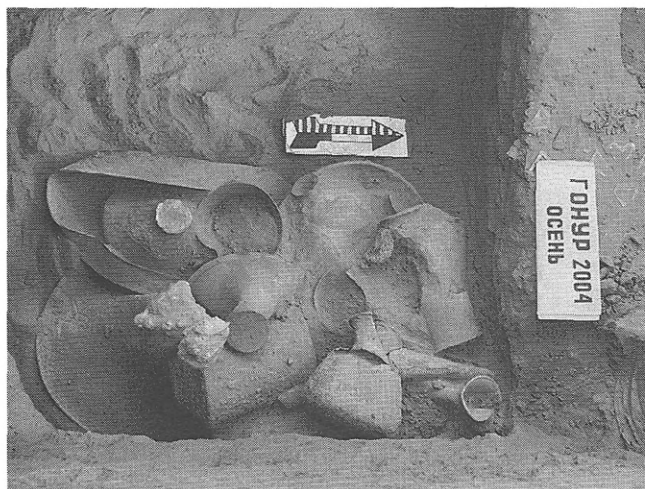


Рис. 19. Тайник в гробнице № 3220 в момент расчистки

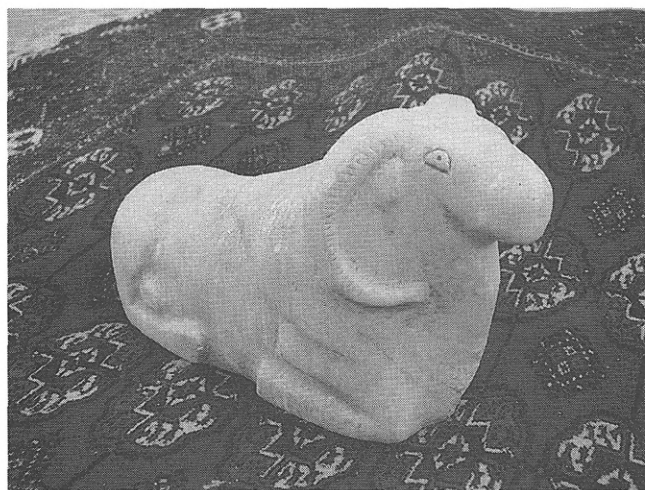


Рис. 20. Каменная скульптура барана из гробницы № 3220

50 см, ниже пола гробницы был найден сам тайник (размер 1 м²) (рис. 19), наполненный золотыми (2 экз.), серебряными (17 экз.) и медно-бронзовыми (5 экз.) сосудами, в том числе одна серебряная воронка-ситечко (рис. 21). В ногах покойника находились часть скелета барана и двухлезвийный кинжал (рис. 22).

Практически все металлические сосуды повторяют формы керамических. Среди них можно отметить массивный золотой графин с длинным, узким горлом и золотую открытую чашу. Среди серебряных сосудов выделяются конической формы кубки, в том числе кубок на низкой ножке, украшенный по венчику полуovalами, возможно, изображающими горы. Другой – высокий кубок, без ножки, с ребристым перегибом у дна – орнаментирован по венчику парой извивающихся лент – типичный орнамент, использовавшийся в сиро-хеттском искусстве. Кроме того, следует отметить стройную вазу на высокой ножке, а также глубокие чаши с округлым дном и глубокие же миски. Особняком стоит большой массивный серебряный сосуд, напоминающий «граммофонную трубу», назначение которого остается неясным. На золотой чаше (на ее донце) сохранился

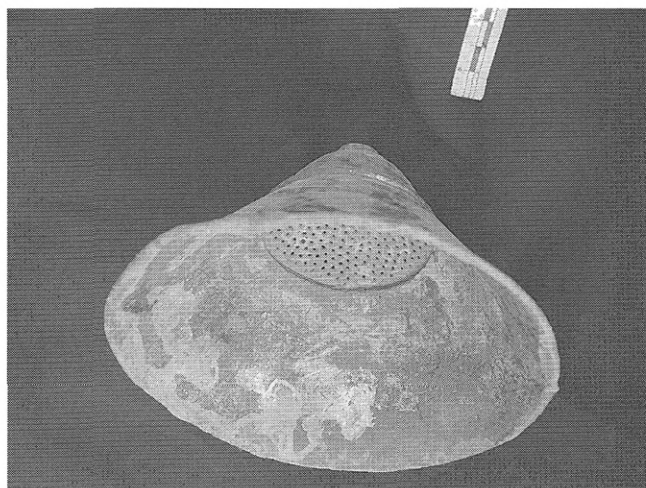


Рис. 21. Серебряное ситечко из тайника в гробнице № 3220

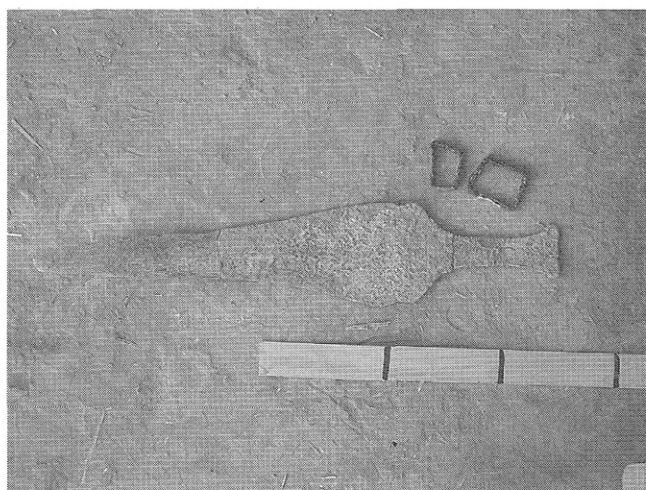


Рис. 22. Двухлезвийный кинжал из гробницы № 3220

рисунок злака, по-видимому, пшеничного колоса (рис. 23), в то время как пять других сосудов (в том числе и золотой графин) имеют однотипные гравированные изображения стоящих двугорбых верблюдов-бактрианов (рис. 24). Явно не случайно у трех из них выше горбов располагались рисунки, на которых были изображения, отдаленно напоминающие луки с тетивами.

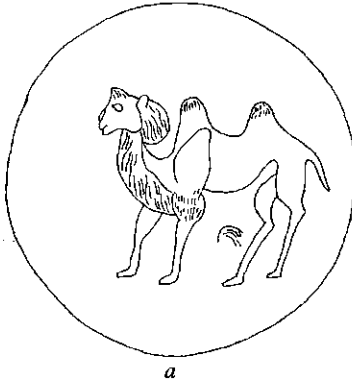
Образ верблюда, столь популярный в древней Маргиане, конечно же, не случаен. Дознательством этого служит еще один серебряный сужающийся кверху банкообразный сосуд с рельефным изображением двух шагающих друг за другом верблюдов, выполненных с величайшим мастерством (рис. 25). Возможно, тамгами-знаками являются два однотипных изображения треугольника с двумя полуovalами под ним, помещенные на бедрах обоих верблюдов. Тонкая моделировка тел, когда показаны даже мозольные подушки на коленях, изображение густой, тщательно расчесанной шерсти на шеях, а также голов с выделенными ноздрями и большими глазами, демонстрируют древнейший рисунок верблюдов-бактрианов, выполненный с неподдельным мастерством безвест-

ПЗ220
Круглое
блюдо
(золото)

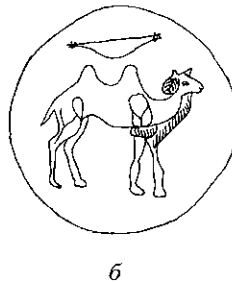


Рис. 23. Прорисовка гравированного изображения колоса на круглом золотом блюде

ПЗ220 Ваза на полой
ножке (серебро)



ПЗ220 Цилиндрический
сосуд (серебро)



ПЗ220 Графин
(золото)



Рис. 24. Прорисовка гравированных изображений двугорбого верблюда на донцах сосудов из тайника гробницы № 3220 (работа А.А. Ниязмухаммедовой)

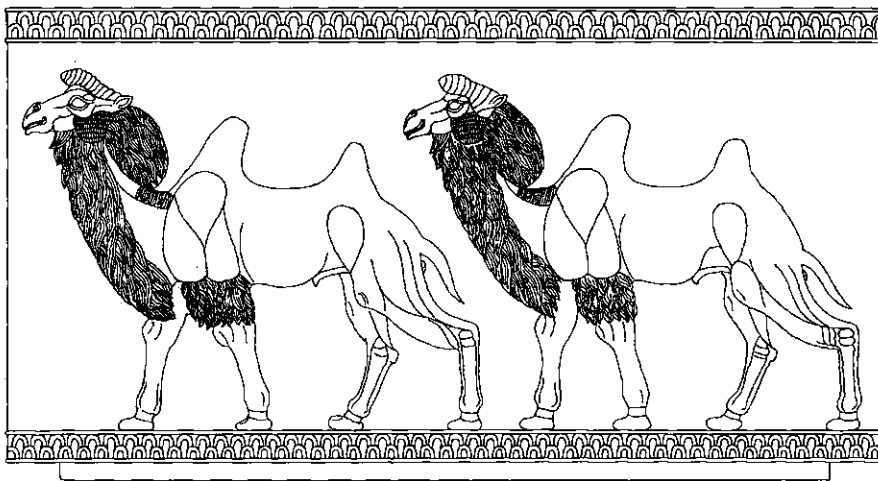


Рис. 25. Прорисовка рельефного изображения двух двугорбых верблюдов на серебряном банкообразном сосуде из тайника гробницы № 3220 (работа А.А. Ниязмухаммедовой)

ным, но бесспорно талантливым мастером, творившим в конце III тыс. до н.э. в древней стране Маргуш. Образ верблюда был неизвестен в Месопотамии до I тыс. до н.э., что исключает возможное предположение об импортном происхождении этого маргианского сосуда, являющегося изделием местного мастера-умельца. Верблюд был наиболее важным и почитаемым животным у древних иранцев и особенно, как это можно су-

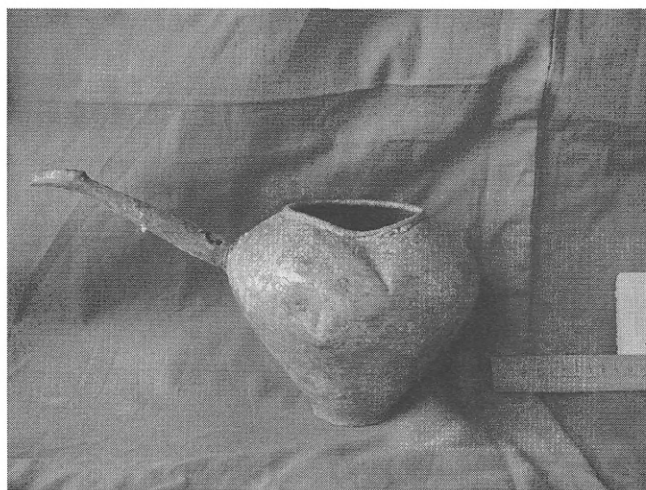


Рис. 26. Серебряный сосуд с длинным носиком из тайника гробницы № 3220

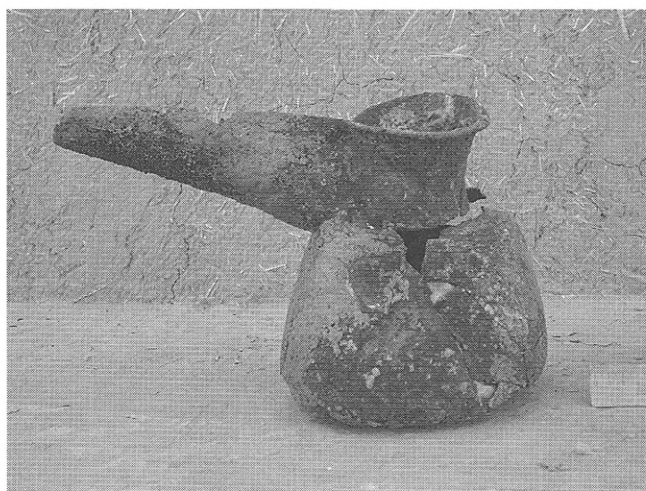


Рис. 27. Бронзовый сосуд с длинным сливом в виде лотка из тайника гробницы № 3220

дить по Авесте, у зороастрийцев. Так что, возможно, действительно, имя новоявленного пророка Заратуштры включает слово «верблюд» (*зар* – золотой, *уштр* – верблюд), на что уже давно обратили внимание лингвисты.

Среди сосудов в тайнике обнаружен также серебряный чайник с длинным носиком (рис. 26), имеющий прямые аналогии в слое Гиссар ШС, который по новой, уточненной хронологии датируется временем 2250–2200 гг. до н.э. С другой стороны, среди этого «сервиза» есть медный сосуд с длинным сливом в виде лотка (рис. 27), аналогичный такому же из гробницы № 2900 (об этом см. ниже), которая по радиоуглеродным определениям и стратиграфическим наблюдениям относится ко второй половине II тыс. до н.э. Еще один точно такой же медный сосуд был найден в явно элитарной, аристократической гробнице № 1999 некрополя Гонура. Судя по сопровождающему его каменному банкуобразному сосуду с нацарапанным орнаментом, он также может быть отнесен к комплексу керамики Гиссар ШС. Похожие медно-бронзовые сосуды с длинными и широкими сливами более характерны для Северного Ирана, где они в основном происхо-

дят из случайных находок. Зато они хорошо представлены в могильнике Шахдада¹⁸. Словом, пока не появились новые данные, можно допустить, что сосуды с лоточковидным сливом были принесены в Маргиану пришлыми племенами в конце III тыс. до н.э. (гробницы № 1999, 3220) и просуществовали вплоть до второй половины II тыс. до н.э. (погребение № 2900), что, однако, требует дальнейшего уточнения на новом археологическом материале (рис. 28).

Наконец, среди металлических сосудов из тайника, как было отмечено, имеется серебряное изделие в виде воронки-ситечка, служившего, как считается, для процеживания сока от измельченных стеблей при приготовлении напитков наподобие вина или пива. Не отвергая такого предположения, отметим, что аналогичные воронки-ситечки были найдены уже в нескольких могилах Маргианы (могила жрицы в храме Тоголок-1, в камерной гробнице № 1999, в цисте № 2900), а теперь в царской гробнице № 3220. Поэтому, возможно, не случайно, что все они обнаружены в элитарных захоронениях. Точно такие же воронки-ситечки известны в Месопотамии¹⁹, причем важно отметить, что один такой золотой предмет происходит из царских могил Ура. Теперь серебряное ситечко из Гонура не оставляет никаких сомнений в их сходстве и происхождении. В этом плане показательны такие воронки из Элама²⁰ и могильника Шахдад²¹, маркирующие промежуточные пункты на пути продвижения подобных изделий из Месопотамии в Центральную Азию и, в частности, Маргиану, вместе с приходом сюда пришлых племен с запада. Тот факт, что подобные воронки изготавливались не только из простой меди, но и из драгоценных металлов (золота и серебра), может указывать на их назначение служить для отцеживания сока таких алкалоидных растений, как эфедра и конопля, при приготовлении культовых напитков типа сома-хаома. В таком качестве они должны были служить своему владельцу не только в реальной, но и в потусторонней жизни. Наконец, большой двухлезвийный кинжал из того же погребения относится к тому типу вооружения, какой был распространен в это время в передовых центрах Ближнего Востока, вплоть до Восточного Ирана (Шахдад).

Заканчивая характеристику гробницы № 3220, необходимо отметить, что среди «сервиза» выделяются своими чрезмерно массивными тяжелыми формами отдельные золотые и особенно серебряные сосуды, что не всегда оправдывается их назначением. Так, золотой графин имеет вес около 1 кг, серебряное блюдо в виде «граммофонной трубы» – 4 кг, а широкое блюдо с невысоким бортиком – 4,5 кг. Думается, что такие излишне массивные изделия должны были символизировать собой богатство их владельцев при жизни, которое они могли взять вместе с собой в потусторонний мир.

Погребение № 3225 представляет собой (вместе с аналогичным погребением № 3240) необычную могилу (рис. 29 а, б) в виде простого прямоугольного котлована глубиной

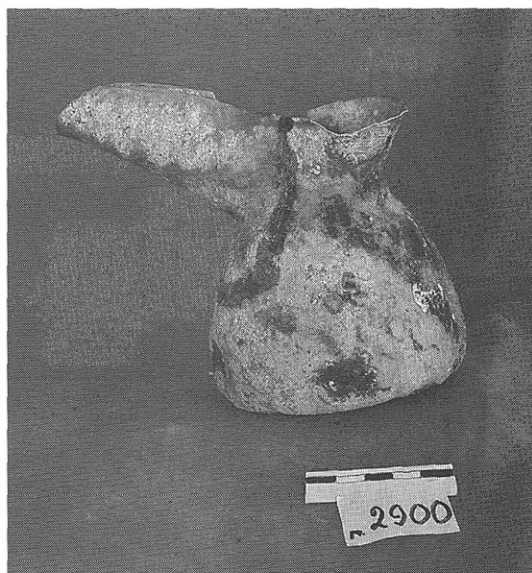


Рис. 28. Бронзовый сосуд с длинным сливом в виде лотка из цисты № 2900 Северного Гонура

¹⁸ Hakemi. Op. cit. P. 630.

¹⁹ Frankfort H. Iraq Excavations of the Oriental Institute. 1932/1933. Chicago, 1935. Fig. 35, 4.

²⁰ Tallon F. Metallurgie Susienne 1. De la fondation de Suse au XVII siècle avant J.-C. 1987. № 808.

²¹ Hakemi. Op. cit. P. 641.

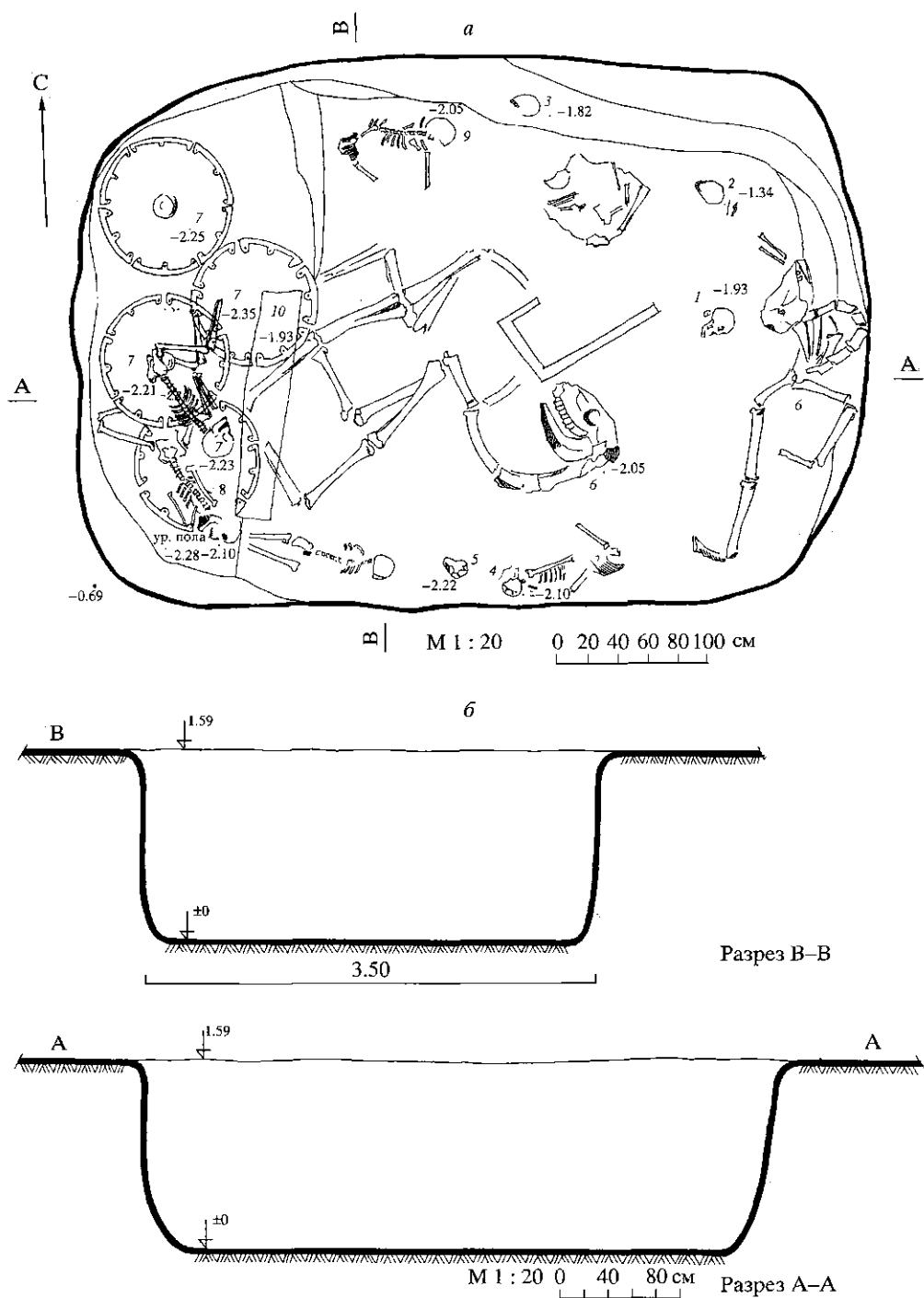


Рис. 29 а, б. План и разрез погребения № 3225. 1-5, 9 - человеческий череп; 6 - скелет верблюда; 7 - колеса от телеги; 8 - скелет человека; 10 - фрагмент дерева



Рис. 30. Повозка из гробницы № 3225

свыше 1.9 м, но не пустотелого, а сразу же засыпанного землей. Доказательством необычности этого захоронения служит тот факт, что в этой неграбленной могиле не было найдено ни личных украшений, ни погребальных приношений. По периметру котлована находилось пять отдельных человеческих черепов и не менее пяти полных скелетов молодых мужчин. Два из них, находившихся напротив друг друга (соответственно у северной и южной стен), в момент смерти стояли на коленях, что может указывать на насильственную смерть не только их, но и всех людей в этой могиле. Вперемежку с человеческими костями здесь обнаружены полные останки двух верблюдов, из которых старый располагался в центре, а молодой – у южной стенки котлована, причем рядом с верблюдом в центре находились остатки дерева, предположительно, от сидения.

Непосредственно у западной стены котлована располагались четыре деревянных колеса (рис. 30), снятые с повозки, каждое диаметром 90 см, точно повторяющие описанные выше из погребения № 3200. Колеса сплошные, с выделенной втулкой, каждое состоит из трех плах, скрепленных между собой рейками, а ободья их – из шести отдельных, но составленных вместе «дуг», снабженных «ушками», при помощи которых прикреплялись заклепки к самим колесам. Судя по стратиграфии, сначала в котлован были спущены два колеса и только затем люди, здесь же умерщвленные, так как колени одного убитого лежали на одном колесе, а сверху их перекрывало второе колесо, которое, таким образом, было спущено в котлован позднее.

Рядом с колесами располагалось деревянное сидение (длиной 160 см, шириной 35 см) со спинкой и двумя «боковинами» (высотой 15 см), причем само оно было сделано из одной доски, а спинка и боковины – из трех узких планок. Возможно, остатки «сидения» представляют собой остатки трех деревянных плах, находившихся на спине второго верблюда, но это, однако, требует дополнительных доказательств. Но независимо от окончательного ответа, очевидно, что нахождение деревянной конструкции на спине верблюда исключает его назначение в качестве тяглового животного.

Четырехколесная повозка из гробницы № 3200 и колеса из могилы № 3225 и, предположительно, № 3240 (об этом см. ниже) являются первыми находками такого рода в Центральной Азии. В высшей степени показательно, что колеса абсолютно такой же конструкции известны в Бактрии²² и Эламе²³. Поэтому есть все основания утверждать,

²² Pottier. Op. cit. Pl. XLIV, 326.

²³ Mécquenem R. Fouilles de Suse 1933–1939 // Memoires de la Mission Archeologique en Iran. T. XXIX. P., 1943. Fig. 74.

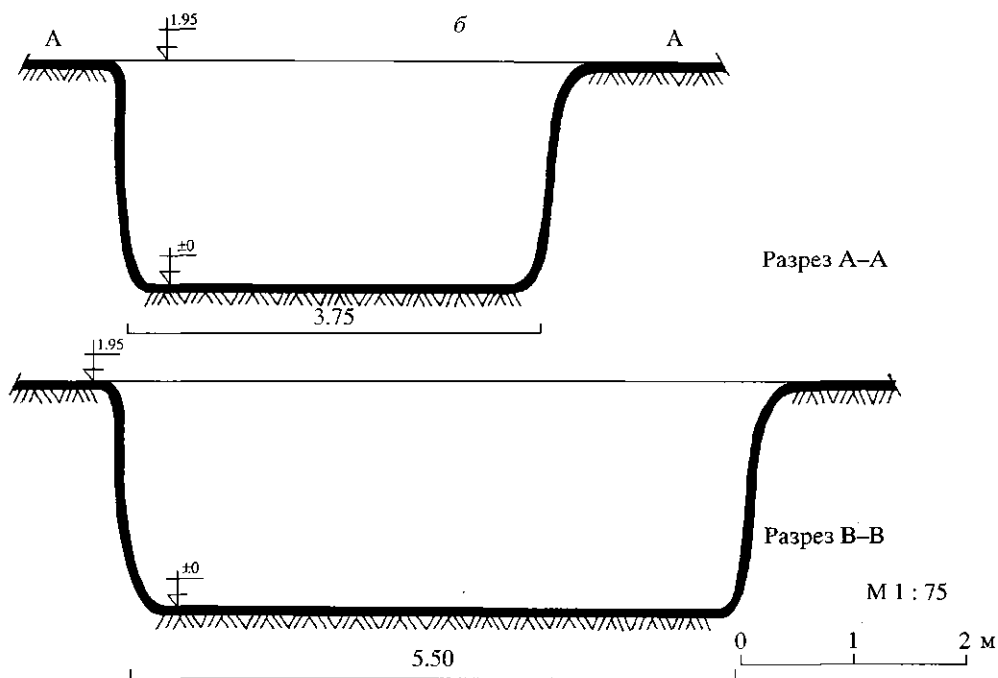
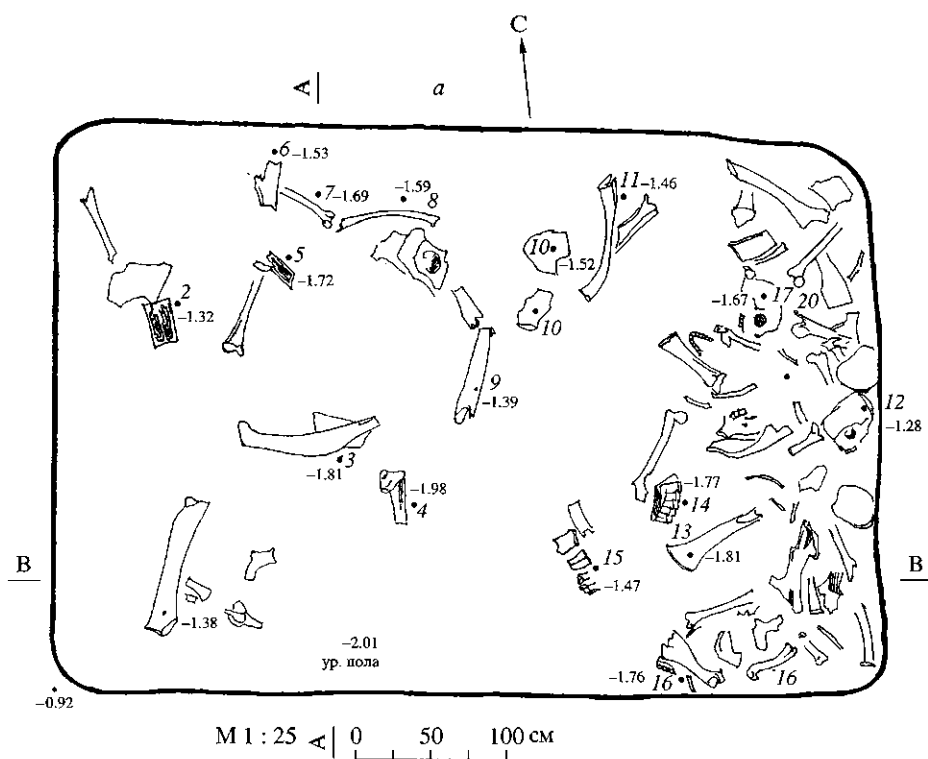


Рис. 31 а, б. Погребение № 3240. План и разрезы. 1 – кости животных; 2 – фрагменты керамики; 3 – зубы верблюда; 4, 5, 6, 10 – человеческие черепа; 7 – фрагменты дерева; 8 – кости коровы/быка; 9 – нижняя челюсть человека

что, по крайней мере на рубеже III–II тыс. до н.э., на территориях современных Туркменистана, Ирана и Афганистана был распространен колесный транспорт с лошадинойпряжкой. Хотя колеса подобной конструкции с бронзовыми ободьями пока более нигде не засвидетельствованы, не исключено обнаружение их в будущем и в западных исторических областях.

Итак, два убитых верблюда (которые считались наиболее высокоцтимыми животными у зороастрийцев), вполне вероятные человеческие жертвоприношения и бронзовые ободья большой ценности – все это указывает на особое значение могилы № 3225, которая могла быть своего рода кенотафом, но не простого, а бесспорно высокого лица царского ранга.

Погребение № 3240 как по погребальному сооружению (прямоугольный котлован около 2 м глубиной), так и по типу захоронения (не пустотелый, а сразу же сплошь засыпанный землей) во многом сходно с могилой, описанной выше, за исключением того, что погребение № 3240 было ограблено в древности (рис. 31). Внутри гробница оказалась полностью заполненной насыпной землей вперемежку с фрагментами костей животных (двух верблюдов, коровы–быка, теленка и двух собак) и человеческими костями. В могиле были обнаружены останки 14 человек, кости которых были разбросаны по всей площади, но особенно большое скопление костей было отмечено в восточной части. Кости людей и животных лежали беспорядочно. Исключение составлял частично сохранившийся на полу скелет собаки со следами медно-бронзовых окислов, возможно, от лежавших рядом колес. Точно так же на костных остатках одного мужчины и одной женщины имеются интенсивные следы от медно-бронзовых окислов. Поскольку в этом котловане найдены хорошо сохранившиеся фрагменты дерева, которые скорее всего являются частями колес, можно полагать, что в восточной части котлована на полу лежали колеса от повозки.

На полу котлована, в северо-западном углу были найдены пять человеческих скелетов, сохранивших полный анатомический порядок костей, но лежавших в неестественных позах, что, по мнению Н. Дубовой, может указывать на их неестественную смерть. Они могли быть убиты (принесены в жертву?) уже внутри котлована, но их не просто сбросили, а придали им позы, характерные для обычных захоронений: скорченные, на правом боку, головой на северо-запад.

Суммируя полученные данные, думается, что и в эту могилу, как и в погребение № 3225, были положены снятые с повозки колеса, бронзовые ободья которых представляли для грабителей большую материальную ценность, что и послужило главной причиной ограбления могилы. Точно так же, как и в погребении № 3225, и в этой могиле не сохранилось абсолютно никаких личных украшений и погребальных приношений. Вероятнее всего, гробница № 3240 была элитарным кенотафом какого-то высокородного лица. Таким образом, очевидно, что захоронения № 3225 и 3240 с самого начала разительно отличались от всех других гробниц царского некрополя и, скорее всего, представляли собой древние кенотафы.

Гробница № 3230. На дневной поверхности внутри гробницы выявился прямоугольный кирпичный алтарь со следами сильного огня внутри. Как и другие гробницы, эта также представляет собой котлован, вырытый в материке и облицованный изнутри кирпичами. Внутри котлован разделен кирпичными стенками на четыре камеры с общим входом в гробницу, расположенным с восточной стороны, который оказался заложённым кирпичами «всухую», разобрав который, легко можно попасть внутрь.

В самых верхних слоях заполнения гробницы начали встречаться следы полного ее ограбления в виде разрозненных костей от человеческих скелетов вперемежку с личными украшениями и погребальными приношениями, а именно: фрагменты золотой фольги, нашивки, бусы, каменная «миниатюрная колонка», большое количество мозаики, разбитой керамики. Среди этих находок выделяются фрагменты стеатитовой композитной статуэтки, правда, без головы и руки.

Явно не случайно основная масса украшений концентрировалась в юго-восточном углу гробницы, ниже которого располагалась небольшая, почти квадратная камера 2, вну-

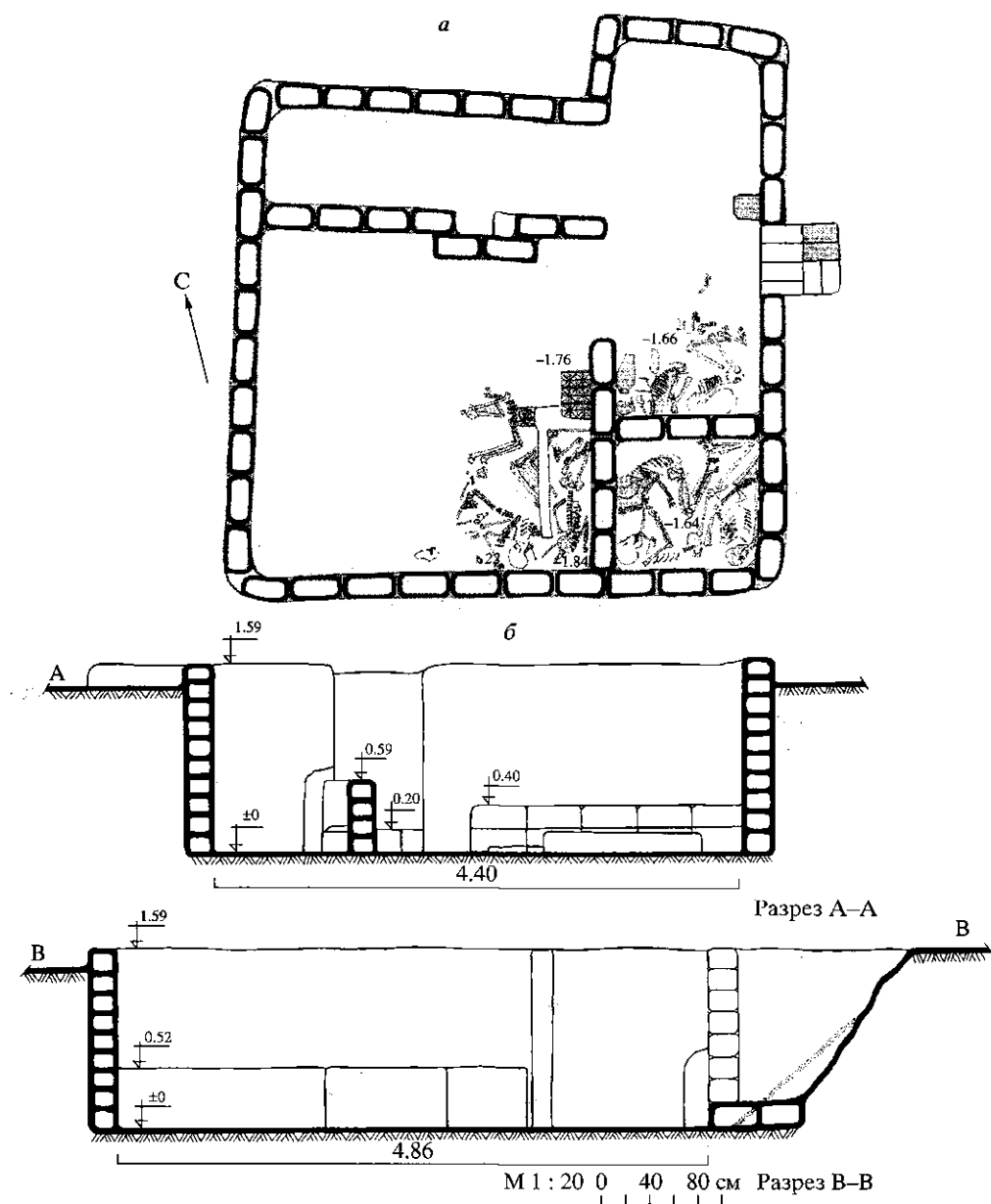


Рис. 32 а, б. Гробница № 3230. План и разрезы. 1 – скелет взрослой женщины, под теменем которой находился бронзовый ритуальный топор, а на шее – золотые бусы; 2 – скелет взрослого мужчины с золотыми бусами и «мешочком» с 10 кремневыми наконечниками стрел у черепа; 3 – костные останки двух взрослых женщин; 4 – костные останки еще двух взрослых женщин; 5 – костные останки карлика; 6 – костные останки двух женщин, рядом с которыми находились керамические сосуды; 7 – «дарохранильница», украшенная мозаикой в виде «коврового» узора; 8 – костные останки взрослых мужчины и женщины и молодого человека

три которой находились три скорченных скелета с разной ориентацией и абсолютно без каких-либо личных украшений и погребальных приношений (рис. 32). Еще три скелета взрослых людей находились в камере 3 (двух взрослых женщин и карлика) без погребального инвентаря, не считая нескольких средних размеров сосудов, два из которых были украшены расписным «решетчатым» орнаментом. В самой большой по размерам

камере 1 в юго-восточном углу сохранились человеческие скелеты, в большинстве случаев нарушенные, из которых лишь один женский оказался не потревоженным и лежал скорченным, головой на юг; а в ногах была сильно разрушенная прямоугольная дарохранительница, украшенная мозаичным орнаментом. На шее покойницы было золотое ожерелье, а за головой помещен бронзовый, церемониальный топор. Рядом находилось мужское захоронение. В нем найдены разрозненные золотые бусины, кроме того, около теменной части мужского черепа был положен, по-видимому, мешочек с 10 кремневыми наконечниками стрел, скрепленный медной ленточкой. Вокруг были обнаружены разрозненные кости женских скелетов, и как выяснилось, здесь находились один мужской костяк и пять женских.

Можно полагать, что помещение 4 являлось своеобразным коридором, здесь находился двухкамерный разрушенный очаг, топка которого выходила, судя по всему, именно в это помещение. Находки – керамика, фольга – были сделаны во всех помещениях. Бусины, обломки керамики обнаружены в верхних слоях заполнения. Как видно, большая часть гробницы оказалась пустой и могла предназначаться для последующих захоронений, которые по каким-то причинам не были совершены.

Гробница № 3235 представляет собой самое сложное по планировке погребальное сооружение. Вход в нее располагался с восточной стороны и представлял собой лестницу с семью ступеньками (рис. 33). Он был наглухо заложен кирпичами «всухую» для быстрого проникновения внутрь гробницы, стены котлована изнутри были облицованы кирпичами и покрыты толстой глиняной штукатуркой. На дневной поверхности по обе стороны от входа и по середине боковых стен гробницы располагались по два обожженных изнутри прямоугольных алтаря со следами горевшего огня внутри.

Прямой проход вел в помещение 5 типа своеобразного вестибюля с внутренней нишей в северной стене, где находились разрозненные кости и череп от человеческого скелета. Рядом на полу был обнаружен еще один скелет (отгороженный глухой стеночкой от остального помещения), над которым были остатки какого-то деревянного изделия (размером 30 на 75 см). Напротив, в южной стене, был устроен обычный очаг, около которого на полу обнаружены угольно-зольный слой и пять медно-бронзовых скоб. Наконец, около западной стенки вестибюля находились два человеческих черепа, но без скелетов. В этом помещении было найдено еще только нескольких разбитых керамических сосудов и деревянных остатков от «ларцев».

Широкий проход с порогом вел в смежное помещение 4 (своеобразный внутренний холл), которое имеет пять проходов с порогами, ведущими в соседние помещения, а в восточной стене была небольшая обычная печь с закопченным дымоходом. Почти в середине этого помещения, на глубине 45 см ниже пола обнаружены слегка нарушенные (уже вскоре после их захоронения) человеческие скелеты, из них три – молодых мужчин, лежавших в скорченных позах головой на север. Еще четыре костяка из этой же могилы – все женские, ориентированы, в противоположность мужским, на юг и все без инвентаря, только небольшая простенькая медная печать с орнаментом в виде крестика лежала на груди у одной покойной.

В засыпке могилы найдено небольшое количество разрозненных кусочков мозаики, указывающих на то, что они попали туда, когда грабители пытались что-то найти среди этих, далеко еще не разложившихся, погребенных. Вероятно, некоторые мозаичные вставки уже тогда осыпались со своего первоначального места и, так же, как и великолепная агатовая бусина с золотыми обоями, уроненная грабителями, могли случайно попасть в заполнение могилы семерых слуг.

Два прохода, устроенные в восточной стене, ведут в помещения 2 и 3. Помещение 2 – небольшое, прямоугольное, имеет неправильную конфигурацию вследствие того, что в нее выступает тыльная часть двухкамерного очага из смежного помещения 3. В свою очередь помещение 2 в середине северной стены также имеет двухкамерную печь с уступом, делящим ее на топку (с остатками золы на дне) и духовку. Все это и, главное, закопченный дымоход свидетельствуют об использовании печи во время функционирования самой гробницы. Непосредственно перед этой двухкамерной печью находились

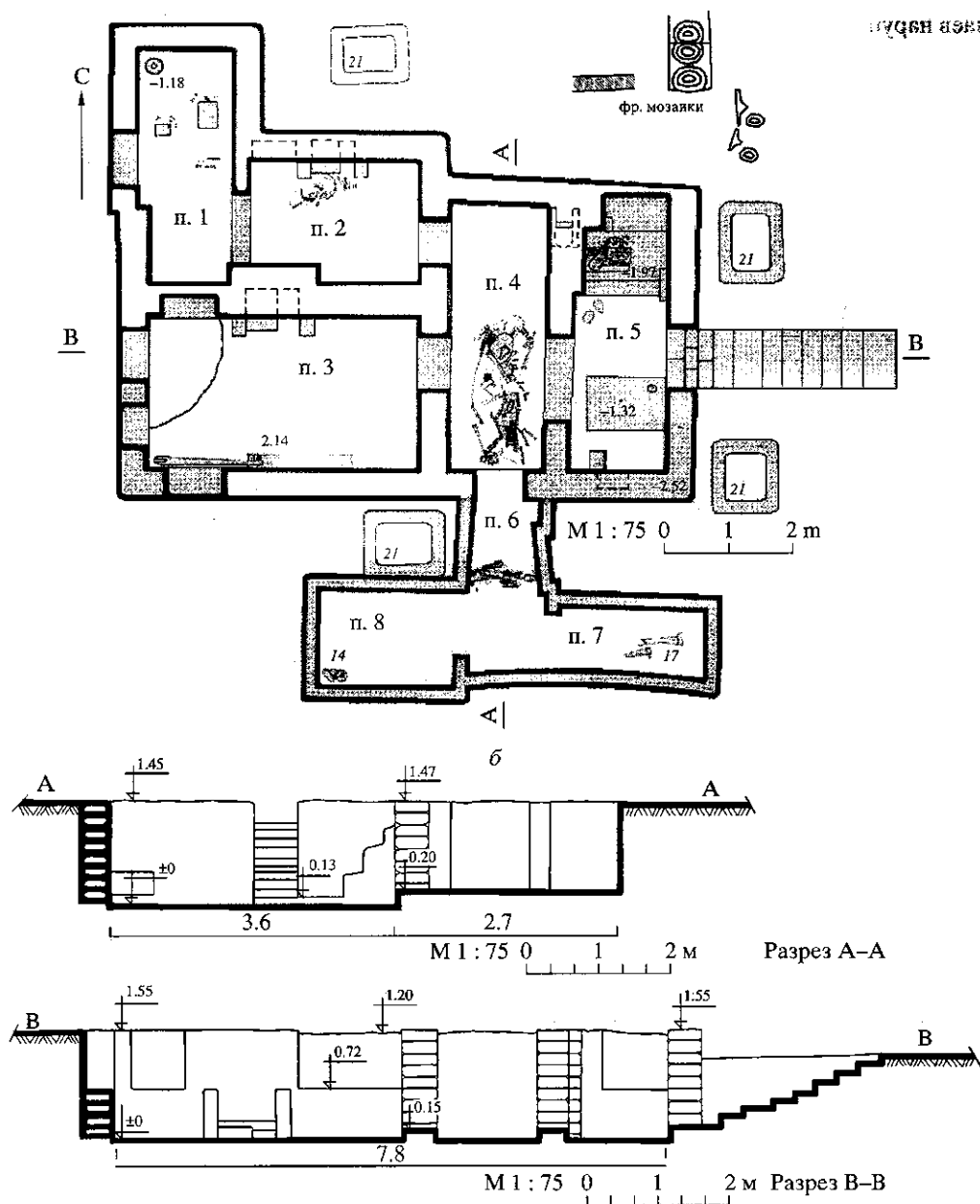


Рис. 33 а, б. Гробница № 3235. План и разрезы. 1 – алтари огня; 2 – двухкамерные очаги; 3 – скопление керамических сосудов; 4 – обычный очаг с сохранившимся дымоходом; 5 – обожженная ниша без дымохода; 6 – сланцевый посох с концом в виде лошадиного копыта; 7 – скопление фрагментов гипсовых и каменных мозаичных вставок; 8 – серебряные сосудики и булавка с навершием в виде лежащего быка; 9 – остатки деревянной шкатулки, украшенной гипсовой мозаикой; 10 – два человеческих черепа; 11 – скелет взрослого человека, сверху которого стоял деревянный ящик («дарохранительница»); 12 – агатовая бусина в золотых обоямах; 13 – клад бронзовых, серебряных и золотых сосудов; 14 – потревоженные и нарушенные мужские и женские скелеты, среди которых найдена агатовая бусина в золотых обоямах; 15 – скелет пожилой женщины; 16 – керамические сосуды; 17 – кости животных; 18 – керамический сосуд; 19 – остатки деревянной «шкатулки» на бронзовых «ножках»; 20 – каменный цветок

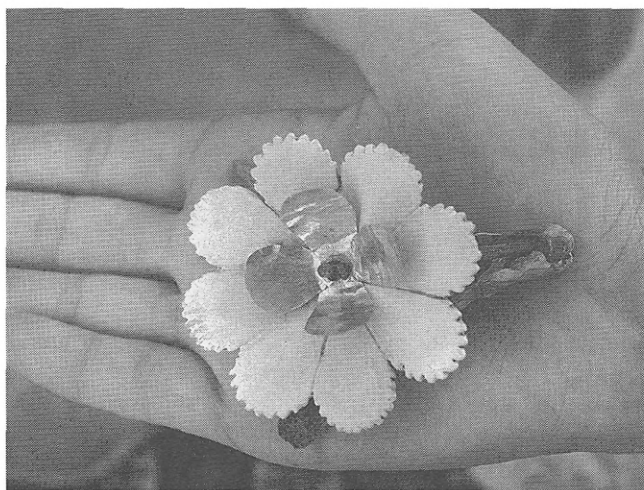


Рис. 34. Каменный цветок из бирюзы, золота и бронзы из гробницы № 3235

большое количество разбитой керамики и две так называемые «накладки» из слоновой кости, украшенные нацарапанным орнаментом с отверстиями на концах для крепления. Еще одна точно такая «накладка» была обнаружена в грабительском лазе.

В смежном помещении 3 в западной стене располагались рядом две ниши, а в южной и северной – еще две, но находившиеся напротив друг друга. Примерно посередине северной стены была устроена двухкамерная печь с уступом, точно соответствуя вышеупомянутой из помещения 2 и также со следами огня. Здесь обнаружены два каменных «посоха» (соответственно 1.2 м и 1.45 м длиной), конец одного из них выточен в виде лошадиного копыта, а также 13 кремниевых наконечников стрел, обрывки золотой фольги, агатовые бусы с золотыми обоями, полностью аналогичные таким же из передовых центров Ближнего Востока, в том числе из царских могил Ура²⁴. Был найден также золотой четырехлепестковый «цветок», украшенный по контуру зубчатыми бирюзовыми, но более крупными листочками (рис. 34), причем точно такие же лепестки были в находившейся рядом двухкамерной печи. Наконец, в западной части помещения обнаружены круглые и квадратные «фишки», изготовленные из слоновой кости и украшенные кружковым орнаментом.

Бесспорно, особый интерес представляет собой тайник № 2, располагавшийся у южной стены помещения № 3, ниже пола, на глубине 85 см, в котором находилось семь сосудов (два золотых, три серебряных и два медных). Два золотых кубка точно копируют золотые же кубки из грабительских раскопок Бактрии²⁵, а среди серебряных выделяется небольшой сосуд конической формы с рельефным анималистическим орнаментом. Мастер-ювелир изобразил многоплановую композицию, в которой представлено 10 разнообразных персонажей, а также три растения с пирамидальной кроной, водоем с рыбами, горы и, наконец, цветы (рис. 35, 36). Среди зооморфных образов присутствуют: разъяренный лев, спускающийся с возвышения и находящийся в явно противоборствующей позиции по отношению к стоящему перед ним мощному быку (это едва ли не самая популярная композиция, много раз представленная в переднеазиатском искусстве и неоднократно повторенная в древней глиптике Бактрии и Маргианы), и явно уставший от погони волк с высунутым языком, преследующий убегающего зайца, и антилопа на водопое, за которой внимательно следит спрятавшаяся за возвышением львица, и другая пара антилоп по бокам пирамидального растения. Передается популярный на Ближ-

²⁴ Orthman W. Der Alte Orient. B., 1975. № 123b.

²⁵ Zimmerman J. Ancient Art From the Barbier Museum. N.Y., 1991. Fig. 12.



Рис. 35. Серебряный сосуд из тайника № 2 гробницы № 3235 с рельефным орнаментом

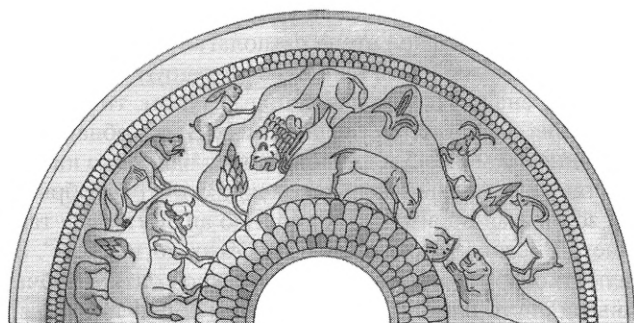


Рис. 36. Прорисовка рельефа на серебряном сосуде из тайника гробницы № 3235

нем Востоке мотив «древа жизни» с парой козлов по его обеим сторонам. На рельефе присутствует и растение на горе, до определенной степени напоминающее либо тюльпан, либо мак, использовавшийся для приготовления культовых напитков типа сома-ха-ома. Наконец, медведь, спокойно бредущий среди гор, дополняет общую композицию этого сюжета. Но на этом не кончаются художественные достоинства сосуда: изображения продолжают на его дне, где в центре сохранился гравированный рисунок головы «плачущего» рогатого козла, из глаза которого катится крупная слеза (рис. 37).

Заклячая общую характеристику помещения 3, следует отметить, что нижняя часть западной стены, или иначе панель, на высоту около 1 м сплошь сохранила ровную гладь обмазки «цемянкой», к которой обычно прикреплялась мозаика. Не исключено, что и в данном случае обнаруженная «цемянка» указывает на былую мозаичную облицовку, которая в виде панели украшала все это помещение по низу. Именно здесь и была найдена основная масса разнообразных мозаичных вставок.

Помещение 1 соединено с помещением 2 общим проходом с порогом и имеет в середине западной стены нишу. Стены помещения тщательно оштукатурены, пол покрыт толстой глиняной обмазкой. Здесь был обнаружен фрагмент упавшего со стены мозаичного фриза. Рядом находился перевернутый вверх дном серебряный сосудик, косме-

тический флакон с крышечкой и косметический аппликатор для нанесения косметики на тело, наверху которого выполнено в виде лежащего, отдыхающего быка. Здесь же был найден еще один деревянный ларчик с инкрустацией по углам и по середине, со следами красной и черной краски и обрывки золотой фольги.

Если помещения 1–5 составляют единое погребальное сооружение, то три последних (6, 7, 8) – неоштукатуренные и без глиняной обмазки пола – больше похожи на подсобные, возможно, построенные позднее. Помещение 6 представляет собой коридор, в который как бы насильно был «втиснут» труп женщины (в возрасте 50–60 лет) в скорченной позе и с сильно запрокинутой (с отвалившейся вниз челюстью) головой. В помещении 7 обнаружено много разрозненных костей животных вперемежку с незначительным количеством мелких фрагментов мозаики, попавших сюда, скорее всего, в результате грабительских раскопок.

В помещении 8 найдены в явно вторичном, перемешанном состоянии два целых сосуда типа глубоких чаш и единичные кусочки мозаики. Закljučая рассмотрение гробницы № 3235, отметим, что помимо предположительного «вестибюля» (помещение 5) и «внутреннего холла» (помещение 4) два других помещения – 1 и 2 – могли быть «камерами погребений», куда помещали усопших. В таком случае помещение 3 могло выполнять роль «камеры погребальных приношений», а помещения 6, 7 и 8 были подсобными.

Камерныe гробницы № 3205, 3245 и 3250 располагаются по периферии царского некрополя и решительно уступают как по размерам, так и по богатству личных украшений и погребальных приношений всем вышеописанным гробницам. Более того, есть все основания считать, что практически все они относятся к более позднему времени. Доказательством этого является следующий факт: камерная гробница № 3250 перерезала круглую стену, возведенную в более ранний период вокруг гробницы № 3220. Все они, за исключением камерной гробницы № 3245, были ограблены в древности, и поэтому все наши сведения о таких захоронениях основываются на результатах расчистки именно этой гробницы.

Камерная гробница № 3245 представляет собой вырытый в материке прямоугольный котлован, стены которого выложены сырцовыми кирпичами. Он был разделен на две разновеликие камеры. Большая из них являлась «погребальной камерой», куда был помещен покойник. В середине южной стены имеется проход со ступенькой, а в середине восточной стены – модель двухкамерной печи с уступом и тонким слоем золы в топке. В противоположность всем другим могилам царского некрополя, общий вход в камеру к моменту раскопок не сохранил свидетельств кирпичной закладки. В середине погребальной камеры была устроена земляная подсыпка высотой 15 см, на которой стоял деревянный ящик, а сверху него в «классической» позе на правом боку, головой на север лежали останки тяжело больной женщины, по мнению Н. Дубовой, в возрасте 30–35 лет. На запястьях ее рук были «фаянсовые» браслеты, шею охватывало ожерелье, составленное из мелких золотых, лазуритовых и других полудрагоценных камней, на локте левой руки стояла керамическая чаша, у ног, за пределами ящика, – медный горшок.

Вторая, меньшая по размерам, камера («камера погребальных приношений») служила для помещения в ее центре погребальных приношений, которые включали рифленый алебастровый сосудик, квадратную стеатитовую шкатулку с четырьмя отделениями внутри и ручкой в виде извивающейся змеи. Эта, скорее всего парфюмерная, шкатулка точно повторяет аналогичную из могильника Шахдад²⁶ и имеет по углам четыре сквозных отверстия для подвешивания. Среди других изделий следует отметить так называемую «косметическую лопаточку», изготовленную из слоновой кости в виде кры-



Рис. 37. Прорисовка гравированного изображения на дне серебряного сосуда с рельефом из тайника гробницы № 3235 (работа А.А. Ниязмухамедовой)

²⁶ Nakemi. Op. cit. P. 491.

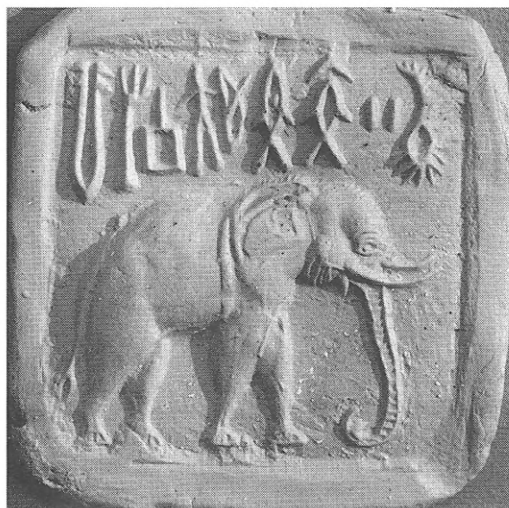


Рис. 38. Стеатитовая печать из помещения 19, раскоп 9 Северного Гонура

ванных «нефритовых спиц» не совсем ясного назначения и, предположительно, морской раковины.

Суммируя результаты раскопок, остановимся на вопросе, насколько правомерно относить этот могильник к категории «царских некрополей». Уже давно было отмечено специалистами, что по крайней мере на рубеже III–II тыс. до н.э. домашняя лошадь была еще элитарным животным, так что помещение в могилы повозок (или же просто снятых с них колес) вместе с лошадью (или ее частями) свидетельствуют о царской принадлежности таких захоронений. Такого типа погребальные приношения засвидетельствованы специалистами во многих, к тому же не всегда близких друг другу частях Евразии. В этой связи отметим, что в царском некрополе Гонура такая ситуация зафиксирована в трех гробницах (№ 3200, 3225 и, вполне вероятно, в № 3240), тем самым отмечая высокий, действительно царский статус подобных гробниц.

На это безусловно указывают человеческие жертвоприношения (особенно в № 3225 и 3240), повторяющие, хотя и в несравненно меньших масштабах аналогичную погребальную практику передовых центров тогдашнего мира, например, царских могил Ура. Помещение практически во все гробницы каменных «посохов», этих своеобразных «скипетров», бесспорных знаковых символов власти, украшенных к тому же навершиями в виде конских копыт, не оставляет никаких сомнений в царском статусе похороненных в них лиц. Если добавить к этому богатые личные украшения и погребальные приношения раскопанных гробниц, то станет очевидным их подлинно царское назначение. Итак, приведенные документальные факты не оставляют сомнений в том, что рассматриваемый могильник представляет собой настоящий царский некрополь конца III тыс. до н.э.

Судя по всему, камерные гробницы Маргианы в виде моделей домов восходят к северосирийским погребальным сооружениям типа Талл-Туттул и некоторым другим, расположенным в бассейне среднего течения Ефрата. Эта практика, судя по всему, была привнесена в древнюю дельту Мургаба пришлыми с далекого Запада племенами²⁷, основавшими здесь новую цивилизацию. Как видно, раскопанные гробницы представляют собой модели домов, выстроенных с разной степенью детализации (особенно № 3200 и 3210), которые находят свое планировочное продолжение на примере так называемых двухкамерных гробниц некрополя Гонура. Роднит их между собой общий планировочный принцип в виде двухкамерных погребальных сооружений (всегда разномасштаб-

латого грифона, терзающего ягненка, что с бесспорностью свидетельствует о высоком уровне местного костерезного искусства.

Следует отметить, что слоновая кость в древнюю страну Маргуш поступала из областей городской цивилизации долины Инда, доказательством чего может служить типично хараппская печать, но обнаруженная не в могилах царского некрополя, а в помещении 19 Храма воды (рис. 38). По мнению известного индолога А. Парпола, печать изготовлена в долине Инда и, таким образом, была импортной. Здесь же среди погребальных приношений находился фрагмент мозаики с профильным изображением женского лица, возможно, передающим внешний облик пришлых в дельту Мургаба людей. Осталось отметить еще находку четырех каменных, тщательно заполиро-

²⁷ Сарияниди. Некрополь Гонура... С. 33.

ных). Меньшая из камер является местом погребения покойников (типа «дома мертвых»), или «погребальной камерой», вторая, большая – для помещения погребальных приношений – это «камера погребальных приношений».

Не во всех, но в большинстве гробниц как некрополя Гонура, так и царского некрополя имеются двухкамерные печи для приготовления жертвоприношений, которые в царских гробницах представляют собой практически подлинныя печи, всегда располагающиеся на полу гробниц. А в некрополе Гонура их уменьшенные модели устроены в восточной стене, на высоте около 1 м над полом. Объединяет между собой камерные гробницы царского некрополя и некрополя Гонура наличие моделей столов и лежанок в виде простых кирпичных выстилок, на полах гробниц, а также «посудные» шкафы, иногда заставленные целыми «сервизами». Показательно, что в обоих некрополях камеры соединены между собой проходами с той лишь незначительной разницей, что в одном случае они заложены кирпичами «всухую», а в других закладки вообще нет. Зато в тех случаях, когда это можно установить, главные входы, ведущие внутрь таких гробниц, практически всегда заложены кирпичами «всухую», без глиняного раствора. Наконец, и в том, и другом случае гробницы не засыпались грунтом, в них практиковался один и тот же последовательный (коллективный) обряд захоронений с последующим изъятием разложившихся скелетов и, возможно, их перезахоронением.

Уже при раскопках камерных гробниц некрополя Гонура было высказано предположение, что все они были элитарными и в них хоронили местную аристократию. Теперь этот вывод подтверждается вышеприведенными фактическими данными, полученными в ходе раскопок царского некрополя. Таким образом, есть все основания считать, что камерные гробницы некрополя Гонура представляют собой продолжение камерных гробниц царского некрополя, отличаясь лишь меньшими размерами и более упрощенной планировкой, но они всегда принадлежали местной маргианской аристократии.

Показательно, что в преобладающем большинстве камерных могил обоих некрополей не сохранились костяки, а лишь «костяное крошево», свидетельствуя в пользу практики организации так называемых «временных могил». Согласно этому обряду, по прошествии определенного времени (но когда скелет уже распался) останки изымались со своего места и переносились в другое таким образом, что в бывшей могиле оставалось лишь «костяное крошево». Такая ситуация была зафиксирована практически во всех камерных гробницах Гонура, а шире – в зоне распространения БМАК²⁸. В настоящее время отсутствует исчерпывающая характеристика этого погребального ритуала. Мы не знаем завершающего этапа обряда, но сам факт существования такой практики представляется вполне вероятным.

Если царский некрополь располагался на южной окраине Гонура, то на северной стороне, непосредственно перед главным въездом во дворец, в период полного запустения всех прилегающих сооружений была построена кирпичная прямоугольная циста (погребение № 2900), в которой были погребены пожилые (около 60 лет) мужчина и женщина. Они лежали в скорченной позе на правом боку, головой на север, причем непосредственно под ногами мужчины находился полный скелет ягненка (рис. 39). Вдоль северной и западной стенок цисты стояло свыше 20 керамических сосудов, а около головы мужчины лежали личные украшения и погребальные приношения в виде серебряных и фаянсовых браслетов, гребень и «косметическая лопаточка» с навершием в виде «сжатого кулачка», сделанные из слоновой кости, фаянсовый панцирь черепахи, серебряные кубок и стаканчик. Среди медно-бронзовых сосудов обращает на себя внимание кувшин с длинным, лопаточковидным сливом (аналогичный такому же из тайника гробницы № 3220). Здесь же находились шкатулка слоновой кости с «решеточной» крышкой и сильно закопченный снаружи котелок. Серебряная булавка с навершием в виде шагающего верблюда, найденная глубоко под подбородком, скорее всего, служила для закрепления одеяния (рис. 40). На шее было надето серебряное ожерелье, концы которого оформлены в виде двух быков, стоящих друг против друга, инкрустированных поделоч-

²⁸ Более подробно см. там же, с. 76–77.

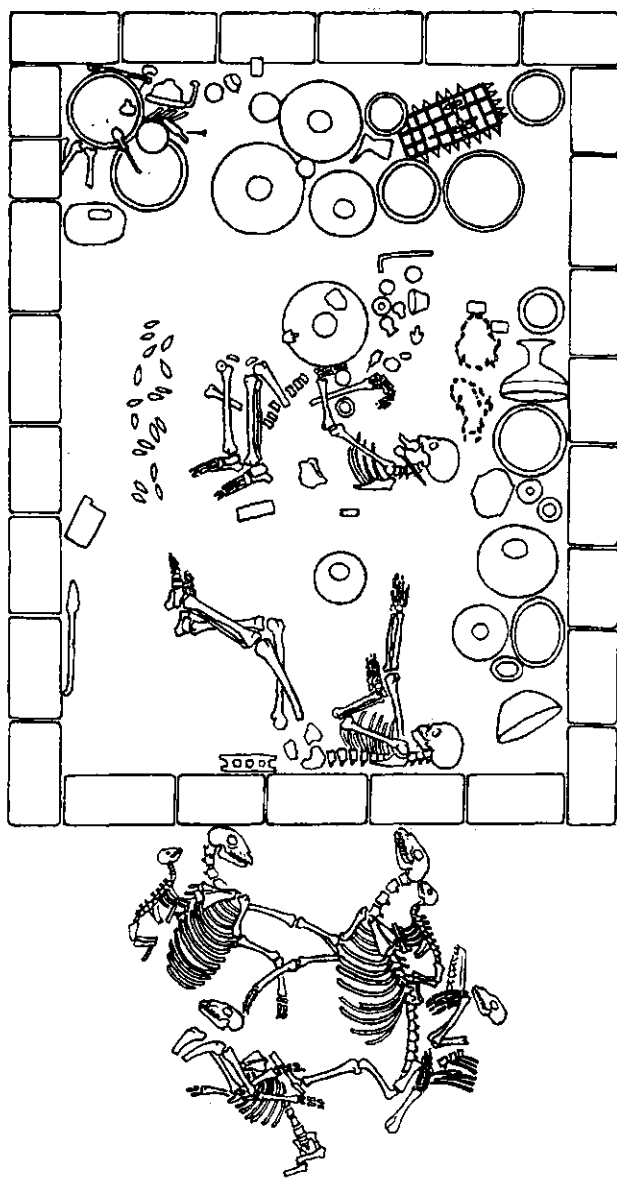


Рис. 39. План цисты № 2900, раскоп 5 Северного Гонура

ными камнями (лазурит, бирюза, сердолик). Само ожерелье состоит из таких же камней, причем с обеих сторон в отверстия каждой бусины вставлены бронзовые крепежные вставки, в которые вдевался шнурок. В юго-западном углу располагались: своего рода «ритуальный набор», состоящий из медно-бронзовых изделий, в том числе: треугольник с петлями на концах не совсем ясного назначения, два «зеркальца», косметический флакон с крышечкой и рядом аппликатор, коробочка в виде почки, воронка-ситечко для процеживания жидкости, блюдечко и кинжал. Рядом лежал лепной, необожженный расписной «сосуд», внутри которого находилась целая составная статуэтка (рис. 41).

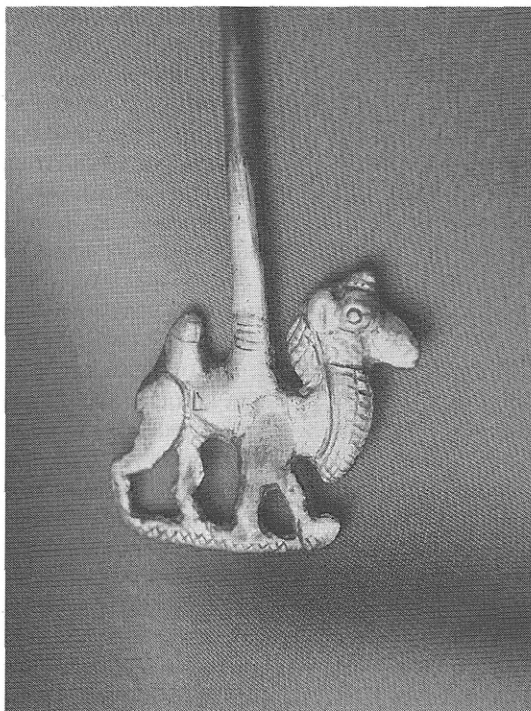


Рис. 40. Серебряная булавка с навершием в виде шагающего двугорбого верблюда из цисты № 2900

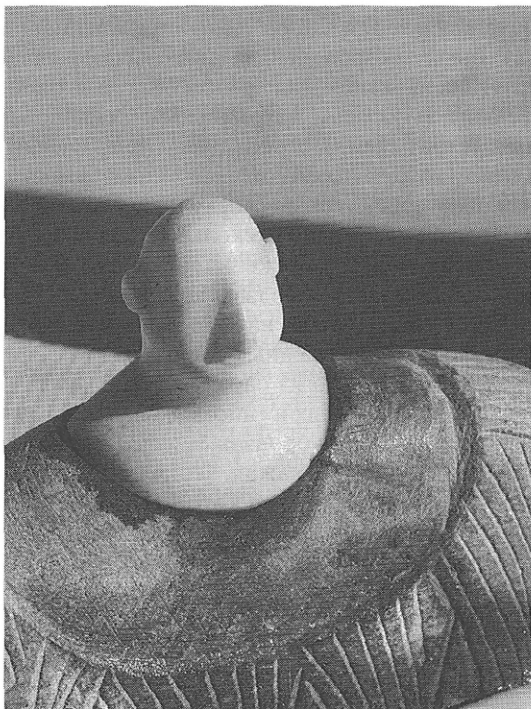


Рис. 41. Фрагмент составной статуэтки из цисты № 2900

Около женского скелета обнаружена медно-бронзовая модель «лесенки», отмечавшая воинское положение погребенного рядом мужчины, доказательством чего служит точно такая же «лесенка» из бесспорного «погребения воина» (погребение № 2380) некрополя Гонура²⁹. А о том, что в рассматриваемом погребении был захоронен знатный воин, свидетельствуют массивный бронзовый наконечник копья длиной 32 см с загнутым концом, находящийся рядом так называемый секач, а также рассыпанный на полу 31 кремниевый наконечник стрелы. Дополнительным доказательством служат два медных навершия булавы с четырьмя зубчатыми завершениями и с остатками дерева внутри (аналогичные таким же бактрийским навершиям), один из которых отлит в виде сильно сжатого кулака.

За внешней, восточной стеной цисты были захоронены два взрослых барана таким образом, что передние ноги их лежат друг на друге. За их спинами было помещено по одному ягненку, а в ногах – по одной собаке. Наконец, около спины северного барана находилась нижняя челюсть лошади. Практика коллективного захоронения животных около гробниц была широко распространена на другом конце тогдашнего мира, в Египте, где они зафиксированы в древнем городе Аварисе. Как показали раскопки австрийских археологов, сам Аварис был основан на рубеже III–II тыс. до н.э. выходцами из Северной Сирии, в погребальных обрядах которых известны подобные захоронения животных³⁰. Факт практически одновременного появления северомесопотамских племен в дельте Нила и древней дельте реки Мургаб весьма знаменателен. Сходство погребальных обрядов в обоих этих пунктах служит дополнительным доказательством их близкого родства на их былой, предположительно сирийской прародине.

Выше неоднократно отмечалось, что дворцово-культовый ансамбль и царский некрополь были обнесены снаружи внешней обводной стеной. Со временем, когда дворцово-культовое ядро Северного Гонура пришло в упадок и находилось в руинах, вместе с ним превратилась в руины и обводная стена. В результате оставшееся немногочисленное население устроило на окраине Гонура несколько небольших могильников. Особенно интересен «южный могильник», большую часть которого составляют кирпичные цисты, и три из них представляют для нашей темы определенный интерес. В первой цисте (погребение № 3124) были захоронены два взрослых барана. Оба лежат «скорченно» (задние ноги подтянуты к передним), на правом боку, в затылок друг другу, головой на север (т.е. по погребальным обрядам, характерным для человеческих захоронений). В их ногах находился скелет ягненка. Погребальные приношения составляют семь керамических сосудов (в одном из которых находился миниатюрный фаянсовый сосудик, а внутри другого – медная чаша), на которые сверху были положены куски мяса, а перед головой одного из барана было рассыпано несколько гипсовых бусин.

В другой цисте (погребение № 3130) также были захоронены три барана: два взрослых в центре, головой на северо-запад, мордами друг к другу. За спиной одного из них находился полный скелет ягненка головой на северо-восток. Погребальный инвентарь составляют восемь керамических и два медных сосуда, рядом с одним из них лежал косметический флакон. Около таза одного из баранов располагалась медная булава, а в ногах – множество медных, сердоликовых и гипсовых бусин, в том числе в виде мелкого бисера. За его спиной находились медно-бронзовые изделия в виде косметического флакона с аппликатором внутри, большой кинжал, зеркало и два так называемых «гарпуна» (некогда завернутые в ткань), у одного из которых сохранилась серебряная ручка с округлым навершием. Подобные «гарпуны» известны в Египте (золотой), Сиро-Палестине и Библие. Из территориально более близких находок следует отметить точно такие же «гарпуны» из грабительских раскопок в Бактрии³¹ и могил Элама³², куда они могли быть принесены пришлыми племенами предположительно из Сиро-палестинского ре-

²⁹ Там же. Табл. 10, 2.

³⁰ *Bietak M.* Avaris. L., 1996.

³¹ *Pottier.* Op. cit. № 24–25.

³² *Mecquenem.* Fouilles de Suse 1933–1939. Fig. 67, 36.

гиона. Хотя такие «гарпуны» уже давно известны на Ближнем Востоке, назначение их до сих пор остается неясным. Можно лишь отметить, что сходные предметы (как символы власти) держат в руках божества и знатные лица, изображенные на цилиндрических печатях Месопотамии. Дополняют погребальные приношения три кремниевых наконечника стрел и, по-видимому, шкатулка с крышкой, некогда украшенной «решетчатой» инкрустацией, сходной с такой же шкатулкой из погребения № 2900.

Наконец, следует остановиться на еще одной цисте (погребение № 3155) южного могильника, в которой были похоронены двое – мужчина и женщина 16 лет. Оба – скорченные, на правом боку, головой на север. В руке у женщины была зажата женская статуэтка (рис. 42) того же «необычного» типа, что и в цисте некрополя Гонура³³. Перед ее лицом стояли 12 миниатюрных керамических сосудов, медная чаша, внутри которой находились медные стаканчики (внутри одного из них было три кусочка каолина с воткнутыми в них пятью булавками из слоновой кости) и косметический флакон с аппликатором. Тулово флакона украшено рельефными головками рогатых козлов, которых атакуют змеиные драконы. Сверху все эти медные изделия были прикрыты медным зеркалом. Еще ниже, на дне могильной ямы находилось большое количество «фишек», изготовленных из слоновой кости и украшенных кружковым орнаментом, а также «гадательные палочки» (рис. 43). На обоих запястьях рук были надеты медные браслеты, и браслет, составленный из бусин (сердоликовые, бирюзовые, золотые), а на пальце правой руки – медное колечко.

За головой мужчины находились два миниатюрных медных блюда, стаканчик с двузубой «вилочкой», а также косметический флакон с крышкой и рядом аппликатор. Шею мужчины украшало ожерелье из трех бусин (двух каменных и одной золотой), а под правым плечом лежала фигурка извивающейся змеи из слоновой кости. Наконец, в ногах обоих покойников располагался полный скелет барана головой на восток. Захоронения молодых баранов в кирпичных цистах достаточно часто имели место в Маргиане. Наиболее яркие свидетельства этого представляют могила «священного агнца»³⁴, а также захоронения в Бактрии (Дашлы, Сапалли). Погребение «священного агнца» состоит из трех камер, в главной из которых был погребен ягненок вместе с сосудом, миниатюрной колонкой, кремневыми наконечниками стрел и, по-видимому, шкатулкой, инкрустированной вставками из слоновой кости. Особый интерес представляет сланцевый «посох» с медным пустотелым навершием, украшенным семью прорезными крестиками и камушками-погремушками внутри. Сверху навершие украшено рельефным узором в виде «сентнерова колеса», широко представленным в сиро-хеттском искусстве. В другой камере находилось свыше 20 сосудов, а в третьей – два полных скелета верб-

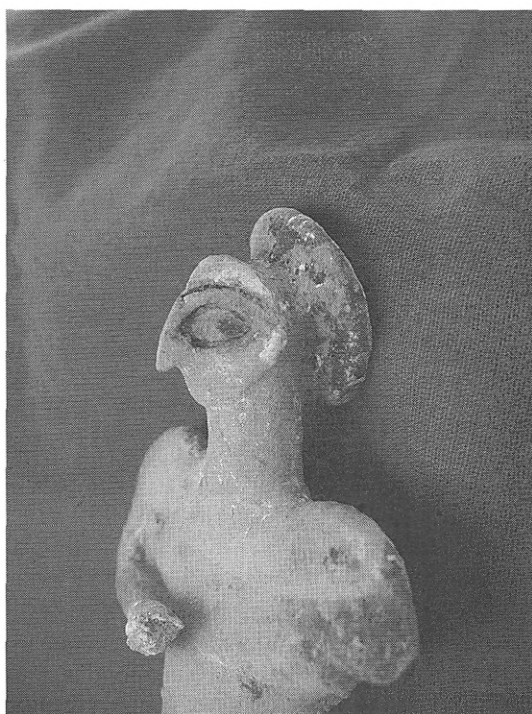


Рис. 42. Терракотовая статуэтка из погребения № 3155

³³ Сараниди. Некрополь Гонура... Табл. 3, 1.

³⁴ Подробнее см. *Sarianidi. Margiana and Protozoroastrianism*. P. 73–76. Fig. 33–35.



Рис. 43. Изделия из слоновой кости из погребения № 3155

людов и три серебряные булавки, представляющие собой погребальные приношения самому агнцу. Бесспорно, особое значение имеет «посох», прямо напоминающий аналогичные в гробницах царского некрополя, камушки-погремушки которого своим шумом предупреждали окружающих о присутствии знатного лица. Теперь к этому «посоху» следует добавить «гарпуны» из погребения № 3130 – они также, судя по всему, представляли собой знаковые символы. Все они указывают на культовое значение, которое имели некоторые виды этих животных (часто ягнята), хотя конкретизация предполагаемых обрядов и ритуалов представляется делом будущего.

ROYAL NECROPOLIS IN NORTH GONUR

V. I. Sarianidi

Excavations of 2004 (spring–autumn) in Gonur, former capital of Margush (East Turkmenistan), discovered royal necropolis of the late III mill. BC. The greatest part of the burial-grounds were dug out in the earth and have the shape of a rectangular pit. They consist of rooms faced with raw bricks from within (the house of the dead) and adjacent courtyards with clay plastering. In the tombs successive burials were practised in «burial rooms»; burial offerings were stored in special rooms decorated with mosaics in the Near Eastern style.

Although all the grave pits (except № 3245) were plundered in ancient times, gold and silver vases (some of them decorated with animal figures) have been preserved among burial offerings hidden in two «caches» (tombs № 3220 and 3235).

Decorative art of the royal necropolis in Gonur is undoubtedly connected with the artistic traditions of the Near East (fantastic lion-like gryphons with a horn and a beard), though modified under the local influence (figures of Bactrians [*Camelus Bactrianus*] or snake-dragons biting herbivorous animals).

A chariot unearthed with a horse (in № 3200) or with wheels taken off (№ 3225 and, probably, 3240) is identical to the objects found in Bactria and Elam. They show that in the late III mill. BC there existed a single type of wheeled vehicles, which spread on the territory of today's Iran, Afghanistan and Turkmenistan together with the newly come tribes who had known domestic horse in their Mesopotamian motherland. There are many reasons to think that domestic horse came to Central Asia not from the steppe tribes, but from the leading centres of the then world.

© 2006 г.

К 85-ЛЕТИЮ ВЛАДИМИРА ГРИГОРЬЕВИЧА БОРУХОВИЧА

16 декабря 2005 г. исполнилось 85 лет профессору кафедры истории древнего мира, заслуженному профессору Саратовского государственного университета Владимиру Григорьевичу Боруховичу. За плечами юбиляра – долгая и славная жизнь. Рано осиротев, В.Г. Борухович в неполные 17 лет начал трудиться на ленинградском заводе «Прогресс», одновременно заканчивая обучение в вечерней школе рабочей молодежи.

В 1938 г. В.Г. Борухович поступил на исторический факультет Ленинградского государственного университета. Без колебаний он избрал специализацию по истории античного мира и классическим языкам. Но началась Великая Отечественная война, и студент-античник становится танкистом. Стрелок-радист Борухович в числе других защитников Ленинграда вынес на своих плечах неимоверную тяжесть блокады. Он не раз смотрел в глаза смерти, дважды горел в подбитых танках. Закончил войну сержантом в столице Австрии Вене.

Демобилизовавшись из армии в конце октября 1945 г., Владимир Григорьевич вернулся в Ленинградский университет. Его учителями были такие выдающиеся специалисты, как И.И. Толстой, С.И. Ковалев, С.Я. Лурье. С отличием окончив университет в 1947 г., В.Г. Борухович поступил в аспирантуру по кафедре истории древней Греции и Рима. После успешной защиты в 1950 г. кандидатской диссертации на тему «Исократ и Феопомп как представители промакедонской публицистики» начинается его преподавательская деятельность в вузах.

С октября 1950 по март 1954 г. он преподает в Мурманском педагогическом институте, не оставляя в то же время и научную работу. Но в полной мере талант педагога и ученого раскрылся у Владимира Григорьевича уже в Горьковском (ныне – Нижегородском) государственном университете, где он преподавал в 1954–1969 годах. Это время было очень плодотворным в его научной деятельности. В 1967 г. он защитил в Ленинградском университете докторскую диссертацию на тему: «Греки в Египте (с древнейших времен до Александра Македонского)». За 15 лет работы в Горьковском университете Владимир Григорьевич опубликовал несколько десятков работ в нашей стране и за рубежом и написал один из лучших отечественных учебников по истории древнегреческой литературы, дважды переизданный в последующие годы и отличающийся изяществом стиля и живостью изложения.

С 1969 г. В.Г. Борухович живет в Саратове. Более 20 лет он возглавлял кафедру истории древнего мира Саратовского государственного университета. За эти годы кафедра стала по-настоящему творческим коллективом, имеющим прочные связи с отечественными и зарубежными центрами антиковедения. Благодаря Владимиру Григорьевичу на кафедре стали преподавать классические языки и читать новые курсы. Среди студентов исторического факультета лекции профессора Боруховича всегда пользовались заслуженной популярностью. Для многих они предопределили их научную специализацию и даже выбор жизненного пути.

Эти годы стали для Владимира Григорьевича временем творческого расцвета. Кроме статей, опубликованных в отечественных и зарубежных изданиях («Вестник древней истории», «Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae», «Studii Clasice», «Zeitschrift für

Papyrologie und Epigraphik» и т.д.), он подготовил и опубликовал перевод сочинений Исократы и комментарии к ним в приложении к ВДИ. В сотрудничестве с коллегами, особенно с Э.Д. Фроловым, заведующим кафедрой истории древней Греции и Рима СПбГУ, он подготовил и опубликовал переводы сочинений Аполлодора, Ксенофонта и Демосфена и комментарии к ним, которые увидели свет как отдельные издания в сериях «Литературные памятники» и «Памятники исторической мысли». С 1972 г. начался выпуск его детища – межвузовского научного сборника «Античный мир и археология», быстро завоевавшего авторитет среди специалистов – историков, археологов, филологов-классиков. Читатели по достоинству оценили популярную монографию В.Г. Боруховича «В мире античных свитков» (Саратов, 1976), посвященную истории книги в древнем мире. С большим интересом специалисты и все интересующиеся античностью встретили книгу о величайшем римском лирике – «Квинт Гораций Флакк. Поэзия и время» (Саратов, 1993). Вышел в свет и плод многолетнего труда В.Г. Боруховича – монография «Вечное искусство Эллады» (Санкт-Петербург, 2002), посвященная истории древнегреческого искусства от его истоков до начала эпохи эллинизма.

Ученики, друзья, коллеги Владимира Григорьевича сердечно поздравляют его с юбилеем, желают ему крепкого здоровья и плодотворной деятельности на благо нашей любимой науки.

*Кафедра истории древнего мира
Саратовского государственного университета
им. Н.Г. Чернышевского
Кафедра истории древнего мира и средних веков
Нижегородского государственного университета
им. Н.И. Лобачевского
Отдел древней истории Института
всеобщей истории РАН
Редакционный совет и редакция
журнала «Вестник древней истории»*

© 2006 г.

Э.Д. ФРОЛОВ. Парадоксы истории – парадоксы античности. СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2004. 419 с.

Рецензируемая книга принадлежит перу известного российского антиковеда, заведующего кафедрой истории древней Греции и Рима Санкт-Петербургского университета профессора Э.Д. Фролова. В ней представлено 30 статей, из которых почти все уже ранее были опубликованы в различных журналах и сборниках¹, в том числе малодоступных.

Весь материал сгруппирован в пяти блоках, которым предшествуют «Предисловие» и «Общее вступление. Парадоксы науки истории». Разделы эти следующие: I. Античный рационализм; II. Тирания и демократия; III. Испытание властью; IV. Интеллектуальная элита; V. Наследие классицизма. Разделение несколько условно (что оговаривает и сам автор), и существует определенная «перекличка», как содержательная, так и идейная, между статьями, помещенными в различных разделах.

Как отмечает Э.Д. Фролов в «Предисловии», общее, что объединяет все очерки, – это связь с античностью, историей и культурой греко-римского мира. Другая объединяющая черта – это «проникающий их интерес к общим проблемам исторического развития, а более всего – к особенным, своеобразным, прихотливым зигзагам человеческого бытия, которые с избытком предлагает нам для наблюдения классическая древность. Эти черты... при ближайшем рассмотрении напоминают нам о сходных явлениях более нового времени» (с. 3). Как справедливо считает автор, сопоставление этих явлений будет способствовать лучшему постижению как древности, так и современности. Статьи, собранные в данном сборнике, опубликованы, главным образом, в последние годы. Самая ранняя из них относится к 1982 г., но статей 80-х годов всего четыре, и подавляющее большинство отражает творчество ученого в 90-е годы XX и в начале XXI в. Соответственно, не подлежит сомнению, какие именно события и явления последних десятилетий побудили Э.Д. Фролова обратиться к темам, в которых сходятся проблемы античности и современности.

Э.Д. Фролов считает необходимым отметить, что ряд этюдов написан им с опорой на марксистскую концепцию исторического материализма, от которой теперь принято отрешиваться на разные лады. Названная концепция, по его мнению, по крайней мере не хуже других, а может быть, даже и точнее и убедительнее некоторых из них. Поэтому автор решительно отказывается от «причесывания» своих ранних работ путем изъятия из текста «компрометирующих» ныне автора ссылок и пассажей. Естественно, что особое внимание привлекает «Общее вступление. Парадоксы науки истории». Оно состоит из трех частей: первая – «История как наука и искусство» – посвящена наиболее общим вопросам (понятие, предмет и назначение истории), две другие имеют названия: «Демократия и империализм в античной Греции» и «Проблема тупика в истории (к оценке исторического места античной цивилизации)».

Э.Д. Фролов следующим образом определяет историческую науку: «история есть наука о прошлом человечества в его преимущественно событийном выражении» (с. 8). В отличие от естественнонаучных дисциплин история имеет дело не с собственно фактами, а с отражением этих фактов в источниках («исторический факт не существует вне информации о нем», с. 10). Научный поиск историка должен быть ориентирован не только на обнаружение и описание факта, но и на выявление тех закономерностей, которые стоят за этим фактом. В творчестве историка должны взаимодействовать два противоположных начала: реальное и идеальное. Это настоятельное требование, поскольку историк должен в своем исследовании расположить обнаруженные им факты

¹ Не были ранее изданы две его статьи: «Феномен досуга в античном мире» (с. 292–297) и «Меморандум Б.-Г. Нибура о принципах классического образования» (с. 335–342).

в рамках некоей целостной картины. Воссоздание и истолкование историком прошлых событий немислимо без сопереживания и выражения своего достаточно определенного отношения к изучаемому явлению. Призывы держаться объективной истины и избегать субъективных оценок нельзя, по мнению автора, называть ничем иным, как чистым недоразумением, поскольку всякое историческое исследование неизбежно будет обладать некоторой субъективной окраской. Обращая внимание на проблему личности самого исследователя-историка, Э.Д. Фролов подчеркивает, что профессиональное образование – неперенный атрибут историка. Попытки дилетантов заниматься историописанием приводят, как правило, к чудовищным нелепостям, ярчайшим примером чего являются сочинения математиков типа А.Т. Фоменко.

Переходя к более конкретным примерам того, сколь нетривиальны могут быть подходы и наблюдения в истории, Э.Д. Фролов рассматривает две проблемы. Первая – проблема демократии и империализма. С его точки зрения, империализм составлял интегральную часть античной цивилизации потому, что она была основана на рабстве. Самым ярким примером империализма в древнегреческом мире служат Афины – наиболее развитый демократический режим того времени².

Вторая более конкретная проблема, рассматриваемая в этом очерке, – проблема тупика в истории. Э.Д. Фролов имеет в виду подход некоторых медиевистов, согласно которым античность представляла собой тупиковую линию развития, поскольку она практически кончила тем же, чем начало средневековья, – «простым парцеллярным хозяйством полусвободного земледельца» (с. 24). Он противопоставляет им свое видение – в конечном счете гибель античной цивилизации была предопределена ее рабовладельческой природой: как только прекратились завоевательные войны, снабжавшие общество рабами, ее гибель стала неизбежной. Этой основной причине сопутствовали и другие (политические, идеологические и т.д.). Говоря о главных достижениях античной цивилизации, Э.Д. Фролов называет город, который стал главной экономической и социальной ячейкой общества, гражданское общество с его институтами самоуправления, успехи в области культуры, которые не были забыты последующими поколениями, наконец, христианство.

Основная часть книги начинается разделом «Античный рационализм», который включает следующие очерки: «Письменная культура и историческая традиция в античном мире», «Вечная тема свободного общества: прибыль и предпринимательство в античной Греции», «Рационализм и политика в архаической Греции», «Эсминетия – выборная тирания, или вид социального посредничества», «Рождение геополитической идеи: программа Гермocrates Сиракузского».

В этом разделе отчетливо проявляется одна из основных идей всего сборника, которая в разных формах и по разному поводу звучит в отдельных статьях, именно – отвержение примитивизирующего подхода к античному обществу, который был сформулирован еще в XIX в., а во второй половине XX в. получил широкое распространение. Критика этого комплекса идей проходит красной нитью через весь сборник. Э.Д. Фролов последовательно на самых различных материалах доказывает, что античную цивилизацию не следует рассматривать как нечто очень простое и примитивное. В первом из очерков Э.Д. Фролов, вопреки мнению многих историков, пытавшихся доказать, что в древней Греции в силу примитивности ее общественной организации отсутствовала система письменной фиксации важнейших исторических фактов, убеждает в наличии устойчивой и весьма богатой официальной письменной традиции.

Столь же решительно он отвергает идеи о примитивности античной экономики, восходящие к И.-К. Родбертусу и К. Бюхеру. Во второй половине XX в. подобное представление о характере экономического базиса древнегреческого (и в целом, античного) общества получило широчайшее распространение под влиянием авторитета М. Финли и Эд. Вилля (особенно первого). Опираясь на анализ множества источников, Э.Д. Фролов доказывает, что древнегреческая экономика в архаическое и классическое время имела ясно выраженный рыночный характер, была ориентирована на приобретение наивысшей прибыли. Более того, само развитие экономики в этом направлении сопровождалось оживленной дискуссией среди античных интеллектуалов относительно природы экономических отношений и целей экономической деятельности. Вместе с тем нельзя полностью принять и идеи противников К. Бюхера, в частности Э. Мейера, хотя их понимание природы этого явления более адекватно отражает историческую реальность. В концепции Э. Мейера и его сторонников автора не удовлетворяет преуменьшение роли рабства в классическом обществе.

Статья «Рационализм и политика в архаической Греции», впервые опубликованная в 1982 г., имела в то время резко полемический характер. Она была направлена против абсолютизации роли социально-экономических факторов в изучении процесса становления полисного строя. Отме-

² Еще в 30-е годы XX в. П. Клоше, сравнивая афинскую и французскую демократические системы, указывал, что демократия – наиболее удобный политический режим для создания колониальных империй.

тив, что значение политических деятелей усматривают, главным образом, в том, «насколько полно сумели они отразить в своих начинаниях необходимые запросы эпохи» (с. 58), Э.Д. Фролов стремился показать, что в архаическую эпоху в политическом творчестве греков огромную роль играл «рациональный момент». В эту переходную эпоху происходили известное освобождение и стимулирование творческой энергии личности. Не отрицая решающей роли объективных социально-экономических и политических факторов в становлении классической греческой цивилизации, автор подчеркивает «большую роль субъективных творческих усилий, в силу которых социальные и политические установления греков, равно как и их политическая идеология, рано обрели такой четкий, исполненный рационального узора профиль, на какой, как кажется, не может претендовать ни один другой древний народ» (с. 75).

Следующая статья в своих исходных положениях теснейшим образом примыкает к предыдущей. В ней на основе анализа ряда свидетельств источников рассматриваются те случаи, когда в ходе социальных и политических конфликтов в ряде полисов в архаическую эпоху граждане избирали эсимнетов, выступавших в роли социальных посредников для форсированного упорядочения гражданских дел. Э.Д. Фролов выявляет типично греческие корни этого института. Его существование и достаточно широкая распространенность подтверждают вывод автора о значении рационального момента в период архаической революции VIII–VI вв. до н.э.

В следующем разделе книги речь идет о политический организации древнегреческого общества, прежде всего о тирании и демократии. Начинается он статьей «Греческая тирания: слово – термин – понятие». Сами греки с редким единодушием вынесли отрицательный вердикт о тирании, что, по мнению Э.Д. Фролова, не оставляет места для попыток ученых нового времени найти в тиранических режимах нечто позитивное. Как показано в статье «Тирания глазами древнего историка», подобно большинству афинян, отрицательно оценивал тиранию Писистрата и Фукидид.

Более общие проблемы тирании рассматриваются в очерке «Греческая тирания и римский принципат: опыт типологического сопоставления». Э.Д. Фролов считает их сопоставление вполне обоснованным, хотя в некоторых деталях два этих режима отличались друг от друга, что, с точки зрения автора, объясняется большей консервативностью римского гражданского общества и традиционным авторитетом его главного представительного органа – сената.

Своего рода историко-теоретическим заключением к одному из монографических исследований Э.Д. Фролова³ служит статья «Социальная революция, тирания и демократия в античной Греции». Повторяя одну из важных и дорогих для него мыслей, а именно: положение о том, что историческое сопоставление является, бесспорно, в конечном счете, «главным методом прояснения и возможного решения актуальных социально-политических проблем» (с. 142), Э.Д. Фролов указывает, что наблюдения над историей архаической Греции могут помочь лучше понять процессы, происходящие в современном обществе (статья впервые опубликована в 1989 г.). Особо выделяются им следующие проблемы: «природа острого социального развития, судьбы революции, возможности возникновения авторитарного режима и перспективы перехода от этого последнего к полноценной демократии» (с. 143).

Рассматривая архаический период в истории Греции как время социальной революции, основное его содержание Э.Д. Фролов видит в переходе от древнего аристократического порядка к демократическому гражданскому обществу. Архаическая революция избежала истребительной гражданской войны благодаря сознательной и конструктивной деятельности социальных посредников – эсимнетов. Вместе с тем, автор не исключает крайностей, и самым ярким проявлением иррационально-эгоистического личного начала в этот период считает тиранию. Будучи режимом личной власти, тирания не могла быть прочной формой власти. Вопреки мнению ряда исследователей, нельзя считать, что тирания способствовала созданию нового общества.

Проблемы античной демократии рассматриваются на примере афинской демократической системы, которая в Новое время обычно характеризуется как «совершенная форма государства, созданного классической древностью» (с. 153). Это положение, однако, в последние десятилетия подвергается атакам с разных сторон и именно поэтому феномен афинской демократии нуждается, как справедливо полагает Э.Д. Фролов, в новом обсуждении. Автор обращается к ряду проблем в истории демократического режима Афин: его становлению, внутренним коллизиям (взаимоотношения демократической массы и ее аристократических лидеров, основных демократических институтов и традиционалистского Ареопага, взаимосвязи между развитием демократии и империалистической политикой). Э.Д. Фролов считает, что развитию радикальной демократии в Афинах (а именно таковой она была уже в V в. до н.э.) «содействовали самым решительным образом такие факторы, как война с персами с ее ближайшими последствиями в виде морской программы Фемистокла, как стимулированное войною утверждение античной (т.е. экзогенной, за счет чужеземцев) формы рабства и соответственное укоренение этносоциальной корпоративнос-

³ Я имею в виду книгу Э.Д. Фролова «Рождение греческого полиса», второе издание которой вышло в Санкт-Петербурге в 2004 г.

ти в афинском народе, как, наконец, развязанное все той же войною построение Афинской морской державы. Но эта же исключительная роль войны как условия для формирования в Афинах строя радикальной демократии придает достаточно искусственный характер этой системе, как и всей античной цивилизации в целом» (с. 163).

В следующей статье «Политические лидеры афинской демократии» развивается тема, уже в определенной степени рассмотренная в предыдущей работе. Касаясь судеб политических лидеров Афин (вплоть до Перикла), Э.Д. Фролов указывает на то, что печальный конец их был скорее правилом, а не исключением. По его мнению, важнейшее внутреннее противоречие афинской демократии заключалось в том, что она могла достигать успехов только под руководством аристократических лидеров, но в то же самое время не могла не устранять их. Исчерпание кадров таких лидеров после Перикла не случайно совпадает с началом кризиса афинской демократии. В этом проявляется коренной внутренний порок античной демократии: «кардинальная проблема соотношения “вожди – масса” в условиях античного общества не могла быть решена сколько-нибудь удовлетворительным образом, и это обрекало передовую форму античной государственности на скорое перерождение и упадок» (с. 181).

Статья «Соблазн научного поиска (по поводу новой книги об афинской демократии)» представляет собой введение к книге Х. Туманса «Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла (VIII–V вв. до н.э.)». По своему характеру она скорее напоминает рецензию, чем введение. Главный упрек Э.Д. Фролова в адрес Х. Туманса состоит в том, что в книге последнего главным «двигателем» процесса исторического развития выступают изменения в общественном сознании, причины же этого не выявляются. Социальные и политические предпосылки становления демократического строя в Афинах тем самым практически игнорируются. Нельзя не согласиться с Э.Д. Фроловым: Х. Туманс попал в трудное положение, последовав за двумя одинаково ущербными концепциями – объективного идеализма, диктующего примат сознания, и социологического фатализма, отрицающего значение индивидуальных творческих усилий.

Более частному вопросу посвящена статья «Полицейская служба в демократическом полисе: скифы в Афинах»⁴, но и этот вопрос рассматривается в рамках проблемы специфики процесса становления демократического строя в Афинах.

Третий раздел книги «Искушение властью» открывается статьей «Традиционные оппозиции в греческой социальной терминологии: эллины – варвары, цари – тираны, мудрецы – софисты». Данная статья, как и три последующие, связана с темой тирании, занимающей в творчестве Э.Д. Фролова особо заметное место: «Критий, сын Каллехра, афинянин – софист и тиран», «Соблазн для мудреца: Платон и тиранья», «Философ у власти: правление Деметрия Фалерского в Афинах (317–307 гг. до н.э.)». На примере Деметрия Фалерского – государственного деятеля, философа и писателя, автор показывает характерную смену ценностных ориентаций в греческом мире при переходе от классики к эллинизму.

Раздел IV «Интеллектуальная элита» включает четыре очерка. В первом из них – «Феномен досуга в античном мире» обрисовывается понятие «досуга» (схолэ), которое в античном обществе воспринималось как «время, свободное от каких-либо материально-необходимых занятий, как неотъемлемое свойство гражданского состояния» (с. 292). В социальном плане схолэ «выступает как отличительная черта и предпочтительная форма жизни граждан» (с. 296). В статье «Античная интеллигенция» самым кратким образом рассматриваются вопросы: какие категории населения можно определить как интеллигенцию, ее место в греческом и римском обществе, рождение христианской интеллигенции.

Более развернутый характер имеет статья «Кружок Перикла». Тема изучается не только в историко-культурной (как это обычно делается), но и в историко-политической перспективе. Э.Д. Фролов видит в кружке Перикла своего рода прообраз придворных обществ или советов друзей, которые станут важными элементами политических структур, господствующих в поздне-классическое и эллинистическое время, – в тиранических и собственно монархических государственных образованиях. Гражданство Афин осознавало чуждость их демократическому режиму, чем и объясняются гонения, которым подвергались друзья Перикла.

Заключительный очерк посвящен античному Мусейону в его развитии от частнопроводного института к государственному учреждению. Э.Д. Фролов считает замечательной культуры античности «высокое развитие образования и науки, опиравшееся, в свою очередь, не только на индивидуальные свершения ученых, но и на достаточно разработанные организационные формы, на своего рода учебно-научные центры», которые в известной мере напоминают явления нового времени (с. 314). Автор первый пример такой организации видит в Союзе пифагорейцев, затем более детально пишет об Академии Платона и Ликее Аристотеля. Основное внимание, естест-

⁴ Выводы частично оспорены в статье: *Иванчик А.И.* Кем были «скифские» лучники на аттических вазах эпохи архаики? // ВДИ. 2002. № 3. С. 33–55; № 4. С. 23–42.

венно, уделено александрийскому Мусейону. С гибелью последнего в период царствования Феодосия практически пресеклась античная традиция научно-учебных центров.

Последний раздел – «Наследие классицизма». Основу статьи «Меморандум Б.-Г. Нибура о принципах классического образования» составляет разбор письма, написанного Б.-Г. Нибуром в 1822 г., в котором излагаются его взгляды на научную подготовку будущего специалиста-антиковеда. Предваряется этот анализ краткой биографической справкой и разбором основных итогов исследований выдающегося немецкого ученого. Следующая статья «Римская история в трудах французского классика Гастона Буассье» представляет собой очерк его жизни и деятельности. Он достаточно подробен, поскольку был опубликован в качестве предисловия к новому изданию переводов трудов Г. Буассье, к сожалению, так и не завершеному.

Тот же характер имеет и очерк о Г. Ферреро («Итальянский историк-парадоксалист Гульельмо Ферреро»). Наконец, один из вариантов автобиографии У. фон Виламовиц-Мёллендорфа, составленный по латыни в 1870 г. в качестве приложения к докторской диссертации, опубликован на языке оригинала с переводом и небольшим вступлением в статье «Исповедь великого ученого: к опубликованию латинской автобиографии Ульриха фон Виламовиц-Мёллендорфа»). Несомненный интерес вызывает также очерк «Европейские центры антиковедения: Лозанна, Халле, Женева», построенный на основе личных впечатлений Э.Д. Фролова. Несколько неожиданным кажется появление в сборнике рецензии на один из американских фильмов, правда, посвященный древнему Риму («Новый опыт историко-художественной интерпретации античности: фильм Ридли Скотта "Гладиатор"»). Заключением служит статья «Культура классицизма и современная антикультура».

Думаю, со мной согласятся все, кому довелось прочесть книгу Э.Д. Фролова: мы должны быть благодарны Издательскому дому Санкт-Петербургского университета, сотрудники которого сделали антиковедам (да и не только им) прекрасный подарок, собрав в едином томе разбросанные в различных изданиях статьи известного и авторитетного исследователя, который уже много лет плодотворно работает над проблемами античной истории. Эта книга вызывает значительный интерес не только постановкой и оригинальным решением ряда важных, часто остававшихся «в тени» вопросов. Важна она и другой своей стороной. Каждая историческая эпоха заставляет историков заново обращаться к прошлому, поскольку современные им проблемы подталкивают к тому, чтобы посмотреть на старые проблемы под новым углом зрения. Можно вполне согласиться с автором, что опыт, пережитый нашей страной за последние годы, побуждает вновь обратиться к ряду традиционных проблем, поскольку этот опыт открывает некоторые новые перспективы для исследователя, заставляет увидеть в прошлом те грани, которые оставались незамеченными.

Задача человека, который решится выступить рецензентом этой книги, – достаточно трудная. Передать содержание, систему аргументации, выводы 30 различных статей – много сложнее, чем охарактеризовать целостную монографию того же самого объема. Конечно, ряд близких идей присутствуют в нескольких статьях, но это не очень облегчает труд рецензента, поскольку идейное тождество (что свидетельствует о целостности авторской концепции) не означает механического повторения. Каждый раз эти идеи предстают применительно к новому материалу, новому набору тем, в связи с совершенно иными проблемами, в разных ракурсах.

Прежде всего, к числу генеральных идей Э.Д. Фролова следует, как мне кажется, отнести его твердое убеждение в высшей ценности античной цивилизации, которая служит основой современной европейской цивилизации. Для подтверждения этой идеи автор обращается и к авторитетам классиков антиковедения и к авторитетам классиков марксизма. Э.Д. Фролову импонирует идея В.И. Ленина о «спиральном» пути развития общества. Античная цивилизация в его представлении находится на том отрезке спирали, который лежит прямо под современной цивилизацией, в результате они оказываются типологически близкими. Соответственно, ему неизмеримо ближе «модернисты», включая ученых конца позапрошлого века, чем «примитивисты». В самой общей форме эти представления, конечно, не могут не вызвать одобрения. Решительно оспаривая взгляды М. Финли и его сторонников и последователей, Э.Д. Фролов, несомненно, прав. При всех недостатках концепций модернизма они все же много более адекватно отражают реалии экономики античного общества, чем представления о ней примитивистов. Хотелось бы подчеркнуть, что Э.Д. Фролов здесь не одинок. И на Западе все более активно звучат голоса тех, кто убежден в том, что, следуя по стопам М. Финли в анализе античной экономики, можно прийти только в тупик⁵.

⁵ Один из первых примеров защиты М.И. Ростовцева от критики примитивистов см. D'Arms J.A. M.I. Rostovtzeff and M.I. Finley: the Status of Traders in the Roman World // *Ancient and Modern: Essays in Honor of G.F. Else* / Ed. J.H. D'Arms, J.W. Eadie. Ann Arbor, 1977. P. 159–179. См. также *Маринович Л.П., Кошеленко Г.А. Древнегреческая экономика: сто лет дискуссий // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. IV. Ч. 1. Москва–Магнитогорск, 1997. С. 82–96.*

Естественно, что вопрос о «спиралях» неизбежно влечет за собой следующий: об использовании методологии исторического материализма в применении к исследованию античного общества. Как уже отмечалось в начале рецензии, Э.Д. Фролов решительно отказывается «причесывать» свои более ранние работы, выдирая из их текста сноски на труды классиков марксизма. Он справедливо указывает, что в мировой науке марксистский исследовательский метод – один из вполне легитимных методов анализа прошлого. В дополнение к тому, что справедливо пишет по этому поводу Э.Д. Фролов, укажем, что (говоря самым общим образом) марксизм состоит из двух частей: историософской концепции, обращенной к анализу прошлого, и модели построения общества будущего, якобы вытекающей из анализа общих тенденций развития общества в прошлом и настоящем. Что касается второго элемента этой схемы, то сейчас уже совершенно ясно, что он фатально неверен. Будущее непознаваемо и пытаться строить какие-либо модели его – абсолютно бессмысленное занятие. Однако из этого не следует, что историософская составляющая марксистского учения неверна. Более того, как мне представляется, в этой концепции есть определенные достоинства, которыми не следует пренебрегать. К числу их относится, в частности, особое внимание к экономической и социальной структуре общества, развитию производительных сил. Марксизм особенно силен в анализе глубинных, длящихся десятилетия и столетия, процессов. Замечательный образец исследований, построенных именно на таком понимании марксистского метода, дала в нашей науке Е.М. Штаерман.

Вместе с тем, марксизм недооценивал собственно «человеческий фактор», для марксизма человек в целом, прежде всего, – функция его социального статуса. Но человек – много более сложное явление, и с помощью традиционных марксистских схем невозможно понять деятельность многих великих людей. Так, попытка сделать Льва Толстого «зеркалом русской революции» сейчас ничего, кроме усмешки, вызвать не может. Марксистские схемы оказываются почти бесполезными и при анализе быстропротекающих политических событий. Весьма показательно, что в таких произведениях чисто исторически-событийного характера, написанных классиками марксизма, как, например, «18 брюмера Луи Бонапарта», при всем желании мы не найдем и следа марксистской методологии и даже марксистской терминологии.

Правда, возникает одно недоумение. Э.Д. Фролов ссылается на известную работу Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», в которой превратно трактуется проблема становления государства в древней Греции, в частности, в Афинах. Об этом совершенно определенно говорит и сам автор.

Хочется полностью поддержать Э.Д. Фролова в его неприятии некоторых современных концепций, построенных не на анализе конкретного материала источников, а на применении схем, выработанных иными отраслями науки на совершенно ином материале, которые затем насильно прилаживаются к античному обществу. Так, например, изучается «стратегия выживания» племен Полинезии или бирманской глубинки, а затем эти выводы становятся методологической базой для анализа аграрных проблем Атики.

При анализе процессов становления полиса Э.Д. Фролов особо подчеркивает роль рационального начала, воплощенного в деятельности законодателей, которые умели находить решения, стабилизирующие обстановку, прекращали состояние стасиса и приводили к гражданскому миру. Эта идея – одна из ведущих в книге. Отдавая должное благородным намерениям автора, все же осмелимся заметить, что он скорее выдает желаемое за реальную действительность. В качестве примера приведем столь любимого им Солона. Реформы Солона не привели к гармонизации отношений в Афинах, скорее наоборот, стали преддверием тирании Писистрата.

Хотелось бы также откликнуться еще на одну ведущую идею Э.Д. Фролова. Он неоднократно указывает, что античная культура потому и называется классической, что она стала нормативной для культуры Нового времени. Однако автор как будто забывает о том, что сейчас у нас не XIX век и не первая половина XX века, а уже XXI век. Для подавляющего большинства современных деятелей культуры античное искусство уже утратило нормативный характер. По крайней мере со времени футуристов уничтожением классики занимаются все более широкие круги деятелей искусства. То, о чем с такой горечью пишет Э.Д. Фролов, когда касается проблем современной антикультуры, началось уже давно, сейчас же этот процесс зашел так далеко, что говорить о нормативном значении античности вряд ли возможно.

Не могу не откликнуться на «проклятую» проблему кризиса полиса. Правда, в рецензируемом сборнике Э.Д. Фролов только упоминает об общем кризисе полисного строя – как традиционных порядков внутри города-государства, так и сложившейся системы межполисных отношений, и характеризует социально-политическую ситуацию в Греции в конце V в. до н.э. как начальную стадию кризиса классического полиса (с. 227). К своему удивлению, среди довольно значительной литературы, к которой автор отсылает читателей для более широкого знакомства с темой кризиса полиса (с. 227, прим. 2), я не нашла сборника статей, написанных на основе докладов и дискус-

сий, развернувшихся в ходе их обсуждений на симпозиуме, который был посвящен афинской демократии (Белладжо, 1992 г.)⁶. Сборник отражает современное состояние изучения проблемы афинской демократии, правда, в IV в. до н.э., и проблема кризиса полиса заняла на этом симпозиуме заметное место.

Не могу, в завершение, не коснуться рецензии «Новый опыт историко-художественной интерпретации античности: фильм Ридли Скотта «Гладиатор»». Сделав несколько критических замечаний относительно некоторых особенностей фильма, Э.Д. Фролов достаточно высоко оценивает его. Он указывает на то, что «в природе любого историко-художественного произведения заложена известная перелицовка исторического материала, без чего невозможен духовный презентизм, который один только и делает данное произведение исполненным актуального звучания и интереса» (с. 407). Соглашаясь с тем, что в фильме имеется ряд неточностей, он вместе с тем не придает им серьезного значения, поскольку та перелицовка исторического материала, которая явно видна в нем, находится в такой пропорции к исторической реальности, «которая служит гарантией воспроизведения некой актуальной духовной коллизии на условно достоверном историческом фоне, без несущей скуку рабской привязанности к историческим деталям» (с. 407).

Сказано, конечно, красиво, как обычно у Э.Д. Фролова, но хотелось бы поставить вопрос несколько по-иному: заслуживает ли прошлое уважения? Почему более точное воспроизведение реалий прошлого обязательно должно «нести скуку»? С точки зрения специалиста, например, центральная сцена фильма – сражение на арене Колизея – просто смешна. Напомним, что две сражающиеся группы должны были представлять: одна – римлян, другая – карфагенян. В результате римляне сражаются на боевых колесницах, снабженных косами. Но ведь для римлян такой способ сражения был абсолютно невозможен. Конечно, можно посчитать это мелочью, но почему одно и то же идейное содержание нельзя выразить средствами, более близкими к реальности? Ведь создателям фильма нужно было только одно – пригласить консультанта из любого самого захудалого колледжа, который избавил бы их от подобных нелепостей. В связи со сказанным стоит напомнить другой фильм, вылетевший из того же голливудского гнезда, – «Клеопатру», о котором тоже благожелательно вспоминает Э.Д. Фролов. В нем сцена морского сражения представлена так, что создается впечатление, что это не бой при Акции, а скорее Ютландский бой, в котором немецкий Флот открытого моря бьется с британским Большим флотом.

Неужели нельзя сделать фильм таким, чтобы «накладки» не были столь вопиющи? Понятно, когда безобразные искажения исторических реалий появляются в некоторых российских фильмах. Например, в нашумевшем фильме Н. Михалкова «Сибирский цирюльник» они явно нарочиты. Фильм делался в расчете на показ на Западе и поэтому нужно было сделать так, чтобы западный, в первую очередь американский, зритель мог вдоволь посмеяться над «дикими русскими». Но ведь у голливудских создателей фильмов на античные темы таких «сверхзадач» нет. Тем не менее каждый такой фильм представляет собой целую плантацию «развесистой клюквы».

Причиной подобного подхода к созданию фильмов на античные сюжеты является, как это указывает сам Э.Д. Фролов, падение престижа античной культуры и, соответственно, уважения к ней. Режиссеры фильмов, насколько можно судить по их продукции, – люди весьма низкого уровня образованности и в то же время чудовищного самомнения. Проблема взаимоотношений между ними и их консультантами прекрасно была в свое время описана Э.-М. Ремарком в книге «Тени в раю». Вряд ли что-нибудь с того времени изменилось.

Можно много хорошего сказать об отдельных исследованиях автора, включенных в данный сборник, однако тогда рецензия разрослась бы до невероятных размеров. Э.Д. Фролов – один из самых авторитетных наших специалистов, его анализ различных проблем античного общества и его выводы всегда вызывали интерес и будили мысль. Конечно, его работы будут и далее привлекать внимание коллег, я же хотела сказать прежде всего об основных идеях Э.Д. Фролова, которые пронизывают сборник и придают единство собранным в нем статьям.

Соглашаясь в конце нашей затянувшейся рецензии с суждением Э.Д. Фролова об истории не только как о науке в обычном смысле слова, но и как о весьма своеобразном искусстве (с. 19), хотелось бы сказать о художественном мастерстве нашего автора, работы которого доставляют истинное эстетическое наслаждение.

Л.П. Маринович

⁶ Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr. Vollendung oder Verfall einer Verfassung? Akten eines Symposiums 3–7. August 1992, Bellagio / Hrsg. von W. Eder. Stuttgart, 1995.

D.B. WEISBERG. Neo-Babylonian Texts in the Oriental Institute Collection (Oriental Institute Publications, vol. 122). Chicago, 2003. XXVI, 262 p. 72 plates

Давид Вейсберг хорошо известен ассириологам по трем его более ранним книгам, в которых было опубликовано около 500 клинописных документов из Месопотамии нововавилонского, ахеменидского и эллинистического периодов. В рецензируемом томе изданы еще 173 текста, которые хранятся в коллекции Восточного института Чикагского университета. Они охватывают время от самого начала VII в. до последней четверти IV в. до н.э. Большинство документов происходит из архива храма Эанна (святилище богини Иштар) в Уруке, а остальные тексты были составлены в Нишпуре, Вавилоне, Ларсе и в других менее известных городах. Том содержит автографы, транслитерации и переводы текстов и комментарии к ним, а также фотографии табличек и индексы. Заслуживает упоминания также описание печатей на документах с изображениями людей в молящейся позе и различных животных. Большая часть табличек представляет документы экономического, юридического и административного характера, но среди них имеются также письма, лексические и религиозные тексты. Однако многие таблички плохо сохранились. Ниже будут рассмотрены некоторые из них.

Документ № 1 был составлен в городе Сумунданах в Эламе в самом начале VII в. при царе Халлушу. Текст написан на аккадском языке и, таким образом, происходит из вавилонской колонии, которая существовала на территории Элама. В нем идет речь об удочерении девочки по имени Аккадити, к родителям которой обращается одна супружеская пара с просьбой позволить удочерить ее. При этом усыновители «по своей доброй воле» передали родителям девочки два предмета одежды в качестве подарка. Далее в тексте говорится: «Где бы Аккадити ни находилась, она будет нашей дочерью, и никто не имеет власти над нею... Если кто-нибудь нарушит этот договор, пусть великие боги Ану, Энлиль и Эа проклянут его».

В документе № 2 говорится о том, что в 605 г. один человек передал семью рабов из трех человек (отца, его сына и дочь) своей жене. После смерти последней дети должны были быть посвящены богиням Иштар Урукской и Нанайе (т.е. храму Эанна). Текст плохо сохранился, но мнение издателя, что в нем речь идет об «усыновлении раба» (с. 14: «adoption of slave»), нам представляется спорным. Документ № 14 – это контракт о продаже рабыни, «на чьей шее имеется (рабское) клеймо», за десять сиклей серебра. Это – чрезвычайно низкая цена для рабыни, однако, как видно из текста, здесь имеется в виду часть общей суммы, поскольку продавец был должником покупателя (*datio in solutum*). Контракт был заключен в городе Кута в 521 г.

Довольно много документов фиксируют продажу домов и участков земли. Например, в одном из них (№ 5) говорится о продаже развалившегося дома. Текст, в частности, содержит предостережение о том, что «если в будущем возникнут претензии у братьев, сыновей, близких и дальних родственников продавца, и они станут утверждать, что «этот дом не был продан, цена за него не уплачена, то они должны возместить эту цену в двенадцатикратном размере». Контракт был заключен в 673 г. в Уруке в присутствии наместника этого города, управителя храмом Эанна и ряда других лиц. О таких же условиях при продаже поля в районе Вавилона говорится в документе № 12.

Особый интерес представляет судебный протокол (№ 38), который был составлен в Уруке в 530 г. В нем излагается заявление некоего Иштар-аб-уцура, который был посвящен Иштар. Он сказал царским судьям, что в год вступления Кира на престол (539 г. до н.э.) Арраби и его жена обратились с просьбой к третьему лицу: «Выдай свою сестру Иннина-этират... замуж за нашего раба Иштар-аб-уцура». На это был получен положительный ответ, и затем был составлен заверенный печатью документ об «отпуске на свободу». В нем говорилось, что «Иштар-аб-уцур и дети, которых родит Иннина-этират для Иштар-аб-уцура, будут посвящены (*zakûti*) Иштар Урукской». Составление этого акта сопровождалось проклятиями на голову тех, кто нарушит указанный статус. В течение девяти лет Иннина-этират родила троих детей. Между тем бывший хозяин Арраби умер, и его вдова, которая в свое время одобрила документ о манумиссии, продала Иштар-аб-уцура некоему Ану-ах-иддину. Последний отметил его руку рабским клеймом. Поэтому Иштар-аб-уцур обратился в суд с просьбой рассмотреть его иск против своей прежней владелицы. «Судьи заслушали его заявление, прочитали документ об отпуске на свободу и вызвали Иннина-этират». В присутствии управителя Эанна, царского уполномоченного в этом храме и писца она

подтвердила: «Мой муж Арраби составил документ и передал его Иштар-аб-уцуру. Мы заверили печатью табличку об отпуске на свободу Иштар-аб-уцура и его (будущих) детей... Однако Ану-ахиддин, действуя без санкции наместника и судьи, заставил меня заключить контракт о порабощении (*ardūtu*) Иштар-аб-уцура. Он говорил: "Я – кредитор твоего мужа"». Затем «судьи посоветовались между собой и не стали отменять документа об отпуске на свободу Иштар-аб-уцура и тем самым не переступили проклятий великих богов. Они подтвердили (статус) Иштар-аб-уцура и его детей (как он записан) в их документе об отпуске на свободу». При составлении документа присутствовал, среди других официальных лиц, также представитель Гобрия, персидского сатрапа Вавилонии и Сирии. Примечательно, что жена Иштар-аб-уцура не упоминается при судебном разбирательстве. Очевидно, по своему статусу она принадлежала к сословию свободных.

Документ этот можно считать уникальным: хозяева отпустили на свободу раба с детьми, которые могут родиться в будущем. Но после смерти мужа его вдова продала их другому лицу, который утверждал, что он кредитор покойного. Однако суд отвел его претензии как противоречащие закону. Нам документ не совсем понятен. Хотя в полном виде он издан только теперь, его содержание было известно давно. На одной из ассириологических конференций профессор Чикагского университета Марта Рот, отвечая на реплику рецензента, что с юридической точки зрения человек не может быть одновременно и свободным и рабом, сослалась на указанный документ как противоречащий такому установившемуся мнению. В нем отпущенный на волю раб и его будущие дети названы *zakūti* богами Иштар. До сих пор этот термин понимали как указание на то, что обозначенные им люди были посвящены храму. Но издатель текста Д. Вейсберг полагает, что словом *zakū* (ед. число от указанного термина) в широком смысле слова обозначались люди, «чей статус был выяснен» (*one whose status has been clarified*) и что среди них могли быть как свободные, так и рабы (см. с. 73).

Документ № 37 о даровании свободы одной женщине и ее детям составлен в 560 г. «Шамаш-зер-ибни... добровольно составил заверенный печатью документ об отпуске на свободу Лакигтум и ее сыновей на вечные времена. Лакигтум и ее сыновья свободны от повинностей, которые числятся за Шамаш-зер-ибни... Они свободны, и Лакигтум может отправить своих детей в дом свободных (людей)». Отпущенные на свободу поклялись богинями Белит Урукской и Нанайя: «Пока живы, мы не причиним никакого вреда Шамаш-зер-ибни». Далее в тексте упоминаются имена свидетелей, среди которых назван и сын самого бывшего рабовладельца.

Значительный интерес представляет также документ о расследовании статуса одной жительницы Урука, которое проводило народное собрание при храме Эанна в 535 г. (№ 36). Речь идет об Инке, дочери Мушаллим-Мардука, жены Иштар-надин-апли. Ее сына собирались назначить на какую-то должность в храме, для которой требовалась определенная ритуальная чистота. Поэтому ее спросили: «Скажи нам в собрании, имеются ли препятствия в твоём статусе относительно чистоты». Она ответила, что хотя ее (бывший?) муж женился на некоей Бакигтум, «он не снял украшений с моей шеи». Как видно из текста, ее муж в прошлом был также женат на некоей Имате. Последняя и еще четыре человека поклялись на собрании в том, что, насколько им известно, в ритуальном отношении не имеется препятствий для посвящения ее сына на предполагаемую должность для обслуживания культа Иштар. Как видно из текста, Инка была второй из трех жен. По мнению издателя, такое посвящение не могло бы состояться, если бы она была отвергнута мужем, «снявшим украшения с ее шеи», и в таком случае ее сын не мог бы получить искомую должность. Д. Вейсберг оставляет открытым вопрос, идет ли в данном случае речь о ритуальной чистоте (как это нам представляется) или о социальном статусе. Поскольку украшения не были отобраны у Инки, ее брачные права не были отвергнуты и, следовательно, ее статус не был понижен. Другими словами, муж Инки женился еще раз, по-видимому, не разведясь с прежней женой.

Некоторые тексты позволяют составить приблизительное представление о доходах храма Эанна. Например, за один только 554-й год сборщик арендной платы по имени Шум-укин должен был передать в храм с разных территорий 28355 *курру* (51039 гл) ячменя и 7690 *курру* (13842 гл) фиников, не считая других продуктов (№ 82). Как видно из одного текста, в 547 г. было распределено среди служебного персонала и работников Эанна 1000 *курру* (1880 гл) ячменя в качестве месячной платы и рационов. Среди получателей был также один кликиец (*humaja*), которому было выдано 36 л (№ 83). 12 сиклей серебра и 4 *курру* (720 л) ячменя составляли плату 12 наемников, которые были заняты доставкой извести для побелки в храме (№ 104). Одному кузнецу, который работал на храм, было выдано 7 5/6 мины железа для изготовления 12 кинжалов (№ 131). Предположительный перевод издателя «и / для? 12 кинжалов» представляется явно неточным, поскольку очевидно, что кузнец получил железо для изготовления кинжалов, а не сами кинжалы. Как видно из текста, каждый кинжал весил приблизительно по 300 г. № 160 – письмо, отправителя которого жалуются, что на его два-три письма все еще не было никакого ответа. Один писец, который жил

в доме, принадлежавшем Эанне, ежегодно платил девять сиклей серебра за аренду (№ 173). В другом тексте (№ 75), составленном в 539 г. в присутствии высших чиновников администрации Эанны, устанавливается ежегодный оброк с семи поименно названных храмовых птицеловов, которые обязаны были доставлять 90 гусей, 840 диких голубей и 5000 каких-то других птиц (тапату, значение точно не известно). Эти птицы использовались для жертвоприношений богам, а «остатки» их съедались жрецами и теми членами храмового персонала, которые имели право входа во внутреннее покои святилища.

Как известно, в Вавилонии I тыс. до н.э. еще продолжала действовать та из статей Законов Хаммурапи, которая требовала тридцатикратного возмещения похищенного храмового имущества. № 35 устанавливает такую уплату с одного жителя Урука, если будет доказано, что он присвоил ячмень, который принадлежал Эанне.

Один из текстов свидетельствует о распределении участков земли для храмовых рабов. Эти участки были расположены на территории самого города Урука, и их измерением занимался царский уполномоченный в храме. Среди получателей упомянут и один кожевник (№ 169). Не всем хватало земли, и многие документы фиксируют выдачу рацийонов храмовым рабам. № 172 содержит список земледельцев Эанны, в котором перечислены 54 человека, большей частью родственники. Они обслуживали десять плужных упряжей и были подчинены одному лицу. № 162 принадлежит служебной переписке двух высокопоставленных храмовых чиновников. В частности, в письме говорится о необходимости выдать деньги людям, занятым на земляных работах. Речь идет об очень большой сумме (шесть мин, т.е. 3 кг) серебра, которую предстояло израсходовать для оплаты продовольствия. В частности, в письме упоминаются 80 железных орудий для работы и, кроме того, отмечается, что сто человек еще не прибыли. Судя по сумме денег, которую предстояло израсходовать, общее число работников, вероятно, составляло несколько сот человек. Очевидно, это были наемники из сословия свободных, нанятые по контракту.

Стремясь дать читателю представление о документах, ставших теперь доступными, рецензент не стал заострять внимание на мелких разногласиях между ним и издателем в интерпретации тех или иных текстов. Но отметим расхождение в восстановлении лакуны в № 19. Речь идет о документе из Ниппура, датированном 28-м годом Дария (494 г.), «царем [xx] и стран». Д. Вейсберг склонен восстановить в разрушенном месте «царем Элама (?)». Как известно, официальный титул ранних ахеменидских правителей в Месопотамии был «царь Вавилона, царь стран», и, нам представляется, два разрушенных в этом документе знака следует восстановить как E.KI, что является одним из логографических написаний для обозначения Вавилона. В Эламе, насколько нам известно, в ахеменидских датировочных формулах из Месопотамии не засвидетельствован титул «царь Элама, царь стран».

Отметим в заключение, что ассириологи будут благодарны Д. Вейсбергу за введение в науку большого количества ранее не известных вавилонских текстов, часть которых содержит уникальный документальный материал, а остальные дополняют наши знания об экономике и социальной структуре Вавилонии I тыс. до н.э.

М.А. Дандамаев

© 2006 г.

BORIS A. LITVINSKIJ, TAMARA I. ZEIMAL'. The Buddhist Monastery of Ajina Tapa, Tajikistan. History and Art of Buddhism in Central Asia // ISIAO-Rome, 2004. 196 p., XII color plates.

Борис Анатольевич Литвинский и Тамара Ивановна Зеймаль хорошо известны в научном мире как выдающиеся исследователи Средней Азии. В 1971 г. в издательстве «Искусство» они выпустили книгу «Аджина-тепа. Архитектура. Живопись. Скульптура», которая поражала не только уникальным материалом, но и энциклопедическим подходом авторов к изучению истории буддизма в Средней Азии. Знаю, что для многих среднеазиатских археологов данная книга была своеобразным пособием по истории религий домусульманской Средней Азии, с успехом заменявшая, как правило, недоступные библиотеки.

Напомню, что Южнотаджикистанский археологический отряд под руководством Б.А. Литвинского начал раскопки Аджина-тепа в 1960 г., и в монографию 1971 г. вошли материалы работ экс-

педиции до 1967 г. Между тем изучение памятника было продолжено, и раскопки на нем были завершены лишь в 1975 г. Отдельные материалы, полученные в 1967–1975 годах, уже были опубликованы соавторами в ряде статей. Так, полный план Аджина-тепа был напечатан в их совместной статье «Некоторые аспекты иерархии и семантики ступа в Средней Азии и Индии»¹. Однако, очевидно, что полностью раскопанный объект такого класса, как Аджина-тепа, явление не столь частое в археологии Средней Азии. Для введения в научный оборот всего полученного на Аджина-тепа материала необходима была большая итоговая монография. Как мне известно, рукопись новой книги была готова к публикации уже более десяти лет тому назад. К сожалению, ни одно отечественное издательство не смогло взять на себя расходы по ее изданию. Это оказалось под силу только нашим итальянским коллегам. После долгих лет подготовки Итальянский институт Африки и Востока, наконец, опубликовал рецензируемую нами монографию Б.А. Литвинского и Т.И. Зеймаль, которая включает не только публикацию нового материала по Аджина-тепа, но и значительно расширенную аналитическую часть, посвященную истории буддизма в Средней Азии.

Буддизм как религиозное учение и как культурный феномен сыграл важную роль в истории Средней Азии. Богатая письменная традиция учения; детально регламентированная монастырская организация, составной частью которой было хорошо поставленное обучение; культовая архитектура с установленными типами сооружений и своеобразным институтом архитекторов; разнообразная пропаганда; яркое конфессиональное искусство с канонической иконографией – все это делало буддизм мощным фактором, оказавшим влияния на различные стороны жизни народов, населяющих Среднюю Азию на протяжении всего I тыс. н.э.

Одна из особенностей изучения истории буддизма в Средней Азии состоит в том, что основными источниками по данной проблеме являются памятники археологии. Уже во время первых археологических экспедиций в Среднюю Азию здесь были выявлены буддийские памятники. Так, А.С. Стрелков – участник Термезской экспедиции Государственного музея Востока, проводивший изучение городища Старый Термез в 1926–1928 гг., – интерпретировал несколько холмов как остатки буддийских сооружений («башня Зурмала», пещеры на холме Кара-тепе). Кроме того, на городище им была собрана коллекция фрагментов каменной буддийской скульптуры². На сегодняшний день в результате археологических работ и случайных находок на территории Средней Азии³ открыто около 30 объектов, которые в научной литературе принято относить к буддизму⁴. Выявленные памятники представляют различные категории буддийских сооружений (ступы, монастыри, храмы) и датируются в широком хронологическом диапазоне I–X вв. н.э.

Существует обширная литература по различным вопросам среднеазиатского буддизма. Она включает как публикации отдельных вещей или памятников, так и обобщающие работы, посвященные определенным категориям буддийских памятников и процессу проникновения буддизма в Среднюю Азию⁵. Несмотря на проблемы с финансированием раскопок, изучение буддийских памятников Средней Азии продолжается⁶; выявляются случайные находки, связанные с буддизмом; выходят новые публикации. Значительно увеличивающийся объем материала по истории буддизма в Средней Азии позволяет не только продвинуться в решении спорных вопросов, но и ставить новые. Многолетние исследования показали, что наибольшая концентрация буддийских памятников в Средней Азии приходится на Бактрию–Тохаристан – историко-культурный регион, который в настоящее время занимает территорию юга Узбекистана, большей части Таджикистана и севера Афганистана. Рецензируемая книга посвящена раскопкам ключевого памятника раннесредневекового буддизма в этом регионе – монастырю Аджина-тепа, который расположен недалеко от современного города Курган-Тюбе в Таджикистане.

¹ См. Древняя Индия. Историко-культурные связи. М., 1982. С. 164–186.

² Стрелков А.С. Зурмала или Катта-тупе около Термеза // Культура Востока. Сборник музея Восточных культур. Вып. 1. М., 1927. С. 27–30; он же. Доисламские памятники древнего Термеза // Культура Востока. Вып. 2. М., 1928. С. 41–47.

³ Следует уточнить, что, как правило, речь идет о территории бывших советских республик Средней Азии – Узбекистана, Таджикистана, Киргизии, Туркмении, отчасти Казахстана.

⁴ Ставиский Б.Я. Судьбы буддизма в Средней Азии (по данным археологии). М., 1998. С. 13–22. Рис. 1.

⁵ Назовем только основные работы последних лет: Ставиский. Судьбы буддизма...; Rhie M. Early Buddhist Art in China and Central Asia. Handbuch der Orientalistik. Leiden–Boston–Köln, 1999; Мкртычев Т.К. Буддийское искусство Средней Азии (I–X вв.). М., 2002.

⁶ Пидаев Ш.Р., Като К. Археологические работы на Каратепа в Старом Термезе // Археологические исследования в Узбекистане – 2003 год. Вып. 4. Ташкент, 2004. С. 147–158.

Книгу открывают два предисловия: одно написано президентом Республики Таджикистан Э. Рахмоновым, второе – президентом Итальянского института Африки и Востока Г. Ньюли.

В своем предисловии Э. Рахмонов отмечает, что Таджикистан гордится своей богатейшей древней историей и что в ее изучении трудно переоценить роль Бориса Анатольевича Литвинского, которого он по праву называет «основателем археологии Таджикистана». Президент высоко оценивает совместный труд Б.А. Литвинского и его ученицы и коллеги Т.М. Зеймаль. Он также подчеркивает необходимость сохранения всего культурного наследия Таджикистана вне зависимости от его религиозной принадлежности (с. 7–8).

В предисловии Г. Ньюли говорится, что идея публикации этой книги принадлежала выдающемуся исследователю буддийского искусства проф. М. Таддеи (1936–2000). Он предложил Б.А. Литвинскому, который является членом-корреспондентом Итальянского института, совместно с Т.И. Зеймаль подготовить итоговую монографию по результатам раскопок Аджина-тепа и издать ее на английском языке, что значительно расширило бы круг ее читателей. Большая редакционная работа была выполнена П. Калльери при участии Ч. Ло Муцио и Э. Валенто.

Рецензируемая монография состоит из введения, четырех глав, заключения, списка сокращений и альбома цветных иллюстраций.

Во Введении (Б.А. Литвинский и Т.И. Зеймаль) дается краткий географический очерк Вахшской долины, где расположен памятник Аджина-тепа, а также подробно приводится история археологического изучения данного района Тохаристана.

Первая глава «Аджина-тепа. Раскопки и хронология» (Т.И. Зеймаль) содержит описание памятника, его планировки и архитектуры, предлагается общая датировка и периодизация его существования. До начала раскопок памятник представлял прямоугольную возвышенность размером 50 × 100 м, который состоял из двух холмов квадратной планировки – юго-восточного с понижением в центре, северо-западного с повышением в центре. В результате работ памятник был вскрыт полностью, что показало наличие двух самостоятельных частей: монастырской, ядром которой являлся квадратный двор (юго-восточная часть), и храмовой, во дворе которой располагалась монументальная ступа (северо-западная часть). Обе части связывались между собой проходным помещением. Сооружение было возведено из пахсовых блоков и прямоугольных сырцовых кирпичей, характерных для раннесредневекового среднеазиатского строительства.

Судя по многочисленным монетным находкам, удалось установить, что монастырь был построен примерно в середине VII в. и окончательно покинут в середине VIII в. На основании стратиграфии исследователи выделили следующие периоды существования памятника: а) период сооружения; б) I период (когда сооружение функционировало как буддийский монастырь); 3) период запустения; 4) II период (вторичное обживание; в это время сооружение уже не было буддийским монастырем и частично эксплуатировались лишь разрушающиеся помещения) (с. 20).

Очевидно, что в I период (функционирование в качестве буддийского монастыря) памятник обживался довольно интенсивно. В разных частях сооружения зафиксированы следы ремонтных работ (обмазки ганчем, покраска, закладка проходов и пр.), однако синхронизировать их между собой не представляется возможным.

Культурная специфика памятника определила незначительный объем находок, которые в основном концентрировались в монастырской части сооружения. Это касается и самого массового археологического материала среднеазиатских памятников – керамики.

Керамический комплекс I периода представлен в основном чирягами (свечиальниками) и небольшим количеством столовой посуды хорошего качества (фрагментами тонкостенных чаш с красным ангобами кувшинов с яйцевидным туловом). Керамика, соответствующая II периоду, состоит из фрагментов толстостенных горшков, крышек, жаровен, крупных чаш (с. 28). К сожалению, в данное издание не вошли таблицы керамики, а также стекла, которые содержались в первой публикации⁷. Мне кажется, что было бы уместно и в этом издании показать керамический материал памятника, датировка которого считается эталонной, тем более, что именно на основе керамики, как правило, датируются изучаемые в Средней Азии археологические объекты.

Глава вторая «Архитектурная композиция. Оформление. Конструктивные методы» (Б.А. Литвинский) посвящена анализу архитектуры памятника и некоторых находок.

Планировка Аджина-тепа состоит из двух частей, каждая из которых строится вокруг центрального двора с четырьмя айванами, расположенными на центральных осях. Геометрическая точность каждой из частей планировки сочетается с их зеркальной симметрией и конгруэнтной симметрией внутри планировки каждой части. Соответственно монументальная ступа в центре

⁷ Литвинский Б.А., Зеймаль Т.И. Аджина-тепа. Архитектура. Живопись. Скульптура. М., 1971. С. 24–25.

храмовой части представляет собой ось, вокруг которой может бесконечно осуществляться обряд обхода ступы – *прадакшана* (с. 45–46).

Не меньшую роль в планировке Аджина-тепа играют малые ступы, зафиксированные в нескольких помещениях храмовой части. Они также отмечают различные оси симметрии внутри отдельных участков сооружения (с. 46). Наряду с монументальными ступами разных масштабов на Аджина-тепа были найдены миниатюрные штампованные глиняные ступы. Со свойственным ему энциклопедическим охватом Б.А. Литвинский подробно рассматривает аналогии этим ступам и их символику в буддийском учении (с. 46–52). Кроме того, в главе содержится экскурс о генезисе и развитии четырехайванной дворовой планировки, которая появляется на Аджина-тепа и становится необычайно популярной в средневековой мусульманской архитектуре. Б.А. Литвинский полагает, что процесс формирования четырехайванной дворовой композиции в планировке Аджина-тепа отражает совмещение двух традиций: индийской, где издавна существовали ограды вокруг ступы с четырьмя воротами (*торана*), и среднеазиатской, где айван как зал-пронаос являлся распространенной частью культовой архитектуры (с. 68).

Анализируя функциональное назначение памятника с канонической терминологией культовых сооружений, Б.А. Литвинский приходит к выводу, что Аджина-тепа представляет типичный буддийский монастырь, в котором существовало обязательное сочетание двух частей – храмовой (двор со ступой) и монастырской (*вихара*) (с. 70). Отдельные конструктивные детали, материалы строительства ясно указывают, что Аджина-тепа был построен местными строителями, которые действовали по каноническим правилам буддийской архитектуры, выработанными в Индии. Точное следование канонам буддийской архитектуры вдали от мест ее формирования не представляется невероятным. Как отмечает Б.А. Литвинский, в письменных источниках говорится и о существовании специальных людей в сангхе, призванных осуществлять контроль над строительством культовых объектов, и о моделях буддийских культовых сооружений, которые служили образцом при возведении памятников и могли перевозиться на огромные расстояния – от Индии до Китая (с. 72).

В третьей главе «Живопись и скульптура» (Б.А. Литвинский, Т.И. Зеймаль) подробно рассматривается художественное оформление Аджина-тепа. Глава включает два раздела, в которых анализируются разные виды искусства.

Первый раздел посвящен настенной живописи. Авторы приводят описание найденных живописных фрагментов по помещениям, которые они украшали. В некоторых местах живопись сохранилась на стенах *in situ*, но в большинстве случаев извлечена из завалов. Суммируя полученные данные, авторы реконструируют технико-технологические особенности настенной живописи Аджина-тепа и сравнивают их как с синхронными произведениями буддийской живописи (Кала-и Кафирниган), так и с более ранними образцами (Халчаян, Фаяз-тепе, Дильберджин). Среди приведенного сравнительного материала, большой интерес представляют наблюдения Б.А. Литвинского о технологии живописи Какрака, сделанные им во время работы в Кабульском музее (с. 86). Например, он отметил, что одной из особенностей живописи Аджина-тепа было полное отсутствие попыток передачи объема при помощи светотени (с. 87).

Рассмотрев все уцелевшие росписи, авторы пришли к выводу, что в живописном оформлении принимали участие несколько художников, придерживающихся одних методов письма, но сохраняющих свою индивидуальность (с. 87). Несмотря на фрагментарность живописных изображений, Б.А. Литвинскому и Т.Е. Зеймаль удалось интерпретировать несколько сцен. В частности, фрагмент, на котором запечатлены ряды сидящих Будд, украшавший свод коридора. По мнению авторов, это изображение воспроизводит эпизод появления в небе тысячи Будд во время чтения Лотоковой сутры, что в целом отражает и распространенное тождество свода и неба (с. 87–88).

Наряду с сюжетной живописью в оформлении Аджина-тепа присутствует и орнаментальная живопись, для которой авторы выделяют две группы. В первую группу входят виды орнамента, в основе которого было ритмичное повторение определенного изображения. Он мог быть и геометрическим, и растительным, и комбинировать эти два вида. Как правило, такой орнамент служил для росписи больших площадей и отбивки бордюров. Вторая группа представляет изобразительный орнамент, входивший в сюжетную картину в виде фона или декоративных элементов. Он покрывал значительно меньшие площади (с. 91–92). На мой взгляд, к подробному описанию орнаментов Аджина-тепа не достает таблицы, в которой они все были бы наглядно представлены.

Единственным случаем, когда в качестве раппорта использовались изобразительные элементы, является орнамент на подушке в изголовье Будды, составленный из фазанов. Хотелось бы обратить внимание, что мотив «фазаны в перлах» украшают подушку в изголовье Будды в сцене

нирваны в настенной живописи пещеры № 158 в Дуньхуане, датирующей серединой правления династии Тан⁸.

Авторы обратили внимание на одну важную для понимания специфики буддийской общины монастыря Аджина-тепа деталь настенной живописи. Речь идет о том, что с момента строительства, когда было выполнено живописное оформление памятника, несмотря на многочисленные ремонты, повторные живописные работы, связанные с изобразительностью, отмечены только в помещении 1 (святых). При этом они характеризуются более низким уровнем профессионального исполнения (с. 84). Таким образом, очевидно, что на определенном этапе существования монастыря (когда потребовалось провести очередной ремонт) община не смогла найти средства для привлечения художников, которые профессионально выполнили бы подновление живописи.

Второй раздел главы посвящен скульптуре. Как и с настенной живописью, описание скульптурных фрагментов дается по помещениям, где они были зафиксированы.

Авторы уделяют большое внимание технико-технологическим характеристикам аджинатепинской скульптуры. Основным для последней материалом служила глина. Традиция глино-ганчевой скульптуры Средней Азии в общих чертах сформировалась в греко-бактрийское время и сохранилась вплоть до арабского времени. При этом с кушанского времени можно говорить о том, что глино-ганчевая скульптура стала обязательным элементом оформления буддийских памятников Средней Азии, а буддийское искусство являлось основным хранителем ее технологических приемов.

Обычно при изготовлении скульптуры применялся каркас (дерево, камыш и пр.), на котором крепилась глиняная основа. На основе путем наложения большого количества тонких слоев глины создавался объем. Верхний лицевой слой, как правило, делался из скульптурной глины: на Аджина-тепа это была желто-коричневая или зеленая глина, в ряде случаев – тонкий слой ганча. Моделировка монументальной аджинатепинской скульптуры производилась вручную. Анализ скульптуры с Аджина-тепа, размеры которой не превышают натуральной величины, дает основание говорить об использовании матриц для изготовления лицевых частей с последующей подправкой. Кроме этого, путем штамповки формовались мелкие детали – завитки волос, розетки, лепестки лотоса и т.п. Плохая сохранность найденных фрагментов не позволяет авторам решить вопрос о методах крепления различных частей скульптуры друг с другом. Наиболее примечательной технологической особенностью аджинатепинской скульптуры является отсутствие каркаса (с. 126–129).

Как уже отмечалось, за время существования памятника как буддийского монастыря неоднократно проводились ремонтные работы, которые включали и поновление скульптуры. Очень показательно этот процесс был отслежен авторами на монументальной скульптуре Будды в нирване (с. 128).

Б.А. Литвинский и Т.И. Зеймаль подробно рассмотрели репертуар и иконографию образов скульптуры, украшавших буддийский монастырь. Анализируя иконографию аджинатепинской скульптуры, авторы выделяют два фактора, оказавших воздействие на ее формирование. Во-первых, влияние гандхарской скульптуры, причем в глиняной скульптуре Аджина-тепа в наибольшей степени прослеживается традиция каменной гандхарской скульптуры. И во-вторых, влияние скульптуры эпохи Гуптов, которое отразилось в драпировках и одеянии аджинатепинских Будд и бодхисаттв (с. 131–132). Реконструкция иконографической программы монастыря показывает, что центральное место в ней занимал образ Будды. Среди найденных фрагментов по своим размерам выделяются две колоссальные скульптуры: сидящая фигура Будды, высота которой, согласно реконструкции авторов, была около 4 м (помещение 1, так называемое «святых»), и Будда в нирване, достигающий 12 м (коридор 23) (с. 130–136).

По наблюдениям исследователей, уже в конце IV – начале V в. в скульптуре намечается тенденция к значительному увеличению размеров Будды по сравнению с окружающими персонажами. По существу эта тенденция отражает формирование одной из концепций Махаяны – «космического тела Будды» (*локоттара*), которая в полной мере проявилась в гигантских скульптурах Будды, хорошо известных на ряде буддийских памятников от Афганистана до Северного Китая (с. 135–136). Наряду с образом Будды в репертуар аджинатепинской скульптуры входили образы бодхисаттв, дева, светских персонажей и демонических существ.

⁸ Duan Weinjie. Dunhuang Art. New Delhi, 1994. III. 40. Очевидно, что мотив «медальонов в перлах» был заимствован Китаем из иранского мира (см. Лубо-Лесниченко Е.И. «Сасанидские» перлы в Китае // Прошлое Средней Азии. Душанбе, 1987. С. 83–94). Однако не исключено, что в данном случае мы имеем уже пример обратного влияния – китайские детали иконографии в сцене нирваны («иранская» подушка под головой Учителя) входят в оформление монастыря в Тохаристане.

Подводя итог анализу памятников искусства, найденных на Аджина-тепа, авторы отмечают высокий профессиональный уровень исполнения мастеров, украшавших этот буддийский монастырь в Тохаристане, а также широкие связи, соединяющие их с художественными традициями и Восточного Туркестана (памятники Турфана), и Южного Афганистана (Тапа Сардар в Газни).

Глава четвертая «Аджина-тепа и история буддизма в Средней Азии» (Б.А. Литвинский) представляет собой наиболее полный свод данных как об основных археологических буддийских памятниках Средней Азии, так и письменных источников, касающихся среднеазиатского буддизма. Надо отметить, что автор данной главы ранее очень много сделал в этом направлении⁹.

Очерк истории буддизма в Средней Азии начинается с ряда вопросов, связанных с датировкой начала распространения буддийского учения и особенностями этого процесса. Исследователи этой проблематики единодушны в том, что первым среднеазиатским регионом, куда проник буддизм, была Бактрия. Исключая крайние мнения, согласно которым буддийские миссионеры могли достичь Бактрии еще во времена Ашоки¹⁰, Б.А. Литвинский приводит ряд свидетельств о присутствии буддизма в Восточном Иране уже в первые века до нашей эры (с. 144–145). Стоит напомнить, что самые ранние материальные свидетельства существования буддийского учения в Бактрии, которыми мы пока располагаем, относятся к I в.н.э.¹¹ Буддийская традиция считает приверженцем учения самого известного кушанского правителя Канишку. Между тем в рабатакской надписи среди богов, которым поклонялись кушанские цари, Будда не упомянут¹². Б.А. Литвинский предлагает не отвергать категорически принадлежность Канишки буддизму, резонно аргументируя это тем, что его обращение могло произойти уже после создания рабатакской надписи (с. 147).

Пытаясь объяснить причину распространения буддизма в Средней Азии в первые века нашей эры, Б.А. Литвинский подвергает сомнению тезис о том, что местное население обращалось к учению побуждали привлекательные лозунги о социальном равенстве буддийской общины. Совершенно справедливо Б.А. Литвинский указывает на специфику буддийской пропаганды этого времени, которая была в основном направлена на правящие круги. Следствием этого являлась поддержка буддийской общины со стороны местной элиты, что обеспечивало процветание буддизма в регионе в кушанское время (с. 161–162). Это положение хорошо иллюстрируют данные эпиграфики, полученные на одном из буддийских памятников региона – Кара-тепе. Среди донаторов перечислены правитель, сын правителя, казначей, военачальник (?), должностное лицо¹³.

Еще один вопрос, который имеет принципиальное значение при изучении особенностей буддизма в Бактрии–Тохаристане: представители каких этносов входили в состав монашеской общины? Не останавливаясь на этой теме подробно, Б.А. Литвинский тем не менее приводит данные источников, где говорится о значительной роли местных жителей в распространении и разработке буддийского учения в регионе (с. 147).

Письменные источники и данные эпиграфики свидетельствуют, что в кушанское время в Бактрии–Тохаристане получили распространение несколько буддийских школ – Вайбхашика (Vaibhasika), Махасангхика (Mahasanghika), Самматия (Sammatiya), Сарвастивада (Sarvastivada) и Дхармагуптака (Dharmaguptaka) (с. 148). Несмотря на принадлежность перечисленных школ к Хинаяне, они разрабатывали ряд концепций, которые получили дальнейшее развитие в Махаяне, в частности культ бодхисаттв, поклонение ступам и пр. Помимо того, что данные о буддийских школах демонстрируют связи Бактрии с другими частями буддийского мира, сопоставление археологичес-

⁹ По существу, Б.А. Литвинский стал первым, кто собрал и сопоставил письменные источники по истории буддизма Средней Азии с археологическими данными этого региона; см. *Litvinsky B.A. Outline History of Buddhism in Central Asia*. Moscow, 1968; *Литвинский Б.А. Распространение буддизма в Средней Азии* // Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. II. М., 1975. С. 191–199; *он же*. Индийский фактор в цивилизации Центральной Азии // Азия – диалог цивилизаций. СПб., 1996. С. 154–193; *он же*. Буддизм и буддийская культура Центральной Азии (древность) // Московское востоковедение. М., 1997. С. 55–77; *Litvinsky B.A. Die Geschichte des Buddhismus in Ostturkistan*. Wiesbaden, 1997. Подробный перечень работ автора по буддизму и буддийской культуре см. *Лейва Д.С., Мейтарчиан М.Б.* Библиография печатных работ Б.А. Литвинского // Древние цивилизации Евразии. История и культура. М., 2001. С. 8–44.

¹⁰ *Bagchi Pr.Ch. India and Central Asia*. Calcutta, 1955. P. 32.

¹¹ Речь идет о находках монет «сотер мегаса» на ранних полах ряда буддийских сооружений Бактрии; см. *Мкртычев Т.К.* Еще раз об особенностях буддизма в Бактрии // *Transoxiana*. Ташкент, 2004. С. 292.

¹² *Sims-Williams N., Cribb J.* New Bactrian Inscription // *Silk Road Art and Archaeology*. 1995/96. 4. P. 107–109.

¹³ *Вертоградова В.В.* Индийская эпиграфика из Кара-тепе в Старом Термезе: Проблемы дешифровки и интерпретации. М., 1995. С. 44–48.

кого материала с теоретическими буддийскими концепциями позволяет лучше понять специфику устройства и оформления буддийских памятников региона.

Реконструируя историю буддизма в Средней Азии, автор приводит краткий обзор основных буддийских памятников и их характеристики. Применительно к этой части работы мне хотелось бы сделать несколько уточнений.

На протяжении многих лет мне довелось участвовать в работах Совместной археологической экспедиции учреждений культуры СССР на Кара-тепе. Последний год работы велись осенью 1994 г.¹⁴, после чего российская сторона более не участвовала в изучении этого памятника. В дальнейшем раскопки осуществлялись и продолжают осуществляться совместной узбекско-японской экспедицией (руководители Ш.Р. Пидаев и К. Като)¹⁵. Что касается датировки Кара-тепе, то на сегодняшний день мы располагаем данными, согласно которым строительство первых сооружений относится ко второй половине – концу I в. н.э. Расцвет Кара-тепе, который, несомненно, был крупным буддийским центром в Северной Бактрии, приходится на кушанское время II–III вв. Несмотря на то что позднее большинство сооружений на Кара-тепе забрасывается и размеры центра значительно сокращаются, отдельные сооружения продолжают выполнять роль буддийских культовых объектов еще и в IV–VI вв.¹⁶ Однако для VII в.¹⁷ имеется единственная посетительская надпись индийца-паломника на стене пещеры, в то время как весь памятник был уже в запустении¹⁸.

Другой важнейший памятник буддизма кушанского времени Фаяз-тепе был раскопан Л.И. Альбаумом¹⁹. Здесь получена большая коллекция скульптуры и настенной живописи. Наряду со знаменитой скульптурой Будды с предстоящими монахами²⁰ не меньшую известность получил фрагмент настенной живописи, изображающий персонаж, над головой которого нанесено бактрийским письмом имя «Фарро». Обычно этот фрагмент рассматривается как пример поклонения местных богов (в частности, иранского бога Фарро) Будде (с. 155). Однако осенью 2004 г. автору данной рецензии довелось общаться с Н. Симс-Уильямсом, который изучал эту надпись в Музее истории Узбекистана в Ташкенте. По его мнению, на упомянутом фрагменте сохранилась лишь часть теоморфного имени, и, следовательно, перед Буддой предстает не сам местный бактрийский бог, а бактриец-донатор. Хочется напомнить, что кушанская иконография Фарро достаточно хорошо известна, в частности по монетам²¹, и она, несомненно, отличается от иконографии персонажа из Фаяз-тепе.

Обращаясь к не менее известному буддийскому памятнику Айртам, Б.А. Литвинский пишет о знаменитом Айртамском фризе. Следует отметить, что по существу именно Айртамский фриз стал отправной точкой для рассмотрения проблемы природы буддийского искусства Бактрии и его соотношения с искусством Гандхары²². Не останавливаясь на деталях полемики по этому вопросу, Б.А. Литвинский так же, как итальянский исследователь Ч. Ло Муцио²³, приходит к выводу, что буддийская скульптура Бактрии была школой буддийского искусства Гандхары (с. 156). Мне кажется, что имело бы смысл расширенно аргументировать это мнение. Тем более, что Б.А. Литвинский любезно познакомил меня со своей неопубликованной статьей по данной проблеме, которая была подготовлена для *Encyclopaedia Iranica*. В ней содержится развернутое рассмотрение вопроса соотношения искусства Бактрии и Гандхары²⁴.

¹⁴ 1997 год указан в рецензируемом издании ошибочно, см. с. 154. Библиографию по памятнику см. *Ставиский. Судьбы буддизма...* С. 23. Прим. 44; основные итоги изучения Кара-тепе за 1961–1994 гг. содержатся в статье Б.Я. Ставиского и Т.К. Мкртычева (*Stavisky B., Mkrttchev T. Qara-Tepe in Old Termez: On the History of the Monument // Bulletin of the Asia Institute. 1996. Vol. 10. P. 219–232*).

¹⁵ *Пидаев, Като*. Археологические работы на Каратепа в Старом Термезе. С. 147–158.

¹⁶ *Stavisky, Mkrttchev. Qara-Tepe in Old Termez...* P. 219–232.

¹⁷ Б.А. Литвинский приводит датировку Кара-тепе II–VII вв. на с. 166.

¹⁸ *Вертоградова*. Индийская эпиграфика из Кара-тепе... С. 39, 46.

¹⁹ Библиографию по Фаяз-тепе см. *Ставиский. Судьбы буддизма...* С. 44–50. Прим. 24.

²⁰ *Альбаум Л.И.* Раскопки буддийского комплекса Фаяз-тепе // *Древняя Бактрия*. Л., 1974. Рис. на с. 56.

²¹ См. подборку иконографии Фарро на реверсе кушанских золотых монет: *Tanabe K. King Huvishka and the Emergence of Vaisravana Images in Gandharan Art // Silk Road Art and Archaeology. 1999/2000. 6. P. 119–120*.

²² *Тревер К.В.* Памятники греко-бактрийского искусства. Л., 1940. С. 149–158. Следует отметить, что С. Хантингтон, говоря о взаимовлияниях Бактрии и Гандхары, предлагает называть этот регион Бактрийско-Гандхарским (*Huntington S. Ancient India. Buddhist, Hindu, Jain. New York–Tokyo, 1982. P. 109–110*).

²³ *Lo Muzio C.* On the Musicians of the Airtam Capitals // *In the Land of Griffon*.

²⁴ *Litvinsky B.* Gandharan Art. Iranian Contribution and Iranian Connections // *Encyclopaedia Iranica*. X (в печати).

Анализируя другие памятники буддизма в данном регионе, Б.А. Литвинский высказывает критические замечания, касающиеся планировок ряда культовых сооружений (святилище на Зар-тепе, загородный (Дт-1) и городской (Дт-25) храмы на Дальверзин-тепе) и хронологии (Дт-25 на Дальверзин-тепе) (с. 156–157). Так, например, отметив, что планировка Первого буддийского храма (Дт-1), расположенного в пригороде, не сопоставляется ни с одним из известных типов буддийских сооружений, он справедливо задается вопросом: на каком основании авторы раскопок назвали платформой для ступы останец, вокруг части которого раскопаны помещения, содержащие большое количество буддийской скульптуры?²⁵

Помимо Бактрии–Тохаристана буддизм получил распространение и в других среднеазиатских историко-культурных регионах – Согде, Фергане, Семиречье, Уструшане, Мерве (Маргиане). Учитывая наличие региональных и хронологических различий, Б.А. Литвинский рассматривает положение буддийского учения в каждом конкретном историко-культурном регионе. Суммируя свидетельства письменных источников и археологические данные, исследователь реконструирует в целом сложную картину распространения буддизма в Средней Азии (с. 174–185).

Возможно, новые материалы и новые исследователи будут вносить в эту картину определенные коррективы. Уже сейчас появляется возможность по-новому взглянуть и переосмыслить отдельные известные данные. Это касается, в частности, фрагмента бронзовой фигурки льва, найденной на месте предполагаемого буддийского памятника в Саназаре (Согд), который, судя по аналогиям, может датироваться в широком диапазоне III–VI вв.²⁶

Надо сказать, что помимо слов восхищения, возникающих при прочтении этой части главы, у меня появилось и вполне конкретное пожелание. Содержание этой главы в целом следует оценить исключительно высоко. Вместе с тем хотелось бы высказать одно пожелание. В таком полном обобщении, где упомянуто незначительное влияние буддизма на культуру Хорезма (с. 159), возможно, следовало бы как-то оговорить и практически полное отсутствие следов буддизма в Чаче, где, судя по последним материалам, было присуще типичное для Средней Азии религиозное многообразие. Почему же Чач остался в стороне от буддийского учения? Уверен, что у Бориса Анатольевича существует ответ на этот счет.

Второй большой блок вопросов, который часто поднимается при анализе истории среднеазиатского буддизма, касается времени и процесса проникновения буддизма в Китай. Анализируя сказанные точки зрения, Б.А. Литвинский поддерживает предположения Э. Пюрхера и З. Цукамото о том, что процесс проникновения буддийского учения в Китай мог иметь место уже в середине I в. до н.э. Между тем документальные свидетельства о буддизме в Китае и появление некоторого числа последователей относятся к середине I в. н.э. (с. 149). В этой связи Б.А. Литвинский напоминает, что многие китайские источники в той или иной мере связывают появление в Китае буддизма с юэджями. По мнению исследователя, движение буддийских миссионеров на Восток отражает политические претензии Кушанского государства в Восточном Туркестане.

Китайские источники сообщают, что среди переводчиков буддийского учения на китайский язык было много выходцев из разных регионов Средней Азии, которые своей деятельностью внесли большой вклад в распространение учения (с. 150–151). Среди них, несомненно, знаковой фигурой, споры о которой касаются не только распространения буддизма в Китае, но и судьбы буддизма в Маргиане, был парфянин Ань Шигао. К аргументам, которые приводит Б.А. Литвинский, отвергая его принадлежность правящей в Парфии Аршакидской династии (с. 151, прим. 72), можно добавить и работу А. Форте, относящего происхождение Ань Шигао к индо-парфянам²⁷.

Еще одна тема, тесно связанная с буддизмом, Средней Азией и Китаем, это распространение буддийской пещерной архитектуры. Автор рассматривает возникновение традиции сооружения пещерной буддийской архитектуры с анализа наиболее ранних известных нам примеров – пещерных храмов Западной Индии маурийского времени (Судамы и Ламасы Риши в Барабарских горах Бихара). В последующем развитие пещерной архитектуры привело к возникновению сооружений, которые соединяли в себе монастырскую (*вихара*) и храмовые (*чайтья*) части²⁸. Очевидно,

²⁵ Пугаченкова Г.А., Тургунов Б.А. Буддийское святилище в загородной зоне // Дальверзин-тепе – кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978. Рис. 60. С. 90. Позднее Г.А. Пугаченкова очень осторожно предположила, что данный останец мог служить не только основанием для ступы, но и играть роль «платформы статуй» по аналогии с Сурх-Коталом (Пугаченкова Г.А. Искусство Бактрии эпохи кушан. М., 1979. С. 62).

²⁶ Мкртычев Т.К. Буддийское искусство Средней Азии... С. 160–161.

²⁷ Forte A. The Hostage An Shigao and His Offspring. Kyoto, 1995. P. 69; Not. 13.

²⁸ Кроме литературы, указанной Б.А. Литвинским (с. 164–165), о формировании пещерных буддийских монастырей см. Dhavalikar M.K. The Buddhist Rock-Cut Shrines of Western India // International Encyclopaedia of Buddhism. Vol. 24. New Delhi, 1997. P. 1825–1833.

примерно в первые века нашей эры пещерная архитектура получила распространение в Гандхаре и Бактрии. Отмечая существование множества аналогичных характеристик между буддийскими пещерными памятниками разных регионов, Б.А. Литвинский точно выстраивает линию распространения буддийской пещерной архитектуры: Бактрия – Восточный Туркестан – Северный Китай (с. 162–166).

Как справедливо отмечает Б.А. Литвинский, буддизм был не единственной религией, существовавшей в Средней Азии на протяжении I тыс. н.э. Исследователь приводит многочисленные примеры взаимодействия буддизма с местной разновидностью зороастризма, манихейством, христианством (с. 153, 170–173). Кроме того, в процессе распространения буддизму пришлось иметь дело с разными этносами и различными государствами. Каждый из вышеперечисленных вопросов, по существу, может стать темой самостоятельных исследований. Поэтому остается только восхищаться, как Б.А. Литвинскому удается не только затронуть основные аспекты всех этих сложнейших тем, но и сделать из них выводы, характеризующие общие процессы в истории буддизма в Средней Азии.

В значительной степени судьбу буддизма в Средней Азии решило арабское завоевание. Но, как справедливо пишет Б.А. Литвинский, появление ислама в конце VII в. не поставило точку в истории буддизма в этом регионе. Целый ряд буддийских памятников продолжал функционировать, а в Семиречье, находившемся вне контроля арабов, в VIII–IX вв. велось строительство новых буддийских сооружений. И несмотря на то что уже примерно к концу IX в. буддизм остается практически без социальной базы и финансовой поддержки, он как комплексный феномен культуры продолжал оказывать влияние на культуру и искусство Средней Азии (с. 185–190). Следы буддийского влияния прослеживаются в системе образования, в архитектуре, в изобразительном искусстве, в теологии раннеисламского времени. Именно этот буддийский вклад способствовал формированию суфизма как неортодоксального направления в исламе.

Подводя итог своей пространной рецензии, с удовольствием могу сказать, что данная книга далеко выходит за рамки простой публикации материалов одного из классических памятников среднеазиатского буддизма – раннесредневекового монастыря Аджина-тепа, – но по сути является краткой энциклопедией по истории буддизма в Средней Азии. Учитывая огромный интерес к среднеазиатскому буддизму и постоянное появление новых исследований по этой теме в мировой науке, следует признать крайнюю актуальность появления данного издания именно на английском языке. Хорошо известно, что недостаточное знание нашими зарубежными коллегами материалов раскопок среднеазиатских памятников советского времени и основных работ наших исследователей, как правило, изданных по-русски, служит причиной многих ошибок, заблуждений и «новых открытий». К сожалению, я понимаю, что данное издание из-за высокой цены, скорее всего, не поступит даже в библиотеки России и останется для нашей страны библиографической редкостью.

Конечно, жаль, что издатели ограничились публикацией иллюстраций только материалов Аджина-тепа, отстранив огромный иллюстративный сравнительный материал, подготовленный соавторами. Жаль, что отсутствует полезный в таких изданиях индекс; что не приведена сводная библиография, которая, как обычно бывает в работах Б.А. Литвинского, может служить библиографическим справочником по десятку разных тем. Однако не будем забывать главное: книга, несмотря ни на что, после долгого лежания на полке и долгой подготовки в издательстве, благодаря помощи итальянских коллег, все-таки вышла в свет, продемонстрировав еще раз высочайший уровень отечественного востоковедения и археологии.

Очевидно, что авторы рецензируемой монографии полностью выполнили стоявшие перед ними огромные задачи. Во-первых, пополнили фактологическую базу по истории буддизма в Средней Азии публикацией великолепного материала. Во-вторых, Б.А. Литвинский в очередной раз дал концептуальное видение процесса распространения буддизма в Средней Азии. В-третьих, он обобщил сведения о взаимоотношениях буддизма с иными конфессиями, существовавшими в этом регионе в I тысячелетии. И наконец, в-четвертых, продемонстрировал влияние буддизма на формирование культуры Средней Азии как в домусульманское время, так и в эпоху ислама.

И немного личного. Знакомство с блестящей монографией Бориса Анатольевича и Тамары Ивановны вызвало у меня ностальгию по среднеазиатской археологии прошлых лет. Впрочем, была и ответная реакция на грустные мысли – чувство ответственности за то, чтобы традиция не прервалась.

Т.К. Мкртычев

H. HOFFMANN. Sotades. Symbols of Immortality on Greek Vases. Oxford: Clarendon Press, 1997. 205 p.

В современной античной археологии сформировалось новое направление в изучении расписной керамики, для которого характерно в высшей степени критическое отношение к научному наследию предшественников. Сторонники этого направления стремятся отбросить «позитивистский хлам», догматизм «Оксфордской школы» Дж. Бордмана и его последователей и, как они считают, наконец обратиться к адекватному изучению античной керамики¹. Под этим понимается всестороннее изучение керамики не в структуре понятийной сетки современной культуры, а в контексте древней культуры, что сводится к многим верным методическим установкам, требующим понимания значения керамики в быту, торговле, культе, погребальном обряде и т.д. своего времени. В отечественной научной литературе подобные взгляды пока популяризирует лишь В.Д. Кузнецов², но, думается, что это только начало.

В ряду «возмутителей спокойствия» в стане антиковедов особое место принадлежит Херберту Хоффману. Он сосредоточился на изучении расписных ваз, признавая при этом, что они были предназначены не для использования в быту, а для приношений в храмы, для погребальных ритуалов и т.д., а значит – особое значение приобретает специальное исследование как формы этих сосудов, так и представленных на них росписей (сюжеты, отдельные персонажи и т.д.). Автор отказывается от привычного термина «иконография», заменяя его иным – «иконология»³. Последний он заимствовал из трудов культуролога Э. Пановски⁴, который предлагал возродить это «хорошее старое слово», призывая вывести иконографию из изоляции и, интегрируя ее с другими научными методами (историческим, психологическим, критическим), попытаться по-новому подойти к решению проблем изобразительного искусства. При этом он особо подчеркивал, что «-графия» означает лишь «описание», а «-логия» – «мысль, смысл»⁵. Х. Хоффман называет такой подход «антропологическим» и в отношении изучения античной расписной керамики указывает на необходимость исследования не просто отдельных ваз, а связей между индивидуальными объектами и образами; смысл вещи можно понять лишь в совокупности связей, так сказать, в «грозди»⁶.

Среди мастеров древнегреческих расписных ваз особое внимание Хоффмана привлекает Сотад, которого в одной из своих статей он назвал художником мягкого мистицизма⁷. Надо признать, что в рецензируемой работе исследователь сумел в полной мере продемонстрировать, как следует понимать это его замечание. Нет сомнения, что имя Сотада, который трудился в Афинах около середины V в. до н.э., является одним из наиболее известных среди имен греческих художников. Ученые обычно предполагают существование двух фигур: Сотад-мастер и Сотад-художник. Мастеру принадлежат девять подписных ваз, которые хранятся в различных музеях мира, известно также некоторое число реплик наиболее оригинальных сосудов⁸. Вазы Сотада найдены на

¹ См., к примеру, *Vickers M., Impey O., Allan J. From Silver to Ceramic. Oxf., 1986; Gill D.W.J., Vickers M. Reflected Glory: Pottery and Precious Metal in Classical Greece // Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Institut. 1990. 105. S. 1–30; Vickers M., Gill D. Artful Crafts. Ancient Greek Silverware and Pottery. Oxf., 1994; Gill D.W.J. Positivism, Pots and long-distance Trade // Classical Greece: Ancient Histories and Modern Archaeologies / Ed. I. Morris. Cambr., 1994. P. 99–107.*

² Кузнецов В.Д. Некоторые проблемы торговли в Северном Причерноморье в архаическую эпоху // ВДИ. 2000. № 1. С. 16–40.

³ Hoffmann H. Iconography and Iconology // *Hephaistos*. 1985/6. 7/8. P. 61 ff.

⁴ Panofsky E. Meaning in the Visual Art. N.Y., 1955. P. 26 ff.

⁵ Ibid. P. 32.

⁶ Hoffmann H. Why did the Greeks Need Imagery. An Anthropological Approach to the Study of Greek Vase Painting // *Hephaistos*. 1989. 9. P. 144.

⁷ Idem. Rhyta and Kantharoi in Greek Ritual // *Greek Vases in the J. Paul Getty Museum. Vol. 4. Malibu*, 1989. P. 152.

⁸ См. Горбунова К.С., Передольская А.А. Мастера греческих расписных ваз. Л., 1961. С. 63–66; Передольская А.А. Краснофигурные аттические вазы в Эрмитаже. Л., 1967. С. 128–131; Beazley ARV². s.v. Sotades, Sotades Painter; Pfuhl E. Malerei und Zeichnung der Griechen. T. I. München, 1922. S. 543–549; Lippold G. Der Plaster Sotades // *Münchener Jahrbuch der bildenden Kunst*. 1952/53. Bd 3–4. S. 93–95; Williams D., Burn L. Vase painting in fifthcentury Athens // *Lopkington at Greek Vases / Ed. T. Rasmussen, N. Spivey. Cambr., 1991. P. 117; Robertson M. The Art of Vase-painting in Classical Athen. Cambr., 1992. P. 185 ff.*

обширной территории – в Греции, Южной Италии, Месопотамии, Судане; фрагменты краснофигурных киликов художника Сотата были обнаружены при раскопках боспорских городов Пантикапея и Нимфея⁹.

Монография Х. Хоффмана «Сотада. Символы бессмертия на греческих вазах» состоит из введения, 13 глав, заключения и каталога всех известных ныне сосудов древнего мастера и даже их фрагментов. Для того, чтобы лучше продемонстрировать основное содержание работы, будет уместным остановиться на каждом из ее разделов. Во введении автор дал общую характеристику творчества Сотата, указав на его яркую самобытность, даже уникальность в истории греческого искусства. Почти все сосуды, созданные мастером, принадлежат к категории посуды, предназначенной для питья вина, иными словами, к субкультуре древнегреческих симпосиев. Значение этого института в культуре древней Греции, как бы соединяющего мир живущих с умершими и богами, конечно, было огромным. По мнению Х. Хоффмана, на земле для симпосиев использовались золотые и серебряные сосуды, а вот для симпосиев, так сказать, потусторонних – керамические. Именно они посвящались в храмы и помещались в могилы.

Любой археолог, проводящий раскопки на античных поселениях, конечно, может высказать немало замечаний в адрес столь абсолютизированного подхода к изучению греческих vaz хотя бы по той причине, что расписные сосуды и их фрагменты довольно часто представлены среди находок из жилых контекстов, а не только в святилищах и могилах. Х. Хоффман, очевидно, никогда не принимал участия в археологических раскопках античных поселений, что, безусловно, отразилось на его построениях, в известном смысле определив их уязвимость. Парадоксально, но, несмотря на эту очевидную слабость одного из важнейших элементов концепции автора, предложенная им трактовка произведений Сотата выглядит вполне убедительной.

Еще раз подчеркну, что расписные керамические сосуды, по мнению Хоффмана, были предназначены для вечных пиров умерших, при этом особое значение в наборе таких сосудов придавалось ритонам¹⁰, которые, как считает автор, в первой половине V в. до н.э. в Афинах были связаны с ритуальными праздниками в честь героев-предков¹¹. «Героизм опасен, но, – как он пишет, – именно через опасность человеческая жизнь перестает быть банальной» (с. 141). С другой стороны, в симпосиях, безусловно, присутствует связь с культом Диониса, ритуальным экстазом, столь характерным для почитателей этого божества. Культ Диониса, как вслед за многими исследователями считает Х. Хоффман, распространился в Афинах из Фракии или Малой Азии. Поэтому неудивительно, что его признавали «пришлым», «иностранным» (Eurip. *Bach.* 604–646). Весьма показательно также, что ритон на этих землях был священным сосудом Диониса.

Обе эти традиции (героическая и дионисийская) пересеклись в творчестве Сотата. Более того, к концу V в. до н.э. почитание «героев» в Афинах, по всей видимости, было включено в дионисийские мистические инициации, которые в свою очередь стали рассматриваться как важный фактор достижения героического статуса. Очень большое значение для понимания этих процессов имеет изучение вазовых росписей. По правильному замечанию Х. Хоффмана, религиозная образность подобна энциклопедии, в которой утверждается и сохраняется мировоззрение общества. Вазовые росписи можно уподобить рисункам этой энциклопедии, без которых греческие герои и божества в значительной степени потеряли бы свою наглядность, почти реальную осязаемость.

В сюжетном многообразии древнегреческих вазовых росписей автором, прежде всего, выделяются сцены, связанные с «обрядами перехода», в числе которых доминируют инициация и погребение. Вообще же наиболее важной функцией расписных vaz, как считает исследователь, было, так сказать, «создание бессмертия»¹², квинтэссенция их должного понимания связана с ролью религии, ритуала, эволюции симпосия в истории древней Греции¹³.

Первая глава монографии «Крокодилъ любовь» посвящена всестороннему анализу фигурного сосуда Сотата, изображающего негритенка и напавшего на него крокодила. С первого взгляда ясно, что ничего героического в композиции сосуда нет. Гримаса страдания на лице мальчика, жест отчаяния, выраженный его рукой, – все явно демонстрирует оппозицию греческому идеалу.

⁹ Лосева Н.М. Аттическая краснофигурная керамика Пантикапея из раскопок 1945–1958 гг. // МИА. 1962. № 103. С. 173. Рис. 3, 3–4; Передельская А.А. Фрагмент краснофигурной чаши из Нимфея // СА. 1970. № 4. С. 201 сл.

¹⁰ Ритоны привлекают внимание исследователя уже сравнительно давно, см. Hoffmann H. *Attic Red-Figured Rhyta*. Mainz, 1962.

¹¹ См. также *idem*. *Rhyta and Kantharoi*... P. 131 ff.

¹² *Idem*. The Riddle of Sphinx: a Case Study in Athenian Immortality Symbolism // *Classical Greece. Ancient Histories and Modern Archaeologies* / Ed. I. Morris. Cambr., 1994. P. 71.

¹³ *Idem*. Dulce et decorum est pro patria mori: the Imagery of Heroic Immortality on Athenian Painted Vases // *Art and Text in Ancient Greek Culture* / Ed. S. Goldhill, R. Osborne. Cambr., 1994. P. 32.

Любопытно, однако, что на одной из реплик этого сосуда имеется граффито «влюбленный крокодил». По венцу сосуда изображены сатиры и менады. Сатиров с их весьма специфическим поведением автор также рассматривает как оппозицию героическому идеалу, указывая на «перевернутость мира» сатиров по сравнению с миром обычных людей¹⁴. С другой стороны, они являются традиционными спутниками Диониса, изображение которых следует рассматривать как намек на присутствие самого божества¹⁵.

По одной из мифологических версий, как известно, Гера натравила на Диониса (Загрея) титанов¹⁶. Спасаясь от врагов, он прошел ряд превращений – в козла, льва, змея, пантеру и быка. В образе быка Дионис был съеден титанами, осталось лишь его сердце, что позволило Зевсу вернуть бога к жизни. В пожирании негретенка крокодилем Х. Хоффман видит намек на поедание Диониса титанами, что должно предвещать его возрождение к новой жизни. Смысл сосуда как в его форме, так и в росписи, по мнению исследователя, демонстрирует доктрину личного спасения, смерти и последующего возрождения всех почитающих Диониса.

Эти идеи находят развитие во II главе «Дионис и Гадес – единство». В ней речь идет о ритоне, где изображен карлик, несущий журавля. Карлик здесь представлен с большой головой, короткими ручками и ножками, гротескным фаллосом и т.д. Естественно, в композиции сосуда вновь фиксируется крайняя оппозиция героическому идеалу, но опять же, как и в случае с «фаллическим сатиrom», карлик, вероятно, является представителем «перевернутого мира», т.е. созданием Диониса. Нет сомнения, что этот сосуд Сотата отражает также круг представлений, ассоциирующихся с мифами о битвах пигмеев с журавлями. Журавли, как и пигмеи, весьма двусмысленные создания (почитаемые и презираемые) в представлениях древних греков были теснейшим образом связаны с циклом жизни и смерти¹⁷.

На краснофигурной росписи сосуда представлена женщина (менада), бегущая влево и оборачивающаяся на бородатого мужчину со скипетром в руке (царя), демонстрируя состояние «священного испуга». Одержимость менады, дарованная ей Дионисом, как и смерть, при этом трактуется автором как род похищения. Главным похитителем душ для древних греков, конечно, был владыкка подземного мира Гадес. Дионис близок Гадесу, поскольку проводил в подземном мире половину года, но во многих отношениях он все-таки альтернативен ему, так как являлся освободителем душ, осуществляя это освобождение через божественный транс. Двойственность Диониса прекрасно объясняет, почему весенний праздник Анфестерий в его честь в то же самое время являлся главным торжеством, связанным с почитанием усопших. Этот праздник демонстрировал таким образом, что смерть и жизнь представляют собой единство, как едины Гадес и Дионис.

В III главе «Бараны, руно и золото» продолжено исследование вопроса о семантике греческих ритонов, которые автор трактует как форму священной собственности умерших. Он еще раз указывает на то, что большие чаши (ритоны) были принадлежностью героев, а культ героев к концу эпохи архаики слился с культом фракийского Диониса. Этот сосуд, как видим, является одновременно атрибутом героя и Диониса, земное и божественное в его символической значимости переплелось очень тесно. Сходным образом трактуется канфар, это и атрибут героя, и символ взаимоотношения двух миров.

В Аттике самыми распространенными были ритоны в форме бараньей головы, обнаружены также сосуды в виде головы осла, оленя и гончей собаки. В Южной Италии изображений ослов нет вообще, а больше всего изображений собак. Не вдаваясь в причины такого различия¹⁸, можно указать, что один ритон в форме бараньей головы принадлежит Сотату¹⁹. В связи с этим следует задаться вопросом: почему же именно баран стал излюбленным животным «героических сосудов» в Афинах? Х. Хоффман отвечает на него очень убедительно: баран являлся священным жи-

¹⁴ О понимании «перевернутого мира» в античной культуре см. *Kenner H. Phänomen der verkehrten Welt in der griechisch-römischen Antike. Klagenfurt, 1970.*

¹⁵ *Lissarrague F. Why Satyrs Are Good to Represent // Nothing to do with Dionisos? Athenian Drama in its Social Context / Ed. J.J. Winkler, F.L. Zeitlin. Princeton-New Jersey, 1990. P. 236.*

¹⁶ См. *Лосев А.Ф. Мифология греков и римлян. М., 1996. С. 165 сл.*

¹⁷ См. также *Шталь И.В. Мотивы вазовой живописи в искусстве Северного Причерноморья эллинистического периода. Мифо-эпический мотив борьбы пигмеев с журавлями (локализация и семантика мифа) // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси, 1985. С. 213–220; она же. Сюжетное изображение борьбы пигмеев и журавлей на пеликах Северного Причерноморья // *Thracia Pontica. III. Sozopol, 1985. С. 333–352.**

¹⁸ О значении собаки в погребальном культе древней Италии см. *Smith Ch. Dead Dogs and Rattles. Time, Space and Ritual Sacrifice in Iron Age Latium // Approaches to the Study of Ritual. Italy and the Ancient Mediterranean / Ed. J.B. Wilkins. L., 1996. P. 73 ff.*

¹⁹ См. также *Hoffmann. Rhyta and Kantharoi... P. 134 ff.*

вотным, предназначенным для жертвоприношений героям и предкам. Он служил символом патриархального богатства, силы и власти, и по этой причине считался равным патриархальному герою (см. II. III. 197–198), который должен умереть, т.е., иными словами, быть принесенным в жертву. Автор, естественно, акцентирует внимание на сексуальной силе барана. Здесь же возникает ассоциация с золотым руном как символом героического бессмертия, и вообще баран, руно, пурпурный цвет – символы богатства и одновременно атрибуты власти царя (Aesch. Agamem. 961).

Эти вопросы нашли дальнейшее развитие в IV главе «Расколотое сознание», посвященной фигурным сосудам, которые представляют композицию, состоящую из двух животных: с одной стороны – баран, а с другой – кабан или осел. Появление кабана в компании с бараном не вызывает особого удивления, поскольку отношение этого животного к миру героев, героическим охотам вполне очевидно. Сложнее обстоит вопрос о столь неуважаемом животном, каким является осел. Х. Хоффман при этом убедительно показывает оппозицию баран–осел, в которой первый выступает как сугубо положительный персонаж, а второй – как отрицательный.

Весьма остроумной представляется его трактовка образа осли на основании X Пифийской оды Пиндара (X. 30–36). В ней, в частности, говорится о гиперборее, который приносит в жертву Аполлону осли, а бог смеется по этому поводу. Автор отрицает обычное понимание этого сюжета как насмешку над глупым варваром. Аполлон здесь, скорее всего, радуется жертве. Животное, потребление мяса которого являлось табу для людей, по мысли Х. Хоффмана, вполне могло стать священной пищей для богов и героев-предков.

Жертвоприношению осли, как видим, радовался Аполлон, этот, казалось бы, антагонист Диониса. Однако характерная для современной западной культурологии оппозиция аполлонийского и дионисийского начал сильно преувеличена и, конечно, не имеет отношения к реалиям классической древности²⁰. Аполлон и Дионис находились не в состоянии взаимной исключительности, а скорее, в отношениях комплиментарной оппозиции, представляя собой две стороны одной действительности. «Расколотость» двух божеств и их ежегодное ритуализированное примирение в этом плане очень хорошо передается «расколотостью» некоторых керамических приношений.

Для названия V главы исследователь избрал строку из оды Горация «*Dulce et decorum est pro patria mori* (Сладка и прекрасна смерть за отечество)» (III. 2. 13)²¹. В ней анализируется ритон Сотата в форме головы барана, о символике которого столь подробно говорилось выше. В росписи на сосуде представлен юноша, сидящий под оливой, перед ним стоит женщина со щитом и копьем. Голова юноши закрыта краем одежды, что Х. Хоффман понимает как позу ритуального оплакивания, в данном случае как намек на обряд инициации. Олива, разумеется, символизирует полис Афины и богиню Афину. Конечно же, именно женский образ имеет большое значение в инициации юноши. Это может быть Афина Арея, которую призывали в свидетельницы перед клятвой эфебов, Аглавра (дочь Кекропа), в святилище которой эфебы приносили клятву. Можно вспомнить характеристику афинянок, которую дал в своей речи Перикл (Thuc. II. 45. 2), и предложить более земное объяснение: образ женщины в этой росписи является проявлением одного из сотен изображений безымянных женщин (матерей, жен, сестер) в сценах прощания воина. Все эти сцены, в свою очередь, представляют собой стандартное выражение патриотических чувств граждан города-государства. В любом случае эта композиция самым тесным образом связана с идеологией афинского полиса, в котором «славная смерть» в бою за родину долго рассматривалась в качестве единственной гарантии бессмертия.

VI глава «Кекроп и сфинкс» важна для понимания иного аспекта идеи бессмертия. В ней рассматривается ритон Сотата в форме сфинкса. На груди сфинкса представлены три рельефные маски Медуз, по краю сосуда изображена сцена с участием Кекропа, в нижней части с обеих сторон – по сатиру с дубиной. Сосуд исследователь трактует как образец погребального монумента в миниатюре, и в этом с ним вполне можно согласиться. Археологи обычно объясняют роль таких монументов как «сторожевых псов», охраняющих покой мертвецов. Х. Хоффман глядит на проблему глубже. Для его научной концепции принципиальную важность имеет система представлений о пространственно-временной границе между миром живых и мертвых, пересечение которой (инициация, смерть) есть нарушение естественного континуума, требующее соответствующих событий «ритуалов перехода». Именно «ритуалы перехода» создавали своего рода мост между двумя мирами. В этом плане сфинкса следует рассматривать в ряду мифологических существ, являвшихся медиаторами двух миров. Он, безусловно, занимал «пространство перехода» и по этой причине был связан со смертью, что так хорошо продемонстрировано древнегреческой трагедией.

²⁰ См. *Doddс Э.Р.* Греки и иррациональное / Пер. с англ. СПб., 2000. С. 106; *Burkert W.* Greek Religion. Archaic and Classical. Harvard, 1985. P. 223 ff.

²¹ См. также *Hoffmann.* Dulce et decorum... P. 28 ff.

С другой стороны, сфинкс также символизирует собой парадигму инициации. Афиняне, как подчеркивает исследователь, знали два вида инициаций: возрастную, знаменующую собой переход от юношества во взрослое состояние, и мистическую, которая часто имела место во второй половине жизни человека. Первая из них – вполне государственная акция, вторая – более частная, но тоже касающаяся жизни государства. Эта мистическая инициация представляет собой опыт «непрямого возрождения», как его назвал Х. Хоффман, т.е. опыт перехода иницируемого через смерть и возрождение божества с обычным включением в ритуальное перерождение соответствующего круга мифов. В качестве примера такого «непрямого возрождения» можно указать на элевсинские мистерии, в которых посвящаемый как бы проходил важнейшие этапы судьбы Персефоны: схождение в подземный мир (катодос), а затем освобождению из него (анодос). Подобное уподобление служило обещанием беспечальной жизни за гробом.

Краснофигурную композицию, представленную по краю сосуда, автор определил как «Кекроп и дети» (см. Appolod. III. 14. 1–2). Кекроп, рожденный землей полужемлей-получеловек, олицетворяет собой Золотой век, жизнь без смерти и старости. Молодые люди на росписи, вероятно, являются прошедшими инициацию детьми первого царя Аттики: юноша – Эрисихтон (единственный сын Кекропа), девушки – Аглавра, Пандроса и Герсе. Как известно, юноши после инициации входили во взрослое состояние, становились защитниками отечества, а девушки могли вступать в брак. Инициация, таким образом, демонстрировала готовность «новых» людей полиса к исполнению своего долга – воинского или материнского. Фигура бегущего сатира с дубиной также по-своему символична, поскольку, с одной стороны, она пародирует Геракла, а с другой, как говорилось выше, информирует о близости Диониса.

Главной фигурой росписи, конечно, выступает предок афинян Кекроп. Именно герои-предки, являвшиеся одновременно человеческими и божественными созданиями, как упорно подчеркивает исследователь, в греческой мифологии создавали мосты, которые соединяли этот мир с иным. Художник, создавая свой сосуд, продемонстрировал глубокую связь Кекропа со сфинксом, и, в общем, представляется вполне очевидным, что форма и роспись этого сосуда Сотада демонстрируют одну и ту же фундаментальную идею. Такое единство формы и содержания, надо признать, характерно не только для сосуда-сфинкса, а вообще для всех творений мастера.

VII глава «Амазонка» посвящена исследованию фигурного сосуда в форме амазонки, скачущей на коне. Автор, очевидно, вполне прав, когда указывает на связь образа амазонки с некоторыми дионисийскими аспектами, показанными на сосуде шкурой пантеры за спиной у всадницы. Возможно, он прав и в том, что в греческом мемориальном искусстве идея бессмертия героя часто выражалась посредством образа его благороднейшего оппонента. Амазонки, конечно, очень подходят на такую роль, однако не эта их роль представляется главной в символике сосуда.

Следует обратить внимание на то, что этот сосуд был найден в Мероэ в детской могиле у подножья царской пирамиды, и в этом контексте к нему более подходит иная интерпретация. Х. Хоффман приводит мнение Д. Метцлера о том, что персы уравнили амазонок с их собственными *fravashi* – душами мертвых воинов, появлявшихся в виде всадниц с копьями. Развивая эту идею, он считает, что дикие амазонки были обительницами экзотического парадиса, населенного также грифонами и аримаспами. Действительно, специальные исследования убедительно показывают, что образ амазонок связан с представлениями о Великом женском божестве в ее специфической загробной ипостаси²².

«Комедия невинности» – так автор назвал VIII главу своего исследования, в которой рассматривается совсем иной круг образов. Основной объект анализа здесь – краснофигурная чаша, на одной стороне которой мы видим старого сатира, ползущего на четвереньках к козлу, а на другой – молодого сатира, подбирающегося таким же образом к быку. Очень показательно, что спутники Диониса подкрадываются к главным жертвенным животным этого божества, демонстрируя тем самым намек на жертвоприношение, поскольку Дионис именовался «пожирателем быков» (Soph. Fr. 607) и «убийцей козлов» (Paus. IX. 8. 1–2). Как ранее в противопоставлении баран–осел, автор демонстрирует новую оппозицию бык–козел, в которой первый персонаж является положительным, а второй сугубо отрицательным. Неудивительно, что в Афинах жертвоприношение быка было торжественным, а жертвоприношение козла напоминало казнь преступника и сопровождалось шутками и смехом. В фигуре Диониса, как можно заключить, соединилось и чистое, и нечистое, безграничность божества уничтожала всякие оппозиции.

IX глава «Смерть и фальшивые носы» посвящена исследованию сосуда в форме мужской головы. Этот сосуд, как и другие произведения Сотада, в высшей степени любопытен: мужское лицо

²² Шауб И.Ю. Амазонки на Боспоре // Скифия и Боспор. Материалы конференции памяти М.И. Ростовцева. Новочеркасск, 1993. С. 79–88.

покрыто черным лаком, затылок оставлен светлым, глаза выполнены вполне реалистично. В общем, есть все основания согласиться с Х. Хоффманом и признать, что мастер здесь изобразил голову человека в маске. Конечно, в научной литературе этот сосуд неоднократно сопоставлялся с этрусским фигурным сосудом, который обычно трактуется как изображение демона смерти²³. Однако бросаются в глаза и некоторые различия – на этрусском сосуде на маске представлен нос с горбинкой, а в произведении Сотата – длинный, но прямой. Х. Хоффман по этому поводу предположил, что мастер таким образом изобразил Харона. Неудивительно, что он в маске, поскольку в архаических обществах маска ассоциировалась со смертью, а человек в маске находится как бы между жизнью и смертью (Paus. VIII. 15. 3). Весьма показательно, что подобная символика очень характерна для дионисийских карнавалов, особенно для уже упоминавшегося праздника Анфестерий.

Греческие карнавалы сопровождались всякого рода преследованиями женщин, насмешками над ними и т.д. Не удивительно, что длинный нос маски, по мнению исследователя, вызывает ассоциации с фаллосом. Вообще же чрезвычайно привлекательной кажется идея автора о том, что афиняне, придавая смерти фаллический образ агрессивного мужского преследователя, проецировали страх смерти, переводили его символическую экспрессию на женщин. В росписи сосуда, конечно, не случайно представлена бегущая, оглядывающаяся назад менада. Менадический транс, столь важный в дионисизме, представляет собой наиболее общую метафору способности души покидать тело.

Представления древних греков о менадическом трансe обстоятельно рассмотрены в X главе «Астрагал». Сосуд Сотата в форме астрагала, хранящийся в Британском музее, конечно, не был предназначен для питья вина. Такие кости (астрагалы), как хорошо известно, использовались в играх и при гаданиях, что очень важно для понимания общей символики сосуда. С другой стороны, сама его форма напоминает холмистый ландшафт или даже облако. На трех сторонах астрагала представлено десять женских фигур, на четвертой – старый мужчина, к которому приближаются три женщины. В научной литературе высказано немало суждений по поводу смысла росписи, но самая удачная из них, на мой взгляд, принадлежит автору рецензируемой монографии.

Женщины на трех сторонах астрагала танцуют или летают, порой используя полы одежды как крылья. Особенно важной в общей композиции следует признать сцену на четвертой стороне. Мужчина изображен здесь стоящим за отверстием в сосуде, которое явно может символизировать пещеру, а мужской образ в таком случае логично понимать как шамана или колдуна. Три женщины идут к нему, взявшись за руки, вероятнее всего, с намерением присоединиться к своим летающим подругам, точнее – принять участие в их мистических полетах. Нетрудно догадаться, что шаман практиковал технику создания особого рода экстаза, что используется некоторыми умельцами во многих частях мира до сих пор. Путешествие души, волшебные полеты и прочие сверхъестественные способности приписывались греческим провидцам: Аристею, Эпимениду, Пифагору и др.²⁴ По Пифагору, смерть есть освобождение души (см. Plat. Gorg. 492), что, конечно, еще не позволяет считать Сотата выразителем пифагорейских идей, но придает его мироощущению своеобразный колорит.

XI глава «Цикада на омфале» посвящена, может быть, самому простому из всех произведений Сотата – фиале, обнаруженной в 1890 г. в одной афинской могиле. Х. Хоффман указывает, что фиала в таком контексте символически представляет металлический прототип и вводит нас в круг ритуальных действий, связанных с обрядом возлияния, через который происходила актуализация образов богов и героев. На омфале фиалы расположена великолепно исполненная терракотовая цикада. Спрашивается, зачем она помещена сюда?

По свидетельству Платона (Symp. 191c) известно, что цикады рассматривались как порождения земли и, подобно Кекропсу, были образом автохтонности. Вполне закономерно изображения цикады появились на афинских монетах рядом с совой²⁵. В этом нашла свое выражение официальная идеология полиса, но только этим символика данного образа не ограничивается. В платоновском «Федре» рассказывается, что до рождения Муз цикады были людьми, которые пришли в изумление от мусического удовольствия и стали петь, пренебрегая отдыхом, едой и питьем. Такие люди, конечно, незаметно для себя умерли, но от них произошли цикады (Phaed. 259b–c), ставшие «провозвестницами Муз» (Phaed. 262d). Гипнотический эффект музыки хорошо выражен Платоном (Symp. 215c), и фигуру нарисованного им музыканта вполне можно сопоставить с шаманом.

²³ См. Монгайт А.Л. Археология Западной Европы. М., 1974. С. 152–153. Фото 2.

²⁴ См. Доддс. Греки и иррациональное. С. 199 сл.

²⁵ Imhoof-Blumer Fr., Keller O. Tier- und Pflanzenbilder auf Münzen und Gemmen des klassischen Altertums. Lpz, 1889. S. 47. Taf. VII, 32.

По мысли Х. Хоффмана, изображение цикады на фиале намекает на транс, впадая в который, человек может соединиться с божеством, следовательно, этот сосуд в погребальном контексте как бы демонстрировал сопричастность умершего к пирующим бессмертным богам и героям.

XII главу книги автор назвал «Aletheia» (греч. – «правда, истина»). В ней рассмотрены три чаши Сотада, найденные в одной могиле вместе с описанной выше фиалой с цикадой. Эти три чаши представляют собой килики с белой обмазкой, поверх которой на дне (в тондо) изображены сцены, очень характерные для древнегреческого понимания жизни после смерти. Общий смысл изображений на первом из них не вызывает никаких сомнений, поскольку имена персонажей здесь написаны. На килике представлен эпизод мифа о сыне Миноса Главке и воскресившем его Полииде (Apolloclod. III. 1–2). Две фигуры находятся внутри странной полусферической конструкции, на которой установлен треножник; под ногами людей – две змеи. Х. Хоффман считает, что Полиид и Главка изображены внутри ульевидной гробницы. Треножник на ней, этот одновременно мистический и хтонический символ, как подчеркивает автор, означает доступ к миру духов, является гарантией триумфального возвращения к жизни или возрождения. Смерть Главка он трактует как символически выраженную инициацию, Полиид же в таком случае открывает иницируемому внутреннее видение. Художник своей композицией как бы хотел сказать, что рождение и смерть не являются феноменом, который в жизни случается лишь однажды. Каждый из нас постоянно умирает и постоянно возрождается, а космос, как говорил Гераклит, есть мерно возгорающийся и мерно угасающий огонь²⁶.

На второй чаше сохранилась приблизительно половина росписи, но изображение здесь реконструируется вполне уверенно – в центре композиции находится фруктовое дерево, вероятно, яблоня с золотыми яблоками. Плоды обрывают две девушки, надпись с именем одной из которых (Мелисса – «пчела», «мед») полностью сохранилась. Конечно, эта сцена легко ассоциируется с библейским сказанием о Еве в райском саду или, если обращаться к греческой мифологии, с садом Гесперид. В общем, можно считать, что изображенные на сосуде девушки собирают плоды в райском саду на краю земли. Х. Хоффман при этом усматривает в рисунке налет эротического обаяния и видит в девушках род райских гейш или гурий. Как известно, золотые яблоки Гесперид добыл Геракл и тем самым приобрел бессмертие, по этой причине в композиции представляется возможным усмотреть иной, глубинный смысл. Яблоки понимаются при этом как символ мистического знания; такое знание (aletheia) уравнивается с воспоминанием или узнаванием собственной вечной личности, которая не имеет ни прошлого, ни будущего, а значит бессмертна. Человек, имеющий такое яблоко в руках в час смерти, умирает с обладанием этой aletheia.

Третий килик сохранился неполностью, ряд важных деталей росписи утерян, но все-таки главное в ней сохранилось. Мы видим здесь огромного змея, вставшего из зарослей камыша, мужчина в меховом колпаке (папахе) замахнулся на него камнем, левее мужчины находится женская фигура, которая сохранилась очень плохо, но, скорее всего, она лежит или, по выражению Х. Хоффмана, находится в позе смертельно раненного. Огромный змей, вероятно, обитал в болоте, которое Гомер поместил на берегу Ахерона (Od. X. 513), т.е. перед входом в царство мертвых. Что касается мужчины, то своим костюмом он схож с Хароном или Гермесом, но, возможно, это просто иностранец. Лучшей аналогией, помогающей трактовать смысл сцены, конечно, является история Орфея и Эвридики (Ovid. Met. X. 1–63), которая вообще представляет собой прекрасную мифологическую парадигму для понимания смерти и возрождения в обряде инициации. Очень может быть, что изображенное на килике действие происходит около входа в царство мертвых, который Овидий назвал «Танарийской щелью» (X. 13).

Росписи всех трех чаш, как видим, объединены идеей обретения человеком бессмертия, каждая при этом выражает определенный аспект данной фундаментальной проблемы. На первой у иницируемого открывается внутреннее видение. На второй золотые «яблоки истины» открывают путь к мистическому знанию. На третьей представлена инициация как спуск в царство мертвых с последующим подъемом из него²⁷.

В XIII главе «Сложная игра» (Deep play) Х. Хоффман рассматривает фрагмент краснофигурного скифоса художника Сотада, хранящийся в одной из швейцарских частных коллекций. Три сатиры изображены здесь рядом с лиственным деревом, что, по замечанию исследователя, указывает на «праздник смерти». Сатиры, между тем, облачены в несвойственные для них гиматии, иными словами, одеты весьма «прилично». Двое из них, подобно детям, сидят на земле и занимаются игрой, связанной с перетягиванием палки, третий наблюдает за ними, опираясь на посох. Иг-

²⁶ Фрагменты ранних греческих философов. Ч. I. М., 1989. С. 217, № 51.

²⁷ Иную трактовку росписей см. Burn L. Honey Pots: White-ground cups by the Sotades Painter // Antike Kunst. 1985. 28. S. 93 ff.

ра, которой увлечены сатиры, была широко распространена в античном мире, особенно среди женщин, будучи, в частности, видом любовного гадания²⁸, но с явным налетом загробной символики²⁹. В общем, описанная сцена выглядит довольно странно: одетые, «как джентльмены», сатиры сидят по-детски на земле и заняты женской игрой. Рассуждая о значении и семантике игры в человеческой жизни, Х. Хоффман в качестве аналогии этой сцене приводит изображение на знаменитой вазе Эксекия, где Ахилл играет с Аяксом³⁰. Конечно же, эта сцена дает представление зрителю не просто об особенностях солдатского времяпрепровождения в мирной обстановке, ее смысл глубже – это игра на божественный шанс, который решает судьбы и героев, и Трои. Эта «deer play», как пишет исследователь, является метафорой риска, выражением героического идеала, в котором все может быть поставлено на карту жизни со смертью.

Художник своими росписями дает нам возможность понять, что мир, который мы воспринимаем, не идентичен, так сказать, финальной реальности, он лишь намекает на нее, будучи принципиально иным. В этом «перевернутом мире» нет ни времени, ни пространства. В греческой народной религии, некоторые детали которой запечатлены вазовыми росписями, таковым предстает мир Диониса, и «перевернутое» поведение сатиров – одно из проявлений этого феномена. Они здесь выступают как антигерои в лишенной времени действительности. Гераклит создал великолепный образ реки³¹, в потоке которой в абсолютном неведении судьбы находится человеческая жизнь. В этой перспективе игра сатиров не просто метафорична, она в полной мере подобна игре ребенка, самодостаточной сама по себе, она является символом глубочайшей мистерии жизни и ответом на вызов этой мистерии.

В ЗаклЮчении Х. Хоффман еще раз рассуждает о специфичности греческих расписных ваз, предназначенных для приношений в храмы и для использования в погребальных ритуалах. Не лишено смысла его предположение, что сходным образом могут быть трактованы вазы с немифологическими сюжетами росписей (бытовыми или даже эротическими), поскольку мы, конечно, не можем знать наверняка, что и каким образом в древности считалось религиозным, а что таковым не считалось. Исследователь напоминает, что в индийском и японском искусстве эротические сцены имели прямое отношение к сфере религии.

Вместе с тем, в многочисленном ряду греческих вазовых мастеров лишь Сотад продемонстрировал своим творчеством столь необычную духовность. Вполне вероятно, что создатель этих сосудов был знаком с содержанием дионисийских мистерий не понаслышке, а из собственного опыта. Используя свое недюжинное мастерство, Сотад дал выражение мистическому видению во всех охарактеризованных выше произведениях.

Очень надеюсь, что исследование Х. Хоффмана, несмотря на крайность многих суждений, порой доведенных почти до абсурда, найдет своего вдумчивого читателя. Его «антропологический» подход к изучению вазовых росписей при отличном знании конкретного материала и письменной традиции может стать очень полезным для российских специалистов, занимающихся сходной проблематикой.

Ю.А. Виноградов

²⁸ В такую игру, к примеру, играют Эроты. См. *Greifenhagen A. Griechische Erosen*. В., 1957. С. 51 ff.

²⁹ Изображение игры на надгробии см. *Blümmel C. Die klassisch-griechischen Skulpturen*. В., 1966. С. 56–57, 65 (К 102). Abb. 98.

³⁰ См., к примеру, *Блаватский В.Д. История античной расписной керамики*. М., 1953. С. 136.

³¹ Фрагменты ранних греческих философов. С. 209, № 40.

© 2006 г.

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ШЕСТЫЕ БОСПОРСКИЕ ЧТЕНИЯ» (г. Керчь, 20–24 мая 2005 г.)

Традиционно в конце мая в г. Керчи (Крым, Украина) проходят ежегодные международные археологические конференции «Боспорские чтения». «Шестые Боспорские чтения» состоялись 20–24 мая 2005 г. Тема конференции – «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизаций, катастроф». Как всегда, этот научный форум был организован Крымским отделением Института востоковедения НАН Украины (руководитель А.И. Айбабин) и Керченским Центром археологических исследований Фонда «Деметра» (директор В.Н. Зинько) при участии Керченского государственного историко-культурного заповедника и Фонда «Киммерида» (г. Москва). В работе конференции приняли участие более 70 специалистов, которые представляли академические центры, музеи, высшие учебные заведения Симферополя, Керчи, Севастополя, Донецка, Киева, Одессы, Москвы, Санкт-Петербурга, Темрюка, Тулы, Нижнего Новгорода, Ростова-на-Дону, а также ученые из Польши, Франции и США. Самой представительной были делегации Института археологии НАН Украины во главе с чл.-корр. НАНУ С.Д. Крыжицким и Г.Ю. Ивакиным, а также Крымского отделения Института востоковедения НАНУ. Среди гостей конференции особо следует отметить Т.В. Блаватскую, которая после сорокалетнего перерыва вновь побывала на Боспоре.

На первом пленарном заседании под председательством С.Д. Крыжицкого были рассмотрены доклады по ранней истории Боспора. *Е.А. Молев* (Нижний Новгород) в докладе «Греко-скифский конфликт в конце VI – начале V в. до н.э. и процесс формирования государственной системы Боспора» проанализировал основные гипотезы по этой проблеме и отметил, что основные разногласия связаны с признанием или отрицанием степени воздействия внутренних и внешних факторов на складывание боспорского государства. В настоящее время преобладает точка зрения о преимущественном воздействии внешних факторов. Оставаясь сторонником концепции о преобладании внутренних закономерностей развития греческих полисов на Боспоре в процессе формирования государственности, автор доклада отметил, что концепция приоритета скифского влияния на характер образования Боспорского государства в целом построена на явной недооценке способности к самостоятельному развитию эллинского этноса. Анализу современного состояния археологических источников по этой же проблеме был посвящен доклад *А.А. Завойкина* (Москва) «Кризис первой половины V в. до н.э. на Боспоре (состояние проблемы двадцать лет спустя)». Вновь рассмотрев данные археологии, на которых в свое время В.П. Толстиков охарактеризовал процесс образования Боспорского государства, докладчик пришел к выводу, что уточненная картина получается «бледнее» исходной. В то же время новые открытия позволяют расширить хронологические рамки «конфликтной ситуации» до третьей четверти V в. до н.э. Кризисные ситуации всегда создавали питательную среду для становления тирании, которая сыграла роль «зародыша» территориального государства на Боспоре. Вопросы адаптации греческих колонистов к местным условиям северного побережья Понта рассмотрел *А.В. Одрин* (Киев) в докладе «Некоторые вопросы экологической адаптации хозяйства греческих колонистов к условиям Северного Причерноморья». Он считает, что вследствие коренных отличий природных условий Северного Причерноморья от привычных для греков средиземноморских возникли большие сложности для ведения хозяйства, которые можно было преодолеть, лишь коренным образом его перестроив. Затем был заслушан доклад *Н.И. Сударева* (Москва) «К вопросу об этнической принадлежности погребений с оружием из боспорских некрополей VI–III вв. до н.э.». Одним из основных вопросов, рассматривающихся в связи с погребениями с оружием, является вопрос их этнической принадлежности. Проанализировав около двухсот погребений, Н.И. Сударев сделал вывод, что вопрос об этнической принадлежности погребений с оружием в некрополях Боспора в настоящее время не может

рассматриваться отдельно от этнической сущности самих некрополей, и если некрополи греческие, то и погребения с оружием в целом относятся к эллинским.

М.Ю. Вахтина (Санкт-Петербург) прочитала доклад на тему «Античный Порфмий: основные этапы существования». На функционировании этого поселения сказались все моменты нарушения стабильности в районе традиционных переправ через Боспор Киммерийский, что и было продемонстрировано докладчиком на материалах собственных археологических исследований. В докладе «Следы разрушений и пожаров в Мирмекии IV в. до н.э.: время ли Клеофона?» *Д.Е. Чистов* (Санкт-Петербург) продолжил дискуссию, начатую в связи с докладом А.А. Завойкина еще на пятых Боспорских чтениях. Рассмотрев мирмекийские комплексы IV в. до н.э., он пришел к выводу, что на сегодняшний день не представляется возможным достоверно выстроить хотя бы относительную хронологию этих явлений, а следовательно, установить их связь с реальными историческими событиями. Состояние изученности памятников полисной хоры европейской части Боспора позволило *В.Н. Зинько* (Керчь) в докладе «Кризис хоры городов западного побережья Боспора Киммерийского в последней трети IV в. до н.э.» детально проанализировать события этого периода и различные последствия, которые имели место на хоре Нимфея и Пантикапея в последней четверти IV – начале III в. до н.э. *Е.В. Власова* (Санкт-Петербург) в докладе «Куль-Оба. О характере погребения» рассмотрела этот курган как фамильную усыпальницу, захоронения в которой совершались последовательно одно за другим на протяжении определенного отрезка времени. В докладе *Л.Г. Шенко* (Донецк) «Северное Приазовье и проблема кризиса III в. до н.э.» констатировалось отсутствие жесткого детерминирования изменений в греческих полисах Северного Причерноморья и конца Степной Скифии с продвижением на запад сарматских племен.

В завершение утреннего заседания разгорелась острая дискуссия по вопросам возникновения и становления Боспорского государства, а также периодов дестабилизации в IV в. до н.э., в ходе которой докладчики и их оппоненты отстаивали свои взгляды. С чем были согласны, пожалуй, все – это то, что предметный комплексный анализ всех видов источников дал возможность более предметно рассматривать те или иные события боспорской истории.

Дневное заседание открылось докладом *С.Д. Крыжицкого* (Киев) «К теории реконструкции планировки античных жилых домов Северного Причерноморья», в котором была изложена методика обоснования реконструкции планировки жилого дома, выработавшаяся в ходе исследования ольвийских жилых кварталов эллинистического времени. В заключение автор особо подчеркнул, что архитектурная реконструкция по сути ничем принципиально не отличается от любых иных исторических и историко-культурных построений. Степень же достоверности предлагаемых решений во всех случаях зависит от надежности аргументации.

Подробный анализ застройки северной части Нижнего города Ольвии был дан *Н.А. Лейнунской* (Киев) в докладе «Функциональные различия домов в жилых кварталах Нижнего города Ольвии». Среди открытых не менее 15 домов с замкнутой планировкой выделяются два неординарных дома. Судя по планировке хозяева одного из них имели отношение к исполнению каких-то культов, а второе здание имело торговое назначение. В докладе *Н.А. Гаврилюк* и *В.В. Кратвиной* (Киев) «Нижнеднепровские городища (к проблеме возникновения и развития)» на основании обобщения новых и ранее известных материалов был сделан вывод о создании своеобразного локального варианта культуры с превалированием греческой в одной из контактных зон. Поэтому указанную группу археологических памятников предлагается называть не позднескифскими, а постскифскими городищами Нижнего Днепра.

Затем был заслушан доклад *Т.Н. Смекаловой, С.Л. Смекалова, И.И. Попова* (Санкт-Петербург) «Попытка реконструкции системы клеров городов Европейского Боспора по данным аэрофотосъемки, картографии и наземных разведок». Исходя из постулата, что системы размежевания земель в той или иной степени должны отразиться в существующих реалиях, авторы основное внимание уделили в этом вопросе аэрофотосъемке. По ней реконструируются на больших площадях одинаковые участки, принадлежащие разным боспорским городам. Все это, по заключению докладчиков, свидетельствует об уравнивании городов в правах их граждан на землю, которые провел в жизнь боспорский правитель Левкон I. В развернувшейся оживленной дискуссии особо отмечалась необходимость взвешенных решений при интерпретации археологических материалов.

На постерной сессии были вначале рассмотрены, а затем обсуждены стендовые доклады: *В.М. Зубаря* (Киев) «Об интерпретации антропоморфных надгробий Херсонеса»; *А.В. Куликова, О.А. Ивановой* (Керчь) «К вопросу об изменениях в технике монетной чеканки Боспора в эпоху денежного кризиса III в. до н.э.»; *О.Н. Мельникова* (Николаев) «Кизикин в монетных системах Боспора и Афин IV в. до н.э.»; *Т.Н. Смекаловой* (Санкт-Петербург) «Международная торговля

зерном и появление первых монет на Боспоре»; *Н.И. Сударева* (Москва) и *А.Н. Шамрай* (Темрюк) «Результаты археологических разведок под водой у поселения «Береговой-4» на Таманском полуострове (2002–2004 гг.)»; *В.П. Толстикова, Д.В. Журавлева* (Москва) «К вопросу об организации западного рубежа акрополя Пантикапея» и *Г.А. Ломтадзе, К.Б. Фирсова* (Москва) «Комплекс раннескифского времени из раскопок С.А. Мазараки».

На следующий день участники конференции знакомились с археологическими памятниками города Керчи, а также с археологическим музеем и лапидарием. В апреле 2005 г. Фонд «Деметра» завершил четырехлетнюю программу по реконструкции и оснащению трех зданий Керченского историко-археологического музея. Эти работы были полностью профинансированы Фондом, привлечшим около 4 млн. гривен благотворительных средств. Перед началом конференции была открыта Золотая кладовая музея, где работающие на Боспоре археологи смогли увидеть целый ряд своих находок. Однако не все участники конференции смогли в экскурсионный день полностью отвлечься от докладов. Начальники боспорских экспедиций, получающие гранты от Фонда «Деметры» (Керчь) и Фонда «Киммериды» (Москва), в новом здании Центра археологических исследований Фонда «Деметры» провели семинар, на котором были заслушаны сообщения о результатах прошедшего полевого сезона и задачах нового.

Утреннее пленарное заседание последнего дня конференции открылось докладом *К. Пиле* (Франция) «Etrangers, datation archéologique, durée culturelle», посвященным передвижению варваров в IV–VI вв. н.э. в одном из регионов Западной Европы. В докладе *Н.И. Винокурова* (Москва) «Гибель ранней “цитадели” городища Артезиан» были представлены археологические комплексы, связанные с военной катастрофой середины I в. н.э. на этом городище.

Представленные затем доклады касались позднеантичной истории Боспора. Так, *Н.В. Завойкина* (Москва) в докладе «Об одном последствии готского разрушения в середине III в.» проанализировала, какие «новые» варварские имена жителей Танаиса и Горгиппии перекочевали в ономастикон Пантикапея второй половины III в. н.э. Полученные результаты, по ее мнению, свидетельствуют об усилении миксации боспорской элиты в Пантикапее после готских разгромов. О событиях III в. н.э. шла речь и в докладе *А.М. Бутягина* (Санкт-Петербург) «Последние жители античного Мирмекия (усадьба III в. н.э. на Карантинном мысу)».

В докладе «К вопросу о периодах дестабилизации на Боспоре во второй половине III–V в. н.э.» *В.Г. Зубарева* (Тула) на основе детального анализа достаточно уверенно выделил два периода дестабилизации в истории Боспора. Первый, начавшийся с 50-х годов III в., завершается к 80-м годам этого же столетия, а второй связан с очередным движением варварских племен Меотиды, начало которому положили события 322–323 гг. На рубеже IV–V вв. н.э. к этому добавился гуннский фактор, приведший к существенному сокращению территории Боспора. Судьба германских племен, пришедших в Причерноморье, рассматривалась в докладе *М.Е. Левады* (Киев) «“Неготские” элементы в восточногерманских древностях позднего римского времени северопричерноморской зоны». Доклад *С.А. Шестакова* (Керчь) «Финал эволюции боспорского надгробного рельефа» был посвящен рассмотрению причин исчезновения надгробного рельефа. Среди основных докладчик называет изменение этнического состава, а также развитие христианства.

На последовавшей затем пленарной сессии были рассмотрены и обсуждены стендовые доклады: *И.Н. Храпунова, С.А. Мульда* (Симферополь) «Первые итоги исследования могильника Опушки»; *А.В. Зинько* (Керчь) «Кризис рыболовного промысла в боспорском городе Тиритака во второй половине III в. н.э.»; *Ю.В. Горлова, А.В. Поротова, Е.В. Столяровой* (Москва) «Формирование системы обороны европейского Киммерика в контексте палеогеографического развития побережья Керченского полуострова в позднем голоцене»; *Д.А. Костромичева* (Севастополь) «Детали римских поясов из Херсонеса»; *А.А. Васильева* (Одесса) «О некоторых особенностях хронологии предметов вооружения германцев в Северном Причерноморье (этапы B2 и C1)»; *Е.А. Зинько* (Керчь) «Новые исследования Пантикапейского некрополя»; *Д.В. Бейлина* (Керчь) «Могильники римского времени в районе с. Октябрьское и с. Михайловка»; *Т.А. Матковской* (Керчь) «Утилитарные предметы на рельефах европейского Боспора (по материалам Керченского лапидария)»; *В.П. Власова* (Симферополь); *В.Ю. Радочина* (Симферополь) «Сравнительная характеристика антропологического материала из склепов и грунтовых могил (раскопки на некрополе Эски-Кермен, 2003 г.)».

Дневное заседание было посвящено наиболее поздним проблемам тематики конференции. Так, в докладе «Анты в Северо-Восточном Причерноморье: миф или историческая реальность?» *О.Б. Бубенок* (Киев) рассматривал различные версии появления сюжетов об антах на Боспоре и Кавказе. *В.А. Христановский* (Санкт-Петербург) в докладе «Некрополь без акрополя (некрополь Илурата в IV–XIII вв.)» представил погребально-поминальные сооружения, которые после гибели крепости продолжали вторично использоваться носителями самых разнообразных культурных

традиций на протяжении почти тысячи лет. В докладе *Н.А. Алексеевко* (Севастополь) «Боспор в сфере интересов византийской администрации Таврики во второй половине X в.» на основе находок византийских моливдовулов был четко очерчен круг интересов Византии в Таврике. И, судя по всему, с последней четверти IX в. Боспор вновь полностью принадлежит Византии. Новые открытия древнерусских древностей были освещены в докладе *Г.Ю. Ивакина* (Киев) «Клад 1997 г. из Михайловского Златоверхого монастыря».

На последней постерной сессии были представлены стендовые доклады *В.Н. Холодкова*, *О.А. Иваниной*, *Л.Ю. Пономарева* «Раннесредневековый могильник в с. Ново-Николаевка», *В.А. Сидоренко* (Симферополь) «Новые находки византийских монет в Керчи и окрестностях»; *М.А. Никифорова* (Симферополь) «Константин Багрянородный и вопрос о Херсонских привилегиях в IX–X веках»; *В.Е. Науменко* (Симферополь) «К вопросу о титулах “топарх” и “Кир” в истории Таврики конца VIII – начала IX вв.»; *Н.В. Жилиной* (Москва) «Зернь и филлигрань у славян в VIII–IX вв. (заимствования и самостоятельность)»; *И.В. Ачкинази* (Симферополь) «От кризиса к этноконфессиональной консолидации иудеев Кафы в начале XVI в.»; *О.С. Мавриной* (Киев) «Генуэзско-татарские отношения начала XV века (к историографии вопроса)», *Ю.Л. Белик* (Керчь) «Элементы итальянской системы укреплений в профиле крепости Ени-Кале».

В заключительной дискуссии были обсуждены основные итоги шестых Боспорских чтений и тематика дальнейших археологических конференций на Боспоре. К началу конференции были изданы очередные 8-й и 9-й тома «Боспорских исследований», а также сборник научных материалов Международной археологической конференции «Шестые Боспорские чтения» – «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизаций, катастроф» (ред.-сост. В.Н. Зинько. Керчь, 2005. 383 с.).

В.Н. Зинько

© 2006 г.

СЕДЬМЫЕ ЖЕБЕЛЁВСКИЕ ЧТЕНИЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (26–28 октября 2005 г.)

26–28 октября 2005 г. на историческом факультете Санкт-Петербургского государственного университета состоялись седьмые Жебелёвские чтения, которые были организованы кафедрой истории древней Греции и Рима и Центром антиковедения СПбГУ. В этом году ставшие уже традиционными Чтения были посвящены 150-летию со дня рождения выдающегося отечественного антиковеда Василия Васильевича Латышева. На конференции, в которой приняли участие антиковеды Петербурга, Москвы, Астрахани, Великого Новгорода, Вологды, Гатчины, Ижевска, Казани, Нижнего Новгорода, Перми, Самары, Сыктывкара, Твери, Тобольска, Уфы, было прослушано и обсуждено 59 докладов.

Конференцию открыл декан исторического факультета профессор *А.Ю. Дворниченко*. В своем вступительном слове он подчеркнул особое место науки об античности в структуре современного исторического знания и высоко оценил проводимые на факультете Жебелёвские чтения. Затем с докладом, посвященном жизни и деятельности В.В. Латышева, выступил заведующий кафедрой истории древней Греции и Рима СПбГУ профессор *Э.Д. Фролов*. Кратко остановившись на главных вехах жизненного пути В.В. Латышева (1855–1921), он затем обстоятельно охарактеризовал его многогранную деятельность как ученого, внесшего неопределимый вклад в развитие северопричерноморской эпиграфики, как педагога и ревнителя классического образования, наконец, как видного администратора. По мнению Э.Д. Фролова, деятельность В.В. Латышева по своим масштабам и значению для русской науки об античности несколько не уступает деятельности его младших современников – С.А. Жебелева и М.И. Ростовцева, чье выдвижение впоследствии на первый план было обусловлено не только научными, но и политическими факторами. Особо подчеркнул докладчик драматический финал жизни Латышева, ставшего после Октябрьской революции свидетелем разрушения дорогих его сердцу традиций и институтов классического образования и не пережившего их гибели.

Первое пленарное заседание 26 октября 2005 г. (председатель – Э.Д. Фролов) было посвящено общим проблемам античной истории. Из прочитанных пяти докладов четыре были посвящены греческой тематике. *В.В. Шувалов* (Гатчина) в докладе «Афины и колонизация (к проблеме неучастия Афин в общем колонизационном движении)» отметил, что основную причину неучастия

Афин в Великой греческой колонизации следует искать в их незаинтересованности в основании заморских колоний. В архаических Афинах, по мнению автора, в своей основе сохранилось прежнее ахейское население, которое отличала многовековая привязанность к родной земле, в силу чего для афинян было нелегко решиться порвать с отечеством навсегда. Впрочем, как подчеркнул В.В. Шувалов, определенное значение имели наличие относительно богатого земельного фонда и вовлеченность населения в процесс объединения Аттики как раз тогда, когда колонизация Средиземноморья шла полным ходом.

Доклад Э.В. Рунга (Казань) «Эллинская клятва перед битвой при Платеях (проблема интерпретации текста)» был посвящен рассмотрению древних свидетельств относительно клятвы, принесенной эллинами перед битвой с персами при Платеях в 479 г. до н.э. В докладе были сопоставлены три версии клятвы – у афинского оратора Ликурга, у Диодора Сицилийского и афинская версия на стеле из дема Ахарны, а также выявлены противоречия в этих трех версиях. Автор доклада приводит аргументы в пользу подлинности последнего документа, каковая ставилась под сомнение в науке нового времени. В докладе сравнивается содержание клятвы с другими свидетельствами из истории Греко-персидских войн. Это сравнение позволяет заключить, что клятва играла заметную роль в осознании греками целей войны с Персией и в формировании в греческой идеологии концепции противостояния с Персией.

В.М. Строгоцкий (Нижний Новгород) в докладе «Роль народного собрания в коммуникативных отношениях в классическом полисе» отметил, что полномочия собрания даже в демократическом афинском полисе ограничивались пританами, решавшими, сообщать ли информацию народному собранию в полном или частичном виде или совершенно скрыть ее от граждан. Тем не менее, литературная традиция свидетельствует о том, что граждане, либо по своей инициативе, либо побуждаемые политиками, осуществляли неофициальное обсуждение некоторых тем еще до созыва собрания. По мнению автора, народное собрание в демократическом полисе, помимо всего прочего, выполняло своеобразную общественную функцию, посредством которой у граждан формировалось осознанное отношение к делам государственной важности. Они использовали известную им информацию, чтобы составить собственное мнение и затем активно участвовать в процессе официального обсуждения и принятия решений на народном собрании.

В докладе В.В. Антонова (Нижний Новгород) «Были ли заинтересованы в возрождении Афинской империи полисы Эгеиды?» на основе анализа преимущественно археологических и эпиграфических источников были рассмотрены некоторые аспекты торговых взаимоотношений полисов Эгеиды с районом Северного Причерноморья. Автор пришел к выводу, что необходимость поддержания и развития товарооборота должна была способствовать развитию проафинских тенденций во внешней политике этих полисов, так как только сильные Афины могли обеспечить безопасную торговлю с Северным Причерноморьем.

Заключил пленарное заседание доклад Ю.Б. Циркина (Санкт-Петербург–Великий Новгород) «Историк Финикии Клавдий Иолай». Автор попытался реконструировать жизнь и труд одного из малоизвестных греко-римских историков, писавших о Финикии, – Клавдия Иолая (I–II вв.). Анализ сохранившихся фрагментов его произведения, состоявшего не менее чем из трех книг, показывает, что свое изложение писатель начинал с мифологического материала, а затем переходил к историческому. В этом произведении содержались также сведения (как мифологического, так и исторического характера) и о соседях Финикии, так или иначе связанных с ней. Клавдий Иолай не пользовался особой популярностью, о нем вспомнили только в византийские времена, что привело к потере значительного материала по истории Финикии.

Во второй половине дня работали секционные заседания. На секции, посвященной проблемам истории древней Греции (председатель – В.М. Строгоцкий), было представлено пять докладов, касающихся различных, подчас очень специальных тем греческой архаики. Такой именно характер носили доклады: М.Н. Химица (Санкт-Петербург) – «Миф о гибели Троиля (к вопросу об инициации героя)», М.Ю. Лантевой (Тобольск) – «Мелийская война в истории Гомеровской Ионии», П.В. Ковалева (Москва) – «К проблеме конфликта Митилены и Эрифр в эпоху поздней архаики», А.В. Леонтьева (Санкт-Петербург) – «К истории греческой колонизации VIII–VI вв. до н.э. (ахейские колонии Южной Италии)». Обстоятельный доклад «Пилейско-дельфийская амфикистия в V в. до н.э.» представила О.В. Кулишова (Санкт-Петербург). Особое внимание автор обратила на свидетельства важнейшего источника по истории Греции архаического и раннеклассического периода – «Истории» Геродота. По мнению автора, сведения, сохранившиеся у Геродота, несмотря на то что он специально не делает экскурсов в историю Пилейско-дельфийской амфикистии, создают весьма внушительную и объемную картину деятельности союза амфикистиев и той важной роли, которую он играл в религиозно-политической жизни Греции в классическую эпоху. Кроме того, по мнению О.В. Кулишовой, данные Геродота свидетельствуют о том, что важнейшие черты более ранней истории Амфикистии нашли вполне отчетливое отражение в традиции V в. до н.э. и вовсе не были позднейшим изобретением, отражающим панэллинские идеи несколь-

ких интеллектуалов, или мифом, который становится известным во II-I вв. до н.э., а законченную форму приобретает в эпоху Империи.

В этот же день на заседании секции по истории эллинизма (председатель – Г.С. Самохина) были прослушаны и обсуждены шесть докладов. Первые три касались отдельных эпизодов политической истории эллинизма. *М.М. Холод* (Санкт-Петербург) в докладе «Об одном финансовом назначении Александра Великого» остановился на разборе свидетельства Арриана о финансовых преобразованиях в державе Александра в 331 г. до н.э., а именно – о назначении некоего Филоксена для сбора налогов в Малой Азии. Критически рассмотрев различные точки зрения современных исследователей на те функции, которые должен был осуществлять Филоксен в Малой Азии, докладчик пришел к выводу, что в круг обязанностей македонского чиновника входил тогда как сбор налога (синтаксиса) с греческих полисов побережья, так и сбор подати (фороса) с малоазийских сатрапий, располагавшихся в пределах так называемой «Азии по эту сторону Тавра». *Ю.Н. Кузьмин* (Самара) в докладе «Политический статус Кратера, брата Антигона Гоната» показал, что Кратер, вероятно, был стратегом, под контролем которого находился гарнизон Антигонидов в Коринфе. По мнению автора, устоявшаяся в историографии точка зрения о том, что Кратер контролировал также Пирей и некоторые эвбейские города, не имеет убедительных документальных оснований. *Н.Ю. Сивкина* (Нижний Новгород) в докладе «Путч Хилона в Спарте в 218 г. до н.э.» подчеркнула, что Хилон, организовавший государственный переворот, не нашел поддержки у основной массы населения, так как не провел никаких социальных реформ и не организовал военных операций против Эллинской лиги. Автор пришел к выводу, что нет оснований считать Хилона промакедонским или проахейским ставленником, он надеялся устранить царя Ликурга и продолжить его политику, однако бегство спартанского царя разрушило его планы.

Еще два доклада были посвящены специально политике малоазийских властителей. В докладе *А.С. Балахванцева* (Москва) «Династии Митридатидов и Ариаратидов в свете новых исторических данных» рассматривались два сюжета, связанные с дочерью Антиоха II. В первом из них автор, основываясь на данных астрономических дневников из Вавилона, пришел к выводу, что настоящая имя селевкидской принцессы, вышедшей замуж за Митридата II, – не Лаодика (как считали прежде), а Апама. Во втором сюжете А.С. Балахванцев, анализируя вопрос о времени и обстоятельствах принятия правителями Каппадокии царского титула, выступает против распространенного мнения, что это явилось результатом женитьбы Ариарата III на селевкидской принцессе Стратонике. По мнению автора, в действительности принятию Ариаратом царского титула, очевидно, предшествовал захват им Катаонии, что, в свою очередь, доказывает верность Ариарата общеранской и эллинистической традициям, согласно которым царем мог стать только победоносный полководец. Доклад *О.Л. Габелко* (Казань) «Историческая интерпретация некоторых надгробных стел из эллинистической Малой Азии» был посвящен анализу двух стел с изображением батальных сцен, обнаруженных на территории древнегреческих полисов Киоса и Мирлеи. Автор пришел к выводу, что они отражают конкретное историческое событие – борьбу граждан этих городов с галатами, состоявшими, вероятно, на службе у вифинского царя Пруссия I в последние годы III в. до н.э., несколько ранее захвата Киоса и Мирлеи Филиппом V Македонским и Пруссией в 202 г. до н.э.

Заседание завершилось докладом *А.К. Нефедкина* (Санкт-Петербург) «Конница эллинистических Афин». Докладчик показал, что в период эллинизма небольшая армия Афин базировалась на отрядах отборных воинов-эпилектов и всадников и значительном количестве наемников. С середины II в. до н.э., судя по эпиграфическим данным, наступает новый этап развития конницы Афин, связанный с использованием верховых дротикометателей-тарентинцев. В период эллинизма, для которого характерен синкретизм культур, в военном деле Афин встречается как западное (тарентинцы), так и восточное влияние (наемники-катафракты в начале I в. до н.э.).

26 октября начала работу и секция по истории Рима, на первом заседании которой было представлено шесть докладов по различным проблемам раннего и классического республиканского времени (председатель – К.В. Вержбицкий). Первым был прослушан доклад *А.Н. Греиных* (Москва) «Ранняя римская религия». Доклад *Д.А. Киришова* (Санкт-Петербург) «Трактаты Сиккула Флакка и аграрная история архаического Рима» был посвящен проблемам развития землевладения в древнейшую эпоху римской истории на основании отрывочных данных, содержащихся в произведениях агримензора Сиккула Флакка (II в. н.э.). Автор затронул вопросы, касающиеся родового землевладения, двухюгерового надела и системы межевания в ранних римских колониях, еще не столь развитой, как в позднейшее время, но уже имевшей четко очерченные цели и методы. В заключение автор подчеркнул исключительную важность трактатов Сиккула Флакка для изучения обозначенного круга проблем. В докладе *Л.П. Кучеренко* (Сыктывкар) «Военная карьера Аппия Клавдия Цека» была сделана попытка преодолеть чрезмерно скептическое отношение к полководческим талантам Аппия Клавдия, утвердившееся под влиянием римского историка Тита Ливия. Анализ военной деятельности Аппия Клавдия позволил автору сделать вывод о том,

что его командование в военных кампаниях было небезуспешным. Изначально Аппия Клавдия отличалось видение взаимосвязи между военными неудачами римлян во второй половине IV в. до н.э. и недостатками римского государственного устройства, что вылилось в ряд принципиальных нововведений в период его цензорства. На этом же заседании секции по истории Рима были заслушаны доклады *В.А. Квашина* (Вологда) «Катон Старший и греческая медицина», *В.В. Семенова* (Санкт-Петербург) – «Тит Веттий и его рабы (к вопросу о характере движения)» и *Н.В. Бугаева* (Москва) – «Античная традиция о попытке освобождения сторонников Катилины».

Во второй день конференции утром продолжила свою работу секция по истории древней Греции (председатель – Э.В. Рунг). На заседании было представлено шесть докладов, посвященных, как и выступления на пленарном заседании, различным аспектам ранней греческой истории. С первым докладом на тему «Фесмофеты и раннее афинское законодательство» выступила *Л.А. Пальцева* (Санкт-Петербург). Ее главный вывод сводится к тому, что создание комиссии фесмофетов около середины VII в. до н.э. было связано, прежде всего, с записью норм обычного права как правовой основы судопроизводства. Вместе с тем автор отметил, что записанные фесмофетами *thesmia* наряду с древними установлениями включали и новые, продиктованные жизненной необходимостью нормативные акты, приближающиеся к законам. Деятельность фесмофетов, по мнению Л.А. Пальцевой, можно рассматривать как первый, подготовительный этап кодификации права в Афинах, в то время как законодательство Драконта представляло собой уже более зрелую стадию этого процесса. *В.Р. Гушин* (Пермь) в докладе «Закон об остракизме и первые остракофории в Афинах» попытался выявить причины, которые вызвали отсрочку применения закона об остракизме после его первоначального принятия при Клисфене. По его мнению, решающая роль в начале остракофорий принадлежала не какому-либо известному афинскому политику, но инициативе самого демоса, действовавшего, впрочем, по побуждению каких-то не известных нам политических лидеров. Доклад *С.М. Жестоканова* (Санкт-Петербург) «Основание Сиракуз» был посвящен одному из важнейших предприятий коринфской колонизации в районе Западного Средиземноморья. В докладе разбираются различные аспекты коринфского предания об основании Сиракуз, а также сведения о первых сиракузских правителях.

Три доклада на этом заседании специально касались сюжетов спартанской истории. *И.В. Макаров* (Санкт-Петербург) в докладе «Спартанские парфении» шла речь о различных версиях происхождения социальной группы парфениев в Спарте, автор попытался определить их положение в социальной структуре Спартанского полиса. В докладе *М.Э. Курилова* (Астрахань) «Обычные и полномочные посольства в спартанской дипломатической практике VI–IV вв. до н.э.» рассматривалась греческая дипломатическая терминология, особенности употребления греческими авторами терминов *ἑγγελοι*, *πρέσβεις* и пр., а также порядок формирования и подотчетности посольств полисным институтам власти в Спарте. Особое внимание автор уделил различиям в функциях обычных и полномочных посольств. *Л.Г. Печатнова* (Санкт-Петербург) в докладе «Предание о гибели Клеомена I (предание и миф)» проанализировала древнее предание о гибели спартанского царя и современные версии этого события. Автору представляется вопреки сообщению Геродота о самоубийстве Клеомена как результате его безумия, что это было политическое убийство. Сам факт беспрецедентной в спартанской истории расправы над царем, по мнению Л.Г. Печатновой, свидетельствует о возросшей силе эфорта, который с гибелью Клеомена действительно превратился в высший исполнительный орган страны.

На утреннем заседании 27 октября была продолжена и работа секции по истории Рима (председатель – А.Б. Егоров). Заседание, на котором было заслушано шесть докладов, было посвящено периоду поздней Республики – ранней Империи (I в. до н.э. – II в. н.э.). Заседание началось с доклада *А.В. Громоной* (Москва) «Иоанн Малала о восточной политике Траяна», в котором рассматривалось предание о восточном походе императора Траяна (114–117 гг.) в том виде, как оно отражено во второй книге хроники византийского писателя Иоанна Малалы. Автор делает попытку обнаружить источники Малалы, полагая, что одним из них могла быть «Парфика» Арриана. Наряду с несомненно добротной информацией некоторые эпизоды, рассказанные автором хроники (например, история появления персов в Антиохии и их избиение римскими войсками), явно носят вымышленный характер или относятся к каким-либо другим историческим событиям (возможно, к войнам Валериана, Одената, Констанция II или Юстиниана), что, по мнению автора доклада, было одной из особенностей рецепции античной традиции византийскими писателями.

Ряд докладов был посвящен биографиям знаменитых женщин времени конца Республики – начала Империи и оценкам их реальной роли в римской политике. В докладе *М.В. Белкина* (Санкт-Петербург) «Язык Цицерона и шпильки Фульвии» была сделана попытка проанализировать взаимоотношения Цицерона и Фульвии, жены двух его заклятых врагов – Публия Клодия и Марка Антония. Автор показал, что в своих речах и письмах Цицерон, отмечая главные пороки Фульвии – жадность и жестокость, никогда не допускал в высказываниях по отношению к ней тех грубостей и непристойностей, которые адресовал ее мужьям. После убийства Цицерона, по сообще-

нию Диона Кассия, Фульвия не просто наслаждалась видом отрубленной головы оратора, но «вытащила язык и пронзила его шпильками», отомстив Цицерону не столько за себя, сколько за своих мужей. Доклад *И.П. Портнягиной* (Тверь) «Октавия, сестра Октавиана – идеальная матрона в эпоху эмансипации» был посвящен другой примечательной женщине эпохи конца Гражданских войн. Если Фульвия, как правило, получала весьма нежелательные характеристики в исторической традиции, то Октавия, напротив, считалась образцом красоты и добродетели, идеальной женой и матерью, стремящейся поддерживать мир между мужем и братом. Вместе с тем *И.П. Портнягина* подвергает идеализированный образ Октавии известному сомнению, полагая, что страдающая, преданная мужу сестра Октавиана была прекрасным орудием для дискредитации Антония и, вероятно, сознательно участвовала в сложной политической игре своего брата. Центральным персонажем доклада *К.В. Вержбицкого* (Санкт-Петербург) «Агриппина Старшая: женщина в политической жизни императорского Рима» явилась одна из самых ярких представительниц династии Юлиев-Клавдиев. Агриппина Старшая, внучка Августа и дочь Агриппы и Юлии Старшей, ставшая женой Германика, была несомненным воплощением материнства и супружества, верной жены и многодетной матери. Вместе с тем она унаследовала страстность своей матери, направив ее на борьбу за власть и влияние. Именно она, а не Германик, была подлинным центром оппозиции Тиберию. В качестве общего вывода докладчик отметил двойную роль женщин императорского дома: сохраняя чисто династические функции связующего звена, они начинают играть и самостоятельную политическую роль.

Последние два доклада на заседании этой секции касались правовых реалий времени Империи. Доклад *С.Г. Сердюковой* (Санкт-Петербург) «Реализация квазидинастического принципа при Антонинах» был посвящен сложным вопросам наследования власти у императоров династии Антонинов. *С.Г. Сердюкова* отметила, что многочисленные субъективные факторы обусловили отсутствие прямых династических связей между этими императорами и, как следствие этого, большую роль усыновления (*adrogatio* и *adrogatio*) как способа передачи власти преемнику. Антониновские усыновления, бывшие, разумеется, вынужденной мерой, со временем приобрели определенную идеологическую окраску, превратившись в так называемый принцип «выбора лучшего», который эти императоры даже противопоставляли строго династическому принципу. Вместе с тем *С.Г. Сердюкова* указала, что «выбор лучшего» не был изобретением Антонинов (элементы этой доктрины зародились уже в I в. до н.э.), а в выборе преемников обнаруживается скрытое тяготение к подлинному династическому принципу. Заседание завершилось докладом *А.В. Махлаюка* (Нижний Новгород) «*Miles filius familias* (к вопросу о правовом, социальном и гендерном статусе римских легионеров в эпоху Империи)». Автор обратился к анализу вопроса о корреляции правовых привилегий, предоставляемых в эпоху принципата военным в области наследственного и имущественного права, с их особым социопрофессиональным статусом и римским пониманием маскулинности, которое было неразрывно связано с обладанием властью, в том числе и *patria potestas*. Анализ юридических и других источников позволил *А.В. Махлаюку* прийти к выводу, что такие институты, как воинское завещание и лагерный пекулий, возникновение которых было непосредственно обусловлено потребностями и специфическими условиями военной службы в профессиональной армии, способствовали возвышению общественного статуса воинов и развитию их самосознания, в частности и с точки зрения римской концепции мужественности.

Утром 27 октября в секции «Периферия античного мира» (председатель – *Ю.Б. Циркин*) выступили семь докладчиков. Первым был прослушан доклад *А.Г. Грушевого* (Санкт-Петербург) «Бар-Кохба как администратор». По мнению автора, обнаруженные к настоящему времени папирусы, в том числе документы, исходящие от вождя иудейского восстания Бар-Кохбы, написанные либо им самим, либо писцом под его диктовку, показывают, что на территории, подвластной Бар-Кохбе, существовал твердый порядок администрирования, был налажен строгий учет всей хозяйственной деятельности. Вероятно, в распоряжении Бар-Кохбы, признанного «предводителем Израиля», оказались земли, ранее бывшие императорской собственностью и управлявшиеся при сохранении римских норм делопроизводства. Из документов можно сделать вывод, что Бар-Кохба хорошо знал принципы работы римского аппарата и использовал их для своих целей.

В ряде докладов, прочитанных на этой секции, обсуждались вопросы религии и мифологии древних народов. *Е.А. Захарова* (Нижний Новгород) в докладе «К вопросу об особенностях культа Геракла в Северном Причерноморье» отметила, что проникновение культа Геракла в этот регион произошло, вероятно, в конце VI в. до н.э. В V в. до н.э. культ героя начал распространяться по всей территории Херсонесского и Ольвийского государств, Боспора, а в IV–III вв. до н.э. поклонение Гераклу стало повсеместным. Причиной подобной популярности, по мнению автора доклада, стало возможное наличие у местного населения аналогичного божества, которое в эллинистическую эпоху стало сливаться с греческим Гераклом. При этом на первый план в синкретичном облике героя выходят функции защиты и отвращения зла. Культ героя в Херсонесе, Ольвии и Боспорском государстве носил официальный характер и пользовался поддержкой со стороны

правлящих кругов. В докладе *Е.А. Круглова* (Уфа) «Культ Аполлона Тельмесского (каро-ликийские истоки эллинистического учения Эвгемера)» был проведен анализ свидетельств археологии, эпиграфики и, частично, нумизматики юго-запада Малой Азии, а также нарративной традиции о раннем этапе культа Аполлона из каро-ликийской Тельмессы. Материалы этого древнего сакрального центра (и святилищ сопредельных территорий Кари и Ликии), относящиеся к почитанию Аполлона и персонажей этого круга, имевшиеся здесь храмы, алтари, герооны и т.п., свидетельствуют о непрерывной «живой» традиции почитания аристократами культа предков, напрямую связанного с Аполлоном эпохи Троянской войны, вплоть до времени Эвгемера. В заключение автор подчеркнул, что карийско-ликийский материал вполне мог стать одной из составляющих известного «атеистического» учения Эвгемера о богах как некогда реально живших земных царях и героях Эгеиды и Балкан крито-микенской эпохи. В докладе «Культ Зевса-младенца в Аркадии» *А.А. Рыбакова* (Нижегород) подчеркнула, что хотя мифологическая традиция связывает рождение и воспитание Зевса с островом Крит, существует достаточно значительный цикл мифов, которые относят эти события к другим местам, среди которых особенно выделяется Аркадия. Сравнение аркадского и критского культов Зевса-младенца показывает существование различий и на уровне мифологических мотивов, и на уровне ритуала. По мнению автора, это свидетельствует о том, что формирование аркадского культа шло независимо от Крита под влиянием верований догреческого населения Пелопоннеса.

Еще одна группа докладов касалась различных сюжетов поздней античной истории в странах Восточного Средиземноморья. В докладе *И.А. Ладьянина* (Москва) «Еще раз о перстнях "птолемеевского типа" из Северного Причерноморья (к возможности интерпретации в свете внешней политики эллинистического Египта в III в. до н.э.)» была предпринята попытка показать, что эти предметы искусства с изображениями царей и цариц Филадельфов и Эвергетов и Арсиной III могли быть престижными дарами гражданам причерноморских государств, связанных определенными контактами с державой Птолемеев. Эти контакты могли мотивироваться заинтересованностью Птолемеев в поставках причерноморского (прежде всего боспорского, что подтверждается концентрацией находок перстней) хлеба своим союзникам и опорным пунктам в Эгеиде в условиях, когда военные действия блокировали поставки египетского хлеба. Видимо, острее всего эта ситуация ощущалась в финале второй Сирийской войны в начале 250-х годов до н.э., а также в последовавшие за этим годы. *О.Ю. Климов* (Санкт-Петербург) в докладе «Полисный патриотизм в эллинистическую эпоху» отметил, что эпоха эллинизма, оказав значительное влияние на общественное сознание греков Востока, привела к смене ментальности, но при этом сохранились некоторые фундаментальные основы их политического мышления. По мнению автора, в сознании греков, которые проживали на территории эллинистических царств, не сформировалось понимание общности в рамках территориального государства, причастности к широкому политическому единству, не зародилось чувство общегосударственного, имперского единства и общегосударственного патриотизма. В массовом политическом сознании отдельный человек по-прежнему воспринимал себя членом общины, был патриотом полиса, с которым себя идентифицировал. В докладе «Проблема перебежчиков во взаимоотношениях гуннов и Восточной Римской империи» *Е.Н. Нечаева* (Санкт-Петербург) на основании анализа сообщений Приска о взаимоотношениях гуннов и Империи показала, что в данном случае речь идет не обязательно о физическом переходе тех или иных лиц, но часто о племенах или народах, которые были подвластны гуннам, но предпочли отпасть от них и заключить союз с императором.

Во второй половине дня состоялось третье заседание секции по истории Рима (председатель — *А.В. Махлаук*), где было представлено пять докладов. Два первых касались истории античного христианства. *А.Д. Пантелеев* (Санкт-Петербург) прочитал доклад на тему «Антихристианское законодательство Марка Аврелия». Исследуя положение христиан в правление Марка Аврелия, докладчик обратился к событиям 177 г. в Лугдунуме и Виенне, о которых сообщает Евсевий Кесарийский. *А.Д. Пантелеев* полагает, что в это время не издавалось никаких особых антихристианских законов, а причиной гонений стало появление *senatus consultum de pretiis gladiatorum minuendis*. В этом постановлении содержится упоминание о привилегиях Трем Галлиям: жрецам императорского культа давалось право дешево приобретать и использовать в качестве гладиаторов людей, приговоренных к смертной казни, что и привело к розыску христиан. Действием этого декрета объясняются и многие отступления от правовых норм. В докладе «Тропарь св. Авксентия Вифинского: исторический контекст и ментальность» *В.В. Василек* (Санкт-Петербург) обратил внимание на обусловленность содержания сочинения одного из первых монашеских гимнографов историческими обстоятельствами и религиозной ситуацией середины V в. н.э.

Три доклада на том же заседании трактовали вопросы военной истории. *Н.А. Дьяков* (Вологда) выступил с докладом «К вопросу об эволюции политики Римской империи по отношению к варварам во второй половине III – начале IV в.». Автор указал, что после кризиса III в., в ходе которого Римская империя значительно пострадала от набегов, возникла необходимость значитель-

но перестроить политику по отношению к варварам. Во-первых, изменился характер военных действий по отношению к пограничным племенам (вторжения римлян вглубь варварских территорий). Во-вторых, римляне стали вести активную переселенческую политику, размещая союзные им племена на своих пограничных территориях на правах федератов, что стало своего рода компромиссом между варварами, стремившимися получить новые земли, и Римом, желавшим сохранить свою государственную целостность. Таким образом, по мнению автора, Римская империя, по крайней мере, в конце III – начале IV в. успешно регулировала этнические процессы в варварском мире. В докладе *А.В. Банникова* (Санкт-Петербург) «Кризис римской военной системы в начале V в.» был предложен и аргументирован вариант ответа на вопрос о причинах конечного упадка и краха военной организации Западной Римской империи. По мнению докладчика, причины эти заключались, прежде всего, в тяжелейшем финансовом кризисе, который сделал невозможным для западноримских властей ни содержание регулярных воинских частей, ни привлечение наемных варварских контингентов. *О.В. Пржигодская* (Санкт-Петербург) в докладе «Политическая деятельность Аспара» рассмотрела спорные вопросы политической биографии одного из самых высокопоставленных государственных и военных деятелей Восточной Римской империи в середине V в.

Во второй половине дня 27 октября проходило заседание секции по античному источниковедению (председатель – В.Р. Гушин), на котором состоялось четыре выступления. В докладе «Дельфийские информаторы Геродота» *И.А. Мутных* (Санкт-Петербург) высказала предположение, что Геродот в своем труде опирался не только на устные сообщения, но и широко использовал письменные источники, в частности архивы Дельфийского святилища. *А.А. Синицын* (Саратов) в докладе «Софокл, Геродот и египетские диковинки» проанализировал небольшой отрывок из не дошедшей до нас трагедии Софокла «Следопыты». Автор возражает против устоявшегося в науке мнения о заимствовании Софоклом у Геродота сведений о фауне древнего Египта. *Д.А. Щеголов* (Санкт-Петербург) выступил с докладом «Индия в географических концепциях Эратосфена и Гиппарха». Автор высказал мнение о том, что Страбон, в труде которого излагаются взгляды античного географа Гиппарха, допустил некоторую неточность, что представляет в невыгодном свете позицию Гиппарха в его заочном споре с Эратосфеном. В докладе *М.П. Трофимова* (Пермь) «Особенности композиции “Исторической библиотеки” Диодора Сицилийского» было отмечено, что в первых шести книгах труда Диодора излагается его историческая концепция, а также дается введение ко всему произведению, которое автор доклада по аналогии с «Историей» Фукидида называет «археологией».

В этот же день, 27 октября, во второй половине дня работала секция по историографии античной истории (председатель – О.Ю. Климов), на которой было обсуждено три доклада. *Н.Ю. Старкова* (Ижевск) в докладе «Некоторые проблемы спартанской истории в современном антиковедении Германии» представила анализ наиболее важных исследований, посвященных изучению древней Спарты, которые появились после историографического обзора К. Криста. В докладе сделан акцент на изучении работ М. Клаусса, Х.-Й. Герке, Г. Вальзера, Х. Бека, Э. Балтруша, С. Линка и К.-В. Вельвея. В заключение сделан вывод, что на рубеже XX–XXI вв. для германского антиковедения характерно заметное усиление внимания к изучению спартанской истории. *Г.С. Самохина* (Санкт-Петербург) в докладе «Семьдесят лет научной дискуссии: проблемы хронологии эпохи диadoхов» на основании анализа работ XX в. (1927–1998 гг.) сделала ряд важных наблюдений. Она отметила, что в современной историографии имеются как сторонники «низкой», или поздней, датировки событий после смерти Александра, ведущей начало от работы Э. Манни, так и «высокой», или ранней, датировки, которая восходит к хронологическим выкладкам К.Ю. Белоха, а в 1961 г. получает поддержку Л. Смита. При этом, хотя сторонники последней, как кажется, преобладают, нельзя говорить об окончательном решении этого вопроса. Далее, как указала докладчик, современные ученые в хронологических расчетах по-прежнему опираются, прежде всего, на греко-римские источники, так как надежда на восточные документальные данные себя не оправдала: все они, за исключением вавилонской «Хроники диadoхов», не могут помочь при решении спорных проблем хронологии эллинизма. В докладе *Е.В. Никитюк* (Санкт-Петербург) «Историк античной культуры Б.В. Варнеке» был дан аналитический обзор трудов ученого, посвященных изучению театральных традиций Греции и Рима. Рассмотрены работы Варнеке, в которых анализировались трагедии Еврипида, комедии Плавта и Теренция, а более всего техническая сторона театральных постановок, равно как и заимствования драматургией нового времени элементов античной (римской) комедии.

Работа конференции завершилась состоявшимся утром 28 октября вторым пленарным заседанием, на котором было прослушано пять докладов самого разнообразного содержания, но, как было признано слушателями, одинаково интересными. *А.В. Горохова* (Москва) в докладе «Знаковые и экстагические оракулы в Греции, Египте и Хеттском царстве (сравнительная характеристика)» попыталась сопоставить названные религиозные институты, имевшие широкое распростра-

нение в различных областях древнего мира. Автор отмечает, что знаковые оракулы существовали повсюду, экстатические были присущи Элладу, хотя у хеттов, по данным источников, они также имели место. А.В. Горохова указала на бытование в Греции большого количества оракулов, влиявших на межполисные отношения, в то время как в Египте большая часть сохранившихся прорицаний касается более частных вопросов и редко – вопросов внешней политики. В докладе С.Г. Карнюка (Москва) «Зима и зимние кампании в «Истории» Фукидида» была сделана попытка прояснить, почему Фукидид не любил зиму и почти не описывал достаточно привычные для греков снег и холода. На основании анализа «Истории» автор делает вывод, что афинский стратег Фукидид не ожидал зимнего наступления Брасида на Амфиполь и поэтому оставался на Фасосе, в непослужительном отдалении от театра военных действий. А историк Фукидид стремился если не оправдать, то объяснить оплошность стратега, и введение в фукидидовской «Истории» «зимней кампании» как хронологической единицы преследовало именно эту цель.

А.Б. Егоров (Санкт-Петербург) в докладе «*Damnatio memoriae* и проблемы контроля общества над императорской властью» отметил наличие двух категорий мнений исследователей по поводу системы принципата. Исследователи, считающие принципат «чистым» вариантом монархии или монархии с республиканским фасадом, склонны подчеркивать фактическое господство императорской власти и подчиненность или фиктивность олицетворяемого сенатом республиканского начала. Напротив, сторонники теорий «диархии» и «конституционной монархии» видят в сенате пусть не всегда равноправного, но достаточно полноценного партнера императорской власти. По мнению А.Б. Егорова, анализ смещения императора волей сената (Нерон, Дидий Юлиан, Максимин), равно как и действия против памяти убитых правителей (Домициан, Коммод), указывает на наличие формального, легитимного права сената на детронизацию правителя, что отличает принципат от обычной монархии. Смещение императора и *damnatio memoriae* признавались римским обществом как официальная оценка, имеющая нормативный характер.

В докладе «Галльский Марс Цезаря и кельтский Тевтатес Лукана» Н.С. Широкова (Санкт-Петербург) подчеркнула, что среди галльских богов на третье место после Меркурия и Аполлона Цезарь ставит Марса, о характере и функциях которого дают представления изобразительные памятники из римской Галлии и надписи римского времени. Прозвище галльского Марса Теутатис (Теутатис, Тутатис) связывает его с кельтским богом Тевтатесом, которого упоминает в своей поэме «Фарсалия» Лукан и которого схоластики Лукана идентифицируют то с Марсом, то с Меркурием, приписывая ему кровавый культ человеческих жертвоприношений. По мнению Н.С. Широковой, возможно, что Марс Цезаря и Тевтатес Лукана являются ипостасями верховного бога кельтов Луга.

Последним на втором пленарном заседании выступил А.Д. Рудоквас (Санкт-Петербург) с докладом «*Usus hodiernus Pandectarum* – о применении римского права в наши дни», в котором автор обратил внимание на то, что в некоторых странах римское право продолжает применяться и по сию пору. В Европе, например, такая ситуация наблюдается в небольших государствах Сан-Марино и Андорра, а также в Шотландии, где частью правовой системы признается римское право наряду с английским *common law*. В настоящее время опыт таких смешанных правовых систем привлёк внимание архитекторов нового гражданского права для Европейского Сообщества. Это направление в западноевропейской юриспруденции получило наименование «неопандектистика». Его влияние заметно уже и в практике Верховных судов ряда стран Европы, которые используют римское право при интерпретации норм национальных гражданских кодексов (Италия, Германия). Таким образом, в начале XXI в. такая заметная часть античного наследия, как римское право, переживает новую волну актуализации.

Подводя итоги, можно признать большую плодотворность проделанной на очередных Жебелёвских чтений работы. Конференция объединила большое количество антиковедов России. Было прослушано и обсуждено около 60 полноценных научных докладов, представивших результаты исследовательской деятельности специалистов разного профиля и разных интересов. Обращают на себя внимание такие особенности конференции, как повышенное внимание к темам ранней и поздней истории античности, хотя нельзя сказать, что сюжеты классических периодов греческой и римской истории были вовсе обойдены молчанием. Отчетливо проявился интерес к эллинизму, к зонам взаимодействия классической (античной) и неклассических цивилизаций (Египет, Передний Восток, Причерноморье). Наконец, бросается в глаза активная разработка различных аспектов античных религий, включая и античное христианство. Последнее понятно как реакция на долгое недостаточное внимание к этим темам в науке советского времени. В заключение, как нам кажется, не будет преувеличением сказать, что седьмые Жебелёвские чтения явились значительным событием в жизни отечественной науки об античности.

ПАМЯТИ АЛЛЫ ИВАНОВНЫ ЕЛАНСКОЙ (1926–2005)

2 июня 2006 г. исполнилось бы 80 лет выдающемуся отечественному коптологу Алле Ивановне Еланской, научная деятельность которой с 1960 г. и до последних дней была связана с Ленинградским отделением Института востоковедения АН СССР (ныне Санкт-Петербургский филиал ИВ РАН).

Алла Ивановна родилась в Махачкале в 1926 г. в семье служащих. Юные годы Аллы Ивановны были очень трудными. В 1936 г. ее семья переехала в Минеральные Воды, где она в том же году пошла в школу, в 1937 г. они жили уже в Пятигорске. В 1942 г., накануне немецкой оккупации Минеральных Вод, был расстрелян как бывший белый офицер ее отец, и с 1945 г., окончив 8 классов, она вынуждена была поступить на работу, чтобы помогать больной матери. Одновременно Алла Ивановна училась в школе рабочей молодежи и окончила ее только в 1950 г.

Но уже в 1951 г. Алла Ивановна поступила на Восточный факультет ЛГУ на отделение истории арабских стран. Окончив арабское отделение, Алла Ивановна в 1956 г. стала аспиранткой ЛО ИВ по специальности «коптская филология». Темой своих научных занятий она выбрала грамматику коптского языка, ее руководителем стал всемирно известный коптолог и издатель коптских текстов член-корр. АН СССР Петр Викторович Эрнштедт (1890–1966). В 1962 г. А.И. Еланская защитила кандидатскую диссертацию на тему «Определение в коптском языке», а в 1971 г. – докторскую диссертацию на тему «Саидский диалект позднейшего египетского (коптского) языка».

Уже первые ее лингвистические работы привлекли внимание известных зарубежных специалистов, и позднее признанный глава и патриарх мировой коптологии Ганс-Яков Полоцкий (1905–1991) говорил, что А.И. Еланская была одним из немногих исследователей, филологическому чутью которой он безоговорочно доверял. В 1984 г. на третьем Международном конгрессе коптологов А.И. Еланская была избрана почетным председателем Международной ассоциации коптологов (IAC), а в 1990 г. вышел *Festschrift* в ее честь (*The Journal of Coptic Studies*, vol. I. Leuven).

Областью научных интересов А.И. Еланской были, с одной стороны, языковой строй коптского языка, с другой, – издание коптских текстов. На склоне лет к ним добавилась и еще одна, а именно – комментированные переводы коптских текстов на русский язык.

Лингвистические штудии А.И. Еланской охватывали практически все аспекты коптского языка: грамматику, и фонетику, и лексикологию. Многочисленные наблюдения, отраженные в десятках статей, вылились, наконец, в фундаментальную «Граматику саидского диалекта», над которой она работала более сорока лет. К 1965 г. был уже закончен первый вариант, но к рукописи А.И. Еланская возвращалась и все последующие годы, дополняя текст новыми наблюдениями и примерами, и окончательную точку в этой работе поставила за несколько дней до смерти. Теперь долг коллег довести эту работу (около тысячи машинописных страниц) до печатного станка. Публикацию этой книги с нетерпением ждут все специалисты, довольствуясь пока ее очерком «Коптский язык» (М.: Наука, 1964. 125 с.), который остается основным руководством для всякого, приступающего к изучению этого языка.

Продолжая традиции, заложенные основоположником отечественной коптологии членом-корреспондентом АН О.Э. Леммом (1856–1918) и ее учителем П.В. Эрнштедтом, А.И. Еланская образцово издала (многие из них впервые) десятки коптских текстов и фрагментов, хранящихся в рукописных собраниях Санкт-Петербурга и Москвы. Достаточно назвать «Коптские рукописи Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина» (Палестинский сборник. Вып. 20 (83). Л., 1969. 151 с.), куда вошли тексты на саидском, фаюмском и бохайрском диалектах, или «Coptic Literary Texts of the Pushkin State Fine Arts Museum in Moscow» (Budapest, 1991. 306 p. LXXII Plates). Спустя три года в Голландии вышел в свет второй значительно дополненный и переработанный вариант этой публикации: «The Literary Coptic Manuscripts in the A.S. Pushkin State Fine Arts Museum in Moscow» (Leiden: Brill, 1994. 527 p. CXCVI Plates). Высокого качества факси-

мильное воспроизведение рукописей делает этого издание, помимо прочего, своего рода незаменимым пособием по коптской палеографии.

Последние годы жизни, наряду с работой по завершению грамматики саидского диалекта, А.И. Еланская отдавала много сил переводам коптских текстов. В результате русскоязычному читателю впервые стали доступны и коптские «Изречения отцов», и некоторые сочинения классика коптской литературы Шенуте, и некоторые сочинения из библиотеки из Наг Хаммади и т.д.: см., например, «Изречения египетских отцов. Памятники литературы на коптском языке» (введение, перевод с коптского и комментарии А.И. Еланской. Издание второе, испр. и доп. СПб.: Алетейя, 2001. 377 с.) или «Премудрость Иисуса Христа. Апокрифические беседы Иисуса Христа с учениками» (перевод, вступительная статья и комментарии А.И. Еланской. СПб.: Алетейя, 2004. 377 с.). Уже близок был к завершению и комментированный перевод одного из самых больших и самых трудных текстов этой библиотеки, а именно, так называемого «Трехчастного трактата» (*Tractatus tripartitus*).

Уход из жизни Аллы Ивановны Еланской – невосполнимая утрата для мировой коптологии.

*Сотрудники Санкт-Петербургского филиала
Института востоковедения РАН*



© 2006 г.

DIONYSII ALEXANDRINI sive PERIEGETAE ORBIS DESCRIPTIO

ДИОНИСИЙ АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ (ПЕРИЭГЕТ) ОПИСАНИЕ ОЙКУМЕНЫ

Вступительная статья, перевод с древнегреческого и комментарии
Е.В. Илюшечкиной*

(570) Рядом [расположена] гряда небольших островов, там собираются жены славных амнитских мужей¹⁹⁹: согласно обычаю они совершают жертвоприношения [в честь] Вакха, по ночам увенчивая [себя] ветвями темнолистного плюща; из всеобщего гама выделяется один пронзительный клич; (575) подобно этим женщинам, издающим вакхические возгласы по всему их краю, буйного «Защитного»²⁰⁰ (sc. Вакха) не призывают так ни бистоницы на берегах фракийского Аписинфа²⁰¹, ни инды со своими детьми на берегах темнопучинного Ганга, устраивающие торжественное шествие во имя громopodobного Диониса. (580) Если проложить путь дальше по Океану, то ты на своем добротном корабле смог бы достичь острова Фуле; там, где солнце приближается к полюсу

* Окончание. Начало см. ВДИ. 2005. № 4. С. 214–231; 2006. № 1. С. 214–231.

¹⁹⁹ Точно не идентифицируются; античная нарративная традиция сохранила также варианты «намниты» (*Caes. BG. III. 9; Strabo. IV. 2. 1* С 190; *Plin. nat. hist. IV. 107; Ptol. Geogr. II. 8. 8*) и «самниты» (*Posid. F 276 Edelstein-Kidd = Strabo. IV. 4. 6* С 198; *Ptol. Geogr. II. 8. 6*).

²⁰⁰ «Защитный» (греч. Εἰρσιφώτης) – эпиклеза Диониса-Вакха. Согласно мифу, Зевс, зашив недоношенного Диониса в свое бедро, в положенное время родил его, распустив швы на бедре (*Hesiod. Theog. 940–942; Eur. Bacch. 1–9, 88–98, 286–297; Diod. II. 38. 4; Strabo. XV. 1. 7* С 687; *Arr. Anab. V. 1. 6; Orph. Hymn. 48. 2; Solin. 52. 15–16*; ср. *Dion. Per. 939 sqq.; Eust. ad Dion. Per. 566*). Обращает на себя внимание сходство древнегреческой традиции о рождении Диониса и древнеиндийской традиции о рождении из бедра легендарного царя племени нишадов, см. Бухарин М.Д. Первые индийские царские династии в эпической, пуранической и античной литературной традициях // ВДИ. 2001. № 4. С. 88–103.

²⁰¹ Бистоницы (бистоны) – фракийское племя, населявшее окрестности озера (бухты) Бистонида (совр. Вистонида) (ср. *Herod. VII. 110; Arist. HA. IX. 598 a 23; Ps.-Scymn. 673–675 Marctote; Strabo. VII. F 43, F 46*). Аписинф – река и горный хребет во Фракии в районе Меланского (совр. Саросского) залива (ст. 538).

Медведиц, вечно сияющий огонь изливается одинаково днем и ночью²⁰²; [затем солнце] поворачивает на наклонную орбиту – (585) когда его лучи проходят прямо, по ниспадающей – пока оно снова не пойдет по южному пути к Кианеям²⁰³.

Когда же пересечешь глубокое течение Скифского Океана²⁰⁴ и повернешь к Восточному морю, путь приведет тебя к острову Хриса²⁰⁵, где (590) уже виден восход яркого солнца.

Повернув оттуда вдоль Южного мыса, ты мог бы тотчас приплыть к острову великой Колиады²⁰⁶ – [к острову] Тапробане, матери рожденных в Азии слонов; над ним (595) вращается в эфире высоко поднявшийся в небесном круговороте ярко горящий Рак²⁰⁷. Сам [остров] чрезвычайно широк и просторен; около него [встречаются] огромные морские чудища, населяющие Эритрейское море, подобные огромным горам; их спины топорщатся грядой громадных шипов²⁰⁸. (600) Пусть дети твоих врагов, кружа по морю, повстречаются с ними: нет спасения злосчастным [оказавшимся] в их пасти, похожей на глубокую расселину; эти чудища способны проглотить даже целые корабли вместе с командой. (605) Ибо нечестивым [людям] и на море, и на суше божества уготовливают многие беды.

Далее, за горами Кармании²⁰⁹, находится [остров] Огирис, где [расположен] могильный курган царя Эритрея²¹⁰; если от него ты отправишься к верхнему краю Персидского моря, то, бросив якорь в северной его части, достигнешь Икара – (610) морского Ика-

²⁰² Сведения о Фуле, самом дальнем из северных островов обитаемого мира, известны по сохранившимся фрагментам географа IV в. до н.э. Пифея из Массилии (*Pyth.* T 18a Roseman = *Plin. nat. hist.* II. 186–187; *Pyth.* T 18b Roseman = *Marc. Cap.* VI. 595 и др.), Эратосфена Киренского (*Eratosth.* F II C 2 Berger = *Strabo.* I. 4. 2 C 63; F II C 8 = *Strabo.* II. 5. 8 C 114; F II C 11 = *Solin.* 22; F II C 14 = *Plin.* IV. 104 и др.); см. также *Sen. Med.* 375–379. Средневековая традиция идентифицирует о-в Фуле с Шетландскими островами, Исландией или западным побережьем Норвегии. Относительно локализации Дионисием острова Фуле вблизи Полярного круга см. *Berger H.* Die geographischen Fragmente des Eratosthenes. Lpz, 1880. S. 74.

²⁰³ По представлению Эратосфена, Мероэ, Александрия, Борисфен и о-в Фуле находятся на одном меридиане (*Eratosth.* F II C 2 Berger = *Strabo.* I. 4. 2 C 63); согласно Дионисию, Борисфен впадает в Евксинский Понт «напротив Кианеев» (ст. 313), тем самым Перизетт помещает Кианеи на том же меридиане. Возможно, говоря в данном пассаже о южном пути солнца и Кианеях, Дионисий использует сведения Эратосфена о меридиане Фуле–Мероэ.

²⁰⁴ «Скифский океан», названный по скифам, локализуемым в северной части Евразии, соответствует Северному Ледовитому океану (ср. *Mela.* I. 2; *Plin. nat. hist.* IV. 37).

²⁰⁵ За исключением Дионисия античная географическая традиция не сохранила описаний северо-восточной и восточной частей Океана, в которой Перизетт локализует о-в Хриса («Золотой») (ср. племя «хрисеев» – *Plin. nat. hist.* VI. 73; *Ptol. Geogr.* VII. 2. 5 и 12 «полуостров Хриса»; VII. 2. 17 «земля Хриса»).

²⁰⁶ Колиада – эпитет Афродиты; на одноименном мысу, лежащему к югу от Фалера в Аттике, находился храм Афродиты (*Herod.* VIII. 96). Под «островом великой Колиады» Дионисий понимает южную оконечность Индии, но подразумевает ли он под ней о-в Тапробану или южную точку материка – не совсем ясно (ср. ст. 1148); вслед за Дионисием Евстафий называет Тапробану «островом великой Колиады, т.е. Афродиты» (*Eust. ad Dion. Per.* 591).

²⁰⁷ Тапробана – античное название острова Цейлон (*Eratosth.* F III B 12 Berger = *Strabo.* XV. 1. 14–15 C 690). Упомянутое Дионисием созвездие Рака указывает на знакомство Перизетта с климатическими зонами Эратосфена – тропик Рака разграничивал «жаркую» зону и зону умеренного «климата»; см. подробнее: *Abel K.* Zone 1 // *RE. Suppl.* XIV. 1974. Sp. 989–1188.

²⁰⁸ Ср.: «В окрестностях Тапробаны водятся земноводные чудовища, одни похожие на быков, другие – на лошадей, третьи – на прочих земных животных» (*Strabo.* XV. 1. 15 C 691; пер. Г.А. Стратановского).

²⁰⁹ Кармания – область, находившаяся на северо-восточном побережье Персидского залива; вход в залив настолько узок, что с мыса Гамозов на Карманском берегу виден мыс Маки на аравийском побережье (ср. *Strabo.* XVI. 3. 2 C 765 и др.; *Plin. nat. hist.* VI. 98; *Arr. Ind.* XXXII. 4; *Ptol. Geogr.* VI. 8–9).

²¹⁰ О-в Огирис (совр. Ормуз), ср. *Alex. Ephes.* F 33 = *Eust. ad Dion. Per.* 606, а также «Неарх и Орфарг сообщают, что в 2000 стадий к югу от Кармании в открытом море лежит остров Огирис, на котором показывают могилу Эрифры [...] Эрифра был царем этой страны, и от него получило свое название Эрифрейское море» (*Strabo.* XVI. 3. 5 C 766; пер. Г.А. Стратановского).

ра, где находятся алтари богини Таврополы, окутанные священными воскурениями и тяжелым дымом²¹¹.

Столько просторных островов имеет поток Океана. Помимо них [существует] бесконечное количество других [островов] – одни [из них находятся] у устья Ливийского моря, (615) другие – рядом с азиатским изгибом, третьи – рядом с европейским. Других островов повсюду – бесчисленное множество, некоторые заселены людьми и имеют прекрасные гавани, другие обрывисты и не подходят для мореплавателей; перечислить все их названия мне трудно.

(620) Очертания же Азии соответствуют форме двух других [упомянутых выше] материков, напоминая по виду конус, повернутый в противоположном [от них] направлении и немного сужающийся к востоку, где у крайнего потока Океана, в самых отдаленных горах индов стоят Столпы рожденного в Фивах Диониса, (625) где Ганг устремляет [свои] белые воды к Нисейской долине²¹². Однако размеры азиатской земли не столь велики (ср. как Европы и Ливии), да и формой она не в точности [их] повторяет, поскольку внутри тех материков направляет поток лишь одно море, (630) а в Азии – огромный Океан: он бушует, охватывая три бурлящих залива, которые вдаются в сушу – Персидский, Аравийский и глубоководный Гирканский, два [из них] – южные, и один – северный. Тот, что течет на северо-западе, соседствует с Евксинским Понтом, (635) вокруг него обитают бесчисленные народы. Между ними (ср. Каспием и Евксином) лежит границей огромный перешеек, по обе стороны переходя в широкие равнины²¹³.

Посреди же всей Азии протянулся горный хребет, начинающийся от Памфилийской земли и вплоть до индов, (640) то кривой и изогнутый, то снова прямой: его именуют Тавром²¹⁴, ибо он проходит, словно круторогий бык, ветвясь повсюду широкими грядами. С него ниспадают с грохотом бесчисленные реки, (645) одни – к северу, другие – к югу, третьи – в сторону дуновения юго-восточного и западного [ветров]. Кто в состоянии перечислить все их названия? И у него самого нет единого названия, но каждый [его] из-

²¹¹ О-в Икар (совр. о-в Файлак) в Персидском заливе. Эпиклезой Ταυροπόλα/Ταυροπόλος («Волопаска») наделялись Афина, Деметра из Коп (Беотия), Геката, однако чаще всего культовое обозначение «Тавропола» соотносилось с Артемидой. Уже средневековые комментаторы Дионисия (schol. ad Dion. Per. 609) напрямую связывали эти стихи Перизгета со сведениями Эратосфена в передаче Страбона, который сообщает о храме Аполлона с оракулом Таврополы на о-ве Икар в Персидском море (Eratosth. F III В 39 Berger = Strabo. XVI. 3. 2 С 766). См. Кошеленко Г.А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979. С. 111–113; Илющенко Е.В. «География» Эратосфена как источник перизгезы Дионисия Александрийского // Индоевропейское языкознание и классическая филология – VII. Материалы чтений, посвященных памяти проф. И.М. Тронского. СПб., 2003. С. 165–166.

²¹² Нисейская долина, гора Ниса – место воспитания Диониса в различных вариантах мифа, которые локализируют ее в Беотии, Мегариде, во Фракии, в Индии и др. (Hom. II. VI. 133; Soph. Ant. 1131, F 24, F 959 Radt; Strabo. XV. 1. 8 С 688); ср. ст. 1159.

²¹³ Перешеек между Каспийским и Евксинским морями представляет собой один из отрогов Тавра и соотносится с Кавказским хребтом. Уже в прологе Дионисий упоминает о существовании древней географической теории относительно деления материков по горным массивам. Согласно приверженцам этой точки зрения, Ливию от Азии отделяет перешеек «между Аравийским заливом и Египтом» (ст. 23–25), а Европу от Азии – перешеек «между Каспийским и Евксинским морями» (ст. 20–22). Евстафий Солунский обращает внимание на то, что Дионисий неоднократно упоминает Кавказский перешеек в перизгезе «вследствие его величины и достопримечательности» (Eust. ad Dion. Per. 695).

²¹⁴ По Эратосфену, горная цепь Тавра разделяла Азию на северную и южную части (Eratosth. F III А 7 Berger). В передаче Страбона сохранился еще один отрывок Эратосфена, где говорится о карте ойкумены (πίναξ τῆς οἰκουμένης), прорезаемой горами Тавра с запада на восток по линии параллели: «Ведь Тавр простирается по прямой линии вместе с [Средиземным] морем, начинающимся у Геракловых Столпов, и делит всю Азию в длину на две части – северную и южную» (Eratosth. F III А 7 Berger = Strabo. II. 1. 1 С 67–68; пер. Г.А. Стратановского). Подробнее см. Berger H. Die geographischen Fragmente des Eratosthenes. Lpz, 1880. S. 172–175; см. также Пьянков. Средняя Азия... С. 158, 180–184 (об истории названия «Тавр»).

гиб называют по-разному²¹⁵; однако пусть это будет заботой тех людей, кто там обитает по соседству.

(650) Теперь я расскажу обо всех многочисленных проживающих [там] народах; пусть Музы укажут [мне] самый прямой путь.

Итак, вблизи Меотийского озера живут сами меоты и племена савроматов, славный род воинственного Ареса²¹⁶; (655) они произошли от той могучей любви амазонид, которой те некогда соединились с савроматскими мужами, прибыв издалека со своей родины на [реке] Фермодонт²¹⁷. От них родились отважные потомки, населяющие необозримый лес, посреди которого (660) катится Танаис, впадающий в центр Меотиды; он отделяет Европу от Азии, [так что] Европа [лежит] на западе, а Азия – на востоке. Истоки его журчат далеко в Кавказских горах; он же, широко разлившись, (665) быстро несется по Скифским равнинам²¹⁸. А когда его охватит [дуновение] северного ветра, ты смог бы увидеть [на нем] лед, схватившийся от мороза.

Несчастливы те, кто населяют эту землю: всегда у них [лежит] холодный снег и [дует] пронизывающий морозный [ветер]. (670) А когда от бурана надолго поднимается страшная стужа, воочию ты мог бы видеть погибающих там от холода коней, мулов или стада овец. Да и сами люди, окажись они под теми буранами, не смогли бы остаться невредимыми. (675) Поэтому они, запрягши быков в повозки, устремляются в другие места, а свою землю оставляют [на волю] холодным зимним ветрам, которые, неистовствуя

²¹⁵ У самого Дионисия части горного хребта Тавр названы: Армянской горой (ст. 694, 773, 786, 978, 1016), Кавказом (ст. 690, 714, 1091, 1134), Крагом (ст. 850), Парнасом (ст. 737), Паропанисом (ст. 1097), Эмодом (ст. 748, 1146, 1162).

²¹⁶ Ср. *Ps.-Scymn.* F 16 Marcotte. Псевдо-Скимн, ссылаясь на Эфора, считает савроматов меотийским племенем («меотийское племя савроматов» – FGtH 70 F 160 Jacoby). Для Эфора вообще характерно смешение северочерноморских племен: так, он объединяет савроматов со скифами (FGtH 70 F 42 Jacoby = *Strabo.* VII. 3. 9 C 302). В отличие от Эфора и Псевдо-Скимна, Дионисий здесь различает племена меотов и савроматов.

²¹⁷ Савроматы, которые в позднеантичной традиции выступают под именем «сарматы», у Дионисия, как и у ряда античных авторов (*Ps.-Scymn.* 870–881; *Plin. nat. hist.* VI. 16. 19), различаются (ср. Σαυρομάται в ст. 14–15, 680–681 и Σα[ρ]μάται в ст. 302). «Архаистическое» употребление этнонима «савроматы» указывает на использование Дионисием более раннего источника. Предание о браке амазонок (у Дионисия – амазонидов) с савроматами, известное еще из Геродота (IV. 110–116), повторяется и в последующей античной традиции (ср. *Mela.* I. 116; *Ps.-Arr.* 72; *Amm. Marc.* XXII. 8. 26), «репликой» которой является общее место о воинственности савроматских женщин (*Schol. Graeca in Hom. II. XVIII.* 515) и о том, что «савроматы управляются женщинами» (*Ps.-Scyl.* 70; *Ps.-Scymn.* F 16 Marcotte; *Plin. nat. hist.* VI. 19). Евстафий уточняет, что савроматы ведут свой род от амазонок, которые прибыли в Скифию от южно-понтийского Фермодонта после поражения в битве с Гераклом и его спутниками (ср. *Pind.* F 172; *Herod.* IV. 110; *Diod.* IV. 16, 28; *Apollod.* II. 5. 9). Евстафий обращает внимание, что используемая Дионисием форма Ἀμαζονίδες (вместо традиционной, как Ἀμαζόνες у Гомера – II. III. 189; VI. 186) не является уменьшительной – это пример употребления поэтом парагоги, т.е. слогового или буквенного приращения, который свидетельствует о рационализации мифического предания: в данном случае Дионисий имеет в виду исторических потомков амазонок (*Eust. ad Dion. Per.* 653).

²¹⁸ Устойчивое представление античной географии о том, что границей между Европой и Азией служит р. Танаис (совр. Дон), сложилось довольно рано (ср. *Aesch. Prom. vinct.* 729–735; *Strabo.* VII. 4. 5 C 310; *Mela.* I. 15; *Plin. nat. hist.* III. 3; *Arr.* PPE. 29; *Anon.* PPE 42, 28; *Ptol. Geogr.* III. 5; *Oros.* I. 2. 5; *Amm. Marc.* XXXI. 2. 13; *Rav. Anon.* II. 20), хотя и не является единственным (*Herod.* IV. 45). По словам Дионисия, Танаис, вытекаая с Кавказских гор, течет по Скифской равнине и впадает в Меотийское озеро (ст. 14–17, 660–665; ср. *Ps.-Scymn.* F 15b Marcotte; *Strabo.* XI. 2. 2 C 493; *Amm. Marc.* XXII. 8. 27). Евстафий считает Кавказом, в котором берет начало р. Танаис, самую северную часть Тавра, доходящую до Кронийского моря. По другим версиям, продолжает Евстафий, истоки Танаиса либо неизвестны, либо берут начало в некоем озере, и далее Танаис впадает двумя рукавами в Меотику (*Eust. ad Dion. Per.* 663). Последняя версия в комментарии Евстафия основывается на предположении, что вторым устьем Танаиса мог быть Гипанис (совр. р. Кубань), который – в отличие от других античных свидетельств – не упоминается в тексте Дионисия, но мог подразумеваться под Танаисом, вытекающим с Кавказа.

страшными порывами, потрясают долины и поросшие соснами горы²¹⁹. Такие вот народы обитают вдоль реки Танаис.

(680) По соседству с савроматами, одни за другими, живут синды²²⁰, киммерийцы²²¹ и [располагающиеся] вблизи Евксина керкеты²²², тореты²²³ и могучие ахейцы, которых некогда дуновением юго-западных ветров унесло от [берегов] Ксанфа и идийского Симоента, когда они следовали с войны за царем Аретиадом²²⁴. За ними, владея соседней землей, живут гениохи²²⁵

²¹⁹ Евстафий Солунский обратил внимание на то, что лексика и мотивы в описании «скифско-го» климата у Дионисия напоминают отдельные места из произведений Гесиода «Труды и дни» (дидактические наставления по поводу зимних холодов и северного ветра Борея «из Фракии дальней», которые не щадят стада быков, коз и овец, ст. 493–563, особенно 511), сочинений Геродота (IV. 28) и Арриана (*Eust. ad Dion. Per.* 668–669). В аналогичных выражениях пишет о Скифии Гиппократ, по словам которого зима там длится «всегда» (ἀεί) (*Ps.-Hipp. De aer.* 19; ср. *Dion. Per.* 669: αἰεῖ), и Ксенофонт Афинский (*Anab.* VII. 4. 1 ff.: о выпадении снега и замерзании Понта). Трудно идентифицировать ὄρεα λευκτέντα – «поросшие соснами горы» (Рипей? Кавказ?), и остается лишь отнести их к вольным проявлениям поэтической образности. Ставшие стереотипными сведения о климатических особенностях прибрежной зоны Северного Понта послужили основой для становления поэтико-риторического топоса, который получил дальнейшее выражение в стихотворных произведениях римского периода (*Verg. Georg.* III. 354–356; 366; *Horat. Carm.* I. 22. 15–22; *Ovid. Tr.* III. 10. 9–50; V. 10. 1–2; *Sen. Herc. Fur.* 633–641; *Lucan.* I. 45–51).

²²⁰ Синдов обычно локализуют на азиатской стороне Боспора Киммерийского и примыкающем к нему побережье Понта (*Ps.-Scyl.* 72; *Herod.* IV. 28). Об этнической принадлежности синдов судить трудно: Гелланик (FGrH 4 F 69), Псевдо-Скилак и Полиен (*Polyaen.* VIII. 55) – как и Дионисий – отличают синдов от меотов, а Страбон относит их к меотским племенам (*Strabo.* XI. 2. 11 C 495). Подробнее см. *Kreischmer K. Sindoi* // *RE.* 2. Reihe. Hlbd. 5. 1927. Sp. 226–228; *Danoff Chr. Sindoi* // *DKP.* Bd V. 1975. Sp. 207; *Доватур, Каллистов, Шишова.* Народы... С. 260–261; *Bredow I. von. Sindoi* // *DNP.* Bd XI. 2001. Sp. 582–583.

²²¹ Среди исследователей распространена версия о родстве или даже тождестве киммерийцев и скифов (ср. *Eust. ad Hom. Od.* XI. 14: «скифское племя киммерийцев») (см. *Иванчик А.И.* Об этнониме «киммерийцы» // *Terra antiqua balcanica.* VI. 1991. P. 61–73; *Ivančik A. Les Cimmériens au Proche-Orient.* Fribourg–Göttingen, 1993; *Иванчик А.И.* Киммерийцы. Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII–VII вв. до н.э. М., 1996; *Tokhtashev S.R. Die Kimmerier in der antiken Überlegungen* // *Hyperboreus.* 1996. 2. Fasc. I. S. 1–46; *Иванчик А.И.* Киммерийцы и скифы. М., 2001). Греческие первопоселенцы из Ионии, основавшие колонии на северочерноморском побережье, возможно, связывали обнаруженные ими остатки поселений и некрополей аборигенов на Боспоре с киммерийцами, наводнившими в VIII–VII вв. до н.э. Малую Азию (*Herod.* I. 16; *Strabo.* I. 3. 21 C 61; III. 2. 12 C 149; XIV. 1. 40 C 647; *Arr. FGrH* 156 F 60, 76; *Polyaen.* VII. 2. 1), и перенесли «киммерийскую» топонимику на местные географические объекты.

²²² Керкеты обитали на северо-восточном побережье Понта (ср. *Ann. Marc.* XXII. 8. 25). См. *Kroll W. Kerketai* // *RE.* 21. Bd 1921. Sp. 291–292; *Danoff Chr. Kerketai* // *DKP.* Bd III. 1969. Sp. 200; *Brentjes B., Danoff Chr. Kerketai* // *DNP.* Bd VI. 1998. Sp. 443. См. также *Danoff Chr. Pontos Euxeinos* // *RE. Suppl.* IX. Sp. 1017 ff.

²²³ Торетов Псевдо-Скилак локализует за Синдской Гаванью и керкетами (F 73–74), что согласуется со свидетельством Дионисия. См. также *Diehl E. Toretai* // *RE.* 2. Reihe. 6. Bd 1937. Sp. 1749–1750; *Онайко Н.А.* Архаический Торик. М., 1980. Название торетов впервые встречается в IV в. до н.э. в надписях Левкона I (*Виноградов Ю.Г.* Полис в Северном Причерноморье // *Античная Греция.* Т. 1. Становление и развитие полиса. М., 1983. С. 419).

²²⁴ Античные источники обычно локализуют причерноморских ахейцев между керкетами и гениохами – в районе современного абхазского побережья Черного моря (ср. *Ps.-Scyl.* 75; *Artemid.* F 138 Stähle = *Strabo.* XI. 2. 14 C 497; *Strabo.* XI. 2. 12 C 495; *Plin. nat. hist.* VI. 16–17; *Ptol. Geogr.* V. 9. 25; *Rav. Anon.* II. 12; TP. IX. 2). См. *Tomaschek W. Achaioi* // *RE. Hlbd.* I. 1893. Sp. 204–205; *Lafond Y., Tochtashev S.R. Achaioi* // *DNP.* Bd I. 1996. Sp. 69. Называя реки Ксанф (ср. ст. 819), Симоент (приток р. Скамандр) (ср. ст. 819) и гору Иду (ср. ст. 814), Дионисий связывает причерноморских ахейцев с мифологическим циклом о Троянской войне. Евстафий предлагает понимать под «царем Аретиадом» Агамемнона или Ахилла; иные же, продолжает Евстафий, под царем Аретиадом подразумевали Помпея, который в союзе со скифами и понтийскими ахейцами вел междоусобную войну с Цезарем (*Eust. ad Dion. Per.* 680).

²²⁵ Гениохи (букв. «возничие») населяли побережье северо-восточного Понта и были известны в качестве морских пиратов (*Ps.-Scyl.* 71–80; *Diod.* XX. 25. 2; *Strabo.* XI. 2. 12 C 495). Подробнее см. *Kießling [M.]. Heniochoi* // *RE.* 8. Bd 1913. Sp. 259–280; *Plontke-Lünig A. Heniochoi* // *DNP.* Bd V. 1998. Sp. 346–347; *Asheri D. The Achaeans and the Heniochi. Reflections on the Origins and History of a Greek Rhetorical Topos* // *The Greek Colonisation of the Black Sea Area: Historical Interpretation of Archeology* / Ed. G.R. Tsetskhladze. Stuttgart, 1998. S. 265–285.

и зиги²²⁶, выходцы из Пеласгийской земли²²⁷. По берегам самой дальней части Понта, за страной тиндаридов²²⁸, обитают колхи – выходцы из Египта²²⁹, (690) [оказавшиеся] по соседству с Кавказом, который у Гирканского моря вздымается крутыми утесами; здесь же и Фасис, проходя посреди Киркейской долины, извергает в волны Евксина свои быстрые пенистые воды, беря начало у Армянской горы²³⁰.

(695) К северо-востоку от него (sc. Фасиса) пролегает перешеек – перешеек между Каспийским и Евксинским морями. На нем обитает восточный народ иберов, которые некогда пришли от Пирены на восток и вступили в ожесточенную войну с гирканиями²³¹, (700) и большое племя камаритов²³², которые некогда гостеприимно встретили Вакха, возвращающегося после Индийской войны, и устроили священный хоровод с ленами (sc. вакханками), надев передники и оленьи шкуры на грудь и крича «эвое Вакх!»; и божество возлюбило сердцем этот народ (705) и обычай этой страны.

За ними катит волны Каспийское море. Я бы с легкостью описал тебе и это море, хотя и не видал его далеких волн (досл. «путей») и не переплывал их на корабле, ибо жизнь моя не проходит на черных кораблях (710) и не занимаюсь я торговыми делами, унаследованными от отца, и не хожу я к Гангу через Эритрейское море, как другие, не заботясь о своей жизни ради обретения несметных богатств; не имею я дел с гиркания-

²²⁶ Местоположение народа зигов на северо-восточном (кавказском) побережье Понта подтверждает целый ряд античных источников (*Strabo*. XI. 2. 1 С 492; *Plin. nat. hist.* VI. 19; *Arr. Per.* 27; *Ptol. Geogr.* V. 9. 18). Подробнее см. *Ziegler K. Zygoi // RE. 2. Reihe. 19. Hlbd. 19. 1972. Sp. 446; Воронов Ю.Н. Древняя Асилия: источники, историография, археология. Сухум, 1998. С. 36, 49; Подосинов. Восточная Европа... С. 250.*

²²⁷ Словоосочетание «выходцы из Пеласгийской земли» относится не только к зигам, но и к гениохам и, быть может, к ахейцам. В данном случае архаизированное словоупотребление «пеласги» в поэтическом контексте означает материковых греков (ср. ст. 347). Данные Дионисия совпадают со свидетельством Страбона, который объединяет зигов с гениохами и ахейцами, схожим образом описывая их образ жизни и местообитания (*Strabo*. XI. 2. 12 С 496).

²²⁸ Тиндариды – грецизация, возможно, местного названия народа неизвестного происхождения. Античные источники локализуют тиндаридов либо среди населяющих побережье Меотиды меотских племен (*Plin. nat. hist.* VI. 19), либо на кавказском побережье в районе г. Диоскуриада; см. *Diehl E. Tyndaridoi // RE. 2. Reihe. Hlbd. 14. 1948. Sp. 1775.* Возможно, слова *ἡὸν τυνδαριδῶν* («земля Тиндаридов») служат у Дионисия метонимическим обозначением г. Диоскуриада – древнейшего грецизированного пункта кавказского побережья.

²²⁹ Согласно античным источникам, колхи обитали на восточном побережье Понта (*Herod.* II. 104–105; III. 97; IV. 37; IV. 40; VII. 79; *Apoll. Rhod.* IV. 272–281; *Diod.* I. 55; *Strabo*. XI. 2. 1 С 492; XI. 2. 14–18 С 497–499; *Amm. Marc.* XXII. 8. 24). «Темнолицых колхов» в области Фасиса упоминает уже Пиндар (*Pyth.* IV. 212). Утверждение Дионисия о происхождении колхов от египтян восходит к сообщению Геродота (*Herod.* II. 104). См. также *Ivantchik A.I. Eine griechische Pseudo-Historie. Der Pharo Sesostris und der skytho-ägyptische Krieg // Historia. 1999. Bd 48 (4). S. 395–441.*

²³⁰ Фасис (совр. р. Риони) – река в Колхиде. Представление о р. Фасисе как границе между Европой и Азией восходит к седой древности (ср. *Aesch. F* 191 Radt) и связано, видимо, с мифом об аргонавтах (ср. *Herod.* IV. 45). Киркейская долина (*Apoll. Rhod.* II. 400) (по имени волшебницы Кирки, сестры царя Ээта и тетки Медеи – *Eust. ad Dion. Per.* 692) отождествляется с современной Рионской низменностью. Некоторые античные авторы принимали Армянскую гору за отрог Тавра, простирающийся до самой Армении (*Eust. ad Dion. Per.* 694) (ср. *Herod.* I. 72; *Strabo*. XI. 2. 15 С 497; *Plin. nat. hist.* VII. 25).

²³¹ Кавказские иберы – древний народ горных областей, расположенных к востоку от Колхидской низменности (*Ps.-Scymn. F* 20 Marcotte; *Strabo*. XI. 3. 1–6 С 499–501), см. *Plontke-Lünig A., Schwarz A. Iberoi // DNP. Bd V. 1998. Sp. 879; Bd VI. 1998. Sp. 941–942.* Город Пирена известен уже Геродоту (II. 33). Евстафий уточняет, что Пирена, от которой иберы прибыли на восток, «называется также Пиренейской горой» (*Eust. ad Dion. Per.* 695). Судя по сообщению Дионисия, пришлые иберы вступили в войну с местным народом гирканиев; античные источники передают, что гиркании населяли южное побережье Каспийского моря (*Herod.* III. 117; VII. 62; *Strabo*. XI. 7. 1–5 С 508–510; *Plin. nat. hist.* XXXI. 43; *Ptol. VI. 9*). По мнению И.В. Пьянкова, этногеографическое сближение гирканиев с иберами в районе Кавказа у Дионисия и других античных авторов (например, *Mela. I. 13; III. 41*) вызвано обработкой предшествующей им письменной традиции (Пьянков. Средняя Азия... С. 255–256).

²³² Этноним «камариты» Евстафий – опираясь на сведения Страбона (*Strabo*. XI. 2. 12 С 495) – производит от якобы используемых ими узких лодок, вмещающих 25–30 человек; греки дали этим лодкам название «камары» (*Eust. ad Dion. Per.* 700).

ми и не посещаю я эритрейских ариенов у кавказских отрогов; (715) но ведет меня дух Муз, а благодаря им, не странствуя, можно измерить моря, горы, материки и ход эфирных звезд.

Так вот, очертания всего огромного Каспийского моря подобны вытянутой в двух направлениях окружности²³³; его (720) не оплывешь на корабле за три лунных цикла – столь велик этот «путь». Сужающееся к северу, оно соединяется с течением Океана. [Это море] содержит и множество других удивительных, по мнению людей, вещей, оно производит хрусталь и голубоватую яшму (725), отпугивающую Эмпус²³⁴ и других призраков.

[Теперь] я расскажу тебе обо всех племенах, сколько их живет вокруг [Каспийского моря], начав с северо-западной стороны.

Первыми идут скифы²³⁵, они населяют земли от Кронийского моря до устья Каспия; (730) следующие – финны²³⁶, за ними – каспии²³⁷, а за этими – воинственные албаны²³⁸ и кадусии²³⁹, живущие в гористой местности; возле них – марды, гирканы²⁴⁰ и тапиры; за их [землей] катит свои воды [река] Мард²⁴¹ – источник для деркебиев²⁴² и богатых бактров²⁴³, (735) [протекая] между этими двумя [народами], он (sc. Мард) впадает в Гирканское море. Бактры занимают во внутренних землях пространные области возле лесистых склонов Парнаса; а деркебии живут с другой стороны (sc. от реки Мард) – рядом с Каспийскими водами.

После них, на востоке, на противоположном берегу шумящего Аракса²⁴⁴, (740) обитают массагеты²⁴⁵, владеющие быстрыми стрелами – ни я и никто другой не хотел бы

²³³ Ср. *Strabo*. XI. 6. 1 С 507; *Plin. nat. hist.* VI. 37–38; *Agathem.* III. 13 (GGM / Rec. Müller. Vol. II. P. 474).

²³⁴ Эмпуса – мифическое чудовище-оборотень из окружения Гекаты (ср. *Aristoph. Ran.* 294; *Philostr. Vita Apoll.* IV. 25). В данном случае Дионисий говорит о необычных свойствах камней-оберегов, предположительно, горного хрусталя и бирюзы (яшмы). Ср. *Theophr. de lap.* 30, 35.

²³⁵ Скифы (азиатские скифы) – здесь понятие, охватывающее ряд народов (ср. *Strabo*. XI. 6. 2 С 507).

²³⁶ Поздние рукописи предлагают в этом месте ошибочное чтение «гунны» (интерполяция). Евстафий отмечает, что вместо $\theta\upsilon\nu\alpha\iota$ следует читать $\omicron\upsilon\nu(v)\alpha\iota$ и называет этих «уннов» одним из скифских племен (*Eust. ad Dion. Per.* 730). Ср. название этого прикаспийского племени с этнонимом «фины-скифы», который обозначает фракийских финов, родственными малоазийским вифинам, переселившимся из Фракии (*Plin. nat. hist.* IV. 21). Подборку источников о фрако-анатолийских финах см. *Detschew D. Die thrakische Sprachreste.* Wien, 1957. S. 211–213.

²³⁷ Ср. *Herod.* III. 92; VII. 67; VII. 86; *Diod.* XVII. 75; Страбон сообщает, что к его времени племя каспиев уже исчезло, оставив по себе память в названии Каспийского моря и области Каспианы (*Strabo*. XI. 4. 5 С 502); *Plin.* VI. 45.

²³⁸ Кавказские албаны (албанцы) населяли западные области каспийского побережья по соседству с кавказскими иберами (*Strabo*. XI. 4. 1–8 С 501–503).

²³⁹ Кадусии – племя на юго-западном побережье Каспия, локализуемое античными авторами между албанами и мардами (*Xen. Hell.* II. 1. 13; *Strabo*. XI. 6. 1 С 507 и др.; *Mela.* I. 13; *Plin. nat. hist.* VI. 48).

²⁴⁰ Гирканы – племя на юго-восточном побережье Каспийского моря (ср. *Mela.* I. 13; III. 39; *Plin. nat. hist.* VI. 46; VI. 113; *Ptol. Geogr.* VI. 9. 1; VI. 9. 3–4). Ср. перечень прикаспийских племен у Эратосфена: тапиры, гирканы, амарды, анариакы, кадусии, албанцы, каспии, утии, скифы (*Eratosth.* III В 63 Berger = *Strabo*. XI. 8. 8 С 514; ср. *Eratosth.* III В 68 Berger = *Strabo*. XI. 6. 1 С 507).

²⁴¹ По мнению И.В. Пьянкова, река Мард – результат переосмысления Дионисием гидронима Марг (совр. Мургаб) (*Пьянков. Средняя Азия...* С. 219–220).

²⁴² Деркебии (дербики) – народ на восточном побережье Каспия, обитающий, по античным представлениям, у нижнего течения Окса (*Eratosth.* III В 63 Berger = *Strabo*. XI. 8. 8 С 514; *Strabo*. XI. 11. 8 С 520; *Mela.* III. 39; *Plin.* VI. 48; *Ptol. Geogr.* VI. 10. 2).

²⁴³ Бактры – население Бактрии, области по обоим берегам среднего течения Окса (совр. Амударья), известное еще из клинописных надписей Ахеменидов (*Herod.* I. 153; III. 92; VII. 64; VIII. 113 и др.; *Eratosth.* III В 63 Berger = *Strabo*. XI. 8. 8 С 514; *Strabo*. XI. 11. 1–4 С 516–518 и др.). Начиная с племени бактров, Дионисий, мысленно двигаясь по направлению к северо-востоку, переходит к описанию народов, населяющих внутренние области Центральной Азии.

²⁴⁴ Р. Аракс упоминается только в ранних источниках (ср. *Herod.* I. 201–202; III. 36; IV. 11 и др.), где под этим названием фигурируют три разные реки, владеющие в Каспийское море (подробнее см. *Пьянков. Средняя Азия...* С. 184–186). По мнению И.В. Пьянкова, дионисиев эпитет «шумящий» указывает на водопад на р. Аракс (ср. *Aesch. Prom.* 717) (Там же. С. 216).

²⁴⁵ Массагеты – скифский кочевнический этнос (*Herod.* I. 201–216; IV. 172; *Eratosth.* III В 63 Berger = *Strabo*. XI. 8. 8 С 514; *Strabo*. XI. 6–7 С 512–513; *Mela.* I. 13; *Plin. nat. hist.* VI. 50). См. также *Пьянков И.В. Массагеты Геродота // ВДИ. 1975. № 2.*

оказаться рядом с ними: они наиболее враждебны к чужестранцам по сравнению с другими [племенами]. Ведь их пища [не включает] услаждающий душу хлеб, и еще меньше здесь в ходу вино, (745) но они устраивают пиршества, смешивая белое молоко с кровью лошадей. К северу от них [живут] хорасмий²⁴⁶, за которыми [находится] земля Сугдиана²⁴⁷, по ней протекает священный Окс, который, стекая с горы Эмод, впадает в Каспий²⁴⁸.

За ним по берегам Яксарты²⁴⁹ обитают (750) саки²⁵⁰ – обладатели луков, которые не постыдился бы носить никакой лучник, у них не в обычае стрелять куда попало; [там же живут] тохары²⁵¹, фруры²⁵² и варварские народы серов²⁵³, которые не признают быков и тучный мелкий скот; они, перерабатывая пестрые цветы [своей] пустынной земли, (755) изготавливают искусно выделанные и высоко ценимые одежды, такие же яркие, как цветы луговых трав – с ними не сравнится даже тончайшая паутина.

Есть еще и другие многочисленные скифы, которые населяют самые дальние окраины [этой части ойкумены]; вокруг них простирается земля, враждебная людям, (760) скованная ледяными ветрами и градом. Столько народов проживает вокруг Каспийских волн.

А теперь, [повернув] от колхов и Фасиса на запад [и двигаясь] вдоль берега Евксина, я поведаю о понтийских народах²⁵⁴, [живущих] вплоть до Фракийского устья, где [нахо-

²⁴⁶ Хорасмий – парфянское племя, населяющее территории позднейшего Хорезма (*Hecatt. FGrH I F 291 Jacoby* = *Athen.* II. 70 b; *Herod.* III. 93, 117; VII. 66 и др.; *Strabo.* XI. 8. 8 С 513; *Plin. nat. hist.* VI. 48; *Arr. Anab.* IV. 15. 4).

²⁴⁷ Сугдиана (Согдиана) – земля в долине Зеравшана и Кашкадарьи; народ, ее населявший (сугдий, согдианы, согдийцы), известен со времен Авесты, ахеменидских надписей и Геродота (подробнее см. *Доватур, Калустов, Шишова.* Народы... С. 197–198) (ср. *Eratosth.* III В 63 *Berger* = *Strabo.* XI. 8. 8 С 514; *Mela.* I. 13; III. 42).

²⁴⁸ Р. Окс (совр. Амударья) – одна из самых крупных рек Гиркании (*Eratosth.* III В 63 *Berger* = *Strabo.* XI. 8. 8 С 514; *Strabo.* XI. 7. 3–4 С 509–510; XI. 11. 2 С 517; *Mela.* III. 42); Эмод – два горных хребта, не различающихся в античной географической традиции: 1) Гималаи или их часть; 2) горы, с которых берет начало р. Вахш (см. *Пьянков.* Средняя Азия... С. 252–257, 283). Подробнее об изменении течений среднеазиатских рек, впадавших в античный период в Каспий, а теперь в Аральское море, см. *Гуленков К.Л.* «Каспийский» торговый путь во времена Митридата VI Евпатора // Античность: события и исследователи. Казань, 1999. С. 95–96.

²⁴⁹ Согласно сведениям Эратосфена, р. Яксарт (совр. Сырдарья) разделяет земли согдийцев и саков (*Eratosth.* III В 63 *Berger* = *Strabo.* XI. 8. 8 С 514; *Strabo.* XI. 7. 4 С 509–510; XI. 11. 2 С 517; *Mela.* III. 42). См. также *Пьянков.* Средняя Азия... С. 257–258.

²⁵⁰ Саки – кочевнический среднеазиатский этнос (*Herod.* III. 93, ср. VII. 64; *Strabo.* XI. 8. 2–5 С 511–512 и др.; *Mela.* III. 59; *Arr.* III. 8. 3–6; *Curt. Ruf.* VII. 4. 6).

²⁵¹ Тохары – союз кочевых племен Центральной Азии (*Strabo.* XI. 8. 2 С 511; *Plin. nat. hist.* VI. 55; *Ptol.* Geogr. VI. 2. 4). См. также *Пьянков.* Средняя Азия... С. 126 и др.

²⁵² Фруры (Фрины) – племя, населявшее регион к югу от совр. озера Балхаш и часть Бактрии (*Strabo.* XI. 11. 1 С 516; ср. *Ptol.* VII. 1. 92, где упоминается город Фрурион); по словам Евстафия, фруры – скифское племя (*Eust. ad Dion. Per.* 752).

²⁵³ Серы – традиционное обозначение китайцев в античной географии, локализуемых в Северо-Восточной Азии (*Strabo.* XI. 11. 1 С 516; *Mela.* I. 11; III. 60; *Plin. nat. hist.* VI. 64). Происхождение этого этнонима некоторые исследователи выводят из китайского слова, означающего «шелк»; таким образом, под именем серов следует понимать не самих китайцев, а тех, кто поставлял шелк по Великому шелковому пути (*Томсон Дж.О.* История античной географии. М., 1953. С. 253).

²⁵⁴ В основе этногеографического описания Южного Понта у Дионисия лежит рассказ одного из персонажей эпоса Аполлония – прорицателя Финея, который в благодарность за свое спасение аргонавтами поведал им о пути предстоящего плавания и его завершения (*Apoll. Rhod.* II. 317–401). При сопоставлении текстов обоих авторов видно, что изложенную Аполлоном в рассказе Финея этногеографическую информацию Дионисий Перизетт дополнил, помимо других источников, данными перипла аргонавтов (*Apoll. Rhod.* II. 549–1280), однако последовательности перечисления Дионисием противоположна той, что дана в эпосе Аполлония Родосского: аргонавты двигаются в направлении с запада на восток, в то время как у Дионисия южнопонтийские племена и народы описаны в направлении с востока на запад; в перечень Дионисия входят колхи (ст. 762, ср. *Apoll. Rhod.* II. 397, 1277), бизеры (ст. 765, ср. *Apoll. Rhod.* II. 396, 1244), бехиры (ст. 765, ср. *Apoll. Rhod.* II. 394, 1242), макроны (ст. 766, ср. *Apoll. Rhod.* II. 394, 1242), филиры (ст. 766, ср. *Apoll. Rhod.* II. 393, 1231), моcсиники (ст. 766, ср. *Apoll. Rhod.* II. 379, 1016), тибареы (ст. 767, ср. *Apoll. Rhod.* II. 377, 1010), халибы (ст. 768, ср. *Apoll. Rhod.* II. 375, 1001), амазонки (ст. 773, ср. *Apoll. Rhod.* II. 374, 965), пафлагонцы (ст. 787, ср. *Apoll. Rhod.* II. 358, 790), мариандины (ст. 788, ср. *Apoll. Rhod.* II. 352, 723), вифиняне (ст. 793, ср. *Apoll. Rhod.* II. 347, 619). Кроме того, Дионисий перечисляет здесь же ряд топонимов и гидронимов, приводимых и Аполлоном Родосским: реки Фасис (ст. 762, ср. *Apoll.*

дится] земля Халкедона²⁵⁵. (765) Первыми [идут] бизеры, по соседству – племена бехиров, макронов, филиров, а также те, что живут в деревянных моссиах²⁵⁶, рядом с ними – богатые стадами мелкого скота тибарены; за ними населяют неподатливую и суровую землю халибы, искусные в трудоемкой обработке крепкого железа, (770) они, стоя у тяжкозвучных наковален, никогда не прекращают этот тяжелый славный труд.

За ними расстилаются луга Ассирийской земли²⁵⁷, где устремляет с Армянской горы к Амазонидам [свои] белые воды шумный Фермодонт²⁵⁸, (775) который некогда принял заблудившуюся и опечаленную дочь Асопа Синопу и приютил ее в своих землях по указанию Зевса, когда тот, после сладких объятий восплавав страстью, заставил ее, отвергнувшую притязания [Зевса], бежать с родины; люди в ее честь называли город²⁵⁹. (780) На холодных берегах этой реки ты мог бы добыть прозрачный камень кристалл, похожий на лед, а также найти голубоватую яшму. Следующим катит в море свой чистый поток [река] Ирида; за ней бурлят воды реки Галис, (785) несаясь к северу, рядом с мысом Карамбис, беря начало с Армянских гор²⁶⁰.

За ними (sc. этими реками) живут на побережье пафлагонцы и [находится] священная равнина мариандинов, где, как говорят, огромная медноголовая собака Подземного Крониды, (790) поднятая руками мужественного Геракла, изрыгнула из своей пасти отвратительную слюну – ее приняла земля и тут же вырастила как отраву [для людей]²⁶¹. Рядом вифиняне населяют плодородную землю, где Реба посылает свое прелестное течение, Реба – (795) которая протекает около устья Понта, Реба, чьи воды самые прекрасные из всех на земле²⁶². Столько людей проживает вокруг Понта; вышеуказанные племена являются скифскими.

А теперь я опишу очертания (досл. «путь») азиатского побережья, (800) которое, устремляясь к Геллеспонту, простирается дальше к югу – к южному течению Эгейского моря вплоть до самой Сирии и милой Аравии.

Rhod. II. 401, 1261), Фермодонт (ст. 774, ср. *Apoll. Rhod.* II. 370, 970), Ирида (ст. 783, ср. *Apoll. Rhod.* II. 367, 963), Галис (ст. 784, ср. *Apoll. Rhod.* II. 366, 953), Реба (ст. 794, ср. *Apoll. Rhod.* II. 349, 650) и мыс Карамбис (ст. 785, ср. *Apoll. Rhod.* II. 361, 943). Дионисий не включает в свою перизегзу упоминаемые у Аполлония племя сапиров (=саспиров) (*Apoll. Rhod.* II. 395), остров Апеса (*Apoll. Rhod.* II. 384), реку Ахеронт (*Apoll. Rhod.* II. 355), Ахерузский утес (*Apoll. Rhod.* II. 354), остров Тинеиду (*Apoll. Rhod.* II. 350). См. Höfer U. Pontosvölker, Ephoros und Apollonios von Rhodos // *RhM.* 59. 1904. S. 542–564; Delage E. La Géographie dans les Argonautiques d'Apollonios de Rhodos. Bordeaux–Paris, 1930; Pearson L. Apollonius of Rhodes and the Old Geographers // *AJP.* 59. 1938. P. 448–450; Fränkel H. *Noten zu den Argonautika des Apollonios.* München, 1968. S. 180–185.

²⁵⁵ Халкедон – город на азиатском берегу Боспора Фракийского, расположенный напротив Византии (ср. ст. 803) (*Strabo.* XII. 3. 2 С 541).

²⁵⁶ Дионисий и Аполлоний используют гомеровское определение δοῦρατέος «деревянный» при характеристике племени моссинов; при этом Дионисий перифрастически передает название самого племени – «живущие в деревянных моссиах (sc. башнях)». Ср. *Xen. Anab.* V. 4; *Strabo.* XII. 3. 18 С 549.

²⁵⁷ Это наименование прилагалось античными авторами к основанной милетянами в VII в. до н.э. колонии Синопа, населенной левкосирийцами (отчего сама область называлась Левкосирией), ср. *Apoll. Rhod.* II. 946.

²⁵⁸ Сведения о Фермодонте (совр. р. Термичай) восходят к Геродоту. Дионисий помещает истоки Фермодонта на Армянских горах (иначе: *Apoll. Rhod.* II. 972–977). Об Армянской горе см. прим. 230.

²⁵⁹ Синопа – одна из двенадцати дочерей речного бога Асопа и эпоним города Синопа (совр. г. Синоп) (*Xen. Anab.* VI. 1. 15; *Apoll. Rhod.* II. 946–957; *Ps.-Scymn.* F 27 Marcoite; *Diod.* XIV. 31. 2; *Strabo.* XII. 3. 11 С 545; *Val. Flacc.* Argon. V. 110 sq.; *Arr. Per.* 14). См. *Ivantchik A.* Les legends de foundation de Sinope du Pont // *REG.* 99. 1997. P. 33–45; *Иванчик А. И.* Основание Синопы. Легенда и история в античной традиции // ВДИ. 2001. № 1. С. 139–153.

²⁶⁰ По словам Страбона, истоки р. Ириды (совр. Ешил-Ирмак) «находятся на самом Понте» (*Strabo.* XII. 3. 15 С 547); р. Галис (совр. Кызыл-Ирмак) – пограничная река между Каппадокией и Фригией, получила свое название от соляных копий, намываемых ее течением (*Herod.* I. 72 и др.; *Strabo.* XII. 3. 12 С 546).

²⁶¹ Перифрастическое упоминание Гераклеи Понтийской. По легенде, из слюны Керберы выросло ядовитое растение аконит (ср. *Strabo.* XII. 3. 7 С 543; *Eust. ad Dion. Per.* 787).

²⁶² Р. Реба (совр. Рива Дереси) протекает вблизи Боспора Фракийского (*Apoll. Rhod.* II. 349–350). По словам Евстафия, опирающегося на сведения Арриана из «Вифиниака», Реба «течет с Мисийского Олимпа, как и Сангарий» и служит границей между землями финов и вифинов (*Arr. FGrH* 156 F 77 Jacoby = *Eust. ad Dion. Per.* 793).

Первыми владеют землей халкедонцы у самого его (ср. Геллеспонта) устья, глядя на Византий на противоположном берегу; (805) за ними [располагаются] бебрики²⁶³ и горы Мисийской земли, там несет свое прекрасное течение [река] Киос – в этом потоке Нимфа некогда похитила Гиласа, шустрого спутника могучего Геракла²⁶⁴.

Оттуда поднимается к Геллеспонту огромный изгиб Малой Фригии; (810) другая (ср. Фригия) – более обширная – лежит во внутренних землях за водами Сангария²⁶⁵. [Эта] большая [Фригия] тянется на восток, она богата пастбищами для коней и плодородна; а другую (ср. Малую Фригию) ты бы мог видеть к западу, она лежит у подошвы священной Иды; (815) на ее склонах находится обдуваемый ветрами Илион – великолепный Илион, город героев древности – Илион, который укрепили Посейдон и Аполлон – Илион, который сокрушили Афина и Гера, [лежащий] возле широко текущего Ксанфа и стекающего с Иды Симонента.

(820) Следом (ср. за Малой Фригией) вдоль берега Эгейского моря за великим Геллеспонтом тянутся поселения Эолийской земли. За ней обитают потомки славных ионийцев, живущие около самого моря в области, через которую Меандр в шумном водовороте сбегает к морю²⁶⁶ (825) между Милетом и просторной Приеной. Далее на север от обоих [городов] ты мог бы видеть приморский Эфес, великий город Стрелометательницы, здесь Амазонида некогда воздвигли богине храм в основании вяза – на диво людям²⁶⁷.

(830) От них к востоку тянется Меония – за обдуваемой ветрами [горой] Тмол, откуда струится с шумом Пактол, неся в своих потоках золото²⁶⁸; если ты сядешь на его берегах в весеннее время, ты можешь услышать звонкий голос лебедей, которые приплут то там, то здесь траву у воды – (835) ибо много пышных лугов цветет в Азии, а особенно – в долине Меандра, где, несильно бурля, протекают также прекрасные воды мягко плещущего Каистра²⁶⁹. Тебе бы понравились тамошние женщины; танцующие (840) вокруг божественного храма, собравшись в удивительном хороводе и обвязав вокруг талии золотой шнур, они и распевают гимны Дионису; вместе с ними скачут и девочки, словно новорожденные олениа – обдувающий ветер (845) колышет на груди их складки очаровательных одежд. Однако это – забота лидийских мужей.

Землю возле моря по берегам прекраснотекущей реки Ксанф²⁷⁰ населяют ликийцы; оттуда видны обрывистые отроги Тавра – (850) вплоть до памфилийцев – они называют

²⁶³ Бебрики – племя в Вифинии, исчезнувшее к VIII в. до н.э.; легендарные сведения о поражении бебриков от аргонавтов, сохранил Аполлоний Родосский (*Apoll. Rhod.* II. 1–163; ср. *Theocr.* XXII. 29; *Apollod.* I. 9. 20; II. 5. 9). Страбон называет бебриков фракийским племенем (*Strabo.* XII. 3. 3 С 542).

²⁶⁴ Гилас, спутник Геракла, был похищен нимфой реки, очарованной красотой юноши; пока Геракл безуспешно пытался найти его, аргонавты продолжили свой путь, не заметив отсутствия обоих (*Apoll. Rhod.* I. 1223–1256). Киос – река (совр. Гемлик) и одноименный город на азиатском побережье Пропонтиды.

²⁶⁵ Сангарий (совр. Закара) – река во Фригии и Вифинии (*Hom.* II. III. 187; XVI. 719; *Apoll. Rhod.* II. 722; *Strabo.* XII. 3. 7 С 543).

²⁶⁶ Меандр – река в Кarii, впадающая в современный Латмийский залив (*Hom.* II. II. 869); течение Меандра было извилистым (*Strabo.* XII. 8. 17 С 579); по имени этой реки был назван известный декоративный узор.

²⁶⁷ Стрелометательница (ῥοχέαιρα) – постоянный эпитет Артемиды (*Hom.* II. XXI. 480; *Od.* XI. 198; *Pind.* Pyth. II. 9). Далее имеется в виду знаменитый храм Артемиды Эфесской, который, как считается, начал строиться в первой половине или около середины VI в. до н.э., в то время как святилище в этом месте было известно уже с VIII в. до н.э. (*Herod.* I. 92; II. 148; *Strabo.* XIV. 1. 20–23 С 639–641; *Plin. nat. hist.* XXXVI. 95–97).

²⁶⁸ Тмол – гора в Лидии (*Hom.* II. II. 866; XX. 385, ср. *Strabo.* XIII. 4. 5 С 625–626), связанная с циклом мифов о Дионисе (*Eur. Bacch.* 13–14, 55–59, 65; *Orph. Hymn.* 48. 4; 49. 6). О золотоносной реке Пактол известно со времен Геродота (*Herod.* V. 101); Страбон пишет, что к его времени золотой песок в реке исчез (*Strabo.* XIII. 4. 5 С 625). О лебедях Аполлона на реке Пактол говорится у Каллимаха (*Call. Hymn.* IV. 250).

²⁶⁹ Каистр (совр. Карасу) – река в юго-западной части Малой Азии (*Hom.* II. II. 461; *Herod.* V. 100), при впадении ее в море находился Эфес (*Strabo.* XIV. 1. 24 С 641).

²⁷⁰ Ксанф – река и город в Ликии, одноименная с рекой в Троаде (ср. ст. 683, 891).

его Краг. Здесь ты смог бы увидеть приморский город Аспенд, [стоящий] на реке Евримедонт, где умилоствуют дочь Дионы, принеся в жертву веяря²⁷¹. Рядом находятся города Памфилии: (855) Корик, Перга и обдуваемая ветрами Фаселида. На восток от них во внутренних землях живут искусные в войне ликаоны, вооруженные изогнутыми луками. За ними [лежит] плодородная равнина писидийцев²⁷², где [находятся] города Телмесс, Лирба и (860) прославленная по всей земле Сельга, основанная амиклейцами в стародавние времена²⁷³.

Там по направлению к востоку теснят изрезанную землю кипящие волны, вдаваясь глубоко внутрь материка и соседствуя с бурным Евксинским морем. Этот залив обтекает народы киликийцев, (865) протянувшись далеко на восток – его называют Азиатским проливом. Воды нескольких рек, текущих издалека, смешиваются с ним: Пирама, Пинара и извилистого Кидна, проходящего через Тарс – богато отстроенный Тарс, где некогда конь [по имени] Пегас, (870) оставив [след от своего] копыта (ταρσόν), дал название этому месту, когда герой Беллерофонт был сброшен своим конем, стремясь в царство Зевса. Тут же находится и Алейская долина, по которой он, одинокий, скитался вдали от людей²⁷⁴. Рядом расположены многие другие города киликийцев: (875) Лирнесс и Малл, Анхиалея и Солы, одни во внутренних землях, другие – у самого моря. За ними – земля Коммагены и города Сирии, протянувшиеся вдоль изогнутого песчаного берега; здесь поток седого моря поворачивает к западу – вплоть до пика (880) расположенной у самого моря обрывистой горы Касий.

С легкостью я смогу воспеть тебе и остальной «путь» Азии; пусть этот рассказ останется в твоей памяти, да не выветрится радость от проделанной работы. Ибо, если ты ясно обдумаешь этот путь, [излагаемый теперь] мной, (885) тогда ты сможешь со знанием дела поведать и другим о реках, о расположении городов и каждой страны.

Вообрази очертания (sc. южной части Азии) [в виде] четырехугольника, вытянувшегося своими просторными равнинами на восток. Ты уже знаешь, слушая мой предыду-

²⁷¹ Жертвоприношения Афродите Дионе в виде диких свиней упоминаются в античных источниках редко.

²⁷² Писидия – область на юге Малой Азии, часть Памфилии (ср. *Ps.-Scymn.* F 25 Marcotte).

²⁷³ Сельга – город в Писидии к северу от г. Аспенда; Сельга основана, по словам Страбона, сначала Калхантом, а затем спартанцами (*Strabo*. XII. 7. 3 С 570, ср. *Eust.* ad Dion. Per. 858).

²⁷⁴ Беллерофонт – сын Посейдона (по другому варианту – коринфского царя Главка); после того как Беллерофонт попадает к царю Ликии (*Hom.* II. VI. 168), боги дарят ему крылатого коня Пегаса (*Pind.* Ol. XIII. 63; *Paus.* II. 4. 1), и он совершает опасные для жизни подвиги: убивает крылатое чудовище Химеру, разбивает ликийское племя солимов (*ср. Herod.* I. 173) и амазонок (*Hom.* II. VI. 119–236; *Hesiod.* Theog. 325; *Pind.* Ol. XIII. 89–91). Возгордившись, Беллерофонт решает достигнуть на Пегасе вершины Олимпа, но по воле богов крылатый конь сбрасывает седока на землю (*Pind.* Isth. VII. 44–47), и ослепший Беллерофонт скитается по Алейской долине («Долина Скитаний») в Киликии (*Hom.* II. VI. 201; *Herod.* VI. 95; *Arist.* Probl. 30, 1; *Hug. Fab.* 57). Этимологию названия города Тарс Дионисий основывает на омонимии двух слов. В комментариях Евстафия сообщается, что Тарс был основан аргивянами (ср. *Strabo.* XIV. 5. 12 С 673 – аргивяне скитались здесь с Триптолемом в поисках Ио) и что именно в этом месте Пегас оставил след от копыта. По мнению одних, продолжает Евстафий, первоначальное название города было Τέρσια (от глагола τέρω – «сушить») – поскольку после потопа первыми высохли расположенные неподалеку отроги Тавра. Эратосфен связывал название города с эпиклезой Зевса Терсийского (F III B 89 Berger). Другие же говорят, что жители города первыми стали заготавливать на зиму сухофрукты, отчего название города следует произносить через ε – Τέρσεβς. Что касается топонима «Алейская долина» (Ἀλφειὸν πεδίον), то, согласно Евстафию, этимологию этого названия Дионисий связывает с ἄλῃ – «скитание, блуждание», и именно поэтому поэт говорит о Беллерофонте как об ἄλόμενος – «скитающемся». Кроме того, Евстафий приводит две другие этимологии этого названия: оно происходит либо от некогда существовавшего здесь города Ἀλῆς, либо оттого, что эта долина представляла собой целину, «лишенную посевов» (ἄ-λῆτον) (*Eust.* ad Dion. Per. 867). Имена Беллерофонта и связанных с ним Пегаса, химеры – негреческого, восточного происхождения (ср. *Калужская И.А., Цымбурский В.Л.* Беллер помимо Беллерофонта (Фрагмент мифологической культуры Северных Балкан и Древней Европы) // *Colloquia classica et indogermanica* III. Классическая филология и индоевропейское языкознание. СПб., 2002. С. 87–140).

щий рассказ, (890) что всю Азию вплоть до индов разрезает горная гряда²⁷⁵. Если ты соотнесешь ее с северной стороной [упомянутого четырехугольника], то Нил будет [его] западной стороной, восточной – Индийский Океан, а течение Эритрейского моря – южной. Теперь следы, как я буду двигаться вдоль побережья на восток, (895) начав с Сирии, где я [прежде] остановился; и никто не сможет упрекнуть меня в том, что я лгу и рассказываю небывальщину.

Итак, Сирия простирается от близлежащего моря на юго-восток, имея в своем владении землю со множеством городов – ее называют именем «Полая» (sc. Келесирия), потому что (900) ее низменную срединную часть окружают горные пики: с запада – [гора] Касий, а на востоке – [гора] Ливан²⁷⁶. [Эту землю] населяет множество богатых людей, живущих не под одним именем, но под разными: те, [что живут] внутри страны, называются сирийцами, (905) те, что у моря – им имя финикийцы, они – потомки тех мужей, что [звались] эритрейцы²⁷⁷, которые первыми испытали на море корабли, первыми обратились к морской торговле и стали наблюдать высокий хоровод небесных светил; (910) эти люди населяют Иопу, Газу и Элаиду, древний Тир и прекрасную землю Берита, приморский Библ и обдуваемый ветрами Сидон, что расположен на берегах прекрасного Бострена, и богатый Триполис, Орфосию, Мараф (915) и город Лаодикею, который лежит на морском берегу, владения Посидиона²⁷⁸ и священные Долины Дафны²⁷⁹ [где расположена Антиохия, названная в честь Антиоха²⁸⁰].

А во внутренних областях [находится] город Аламея: на восток от него течет полноводный и протяженный Оронт, (920) разделяющий пополам землю Антиоха²⁸¹. Вся эта земля плодородна и богата пастбищами, так что там можно и мелкий скот пастись и снимать урожай фруктов. Если ты двинешься дальше на юг, ты увидишь глубокое течение Аравийского залива, который (925) разлился между Сирией и Счастливой Аравией вплоть до [города] элан²⁸², чуть повернув на восток. Следом находится земля счастливых аравийцев, которая далеко простирается, окруженная двумя морями – Персидским и Аравийским; каждое из них соотносится с [направлением] своего ветра: (930) Аравийское – западного, Персидское – с дуновением восточного.

Южный край [Аравии], заворачивая на восток, омывается эритрейскими волнами Океана. Я расскажу о расположении и этой [страны], ибо ее населяют самые счастли-

²⁷⁵ См. ст. 638–649 и прим. 214.

²⁷⁶ Келесирия («Полая Сирия») – часть Сирии между горными цепями Ливан и Антиливан (ср. *Strabo*. XVI. 2. 16 С 755).

²⁷⁷ Этноним «финикийцы» (от φοινύς – «алый»; «кровожадный») в античности связывали с понятием «эритрейцы». Ср.: Финикияне, по их же словам, в древности обитали на Эритрейском море, а впоследствии переселились оттуда и ныне живут на сирийском побережье. Эта часть Сирий и вся область вплоть до Египта называется Палестиной» (*Herod.* VII. 89). См. также *Strabo*. XVI. 2. 24 С 757 (об изобретении астрономии и арифметики финикийцами).

²⁷⁸ Дионисий перечисляет прибрежные финикийские города, мысленно двигаясь с юга на север: Иопу (совр. Яффа) (ср. *Strabo*. XVI. 2. 28 С 759), Газу (*Strabo*. XVI. 2. 30 С 759), Элаиду – точно не идентифицируется (возможно, город Эла на берегу Аравийского залива – *Strabo*. XVI. 2. 30 С 759), Тир (*Strabo*. XVI. 2. 22–23 С 756–757), Берит (*Strabo*. XVI. 2. 19 С 756), Библ (*Strabo*. XVI. 2. 18 С 755), Сидон, помещенный Перизгетом севернее его реального местонахождения (*Strabo*. XVI. 2. 22 С 756), Триполис (букв. «Трехградье») – основан тремя городами: Тиром, Сидоном и Арадом (*Strabo*. XVI. 2. 15 С 754), Орфосию (*Strabo*. XVI. 2. 12 С 753), Мараф (*Strabo*. XVI. 2. 12 С 753 – по словам Страбона, к его времени Мараф уже был разрушен), Лаодикею (*Strabo*. XVI. 2. 9 С 751) и Посидион (*Strabo*. XVI. 2. 12 С 753).

²⁷⁹ Дафна – центр селевкидских жрецов вблизи Антиохии (на Оронте) с одноименной рощей, посреди которой находилось святилище Аполлона Дафния («Лаврового», «прорицающего из лавра» – *Hom. Hymn.* II. 215), основанное по инициативе Селевка I Никатора (*Strabo*. XVI. 2. 6 С 750; *Iustin.* XV. 4. 8; *Liban.* Antioch. XI. 94 С 302 R; *Arr.* FGtH 156 F 87 Jacoby). Дафна – нимфа, в которую был влюблен Аполлон, спасаясь от его преследований обратилась в лавровое дерево (*Ovid.* Met. I. 452–567).

²⁸⁰ Ст. 917 является поздней интерполяцией (отсутствует в кодексе Paris. Suppl. 388) и, кроме того, ошибочен: Дафна находилась не в самой Антиохии, а в ее окрестностях.

²⁸¹ «Земля Антиоха» – перифраза Дионисия, подразумевающая город Антиохию, столицу Сирий, что лежала на берегу р. Оронт (*Strabo*. XVI. 2. 5 С 750).

²⁸² Эланы – город на северном побережье Аравийского залива (*Strabo*. XVI. 4. 4 С 768).

вые и славные люди из всех²⁸³. (935) Эта земля содержит и другое великое чудо: она постоянно благоухает ароматами от травяных воскурений, сладко пахнет то туюей, то миррой, то приятно пахнущим тростником, то разогретой смолой божественного ладанного дерева или кассии; именно в этих местах (940) сам Зевс родил Диониса из своего крепко зашитого бедра²⁸⁴ – и при его рождении заблагоухала вся долина. Тогда же стада на пастбищах обросли крупноволнистым руном и из стоячих доселе озер сами собой полились воды, а с необитаемых островов прилетели птицы (945) и принесли листья истинного коричневого дерева. А он сам (sc. Дионис) натянул на плечи оленью шкуру, увенчал прекрасные кудри любимым плющом, хмельной от вина и улыбающийся, повязал увитые [плющом и виноградом] тирсы и одарил людей многими сокровищами. (950) Даже и теперь леса там изобилуют ладанным деревом, горы – золотом, реки – благоухающими ароматами, а сами жители, богато одаренные благами, красуются в мягких золотистых пеплосах.

Далее первыми за склоном Ливана (955) обитает богатое [племя] под названием набатеи; рядом – хавласии и агреи, за которыми расположена обитаемая земля Хатрамида, прямо напротив Персидской земли. Далее по берегам Эритрейского моря обитают миннеи, сабы и соседствующие с ними клетабены²⁸⁵. (960) Столькие многочисленные народы населяют Аравию, однако их еще больше, поскольку она (sc. Аравия) размерами велика.

К западу напротив [Счастливой Аравии] находится скудный край горных эрембов²⁸⁶, которые проводят свою жизнь в подземных пещерах, (965) нагие и не обладающие имуществом; тела их иссушились от жары и почернели от пота; кочуя с места на место, словно дикие звери, они [постоянно] страдают – в противоположность роду изнеженных аравийцев: ибо боги не даруют благоденствие всем поровну.

(970) А в сторону восхода за Ливаном протянулась обширная земля другой Сирии²⁸⁷, доходящая вплоть до омываемой морем Синопы. В центре нее, в далеких внутренних землях, обитают каппадокийцы, искусные в конной езде, (975) а около моря рядом с устьем Фермодонта – ассирийцы. К востоку от нее (sc. другой Сирии) появляется поток огромной реки Евфрат, которая сначала течет от Армянских гор далеко на юг, а затем, повернув (980) на восток и проходя через Вавилон, несет свои пенящиеся воды в Персидское море, протекая в своем последнем течении рядом с Тередоном²⁸⁸. К востоку от него (sc. Евфрата) течет быстреешая из всех рек – прекрасный Тигр, неся свой ровный поток настолько далеко, что самый сильный и быстрый человек смог бы завершить [этот путь] на седьмой день. Посреди этого [пути] находится круглое озеро, чье название Фонитида²⁸⁹ – Тигр уходит в его глубину, погружаясь в него надолго, а затем, вновь появляясь на поверхности, (990) еще быстрее катит течение вниз (sc. к морю): другую такую быструю реку ты едва ли увидишь.

²⁸³ Климат, растительный и животный мир, образ жизни людей, населяющих Счастливую Аравию, уже в древности вошел в поговорку.

²⁸⁴ См. прим. 200.

²⁸⁵ Дионисий перечисляет аравийские племена набатеев, хавласиев, агреев и хатрамотитов на севере полуострова в направлении с запада на восток, повторяя номенклатуру Эратосфена; затем – в направлении с востока на запад вдоль побережья Эритрейского моря – племена Счастливой Аравии: миннеев, сабов (сабейцев) и клетабенов (катабанов) (*Eratosth.* F III B 48 Berger = *Strabo*. XVI. 4. 2 С 767); Хатрамида (Хадрамаут), земля Газармавет в Ветхом Завете (см. *Седов А.В.* Древний Хадрамаут: очерки археологии и нумизматики. М., 2005).

²⁸⁶ См. прим. 73. Страбон связывает происхождение имени «эрембы» со словосочетанием ἔρχει ἐμβόρειν («сходить под землю») и сообщает о дальнейшем изменении названия племени на «троглодиты» («обитатели пещер») (*Strabo*. I. 2. 34 С 42).

²⁸⁷ «Другая Сирия» занимает территорию между Келесирией (на западе), Аравией (на юге), Месопотамией (на востоке) и городом Синопа на Понтийском побережье (на севере) (ср. *Strabo*. XVI. 1. 13 С 742).

²⁸⁸ Тередон – город в устье Евфрата (*Strabo*. II. 1. 26 С 80).

²⁸⁹ Предположительно, озеро Фонитида можно идентифицировать с совр. озером Ван на Армянском нагорье (на востоке совр. Турции) (ср. озеро Арсена-Фопитида – *Strabo*. XI. 14. 8 С 529).

Весь край между Евфратом и Тигром живущие здесь народы называют Месопотамией. Ни один волопас не стал бы порицать его пастбища, (995) и всякий, кто прославляет своей сириной козлоногого Пана²⁹⁰, последует за стадами по лугам; ни один садовник не смог бы пренебречь таким разнообразием плодов; такая там земля, что на ней вырастают разнообразные травы, луга покрываются цветами, а род людей (1000) – прекрасен и подобен небожителям.

Плодородные земли к северу от нее (sc. Месопотамии) населяют мужи армяне и сражающиеся врукопашную матиены²⁹¹, что живут рядом с горами перед рекой Евфрат, процветающие, состоятельные и искусные [в деле] Ареса. (1005) К югу [расположен] священный город Вавилон, который Семирамида целиком окружила неприступными стенами; на акрополе она возвела огромный храм Белу, украсив его золотом, слоновой костью и серебром²⁹². Равнина, [окружающая] Вавилон, прекрасна – там произрастает множество (1010) пальм со свисающими сверху широкими листьями. Здесь же содержится и другое вещество, поистине более привлекательное, чем золото: светло-синий камень берилл, цвета морской волны который зарождается в горах в змиевых норах.

Далее за Вавилоном в направлении северного ветра (1015) обитают киссии, массабаты и халониты²⁹³. Но если ты двинешься дальше от Армянских гор на восток, ты выйдешь к Мидийской Долине²⁹⁴. Цветущие земли к северу от нее занимают гелы, марды и атропатены²⁹⁵. (1020) А к югу [от нее] проживают племена славных медов, происходящих от знатного рода дочери Ээта, знаменитой героини. После того как на берегах ак-

²⁹⁰ Пан – божество, входящее в свиту Диониса (Hom. Hymn. XI. 37); нимфа Сиринга в страхе перед Паном превратилась в тростник (Ovid. Met. I. 689–712), из которого Пан сделал свирель.

²⁹¹ Матиены (матианы) обитали на берегах оз. Урмии (совр. Резайе) в северо-западных областях совр. Ирана (Herod. I. 72, 202; V. 49; VII. 72 и др.; Eratosth. III B 63 Berger = Strabo. XI. 8. 8 С 514; Strabo. XI. 14. 13 С 531). См. также Weßbach W. Matiene // RE. Bd XIV. 1930.

²⁹² Мифологическая Семирамида – дочь Деркетто (Luc. De dea syr. XIV. 39), которую Страбон отождествляет с сирийской богиней Атаргатис (Strabo. XVI. 4. 27 С 785). Миф о превращении Семирамиды в «горную голубку» (Diod. II. 4–20) – культовую птицу богини Ипитар, возможно, тесно связан с ассирийским словом, обозначающим «голубь» и напоминающим имя исторической ассирийской царицы Саммурамат (IX в. до н.э.), в правление которой были построены знаменитые ирригационные (Herod. I. 184) и оборонительные (Herod. III. 155) сооружения. По словам Геродота, Вавилон был самым знаменитым и могущественным городом Ассирии (Herod. I. 178). Мифологизация исторической Семирамиды берет начало у Ктесия Книдского (конец V в. до н.э.) (Diod. II. 13) и Бероса (III в. до н.э.) (Diod. II. 10; Ioseph. Flav. Ant. Iud. X. 226). Предание о Семирамиде, супруге царя Нина и основательнице Вавилона, целиком принадлежит греческой традиции: рассказы о женщине, управляющей огромной державой, не могли не произвести должного впечатления на патриархально мыслящих греков. Помимо сооружений в Вавилоне, ей приписывается строительство висячих садов, курганов, ворот, стен, крепостных укреплений с водопроводами, водохранилищ, высеченных в скалах лестниц, каналов, дорог и мостов (Strabo. II. 1. 25 С 80; XI. 14. 8 С 529; XVI. 1. 2 С 737). Что касается «прочных стен» Вавилона, упомянутых Дионисием, можно предположить, что в данном месте Дионисий не просто использует поэтический эпитет, но характеризует действительно качество стен – из идиллий Феокрита известно, что стены Вавилона были «из асфальта» (Theocr. XVI. 99–100). О храме Бела (т.е. Мардука) в Вавилоне известно также из «Истории» Геродота, который говорит о том, что вавилоняне отождествляли Бела с Зевсом (Herod. I. 181) (Eust. ad Dion. 1005). См. Ausführliches Lexikon / Roscher. Bd IV. Lpz, 1909–1915. Sp. 678–702; Rollinger R. Herodots babylonischer Logos. Innsbruck, 1993; Дандамаева М.М. Легенда о трех ассирийских владыках. (Ранняя греческая традиция о Нине, Семирамиде и Сардонапале) // ВДИ. № 4. 1995. С. 14–34.

²⁹³ Киссии – жители г. Сузы, крупного города области Сусида (названные по имени матери основателя города – Киссии) (Strabo. XV. 3. 2 С 728); массабаты (массабаты) – жители Массабтики, провинции Элимеи, граничащей с Мидией и Сусидой (Strabo. XVI. 1. 18 С 745); халониты – население ассирийской Халонитиды (Strabo. XI. 14. 8 С 529).

²⁹⁴ Мидийская Долина (Темпы) предположительно локализуется под Экбатанами (совр. Хамадан) – столицей Мидии.

²⁹⁵ Гелы – населяли территорию между кавказскими албанцами и южнопонтийскими «амазонками» (Strabo. XI. 7. 1 С 508 и др.); марды – персидское кочевническое племя (Herod. I. 125; Eratosth. III. B 68 Berger = Strabo. XI. 6. 1 С 507; Strabo. XI. 13. 6 С 524 и др.); атропатены – обитали на юго-западном побережье Каспийского моря (Strabo. XI. 13. 6 С 524).

тэанского Иллиса [Медея] смешала губительное зелье для Пандионида²⁹⁶, (1025) она бежала из той земли опозоренная, скиталась среди людей, пока не пришла в плодородную землю близ колхов, названную ее именем; страшась гнева отца, [Медея] не могла вернуться в саму Колхиду²⁹⁷. И до сих пор мужи, (1030) живущие в этой бескрайней земле далеко на восток вплоть до Каспийских Ворот, искусны в изготовлении снадобий: одни живут в горах, где добывают темные наркисситы; другие в заливных лугах пасут прекрасные стада овец, сгибающихся под тяжестью шерсти²⁹⁸. (1035) [Каспийские Ворота] – ключи от азиатской земли и расположены у подножья скалистых гор, где дорога [для тех], кто идет на север и на юг: в одном направлении – к гирканам, в другом – к горам Персидской земли.

У подножья Каспийских Ворот (1040) обитают воинственные парфяне²⁹⁹, вооруженные изогнутыми луками и искусные во всех видах сражений; они не засевают поля, бороздя плугом землю, не ходят по морю на весельных кораблях и не пасут стада на пастбищах – но с самого рождения, с младенчества (1045) обучаются стрельбе из лука и езде на лошадях. Повсюду в этой земле слышится гул дротиков и стрел, повсюду – бег стремительно летящих коней, поскольку у них не принято начинать трапезу прежде чем их головы не покроются ботом, добытым в тяготах войны. (1050) [Парфяне] питаются тем, что добывают своим копьем. Однако же, как ни неукротимы они в битве, меч авсонийского царя покорил и их³⁰⁰.

Если тебе захочется узнать также о персах³⁰¹, я красноречиво поведаю тебе и об их народе, (1055) и о руслах их вечно текущих рек, и о тропах в их горах. Одни они – самый царственный народ Азии, одни они принесли несметные богатства в свои стены после разграбления Меонии и Сард³⁰². Доспехи у этих людей из золота, (1060) и удила на мордах их лошадей из золота, и золотом украшены их сандалии на ногах – настолько безгранично их богатство. Вообрази: вся Персидская земля окружена огромными горами, она [простирается] к югу от Каспийских Ворот (1065) и доходит до одноименного моря. [Жители страны] делятся на три части: одни обитают на севере в тенистых горах медовлучников, другие – в центре страны, а третьи – на юге вплоть до моря; первые – сабы, за ними пасаргады, а рядом – таски³⁰³; (1070) [есть] и другие, которые населяют разные ча-

²⁹⁶ Актэанский Иллис – перифрастическое упоминание Афин (Актэй – легендарный царь Аттики, Иллис – река в Аттике), где Медея пыталась отравить Пандионида, т.е. Тесея, сына афинского царя Эгея, внука Пандиона (*Plut. Thes. 12; Apollod. I. 5–6*).

²⁹⁷ Миф о Мееде связан с мифом об аргонавах: после того как Ясон женился на Креусе, Медея нашла приют у афинского царя Эгея и родила ему сына Меда. После возвращения в Афины наследника Эгея, Тезея, Медея и ее сын Мед вынуждены были бежать. По одной из версий мифа, Мед в конце концов воцарился в Колхиде, впоследствии завоевав значительную часть Азии, и овладел страной, которая получила от его имени название Мидия (*Strabo. XI. 13. 10 C 526; Diod. IV. 56. 1*).

²⁹⁸ Каспийские Ворота (ущелье в горах Тавра), по мнению Эратосфена, служили границей между северной и южной частями Азии (*Eratosth. III A 23 Berger = Strabo. XI. 12. 5 C 522*, ср. *Eratosth. III B 20 Berger = Strabo. XV. 2. 8 C 723*).

²⁹⁹ Парфяне – население собственно Парфии и соседней Гиркании, области на юго-востоке Каспия (*Herod. III. 93; 117; VII. 66; Eratosth. III B 23 Berger = Strabo. XV. 2. 9 C 724*; ср. *Strabo. XIV. 5. 2 C 669*).

³⁰⁰ Имеется в виду победа римской армии под предводительством императора Траяна, одержанная в войне против Парфии (113–117 гг. н.э.) (ср. *SHA Vita Nadr. VI. 3*).

³⁰¹ Персы – первоначально, племенной союз, возглавляемый вождями из рода Ахеменидов и занимавший территорию, совпадавшую с современной иранской провинцией Фарс (*Herod. IV. 37; 40; Strabo. XV. 3. 1–24 C 727–736*). См. также Дандамаев М.А. Иран при первых Ахеменидах. М., 1963; Грантовский Э.А. Ранняя история племен Передней Азии. М., 1970.

³⁰² Меония (*Hom. II. II. 864–866; III. 401; XVIII. 291*), т.е. малоазийская Лидия (*Strabo. XIII. 4. 5 C 625*); в мае 547 гг. до н.э. город Сарды – резиденция лидийских царей – был разрушен персами и вошел в состав одной из сатрапий Ахеменидской державы (ср. *Strabo. XIII. 4. 8 C 627*).

³⁰³ Речь идет о делении древних персов на племенные союзы – сабы, пасаргады и таски (сабы и таски не идентифицируются); к пасаргадам принадлежал род Ахеменидов (*Herod. I. 125; Xen. Суг. I. 2*). См. Дандамаев. Иран... С. 104 сл. По мнению К. Бродерсена, здесь говорится о жителях трех персидских городов: Габы (на севере), Пасаргады (в центре) и Таоке (на побережье) (ср. *Strabo. XV. 3. 3 C 728*) (*Dionysios von Alexandria. Das Lied von der Welt / Zweisprachige Ausgabe hrsg. von K. Brodersen. Hildesheim–Zürich–New York, 1994. S. 140*).

сти Персидской земли. Множество рек, извиваясь то там, то здесь своими течениями, делают этот край плодородным. Отдельно течет великий Кор, отдельно – Хоасп, текущий из Индии мимо земли сусийцев³⁰⁴. (1075) На его берегах ты смог бы увидеть приятный на вид круглый агат – его приносят вниз холодные потоки горных рек. Здесь же постоянно зреют многочисленные плоды, радуясь нежному дуновению ветра.

(1080) Теперь я расскажу о сужающейся части (букв. «пути») азиатской земли на востоке: близка уже конечная граница материка. Итак, вдоль персидских волн Океана под восходящим солнцем обитают кармании, поделив землю вблизи Персии: (1085) одни – вдоль моря, другие – во внутренних областях. К востоку от них простирается земля гедросов, что соседствуют с изобилующим чудовищами Океаном³⁰⁵. На восток от них обитают южные скифы³⁰⁶ возле реки Инд, которая течет к Эритрейскому морю, (1090) шумно устремляя поток прямо на юг, а начало берет у обдуваемого ветрами Кавказа. У [Инда] два устья, и он протекает мимо острова, который местные жители называют Паталена³⁰⁷. Эта река разделяет многие народы³⁰⁸: (1095) к западу [живут] ориты, арибы, арахоты, носящие льняные одежды, сатраиды, а также те, кто обитает у кряжей Пар[о]паниса³⁰⁹ – [все они] именуются, обычно, общим именем «ариены» и населяют не слишком плодородную, но полную (1100) прекрасного песка и кустарника землю. Тем не менее условия этой земли пригодны для проживания, ибо она предоставляет им иное постоянное благо: повсюду там водится кроваво-красный коралл, а в глубинах скал повсюду добывают прекрасные куски золотистого и голубоватого сапфира – те, кто добывают этот камень, обеспечены средствами к существованию.

На восток [от них] простирается прекрасная земля индов – крайняя из всех [земель] у самой кромки Океана; ее освещает первыми лучами солнце, (1110) восходящее на благо богов и людей. Из-за этого у жителей той земли темная кожа и удивительно блестящие, выходящие прямо от висков, словно [лепестки] гиацинта, волосы³¹⁰, которые они густо смазывают. Одни из них занимаются добычей золота, (1115) копая песок кривыми мотыгами³¹¹; другие ткут льняные ткани³¹²; третьи полируют срезанные серебристые бивни слонов; а некоторые добывают на берегах горных потоков или сине-зеленый камень

³⁰⁴ Р. Кор (называемая также Кир) (совр. Пулвар/Кур) протекала около города Пасаргады (*Strabo*. XV. 3. 6 С 729); р. Хоасп (совр. Карун) – ее устье расположено в северной части Персидского залива (*Herod.* I. 188; *Strabo*. XV. 3. 4 С 728).

³⁰⁵ Кармании и гедросы населяли прибрежные области Персидского моря. О границах Кармании и ее соседстве с Гедросией см. *Eratosth.* F III B 23 Berger = *Strabo*. XV. 2. 9 С 724; ср. *Posid.* FHG III 275 M = *Athen.* II. 24. 45 f.; *Strabo*. XV. 2. 14 С 726 (о Кармании); *Strabo*. XV. 2. 3 С 721 (о Гедросии).

³⁰⁶ Южные скифы – кочевые племена индоскифов.

³⁰⁷ Паталена – остров в устье Инда с городом Патала (в районе совр. Хайдарабада) (*Eratosth.* F III B 12 Berger = *Strabo*. XV. 1. 13 С 690; *Strabo*. XV. 1. 32 С 700; *Philostr.* Vita Apoll. III. 53).

³⁰⁸ Здесь Дионисий перечисляет племена Арианы: ориты и арибы (арбии) (жившие на побережье Персидского моря) (ср. *Eratosth.* F III B 22 Berger = *Strabo*. XV. 2. 1 С 720), арахоты (обитавшие во внутренних областях по течению Инда), сатраиды (ср. *Rav. Anon.* II. 4. 1) и паропамисады (перифрастически названные Перизгетом народом «у кряжей Паропаниса») (*Eratosth.* F III B 23 Berger = *Strabo*. XV. 2. 9 С 724; *Mela.* I. 13; *Plin. nat. hist.* VI. 92).

³⁰⁹ Гора Паропанис (совр. Гиндукуш) разделяла Бактрию и Индию и считалась в античности частью Тавра (*Eratosth.* F III B 20 Berger = *Strabo*. XV. 2. 8 С 723; ср. *Strabo*. XV. 2. 10 С 725; *Mela.* I. 81; *Plin. nat. hist.* VI. 48).

³¹⁰ Здесь Дионисий использует гомеровское сравнение выходящих волос индов с цветками гиацинта (*Hom. Od.* VI. 231); Евстафий добавляет, что сравнение с гиацинтом указывает также на черный цвет волос, поскольку «гиацинт – черный цветок» (*Eust. ad Dion. Per.* 1107). Ср.: «Что касается населения, то южные индийцы по цвету кожи похожи на эфиопов, а по чертам лица и волосам – на прочих людей (ведь из-за влажности воздуха волосы у них не курчавые), тогда как северные – на египтян» (*Eratosth.* F III B 12 Berger = *Strabo*. XV. 1. 13 С 690; пер. Г.А. Стратановского). См. также *Eratosth.* F III B 15 Berger = *Arr. Ind.* VI. 5; *Eratosth.* F III B 16 Berger = *Eust. ad Dion. Per.* 1107.

³¹¹ В отличие от Страбона, который использует литературный тоpos о муравьях, добывающих в Индии золото (*Strabo*. XV. 1. 44 С 706; ср. *Herod.* III. 102 sqq.; *Mela.* III. 62; *Arr. Ind.* 15. 4), Дионисий здесь дает вполне реалистическое описание.

³¹² Ср. *Strabo*. XV. 1. 71 С 719; *Mela.* III. 63.

берилл, или сверкающий адамант, (1120) или зеленоватую прозрачную яшму, или синеватый камень чистого топаза, или прекрасный аметист мягкого пурпурного цвета. Сама земля благоприятствует здесь процветанию людей, орошаемая повсюду неиссякаемыми реками. (1125) Луга здесь также постоянно покрыты богатой растительностью: в одном месте произрастает просо³¹³, а в другом растут целые заросли эритрейского тростника³¹⁴.

Теперь будь внимателен: я обрисую тебе очертания, реки, обдуваемые ветрами горы и народы этой земли. (1130) По виду она напоминает фигуру ромба с четырьмя скошенными сторонами: с запада ее ограничивает своими водами Инд, на юге – Эритрейское море, Ганг – на востоке, [Индийский] Кавказ – на севере³¹⁵. (1135) Многие процветающие народы населяют эту землю, живя не под одним именем, но раздельно: близ бесконечного Инда – там, где судоходный Гидасп принимает низвергающийся с гор Акесин, [живут] дарданы; (1140) третьей [рекой] за ними следует сребриstopучинный Кофен³¹⁶. Между этими [реками] проживают сабы и токсилы, рядом – скодры; за ними следуют многочисленные племена певкалеев; за ними обитают гаргариды³¹⁷, почитатели Диониса – там, где несет славный золотой песок (1145) Гипанис и [течет] божественный Магарс³¹⁸, самые бурные из [всех] рек; беря истоки с горы Эмод³¹⁹, они стекают к долине Ганга³²⁰, доходя на юге вплоть до границ Коли[адской земли]³²¹. Она же (sc. Коли[адская земля]) тянется к глубокопучинному Океану, (1150) обрывистая и недоступная [даже] для быстрых птиц; поэтому жители называют ее «Аорн»³²².

Близ прекрасно текущего Ганга есть удивительное место – почитаемое и священное: туда некогда ступил разгневанный Вакх, мягкие (1155) олени шкуры вакханок превра-

³¹³ Ср. *Eratosth.* F III B 12 Berger = *Strabo.* XV. 1. 13 C 690.

³¹⁴ См. *Strabo.* XV. 1. 20 C 694 (где говорится о сахарном тростнике со ссылкой на Непарха). По словам Евстафия, эритрейским тростник назван оттого, что растет в граничащих с Эритрейским морем областях Индии (*Eust. ad Dion. Per.* 1107).

³¹⁵ Схожим образом Эратосфен пишет о границах Индии и о том, что «Индия – [по очертаниям] ромбовидна» (ρομβοειδής) (*Eratosth.* F III B 6 Berger = *Strabo.* XV. 1. 11 C 689, см. также *Eratosth.* F III B 5 Berger = *Strabo.* II. 1. 22 C 78; *Arr. Ind.* 2. 1–4). Об Индийском Кавказе см. *Strabo.* XI. 8. 1 C 511, см. также Пьянков. Средняя Азия... С. 42–44.

³¹⁶ По словам Страбона, «у Инда по крайней мере 15 значительных притоков» (*Strabo.* XV. 1. 32 C 700), а по сообщению Плиния Старшего – девятнадцать (*Plin. nat. hist.* VI. 71). Р. Гидасп (совр. Джелам) – на ее левом берегу в 326 г. до н.э. произошло сражение Александра Македонского с армией индийского царя Пора (*Strabo.* XV. 1. 29 C 698); по сведениям Перизгета, р. Акесин (совр. Чинаб) – приток Гидаспа, по свидетельству же Арриана, напротив, Гидасп является притоком Акесина (*Arr. Ind.* 18, 11; ср. *Plin. nat. hist.* VI. 71); р. Кофен (совр. Кабул) – западный приток Инда (*Strabo.* XV. 1. 26 C 697). Те же реки – Кофен, Акесин и Гидасп – упомянуты Мелой как самые крупные притоки Инда (*Mela.* III. 69).

³¹⁷ Дионисий перечисляет горные племена в северо-западной части Индии: дарданы (*Solin.* 43, 16 sq., 63, 6; возможно, дарды древнеиндийских источников, см. Вигасин А.А. Карта Индии в «Естественной истории» Плиния Старшего // ВДИ. 1999. № 1. С. 22, 31); сабы, возможно, сибы, локализуемые Страбоном у истоков Инда (*Diod.* XVII. 96; *Strabo.* XV. 1. 8 C 688; *Arr. Ind.* V. 12); токсилы (таксилы) – население Таксилы, города и области между Индом и Гидаспом (*Strabo.* XV. 1. 28 C 698; *Plin. nat. hist.* VI. 78); Плиний Старший упоминает рядом племена таксильев, сондров и певколитов (возможно, это токсилы, скодры и певкалеи Дионисия) (*Plin. nat. hist.* VI. 78; ср. *Ptol. Geogr.* VI. 11. 6 – Σκόρδοι среди племен Бактрианы); Страбон сообщает о городе Певколайтида (санскр. Пушкалавати) в верховьях Инда (*Strabo.* XV. 1. 27 C 698); гаргариды, возможно, искаженная передача имени жителей Гандариды, области в Северо-Западной Индии (*Strabo.* XV. 1. 30 C 699), ср. племя андаров у Плиния (*Plin. nat. hist.* VI. 67; ср. *Solin.* 184, 93 sq.).

³¹⁸ В отличие от сведений Страбона Дионисий не считает Гипанис притоком Инда (ср. *Strabo.* XV. 1. 32 C 700 и др.), Мела также не упоминает Гипанис среди притоков Инда (ср. *Mela.* III. 69); р. Магарс – предположительно, санскр. Маханади-Магон Арриана – *Arr. Ind.* 4. 4.

³¹⁹ Гора Эмод – здесь как часть Индийского Кавказа (*Eratosth.* F III B 6 Berger = *Strabo.* XV. 1. 11 C 689).

³²⁰ Ганг – крупнейшая река Индии (по Страбону – и всей ойкумены: *Strabo.* XV. 1. 35 C 702; ср. *Arr. Ind.* 4. 2).

³²¹ Коли[адская земля] – южная оконечность Индии (ср. ст. 595).

³²² Аорн, т.е. «Бесптичья» гора (ср. *Strabo.* XV. 1. 8 C 688; *Philost.* Vit. Apoll. II. 10).

тились в щиты, тирс внезапно оказался железным, а пояса и завитки лозы – в извивающихся змей, когда в своем безумии люди пренебрегли праздником этого бога. Поэтому они назвали это место Нисейской тропой (1160) и с тех пор постоянно совершают вместе с детьми священнодействия по правилам³²³. А сам [Вакх], одолев племена темных индов, поднялся на гору Эмод, и у ее подножья показалось могучее течение Восточного Океана. Там, на краю земли он поставил два Столпа (=Дионисовы) (1165) и, торжествуя, вернулся к великому течению Исмена³²⁴.

Столь много удивительных народов обитают на земле; [помимо них] бесконечное количество других [племен и народов] блуждает по материкам – едва ли кто из смертных смог бы четко описать их: лишь богам все под силу. (1170) Ведь они первыми заложили основы [мира]³²⁵ и указали глубокий путь бескрайнего моря; они назначили раз и навсегда все необходимое для жизни [людей], отделив звезды, определив каждому свою часть моря и обширного материка. (1175) Поэтому каждая [земля] имеет разнообразную природу: одна создана яркой и ослепительно белой, другая – более темной, третья же объединяет в себе первые две; та подобна цвету ассирийской охры, другие же [окрашены] иначе³²⁶; такова воля великого Зевса. (1180) Так и для людей он (sc. Зевс) все создал неодинаковым.

Прощайте же, материки и острова в глубоком море, и вы, воды Океана и священные морские течения, реки, источники и покрытые лесами горы. Итак, вкратце я коснулся всех морей (1185) и извилистых очертаний [всех] материков; да вознаградят меня по достоинству блаженные боги за мои песни.

³²³ Античной нарративной традиции известны несколько Нис: во Фракии (*Hom.* II. VI. 133), в Эфиопии (*Herod.* II. 146), в Индии (*Strabo.* XV. 1. 8 С 687; *Arr. Ind.* I. 5; *Ptol. Geogr.* VII. 1. 44) и др. По словам Страбона, индийский город Ниса находился под горой Мерос («Бедро») (*Strabo.* XV. 1. 8 С 687), которая по греческим представлениям связана с циклом мифов о Дионисе (ср. прим. 200), а в индийской мифологии гора Меру представляла собой центр мироздания.

³²⁴ Исмен – река в Беотии (ст. 393) около Фив, на легендарной родине Диониса (ср. ст. 623).

³²⁵ Дионисий использует здесь гомеризм (*Hom. Od.* V. 249: «вбили планки в основы»; пер. В.А. Жуковского). Ср. *Plato. Tim.* 32 с 5.

³²⁶ Судя по отдельным замечаниям Дионисия, разбросанным в его поэме, Перизетет знал о теории «климатических» зон и был знаком с методами математической географии (включая астрономические наблюдения). Так и в эпилоге, подчеркивая многообразие единого замысла Зевса, Дионисий упоминает о разнообразной окраске отдельных местностей, ассоциируемых с «климатическими» поясами. См. *Abel. Zone* I. Sp. 989–1188.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГСП	– Античные города Северного Причерноморья
АСГЭ	– Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ДБ	– Древности Боспора. Москва
ДП	– Древнее Причерноморье
ИАК	– Известия Археологической комиссии
ИРАИМК	– Известия Российской академии истории материальной культуры
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии АН СССР (РАН)
КСИИМК	– Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
КС ОАО	– Краткие сообщения Одесского археологического общества
МАР	– Материалы по археологии России
МАСП	– Материалы по археологии Северного Причерноморья
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР. Москва
МНМ	– Мифы народов мира. Т. I–II. Москва, 1982
ОАК	– Отчет Археологической комиссии
ПИФК	– Проблемы истории, филологии, культуры. Москва–Магнитогорск
РА	– Российская археология. Москва
СА	– Советская археология. Москва
САИ	– Свод археологических источников. Москва
ХКААМ	– Художественная культура и археология античного мира
ACSS	– Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. An International Journal of Comparative Studies in History and Archaeology. Leiden
AJA	– American Journal of Archaeology. New York
AGDS	– Antike Gemmen in Deutschland Sammlungen. Berlin–München
Ann. du... CAIHV	– Annales du ...Congrès de l'Association Internationale pour l'Histoire du Verre. Liege
BCH	– Bulletin de correspondance hellénique. Paris
BIDR	– Bulletino dell'Istituto di Diritto Romano. Roma
BSOAS	– Bulletin of the School of Oriental and African Studies. London
CIH	– Corpus inscriptionum Semiticarum ab Academia Inscriptionum et litterarum humanorum conditum atque digestum. Pars quarta. Inscriptiones himyariticas et sabæas continens. Paris
CGC	– Catalogue of Greek Coins
CRAI	– Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. Comptes-Rendus des séances de l'année. Paris
CVA	– Corpus Vasorum Antiquorum
DAE	– <i>Littmann E.</i> Deutsche Axum-Expedition. Bd 4. Sabäische, griechische und altabissinische Inschriften. Berlin, 1913
GJ	– The Geographical Journal. London
Iura	– Iura. Rivista internazionale di diritto romano e antico. Napoli
JA	– Journal asiatique. Paris
JdI	– Jahrbuch der Indogermanistik. Wien
JdS	– Journal des Savants. Paris
JHS	– Journal of Hellenic Studies. London
JGS	– Journal of Glass Studies

Labeo	– <i>Labeo</i> . Rassegna di diritto romano. Napoli
MRDTB	– <i>Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko</i> . Tokyo
NZ	– <i>Numismatische Zeitschrift</i> . Wien
OGIS	– <i>Orientis Graecae inscriptiones selectae</i> . I–II / Ed. G. Dittenberger. Lipsiae (Leipzig), 1903–1905
PP	– <i>La Parola del Passato</i> . Rivista di studi antichi. Napoli
PSAS	– <i>Proceedings of the Seminar for Arabian Studies</i> . London
RA	– <i>Revista de Arqueología</i> . Madrid
RE	– <i>Pauly A., Wissowa G., Kroll W.</i> Realencyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft. Stuttgart, 1910
RIE	– <i>Bernard E., Drewes A.J., Schneider R.</i> Recueil des inscriptions de l’Ethiopie des périodes pré-axoumite et axoumite. T. 1. Les documents. Paris, 2000
RSE	– <i>Rivista degli Studi Etipoici</i> . Roma
RSO	– <i>Rivista degli Studi Orientali</i> . Roma
SAA	– <i>South Asian Archaeology</i>
SDHI	– <i>Studia et documenta historiae et iuris</i> . Roma
SP I	– <i>Studia Pontica</i> . Brussels
WBR	– <i>Waddington W., Babelon E., Reinach T.</i> Recueil général des monnaies grecques d’Asie Mineure. Paris, 1925
ZDMG	– <i>Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft</i> . Wiesbaden
ZSS RA	– <i>Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte, romanistische Abteilung</i> . Weimar

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Корниенко Т.В.</i> (Воронеж) – Культовое строительство Южной Месопотамии в убейдский период (<i>По материалам Эреду и Урука</i>)	3
<i>Шувалов В.В.</i> (Гатчина) – Морская программа Фемистокла	24
<i>Сильвестрова Е.В.</i> (Москва) – Императорский рескрипт в кодексе Феодосия и кодексе Юстиниана	43

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Абрамзон М.Г.</i> (Магнитогорск), <i>Фролова Н.А.</i> (Москва) – Римские золотые монеты из собрания Государственного исторического музея (Часть II)	53
--	----

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Международный «круглый стол»

«Боспорское царство: актуальные проблемы истории, археологии, культуры»

<i>Сапрыкин С.Ю.</i> (Москва) – Новая Митридатовская катойкия на Боспоре	79
--	----

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>Засецкая И.П.</i> (Санкт-Петербург) – О новом исследовании по проблемам полихромного звериного стиля	97
<i>Островецков А.С.</i> (Ильичевск) – Античная стеклянная глиптика на юге Восточной Европы (VI–II вв. до н.э.)	131

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ: НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

<i>Сарианиди В.И.</i> (Афины) – Царский некрополь на Северном Гопуре	155
--	-----

PERSONALIA

К 85-летию Владимира Григорьевича Боруховича	193
--	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Маринович Л.П.</i> (Москва) – Э.Д. Фролов. Парадоксы истории – парадоксы античности. СПб., 2004	195
<i>Дандамаев М.А.</i> (Санкт-Петербург) – D.B. Weisberg. Neo-Babylonian Texts in the Oriental Institute Collection (Oriental Institute Publications, vol. 122). Chicago, 2003	202
<i>Мкртычев Т.К.</i> (Москва) – Boris A. Litvinskij, Tamara I. Zeimal'. The Buddhist Monastery of Ajina Tepa, Tadjikistan. History and Art of Buddhism in Central Asia // ISIAO-Rome, 2004	204
<i>Виноградов Ю.А.</i> (Санкт-Петербург) – H. Hoffmann. Sotades. Symbols of Immortality on Greek Vases. Oxf., 1997	213

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Зинько В.Н.</i> (Керчь) – Международная конференция «Шестые Боспорские чтения» (г. Керчь, 20–24 мая 2005 г.)	221
<i>Кулишова О.В., Фролов Э.Д.</i> (Санкт-Петербург) – Седьмые Жебелёвские чтения в Санкт-Петербургском государственном университете (26–28 октября 2005 г.)	224

Памяти Аллы Ивановны Еланской (1926–2005)	232
---	-----

ПРИЛОЖЕНИЕ

Дионисий Александрийский (Перизет). Описание ойкумены. Вступительная статья, перевод с древнегреческого и комментарии Е.В. Илюшечкиной (Москва) (окончание)	234
---	-----

CONTENTS

T.V. Kornienko (Voronezh) – Cult Architecture of South Mesopotamia of the Ubaid Time (<i>On the Material of Eridu and Uruk</i>)	3
V.V. Shuvalov (Gatchina) – Themistocles' Naval Bill	24
Ye.V. Silvestrova (Moscow) – Imperial Rescripts in the Theodosian and Justinian Codes	43

PUBLICATIONS

M.G. Abramzon (Magnitogorsk), N.A. Frolova (Moscow) – Roman Gold Coins from the State Historical Museum (Part II)	53
---	----

DISCUSSION

International Round Table

«Bosporan Kingdom: Actual Problems of History, Archaeology and Culture»

S.Yu. Saprykin (Moscow) – New Mithridatic Katoikia at Bosporus	79
--	----

REPORTS AND COMMUNICATIONS

I.P. Zasetskaya (St.-Petersburg) – About a New Study on the Problems of Polychrome Animal Style	97
A.S. Ostroverkhov (Il'ichevsk) – Ancient Glass Glyptics in South-Eastern Europe (4th–2th cc. BC)	131

ANCIENT CIVILIZATIONS: NEW DISCOVERIES

V.I. Sarianidi (Athens) – Royal Necropolis in North Gonur	155
---	-----

PERSONALIA

The 85th Anniversary of Vladimir Grigor'evich Borukhovich	193
---	-----

CRITICAL AND BIBLIOGRAPHICAL SURVEYS

L.P. Marinovich (Moscow) – E.D. Frolov. <i>Paradoksy istorii – paradoksy antichnosti</i> . SPb., 2004	195
M.A. Dandamayev (St.-Petersburg) – D.B. Weisberg. <i>Neo-Babylonian Texts in the Oriental Institute Collection</i> (Oriental Institute Publications, vol. 122). Chicago, 2003	202
T.K. Mkrtychev (Moscow) – Boris A. Litvinskij, Tamara I. Zeimal'. <i>The Buddhist Monastery of Ajina Tepa, Tadjikistan. History and Art of Buddhism in Central Asia</i> // IsIAO-Rome, 2004	204
	255

<i>Yu.A. Vinogradov</i> (St.-Petersburg) – <i>H. Hoffman</i> n. Sotades. Symbols of Immortality on Greek Vases. Oxf., 1997.....	213
---	-----

SCIENTIFIC EVENTS

<i>V.N. Zin'ko</i> (Kerch) – The 6th International Bosporan Conference (Kerch, 20–24 May 2005).....	221
<i>O.V. Kulishova, E.D. Frolov</i> (St.-Petersburg) – The 7th Zhebelev Conference (St. Petersburg, 26–28 October 2005)	224
<i>Alla Ivanovna Elanskaya</i> (1926–2005). In Memoriam	232

SUPPLEMENT

<i>Dionysius of Alexandria</i> (Periegetes). Description of the Inhabited Earth. Introduction, Translation and Commentary by <i>Ye.V. Ilyushechkina</i> (Moscow) (<i>The End</i>).....	234
--	-----

Сдано в набор 09.02.2006 Подписано к печати 10.04.2006 Формат бумаги 70×100¹/₁₆
Печать офсетная Усл. печ. л. 20,8 + 4 вкл. Усл.кр.-отт. 17,2 тыс. Уч.изд.л. 24,0 Бум.л. 8,0
Тираж 819 экз. Зак. 1318

Свидетельство о регистрации № 01101070 от 4 февраля 1993 г.
в Министерстве печати и информации Российской Федерации
Учредители: Российская академия наук, Институт всеобщей истории РАН

И з д а т е л ь – Научно-производственное объединение «Издательство “Наука”», ...
117997 Москва, Профсоюзная, 90
Адрес редакции: 117334, Москва, Ленинский проспект, 32А
Институт всеобщей истории РАН. Тел. 938-56-28; 938-19-12
Оригинал-макет подготовлен МАИК “Наука/Интерпериодика”
Отпечатано в ППП «Типография “Наука”», 121099 Москва, Шубинский пер., 6